

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ

Электронный научный журнал

Главный редактор – Рыбакова Татьяна Игоревна, заместитель главного редактора – Незнамова Юлия Николаевна.

Редакционная коллегия: Гаевская Екатерина Юрьевна, доцент кафедры земельного и экологического права, кандидат юридических наук; Глазырин Валерий Алексеевич – доцент кафедры философии и социологии, доктор социологических наук; Гончаров Максим Владимирович – доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук; Григорьев Иван Владимирович – доцент кафедры трудового права, кандидат юридических наук; Дикусар Яна Сергеевна – доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук; Новикова Наталья Александровна – доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук; Сергеев Андрей Михайлович – доцент кафедры предпринимательского права, кандидат экономических наук; Файзрахманов Рафаил Андреевич – доцент кафедры теории государства и права; Шамсумова Эмма Файсаловна – доцент кафедры истории государства и права, кандидат юридических наук; Шерпаев Владимир Иванович – профессор кафедры теории государства и права, доктор политологических наук.

Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. с. 581.

**Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-75805
ISSN: 2687-007X**

Адрес редакции:

ул. Колмогорова, д. 54, каб. 117А, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620034

Е-mail: iustitia.quastio@gmail.com

Тел. / факс: +7 (343) 367-40-91

Учредитель:

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

ул. Комсомольская, д. 21, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620137

Тел. / факс: +7 (343) 374-43-63.

Е-mail: rektorat@usla.ru

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в журнале «Вопросы российской юстиции», допускается только с разрешения редакции.

© Вопросы российской юстиции, 2024

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ
ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Лященко Александр Юрьевич. **МЕТОД И ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
КАК КРИТЕРИИ ДЕЛЕНИЯ ПРАВА НА ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ** 8

Руф Владислав Сергеевич. **К ВОПРОСУ О РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОБЕЛОВ В
ПРАВЕ** 18

Сафиуллин Ильдар Фаилович. **ЛИЧНЫЙ БРЕНД ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ**
..... 24

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

Ревва Сергей Юрьевич. **НАЗНАЧАЕМОСТЬ ИЛИ ИЗБИРАЕМОСТЬ СУДЕЙ: КАКОЙ
МЕХАНИЗМ ЭФФЕКТИВНЕЕ** 33

Спиридонов Кирилл Валерьевич. **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАДРАМИ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ** 40

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ
ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО, КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

Алпатов Максим Александрович. **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДИРЕКТОРА ПЕРЕД
КОРПОРАЦИЕЙ В СЛУЧАЕ ОДОБРЕНИЯ ЕГО ДЕЙСТВИЙ АКЦИОНЕРАМИ** 52

Базазян Елена Андреевна. **О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНСТИТУТА ЦИФРОВЫХ
ПРАВ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА** 67

Быстрова Диана Игоревна. **ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ
СПОРОВ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ АУДИТОРСКИХ УСЛУГ** 76

Зуева Анастасия Сергеевна. **ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ОБ ОТЧУЖДЕНИИ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ** 83

Иванов Егор Андреевич. **ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ И
НЕФТЕГАЗОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ**
..... 91

Коада Анастасия Евгеньевна. **К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ
ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ БАНКРОТА-ЗАЛОГОДАТЕЛЯ** 101

Котовой Алексей Сергеевич. ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА.....	107
Кусакин Александр Андреевич. РЕКЛАМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	114
Кушнарев Александр Сергеевич. ПРИОБРЕТЕНИЕ КРУПНЫХ ПАКЕТОВ АКЦИЙ КАК СПОСОБ УСТАНОВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ.....	124
Манько Ольга Владимировна, Бектемирова Дина Саиновна. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ».....	130
Милашова Екатерина Андреевна. ЮРИДИЧЕСКАЯ СУДЬБА ОБНАРУЖЕННЫХ АКТИВОВ ЛИКВИДИРОВАННОЙ КОМПАНИИ.....	137
Нагимов Марсель Владиславович. РЕНОВАЦИЯ ЖИЛЬЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ.....	154
Попов Давыд Александрович. ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО ПОВОДУ ИМУЩЕСТВА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНДОМИНИУМАХ.....	168
Потопальский Сергей Степанович, Бесельман Илона Владимировна. СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМАТИКА БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	182
Руф Владислав Сергеевич, Вострикова Анастасия Михайловна. «ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ»: ТЕХНОЛОГИИ, БИЗНЕС И ПРАВО.....	196
Сариев Георгий Спартакович. К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ДОГОВОРА ПОДРЯДА.....	204
Хаустова Юлия Юрьевна. ОСОБЕННОСТИ РЕГИСТРАЦИИ НЕТРАДИЦИОННЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ.....	215
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	
Крылосов Георгий Александрович, Гитенко Анна Михайловна. КВАЛИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО С ДИСТАНЦИОННЫМ СОТРУДНИКОМ ЗА ГРАНИЦЕЙ.....	224
ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	

Белопловтов Антон Олегович. РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	233
Курячая Юлия Дмитриевна Малолеткова Екатерина Александровна. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТРАСЛИ ЭКОЛОГИИ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	248
Лапин Сергей Сергеевич. СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ОРГАНИЗАЦИИ СБЫТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ.....	256
Матчонова Оксана Алишеровна, Федотов Владислав Александрович. ПРИНЦИП УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЕГО РОЛЬ В ЭКОЛОГО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ.....	268
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА	
Бабичев Данил Динарович. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЦИФРОВОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	275
Брюханова Алёна Дмитриевна. МОШЕННИЧЕСТВО АДВОКАТОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ).....	280
Буртаева Екатерина Сергеевна, Вазирова Раисат Магомедсаидовна. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 230.1 И 230.2 УК РФ.....	294
Верещагина Марина Сергеевна. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	301
Галстян Данил Артурович. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТИЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ КАК ОДНОГО ИЗ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	309
Заозёрва Анастасия Михайловна. СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	318
Кудник Елизавета Алексеевна. РОЛЬ АДВОКАТА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	331

Лебедева Анастасия Алексеевна, Скоморохова Маргарита Сергеевна. ТЕНДЕНЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	338
Махмутова Альбина Зуфаровна. ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА: АНАЛИЗ УГРОЗЫ И ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ	346
Незнамова Юлия Николаевна, Рыбакова Татьяна Игоревна. ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	355
Нисковских Ярослав Дмитриевич. ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО - ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ	361
Панарин Артем Сергеевич. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТГРАНИЧЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА ОТ ПРИНУЖДЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ СДЕЛКИ ИЛИ К ОТКАЗУ ОТ ЕЕ СОВЕРШЕНИЯ	367
Рыбакова Татьяна Игоревна. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТАТЬЕ 245 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ	379
Скоморохова Маргарита Сергеевна. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	387
Ушаков Степан Иванович. СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	394
Фам За Хюи. УСТАНОВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ ВЬЕТНАМА 2015	402
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	
Грошев Семен Александрович. ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОАКТИВОВ В ЕС В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ РЕГЛАМЕНТА МІСА	416
Мецлер Валерия Эдуардовна. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ..	431
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	
Дрюпина Владислава Борисовна. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	438

Кашапов Вадим Ринатович. **ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ** 447

**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Вострикова Анастасия Михайловна. **ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В
СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**
..... 454

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

Багаев Максим Эдуардович, Бегишев Георгий Сергеевич. **ИМУЩЕСТВЕННАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ** 461

Бесельман Илона Владимировна. **НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В
АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**..... 471

Мецлер Валерия Эдуардовна, Кушнарев Александр Сергеевич. **ПЕРСПЕКТИВЫ
ВНЕДРЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ В ГРАЖДАНСКОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО** 484

Пестова Ксения Алексеевна. **ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА** 490

Сариев Георгий Спартакович, Табак Ирина Александровна. **СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ГРУППЫ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ** ... 500

Старшинова Ксения Ярославовна. **НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ
КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ** 508

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Долганин Сергей Петрович. **НАСЛЕДОВАНИЕ ПРАВА НА ВОЗВРАТ ИЗЛИШНЕ
УПЛАЧЕННЫХ СУММ НАЛОГА** 520

Закарян Лиана Игоревна. **УТОЧНЕННАЯ НАЛОГОВАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ КАК
САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ КАМЕРАЛЬНОЙ
НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ**..... 529

Кряжевских Ксения Александровна. **«ПОДЗАКОННОСТЬ» ФИНАНСОВОГО ПРАВА: РОЛЬ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ В ФИНАНСОВО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ**..... 540

Пономарева Дария Андреевна. **СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВОМЕРНОСТЬ УМЕНЬШЕНИЯ ЦЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРАКТА НА СУММУ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ ПОД ВЗГЛЯДОМ РАЗНЫХ ИНСТАНЦИЙ** 547

Попов Георгий Денисович. **ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 54.1 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ ПИСЬМА ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ ОТ 10.03.2021 ГОДА**..... 560

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Фам Ньы Хан. **О ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ ВО ВЬЕТНАМЕ** 571

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
УДК 340.112**

Лященко Александр Юрьевич
Российский государственный университет правосудия
Факультет подготовки специалистов для судебной системы
(юридический факультет)
Россия, Москва

lyashchenko.alexander.27032004@yandex.ru

Lyashchenko Alexander
Russian State University of Justice
Faculty of Training specialists for the judicial system
(Faculty of Law)
Russia, Moscow

**МЕТОД И ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК
КРИТЕРИИ ДЕЛЕНИЯ ПРАВА НА ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ**

Аннотация: в настоящей статье представлен анализ таких критериев деления права на подсистемы (частное и публичное право) и различные отрасли, как метод и предмет правового регулирования. Делается вывод об объективной исторической обусловленности деления права согласно данным критериям, исходя из которой первое деление права производилось по методу, второе (и последнее) – по предмету.

Ключевые слова: право, регулирование правоотношений, деление права, метод правового регулирования, предмет правового регулирования, историческая обусловленность деления права.

METHOD AND SUBJECT OF LEGAL REGULATION AS CRITERIA FOR DIVISION OF LAW INTO PRIVATE AND PUBLIC LAW

Annotation: this article presents an analysis of such criteria for dividing law into subsystems (private and public law) and various branches, as a method and subject of legal regulation. The conclusion is made about the objective historical conditionality of the division of law according to these criteria, based on which the first division of law was carried out by method, the second (and last) by subject.

Key words: law, regulation of legal relations, division of law, method of legal regulation, subject of legal regulation, historical conditionality of the division of law.

«Право объективируется прежде всего в его принципах и нормах, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве» [1, с. 17], - такое определение праву даёт проф. В. В. Ершов. Таким образом, право есть некий массив принципов и норм, нечто целое, но разделённое на части.

Возможность правильного правового и индивидуального регулирования правоотношений как на стадии правотворчества, так и на стадии правоприменения не может не быть связана с упорядоченностью перечисленных компонентов права и их логической связью. Данная характеристика права отражает такое его свойство как «системность». Как пишет проф. С. В. Бошно, «Построение системы права является реакцией на развитие и усложнение права» [2, с. 16]. Действительно, в архаических культурах мы не найдём сложных норм, правовых актов, оформленных по специальной юридической технике; формирование права носило казуистический характер, отражало конкретные потребности общества в запрете, дозволении или обязывании при регулировании жизни общества [3]. Вообще, «система права – юридическая конструкция, отражающая строение права и характеризующая его как взаимосвязанную, согласованную совокупность объективно существующих элементов...» [4, с.

194]. Это свойство права в настоящее время (время, когда правоотношения стали не просто разнообразными, но и сложными по регулированию) является неотъемлемым в силу того, что при регулировании правоотношений (в частности, индивидуальном), неизбежно возникает необходимость отбора из всего «массива» принципов и норм права подходящих к конкретному юридическому случаю. Следовательно, для практической реализации оно нуждается в упорядоченности. Применительно к данному тезису весьма точно выразился А. Б. Венгеров: «В правоприменительном процессе учёт системности права означает возможность найти и применить наиболее точную норму для решения гражданско-правового спора, рассмотрения уголовного дела. Эти нормы находятся в систематизированном состоянии, помещены в определённые структурные подразделения права (отрасли, подотрасли, правовые институты), что и позволяет их отыскивать, реализовывать, словом, приводить в действие» [5, с. 374]. Другие учёные также приходят к выводу о неотъемлемости признака системности у права в процессе выполнения им основной функции - регулятивной: «...эффективное осуществление этой функциональной задачи, столь важной для устойчивости общественного развития, возможно лишь при условии их системности» [6, с. 416]; проф. Л. А. Морозова, говоря о признаках права, выделила следующие: системность, объективность, обусловленность социальными факторами и динамичность [7, с. 257]. Данные позиции приводят к выводу, что при отсутствии системности возникали бы ошибки в правильности применения тех или иных регуляторов, ведь они все получились бы «разбросанными» в хаотичном порядке, что затруднило бы их отбор и толкование как целого, а следовательно, повлекло бы отсутствие упорядоченных правоотношений как конечного результата регулирования.

Итак, мы пришли к заключению об объективной необходимости упорядочения правовых регуляторов с целью их верного и эффективного применения на практике. Однако нельзя не отметить, что проблема системности

права и далее критериев его расчленения тесно связана и с общемировыми тенденциями. Как указывает И. А. Умнова-Конюхова «Современный этап развития права характеризуется расширением масштабов правового регулирования, развитием тенденций, обозначенных в двух прошлых столетиях, с одной стороны, и существенными изменениями его содержания, трансформацией и сменой приоритетов правового регулирования – с другой» [8, с. 108]. Таким образом, изучение данной темы будет способствовать реальному пониманию внутреннего устройства права, а значит, позволит осуществлять эффективное правовое регулирование.

Далее рассмотрим, как происходит деление права на подсистемы и отрасли с точки зрения логики. В формальной логике делением понятия (рассматриваем право как теоретическую категорию) называется «логическая операция, в результате которой объём рассматриваемого понятия распределяется между рядом подмножеств с помощью избранного основания» [9, с. 43]. В общей теории права до сих пор не сложилось прочно устоявшегося подхода к определению критериев деления права. Многие учёные сходятся во мнении, что «в современной науке общепризнанным, по сути аксиоматичным является положение о том, что главными критериями обособления отраслей внутри системы права выступают предмет и метод правового регулирования» [10, с. 211]. Однако проф. И. А. Умнова-Конюхова пишет, что «обобщая разные точки зрения, можно констатировать, что вместе с устоявшимися критериями идентификации отрасли права (предмет и метод правового регулирования, наличие кодифицированного или специального источника отрасли права) предлагаются новые идентификаторы – высокая значимость регулируемых отношений и интенсивное развитие соответствующей отрасли законодательства» [8, с. 115]. Поэтому, можно говорить, что дискуссия продолжается. В настоящем исследовании постараемся рассмотреть деление права на структурные части на основании метода и предмета правового

регулирования, поскольку бесспорно, что на данном этапе развития юридической науки и практики «...предмет и метод правового регулирования позволяют не только разграничить юридические отрасли внутри системы права, но и объединить их там в определенные «семьи» (подсистемы)» [10, с. 211], т.е. являются наиболее определёнными критериями. Проф. М. Н. Марченко указывает, что «предмет правового регулирования представляет собой совокупность качественно однородных общественных отношений, которые регулируются нормами, относящимися к той или иной отрасли права» [11, с. 597], а «под методом правового регулирования понимается способ воздействия норм права на те или иные общественные отношения, на поведение людей» [11, с. 598].

На наш взгляд, во-первых, всё право делится на свои структурные части (отрасли, подотрасли и др.) не одновременно по этим двум критериям, а поэтапно, последовательно. Во-вторых, по-нашему мнению, первое деление права производится именно по методу правового регулирования правоотношений, а далее, второе деление, - по предмету. Данный вывод можно подтвердить теоретическими выводами и историческими тенденциями развития правовых актов, что далее мы также рассмотрим на примере российского права в его историческом аспекте.

Итак, первое деление права исторически производилось по методу. Данный факт мы связываем с возникновением такой политико-правовой формы организации жизни людей, как государство. Ф. Энгельс писал о нём в контексте образования различных классов общества: «...сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, всё более и более отчуждающая себя от него, есть государство» [12, с. 176]. Государство призвано было, согласно материалистической теории его происхождения, умирять порывы различных социальных классов, а,

следовательно, устанавливать в первую очередь такие принципы и нормы права, которые имели бы значение для всего общества и организации его нормальной жизнедеятельности. Из этого вытекает вывод о формировании публичного права и его, если можно так сказать, антагониста – права частного. В дигестах императора Юстиниана находим: «Изучение права распадается на две части: публичное и частное (право). Публичное право, которое (относится) к положению римского государства, частное, которое (относится) к пользе отдельных лиц...» [13, с. 144]. Именно эти два больших «образования» в праве прежде всего отличаются методом. Публичному праву присущ метод властных предписаний (т.е. императивный), а праву частному – метод равенства субъектов и взаимного согласования их воли (т.е. диспозитивный). Данное суждение выглядит объективным и с той стороны, что государство, которое устанавливало свои предписания для всего общества, не могло тогда руководствоваться свободой выбора субъектов правоотношений, иначе бы государство само по себе бы не существовало. В российском праве мы также можем проследить выделение в первую очередь данных групп правовых принципов и норм. Например, в Краткой редакции Русской Правды мы не находим выделения правовых отраслей, институтов по кругу регулируемых правоотношений. При этом все правовые положения являются по природе императивными, они диктуют конкретные правила и действия: «19. Аще убьютъ огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убиини, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен» [14, с. 8]. В данной редакции Русской Правды практически и нет норм диспозитивного характера. Таким образом, приходим к заключению о том, что на раннем этапе становления государства право делится именно по методу в связи с объективными потребностями регулирования жизни общества, в особенности вследствие возникновения государства: «...подобно тому, как публичная власть противопоставляется общественной, должны противопоставляться оформляющие их правовые явления, а именно: публичное

право, объединяющее отрасли, призванные определить политическую организацию общества, и частное право, отраслями которого регулируются отношения, лежащие вне сферы властной деятельности государства» [10, с. 212].

Далее, второе и последнее деление права в теоретической и исторической плоскости происходит именно по предмету, по совокупности тех правоотношений, которые оно регулирует, на которые оказывает воздействие. В соответствии с предметом уже идёт членение принципов и норм права на отрасли, подотрасли, институты и другие составляющие по степени общности регулируемых правоотношений. Данный процесс происходит как в частном, так и в публичном праве. В науке указывается, что предмет «...является главным, материальным критерием разграничения норм права по отраслям, поскольку имеет объективное содержание, предопределен самим характером общественных отношений и не зависит в принципе от воли законодателя» [15, с. 49]. Мы согласны с этим утверждением частично: даже при том, что общественные отношения, переходящие в правовую плоскость, существуют объективно, они уже по своему характеру предполагают либо императивность и властный характер, либо диспозитивность и автономию воли. Сложно представить, чтобы уголовные правоотношения регулировались по большей степени дозволительным способом и зависели от воли сторон. Конечно, такой опыт имел место. Например, И. А. Покровский писал: «Граница между публичным и частным правом на протяжении истории далеко не всегда проходила в одном и том же месте... Известно... что в древнейшую эпоху еще только зарождавшаяся и слабая государственная власть не вмешивалась в ту область... уголовного права: возмездие за причиненную обиду, месть или соглашение о штрафе предоставлялись самим заинтересованным лицам» [16, с. 44]. Следовательно, метод снова выходит на первый план, относя то или иное правоотношение к одной из двух больших подсистем права. Однако заметим, что спектр общественных отношений, которые позже приобретают необходимость

правового регулирования, весьма огромный. Встаёт вопрос о том, что из этого действительно можно назвать предметом. Н. И. Матузов и А.В. Малько довольно чётко выделили параметры, по которым следует обособлять отрасли права (а следовательно, и весь круг правоотношений, поскольку отрасль права – крупнейшая из структурных элементов права): «Для образования самостоятельной отрасли права имеют значение следующие условия: а) степень своеобразия тех или иных отношений; б) их удельный вес; в) невозможность урегулировать возникающие отношения с помощью норм других отраслей; г) необходимость применения особого механизма регулирования» [17, с. 305]. Необходимость деления права по предмету возникает также объективно из того, что после разделения права на частное и публичное, в этих группах сосуществуют правоотношения, хотя и регулируемые по методу примерно одинаково, но всё-таки имеющие разницу кругу регулируемых правоотношений. Уже в Своде законов Российской Империи мы видим расчленение права частного и публичного на конкретные отрасли и иные элементы. Например, в X томе («Свод законов гражданских. Свод заново межевых») мы находим положения семейного права, вещного права, наследственного права и т.д., которые уже имеют некую обособленность именно по предмету [18]. Таким образом, объективная необходимость упорядочения различных правоотношений при сходстве метода регулирования определяет деление права в соответствии со своеобразием самих правоотношений.

Итак, исходя из всего вышеизложенного, представляется возможным сделать некоторые выводы: 1) регулирование правоотношений возможно только при наличии единой и непротиворечивой системы права, которая может быть поделена на частное и публичное; 2) наиболее объективными критериями деления права на современном этапе развития выступают метод и предмет правового регулирования; 3) теоретическая и историческая обусловленность деления права выражается в том, что первым критерием деления права явился

метод, с помощью которого государство проявило свою волю путём императивных предписаний и на фоне этого выделения чёткой диспозитивной сферы отношений, а уже при усложнении и развитии общества и государства ведущим стал такой критерий, как предмет, показывающий своеобразие тех или иных правоотношений.

Список литературы:

1. Ершов В. В. Регулирование правоотношений: Монография.– М.: РГУП, 2020. 564 с.
2. Бошно С. В. Система права и система законодательства / С. В. Бошно // Право и современные государства. 2013. № 5. С. 15-35.
3. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З. М. Черниловского. – М.: Юрид. лит., 1984. 472 с.
4. Теория государства и права : Учебник / Под ред. В. В. Ершова, отв. ред. Т. В. Власова, Т. С. Лесовая. – М.: РГУП, 2023. 464 с.
5. Венгеров А. Б. Теория государства и права : Учебник для юридических вузов. 3-е изд.–М.: Юриспруденция, 2020. 528 с.
6. Теория государства и права : учебник для вузов / В. К. Бабаев [и др.] ; под редакцией В. К. Бабаева. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. 620 с. (Высшее образование).
7. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. 464 с.
8. Умнова-Конюхова И.А. Генерология и футурология права : тенденции и прогноз развития : монография / И.А. Умнова-Конюхова. – Москва : РАН, ИНИОН, 2023. 161 с.
9. Антюшин С. С., Кафырин Е. А. Логика : Учебник. – М.: РГУП, 2021. 266 с.

10. Груздев В. В. Об основном делении права // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. №428. С. 211-215.
11. Теория государства и права : Учебник / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: Издательство «Зерцало-М», 2020. 720 с.
12. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – Москва : Политиздат, 1989. 224 с.
13. Кофанов Л. Л. Римское право : Учебное пособие. – М.: РГУП, 2019. 274 с.
14. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / Составитель: доктор юридических наук, профессор В. А. Томсинов. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2003. 381 с.
15. Соловьев С. Г. Понятие предмета правового регулирования и его взаимосвязь с другими юридическими категориями // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1(15). С. 47-52.
16. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. 8-е изд. – Москва : Статут, 2020. 351 с. (Классика российской цивилистики)
17. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. 5-е изд. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с.
18. Свод законов Российской Империи. Издание в 16-ти томах. Т. X. «Свод законов гражданских. Свод законов межевых» //Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_iframe&bpas=303&ysclid=loypafzvb8459402

УДК 340.136

Руф Владислав Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Екатеринбург, Россия

ruf.vlad-1988@yandex.ru

Ruf Vladislav

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

К ВОПРОСУ О РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ

Аннотация: в статье приводятся основные подходы к пониманию пробелов в праве: их наличия, путей их восполнения. Представлены доводы об отсутствии пробелов в праве англо-саксонской правовой семьи. Рассмотрены отдельные научные идеи о логической замкнутости писаного романо-германского права. Ставится вопрос о допустимости использования аналогии права как способа восполнения пробелов.

Ключевые слова: пробелы права, беспробельность права, теория логической замкнутости, пробелы в законодательстве, аналогия права.

ON THE ISSUE OF SOLVING PROBLEM OF GAPS IN THE LAW

Annotation: the article presents the main approaches to understanding gaps in law: their presence, ways to fill them. The arguments about the absence of gaps in the law of the Anglo-Saxon legal family are presented. Some scientific ideas about the logical closure of the written Romano-German law are considered. The question is raised about the permissibility of using the analogy of law as a way to fill in the gaps.

Key words: gaps in law, the lawlessness of law, the theory of logical closure, gaps in legislation, the analogy of law.

Бурное развитие общественных отношений, становление общества на новые технологические рельсы, появление новой правовой реальности цифрового мира предопределили необходимость вновь поднять многие теоретические вопросы, которые, казалось бы, были объектом и предметом исследования многие годы и дискуссии по этому поводу себя изжили. Тем не менее правовое регулирование не статично, оно постоянно развивается, охватывая все большее количество общественных отношений, подлежащих попаданию в область права.

Сегодня в практической юриспруденции возникает масса вопросов о том, как разрешать конкретную правовую ситуацию, осложненную, например, цифровым элементом, при условии, что действующая нормативная база позитивного права попросту не содержит ответа или даже абстрагированного намека (в виде категориально-понятийного аппарата). И вновь актуальным становится исследование природы пробелов в праве, а также путей их восполнения.

Ввиду того, что право – общемировое достояние, разные культуры и народы по-разному воспринимают его сущность и содержание. На данный момент на планете есть несколько правовых семей, среди которых наибольший интерес вызывают две самые большие: англо-саксонская (общего права) и романо-германская (континентальная). Самое заметное концептуальное различие двух правовых семей – источники.

По причине того, что представители континентальной правовой семьи опираются на закрепленные в законы нормы права, в странах этой семьи чаще задаются вопросом о наличии пробелов в праве. Это объясняется тем, что законодатель должен максимально абстрагироваться от конкретных жизненных

ситуаций, поэтому и нормы права максимально абстрактны. В свою очередь, правоприменитель, осуществляя процесс квалификации, наоборот, должен из абстрактного выделить частное и тем самым разрешить дело [5, с. 76].

В свою очередь, в системе общего права одним из самых важных источников является не статуное право, а именно прецедент. Право творит суд, а правосудие не сковано только писанным правом. Поэтому «такая модель разрешения судебных ситуаций исключает присутствие пробелов в праве, ибо каждый конкретный случай можно «подогнать» под разрешенный аналогичный и тем самым как бы дополнить действующую систему права новой правовой нормой» [5, с. 76]. Соответственно, найти решение вопроса о пробелах в праве у английских коллег не получится.

В пределах континентальной правовой семьи пробелам в праве уделяли большое внимание немецкие юристы, многие из которых отрицали возможность существования пробелов в праве как таковых, аргументируя тем, что право логически замкнуто. Во многом свойство замкнутости праву придают сторонники позитивной теории права. И с точки зрения прямой логики, учитывая идеи этой школы как аксиоматичные, можно констатировать, что все что не было отражено в законодательных источниках и не должно подчиняться праву, а, соответственно, говорить о пробелах в этой области нельзя, так как такое отношение определяется исключительно фактическим состоянием [4, с. 31]. То есть применение аналогии права и закона не допускается, и при разрешении объективно нового дела суд или другой правоприменительный орган должен отказать сторонам по причине того, что это не охватывается правом.

Однако, вполне возможно, такой подход был допустим во время становления индустриального общества, но сейчас новые общественные отношения из правового поля в таком ключе останутся на «произвол» судьбы. Особенно, если учесть, что еще в XIX веке отдельные представители немецкой школы позитивного права признали возможность существования пробелов в

отдельных специальных направлениях права. А сегодня цифровой трансформации подвержена каждая отрасль юридического знания.

Так, учитывая представленные подходы и представления о сущности права, а также возможности существования в них пробелов нельзя не согласиться с мнением А. А. Краевского «пробелы в праве как феномен позитивного права, а не просто как социально-политическая неудовлетворенность текущим правовым регулированием представляют собой явление, существующее только в той нормативной системе, которая предусматривает процедуру разрешения споров, дополняющую применение действующего права» [1, с. 159]. В отечественной правовой системе такие процедуры предусмотрены во многих отраслях, например, в ст. 6 ГК РФ - аналогия закона и права.

Действительно, наиболее распространенной идеей заполнения пробелов в праве является применение права по аналогии, толкование воли законодателя, выведение логических умозаключений, которые позволят определить общее содержание нормы, а, соответственно, применить ее на сходные правоотношения. Особое внимание уделяется принципам права, с помощью которых «нельзя всесторонне регулировать общественные отношения, но он дает возможность правильно уяснить сущность правовой нормы, которой это отношение регулируется или должно регулироваться (при отсутствии такой нормы)» [3, с. 34].

Так сегодня в отечественной научной доктрине пробелы в праве рассматривают через призму двух подходов – 1) пробелы в праве признаются и в рамках теории правоприменительной деятельности преодолеваются; 2) теория установления и устранения пробелов в праве в процессе правотворческой деятельности, здесь идеи о принципиальной пробельности права, о пределах правового регулирования, о действительных и мнимых пробелах развиваются в контексте средств юридической техники и теории правотворчества [2, с. 33]. Тем не менее оба этих направления предлагают конкретное решение ситуации, когда

суд, скованный действующим нормативно-правовым регулированием вынужден разрешать дела, порожденные новой объективной реальностью. А, соответственно, при правовой регламентации новых общественных отношений еще предстоит определить, какое из этих направлений будет более эффективным.

Список литературы:

1. Краевский А. А. Закрытость правовой системы и проблема пробелов в праве. Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. С. 156 -160.

2. Липень С. В. Теория пробелов в праве в ее историческом развитии и творчестве профессора В. В. Лазарева // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. С. 33-56.

3. Панченко В. Ю. Принципы правового регулирования как средство обеспечения беспробельности права // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012 № 1. С. 32-37.

4. Петровский Н. А. Метод аналогии и концепции беспробельности права в юриспруденции // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №3. С. 31-36.

5. Подлесных С. Н. Проблемы понимания пробелов в праве // Вестник ВГУ.
Серия: Право. 2010. №1. С. 73-82.

Сафиуллин Ильдар Фаилович
Уфимский Университет Науки и Технологий
Институт права
Россия, Уфа
God_haus@bk.ru
Safiullin Idar
Ufa University of Science and Technology
Institute of law
Russia, Ufa

ЛИЧНЫЙ БРЕНД ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Аннотация: данная статья посвящена особенностям продвижения персонального бренда политиков в социальных медиа. В первой части анализируются эффективные инструменты создания узнаваемого и привлекательного образа: работа с визуальным имиджем, трансляция идей, взаимодействие с подписчиками. Во второй части освещаются потенциальные риски персонального брендинга в цифровой среде: репутационные потери, дезинформация, чрезмерный ажиотаж в СМИ. Предложены конкретные меры по минимизации данных рисков с помощью SMM-стратегии, модерации контента, взаимодействия с лидерами мнений.

Ключевые слова: личный бренд политика, политический маркетинг, социальные сети, блоги политиков, политическая реклама.

PERSONAL BRAND POLITICS AND SOCIAL MEDIA

Annotation: this article is dedicated to the specifics of promoting politicians' personal brands on social media. The first part analyzes effective tools for creating a recognizable and attractive image: working with visual image, broadcasting ideas,

interacting with followers. The second part covers the potential risks of personal branding in the digital environment: reputational losses, disinformation, excessive hype in the media. Specific measures are proposed to minimize these risks through SMM strategy, content moderation, interaction with opinion leaders.

Key words: politician's personal brand, political marketing, social networks, politicians' blogs, political advertising.

Социальные медиа играют важную роль в создании узнаваемого образа и повышении известности современных политиков. Благодаря ним политики получают возможность напрямую общаться со своей аудиторией и донести свои идеи и позиции.

Ключевым моментом является грамотное формирование личного бренда – уникального и запоминающегося образа политика с присущими ему чертами. Эффективный персональный бренд помогает политику выделиться на фоне конкурентов, привлечь сторонников и избирателей.

По данным статистики, в начале 2023 года количество пользователей социальных сетей в мире достигло 4,76 млрд человек, что составляет около 60% от всего населения планеты. Однако в последние месяцы темпы роста аудитории соцсетей значительно замедлились.

За прошедший год число новых пользователей увеличилось лишь на 137 млн человек, то есть всего на 3% [1]. Такое резкое падение темпов роста объясняется, прежде всего, окончанием пандемии и отменой локдаунов в большинстве стран. Изоляция и карантинные меры в значительной степени повлияли на привычки людей, заставив их проводить больше времени онлайн, в том числе в соцсетях.

Однако по мере возвращения к нормальной жизни время, проводимое в интернете, вернулось к доковидным показателям. Это и стало главной причиной замедления роста аудитории социальных медиа.

Процесс создания персонального бренда во многом опирается на принципы продвижения коммерческого продукта. Необходимы тщательный анализ целевой аудитории, разработка уникального предложения, подбор эффективных каналов продвижения.

Однако есть и существенные отличия. В отличие от классического маркетинга, здесь объектом выступает не вещь, а конкретный человек во всей полноте его индивидуальности и характера.

Поэтому формирование успешного личного бренда – это непрерывный творческий процесс самопознания и личностного развития. Ключевым инструментом продвижения становится коммуникация, позволяющая выстраивать доверие с аудиторией.

В целом личный брендинг – это создание уникального публичного образа человека на базе принципов классического маркетинга. Успешный персональный бренд в современных реалиях играет важную роль, помогая добиваться успеха как в личной, так и профессиональной сферах.

Хорошо выстроенный политический бренд напрямую влияет на привлечение голосов избирателей - также как коммерческий бренд влияет на привлечение прибыли компанией [2, с. 371].

Основными инструментами создания узнаваемого личного бренда в соцсетях выступают:

- Создание запоминающегося визуального образа – аватарки, логотипа.
- Использование индивидуального стиля подачи информации.
- Трансляция собственных ценностей и идей.
- Взаимодействие с аудиторией – ответы на комментарии и вопросы.

Такой комплексный подход позволяет политику эффективно выделиться на фоне конкурентов, сформировать лояльную аудиторию сторонников и продвигать свои идеи в социальных сетях.

Рассмотрим наиболее эффективные подходы к продвижению имиджа политиков в социальных медиа:

– Целенаправленное формирование образа. Помимо визуальных элементов, политики последовательно создают и поддерживают определенный имидж, соответствующий их идеям и целям – например, «сильного лидера», «защитника простых людей», «компетентного управленца». Этот имидж транслируется через все публикации.

– Использование личных историй, затрагивающих ценностные темы. Это помогает аудитории эмоционально связаться с политиком, поверить в его искренность.

– Привлечение популярных блогеров и лидеров мнений через упоминания и репосты. Это позволяет охватить их аудиторию.

– Создание контента по трендовым темам, чтобы привлечь дополнительное внимание общественности.

– Сегментация аудитории по возрасту, интересам и др. для наиболее эффективной коммуникации. Например, для молодежи акцент делается на тренды и современные форматы.

– Использование понятной инфографики для объяснения сложных политических или экономических тем.

– Запуск прямых эфиров и онлайн-общения с подписчиками. Это создает эффект открытого диалога и сближает политика с аудиторией.

СМИ создают образы политиков, известных личностей и групп. Позитивный или негативный образ может влиять на то, как общество относится к этим лицам и организациям [3, с. 233].

Феномен социальных сетей оказывает глубокое воздействие на все сферы современного общества – от массовой культуры до политических процессов. И по мере дальнейшего развития цифровых технологий это влияние будет только усиливаться.

По сути, социальные медиа – это онлайн-платформы, где люди могут общаться и делиться различным контентом. Сегодня социальные сети играют заметную роль в формировании общественного мнения, а также активно используются политическими силами для продвижения собственных интересов и брендов.

С появлением социальных сетей информационное общество сталкивается с проблемой перенасыщения информацией, что приводит к необходимости её отбора и сортировки [4, с. 17].

Ведение персональных блогов современными политиками – многогранный феномен, требующий анализа с разных сторон. Это одновременно элемент политтехнологий, социальных коммуникаций, права и этики.

С одной стороны, личные блоги и соцсети позволяют политикам демонстрировать открытость, регулярно общаясь с аудиторией. Но это также часть брендинга и формирования имиджа, что требует баланса между персональным стилем и официальной риторикой.

Кроме того, цифровая среда несет риски распространения фейков и манипуляций общественным мнением. Это накладывает повышенную ответственность политиков за контент их личных ресурсов.

Но в то же время цифровые медиа дают новые возможности для конструктивного диалога власти и граждан. Это требует от политиков готовности к публичным дискуссиям и аргументированным ответам на критику.

Роль социальных медиа в политической сфере за последние годы существенно выросла. При этом их воздействие на восприятие политиков и партий обществом может быть, как позитивным, так и негативным. Это зависит от конкретных технологий и методов, которые используют различные политические силы для продвижения своих интересов.

С одной стороны, социальные сети дают новые возможности для коммуникации политиков с гражданами. С их помощью можно оперативно доносить свои идеи до миллионов людей.

С другой стороны, в условиях высокой скорости и большого охвата аудитории социальные медиа несут риски манипуляций общественным мнением, распространения фейков и пропаганды. Это может нанести ущерб демократическим институтам.

Учитывая масштабное влияние соцсетей, их роль в политических процессах сегодня сложно переоценить или недооценивать. От того, в чьих интересах и как именно используются технологии социальных медиа, во многом зависит политическое будущее общества.

В социальных сетях осуществляется сегментация пользователей по потребностям, интересам и ценностям, что обеспечивает возможность целенаправленного поиска необходимых социальных групп для точечного влияния на общественное мнение конкретных субъектов [5, с. 317].

Применение социальных сетей и цифровых платформ в политическом процессе открывает новые возможности для партий и кандидатов по привлечению сторонников и продвижению своих идей. Однако наряду с несомненными преимуществами здесь существуют и серьезные правовые риски.

В частности, активное использование инструментов таргетированной политической рекламы в соцсетях порождает вопросы о нарушении приватности граждан и возможности негативного информационно-психологического воздействия.

Кроме того, распространение недостоверной информации и борьба с инакомыслием в соцмедиа могут подрывать демократические принципы, ограничивая свободу слова.

Также актуальна проблема использования ботов и фейковых аккаунтов для манипуляций общественным мнением в пользу отдельных кандидатов и сил.

Сферой использования маркетинга в политике стали политические кампании (в том числе – избирательные), а также – область, в которой строятся взаимоотношения между государством и его жителями [6, с. 115].

Применение социальных медиа в политтехнологиях несет ряд серьезных вызовов и угроз:

– Риск распространения фейковых новостей и манипулятивного контента. Политические силы могут сознательно распространять дезинформацию и пропаганду для воздействия на общественное мнение.

– Риск внешнего вмешательства в выборы посредством кибератак на аккаунты партий и кандидатов.

– Риск нарушения приватности граждан из-за сбора и анализа персональных данных с политическими целями.

– Риск усиления идеологической поляризации общества через создание «информационных пузырей».

– Правовые риски, связанные с недостаточным регулированием политической сферы и неспособностью законодательства ответить на новые технологические вызовы.

Для снижения рисков применения социальных медиа в политике необходим комплекс мер на государственном уровне и уровне самих политических сил:

– Ужесточение регулирования политрекламы в соцсетях – введение требований по прозрачности спонсоров, маркировке рекламы.

– Активная борьба с фейками и пропагандой с привлечением фактчекеров, технологий ИИ, блокировка бот-сетей.

– Повышение цифровой грамотности граждан посредством образовательных программ.

– Модерация политических интернет-ресурсов для исключения экстремизма и разжигания розни.

– Внедрение киберзащиты информационных систем и аккаунтов политиков.

– Разработка и принятие политическими партиями кодексов этического и ответственного поведения в социальных сетях.

Такой комплексный подход позволит минимизировать возможности для манипулирования общественным мнением и обеспечить честные и прозрачные цифровые политические кампании.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальные медиа открывают широкие возможности для политических коммуникаций, позволяя политикам и партиям напрямую взаимодействовать с гражданами. Однако вместе с тем соцсети несут серьезные риски манипулирования общественным сознанием, распространения ложной информации, усиления идеологической поляризации.

Для минимизации этих угроз необходим системный подход, включающий как госрегулирование политической онлайн-среды, так и этическое саморегулирование самих политических сил. В частности, требуются: жесткие правила политрекламы в соцсетях, борьба с фейками, повышение цифровой грамотности, модерация радикального контента, кибербезопасность.

В целом необходим разумный баланс между свободой политдискуссий в социальных медиа и защитой общественных интересов. Выработка такого баланса – важнейшая задача для государства, бизнеса и гражданского общества в современных условиях.

Список литературы:

1. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год — цифры и тренды в мире и в России // WebCanape [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcanape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 14.03.2024).

2. Гоголева Д.В. Особенности формирования российского политического бренда: на примере феномена личности В.В. Жириновского // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 4. С. 370-377.
3. Шаршебаева Т.А. Медиакратия в политической системе управления // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2023. № S5. С. 232-236.
4. Кушнир Т.А. Цифровые медиа и социальный порядок // Ессе Номо. 2023. № 1(7). С. 16-18.
5. Славникова К.Н. Формирование общественного мнения посредством социальных сетей // E-Scio. 2023. № 3(78). С. 313-320.
6. Киселица Е.П., Калинина К.Ю. Моделирование политического маркетинга в условиях информационной экономики // ЛУЧШАЯ НАУЧНАЯ СТАТЬЯ 2022 : сборник статей XLVII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 января 2022 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.). 2022. С. 115-119.

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ
ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 347.962.23

Ревва Сергей Юрьевич

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Юридический факультет

Россия, Москва

sergeirevva@vk.com

Revva Sergei

Financial University under the Government of the Russian Federation

Law Faculty

Russia, Moscow

**НАЗНАЧАЕМОСТЬ ИЛИ ИЗБИРАЕМОСТЬ СУДЕЙ: КАКОЙ
МЕХАНИЗМ ЭФФЕКТИВНЕЕ**

Аннотация: на сегодняшний день перед нашим государством стоит задача повышения доверия общества к судебной системе Российской Федерации, а также повышение эффективности и справедливости данной системы. В настоящей работе анализируются аргументы за и против как одного, так и другого механизма, с точки зрения законодательства, правовых принципов и обычаев, а также сформулирована авторская позиция, по вопросу того, что больше подходит Российской Федерации на нынешнем этапе ее исторического и правового развития.

Ключевые слова: судьи, судебная система, суд, общество, государство, выборность судей, назначаемость судей.

**APPOINTMENT OR ELECTION OF JUDGES: WHICH MECHANISM IS
MORE EFFECTIVE**

Annotation: today our state is faced with the task of increasing public confidence in the judicial system of the Russian Federation, as well as increasing the efficiency and fairness of this system. This work analyzes the arguments for and against both one and the other mechanism, from the point of view of legislation, legal principles and customs, and also formulates the author's position on the issue of what is more suitable for the Russian Federation at the current stage of its historical and legal development.

Key words: judges, judicial system, court, society, state, election of judges, appointment of judges.

В Российской Федерации с момента формирования ее правовой системы после распада СССР и становления независимого государства сложился принцип назначаемости судей. Ст. 6 Закона РФ "О статусе судей в Российской Федерации" устанавливает, что: Судьи Верховного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации, которое вносится на основании представления Председателя Верховного Суда Российской Федерации [1]. А остальные судьи назначаются Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

Однако в СССР существовал принцип социалистического правосудия, сущность которого заключалась в том, что судьи всех звеньев судебной системы и заседатели избирались всенародно. Это по мнению власти и правоведов того периода рассматривалось как основа демократического правосудия. В СССР принцип выборности судей де-юре осуществлялся на всех уровнях: судьи и народные заседатели всех судов (от народного суда до Верховного суда СССР) избирались населением (через представителей) или соответствующими Советами депутатов трудящихся. Ст. 10 Закона СССР от 04.08.1989 "О статусе

судей в СССР" устанавливала, что народные судьи районных (городских) народных судов, судьи краевых, областных и городских судов избираются соответствующими вышестоящими Советами народных депутатов. Народные заседатели районных (городских) народных судов избираются на собраниях граждан по месту их жительства или работы открытым голосованием, а народные заседатели вышестоящих судов - соответствующими Советами народных депутатов [2]. Однако на практике такие выборы становились фикцией и были безальтернативными, поэтому говорить о полноценной реализации и существовании данного принципа в СССР будет неверно. Фактически судьи также были назначаемы.

Правильно ли что судьи назначаемы, или необходимо, чтобы судьи были избираемы народом или узким кругом профессионалов? Об этом среди российских правоведов и общества в целом давно ведутся дискуссии. В зарубежной практике встречаются примеры, где судей назначают (многие европейские страны) и где судьи избираемы (некоторые штаты США) [5, с. 230]. Однако нам не следует слепо копировать опыт непосредственно какой-либо страны, мы должны исходить из наших исторических и современных правовых реалий, а также национальных традиций.

Начнем рассмотрение вопроса с аргументов в пользу того, что судьи должны быть назначаемы государственной властью, а не избираемы народом или узким кругом профессионалов.

Во-первых, выборность судей не способствует большей открытости судебной системы, а скорее наоборот будет ей вредить. Среди многих людей демократических взглядов и убеждений существует мнение, что назначаемость судей президентом РФ нарушает систему сдержек и противовесов и при таком раскладе сил судебная власть становится зависимой от исполнительной власти и «послушной» ей [3, с. 183]. На практике мы иногда можем наблюдать отдельные единичные примеры, подтверждающие подобные рассуждения. Однако это не

является системной проблемой. Но и избираемость судей никак не решит данную проблему, которая и без того является дискуссионной. Рассмотрим это на примере США, где судьи являются выборными лицами в ряде штатов. У этого есть один значимый недостаток. Такие судьи зачастую бывают излишне политизированными. На судейскую должность избирается не более грамотный и достойный судья, а более лояльный политическим взглядам жителей данной территории. Также факт избранности судьи оказывает на него излишнее давление, особенно в ходе рассмотрения политических дел [6]. Судья должен быть дистанцирован от политических вопросов, а при выборности он участвует в выборах, что само по себе является отчасти политическим процессом. Поэтому лучше, чтобы судьи были назначаемы и на них не оказывалось излишнее давление в связи с их выборным статусом.

Во-вторых, избираемость судей всенародно или определенным кругом профессионалов также несет в себе многие проблемы, которые не делают эту идею привлекательной. Если судья будет избираться всенародно, то будут избираться яркие и харизматичные люди с политическим талантом, а не грамотные и компетентные профессионалы. Зачастую, такие люди не обладают яркой харизмой и способностью понравиться избирателю и заинтересовать его: это удел политика, а не судьи, который должен заниматься своим профессиональным делом. Что касается того, что судьи могут быть избираемы профессиональным сообществом, то это также несет в себе определенные риски, так как в таких случаях может иметь место банальный сговор и конъюнктурные интересы. В таком случае ни о какой независимости судей не может быть и речи.

Рассмотрим обратные аргументы, которые будут в пользу того, что избираемость судей (всенародно или узким кругом профессионалов) более предпочтительна, чем их назначаемость органами государственной власти и, в частности, Президентом РФ.

По мнению ряда ученых, и, в частности, профессора А. А. Кондрашева, действующий на текущий момент времени процесс отбора кандидатов на вакантные судебские должности, который предусмотрен российским законодательством, отличается своей непрозрачностью, что в свою очередь увеличивает степень закрытости судебного сообщества, которое само набирает людей на должности из своей системы, в частности аппарата суда, а также из правоохранительных органов и прокуратуры [4, с. 213].

В следствие непрозрачной системы отбора кандидатов на должность судьи и их назначения, закрытости и кулуарности судебной системы, формируется недоверие общества к судебной системе Российской Федерации, что безусловно является большой проблемой для нашей страны. Кроме того, в подобной закрытой системе растет риск коррупциогенных факторов, сговоров с целью назначения «удобных» и «послушных» судей. При наличии в обществе недоверия к судебной системе невозможно формирование здоровой правовой системы и эффективности процессуальных отраслей права. Ведь при таких тенденциях в общественном сознании граждане нашей страны будут все реже обращаться в суды, если они будут считать, что система несправедлива.

Исходя из этого, возникает необходимость повышения доверия общества к судебной системе нашей страны. И одним из шагов в этом направлении, по моему мнению, может стать частичная выборность судей, в частности на уровне мирового судьи. Эта идея несет в себе массу издержек и противоречий, которые указаны выше, однако это может помочь решить вопрос доверия общества к нашей судебной системе, ведь каждый гражданин будет чувствовать себя вовлеченным в процесс избрания судей, а значит и деятельность все судебной системы на территории Российской Федерации в целом. Кроме того, ученые предлагают идею наделять судей полномочиями федеральным или региональными парламентами по представлению органов судебного самоуправления [4, с. 216]. Эта идея, по моему мнению, является интересной и

целесообразной, однако она несет в себе определенные политические риски для нашего государства и вряд ли может быть поддержана федеральной властью на данном этапе развития нашего государства.

На мой взгляд принцип назначаемости судей будет более подходящим для Российской Федерации в ее сегодняшних социальных и правовых реалиях. Российское государство является еще достаточно молодым и его правовой системе необходимо постепенное развитие и укрепление. Гражданам нашей страны, особенно старшему поколению, жившему значительную часть своей жизни в несвободной стране, где не работали должным образом государственные институты, трудно перестроиться к правовым реалиям демократического государства, использовать механизмы, присущие такому государству, и делать осознанный выбор судей. Возможно, в будущем мы придем к избираемости судей, когда наше общество станет более зрелым и более развитым с точки зрения правосознания и демократических ценностей. Однако, у данного принципа есть много недостатков, которые нужно будет учесть.

Тем не менее, даже в рамках принципа назначаемости судей этот механизм можно и нужно усовершенствовать и внедрить в него новые идеи, которые поспособствует повышению доверия к нашей судебной системы и без введения принципа выборности судей, который несет в себе много рисков. В частности, такими мерами могут быть назначение на должность судьи лиц, которые имеют хорошую общественную репутацию, значительный опыт и знания в сфере права. Такими лицами могут быть опытные и имеющие хорошую репутацию адвокаты, преподаватели правовых дисциплин, ученые юристы и правоведы. Примеры подобного можно найти в разных странах с развитой правовой системой, в частности в Соединенных Штатах Америке такая практика применяется в ряде штатов. В то же время, по моему мнению, должно быть установлено ограничение в приеме на должность судьи лиц, работавших в прокуратуре, следственном комитете или полиции. Эти лица будут в большинстве своем тяготеть к

обвинительному уклону в своих решениях. Это больше актуально для уголовного процесса, однако в определенных случаях это может сказываться и, например, гражданском процессе.

Таким образом, данные меры поспособствуют реформам, улучшающим доверие граждан нашей страны к судебной системе Российской Федерации без внедрения принципа выборности судей, однако в будущем, на определенном более высоком этапе развития правовой системы нашего государства, по моему мнению, можно будет вернуться к рассмотрению данного вопроса и сделать судей выборными на определенных уровнях судебной системы, однако в таком случае необходимо будет учесть все возможные издержки и риски, возможные в случае принятия данного решения.

Список литературы:

1. Закон РФ "О статусе судей в Российской Федерации" от 26.06.1992 N 3132–1 // СПС Консультант Плюс
2. Закон СССР от 04.08.1989 "О статусе судей в СССР" // СПС Консультант Плюс
3. Кондрашев А.А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 181–187.
4. Кондрашев А. А. Судебная реформа в России: проблемы реализации и варианты решений // Актуальные проблемы российского права. 2017. №2 (75) – С. 209–218
5. Шадрин Д. Н. Выборность судей как альтернатива их назначению // Вопросы российского и международного права. 2016. № 3. С. 226–234
6. В чем плюсы и минусы назначения судей [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/01/22/821264-chem-plyusi>

Спиридонов Кирилл Валерьевич
Уфимский университет науки и технологий
Институт права
Россия, Уфа
Qwernm2012@yandex.ru
Spiridonov Kirill
Ufa University of Science and Technology
Institute of Law
Russia, Ufa

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАДРАМИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Аннотация: автор статьи рассматривает проблемы, которые связаны с управлением кадрами муниципальной службы. От квалификации муниципальных служащих напрямую зависит качество жизни лиц, проживающих в муниципальном образовании. В статье рассматриваются 3 проблемы: проблема установления дополнительных требований к кандидатам на должность муниципальных служащих, проблема подготовки муниципальных служащих и их переподготовки, проблема мониторинга удовлетворенности муниципальных служащих в рабочей атмосфере.

Ключевые слова: муниципальные служащие, муниципалитет, кадры муниципальной службы, проблемы муниципальных служащих, управление.

SOME PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THE PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM OF MUNICIPAL SERVICES

Annotation: the author of the article examines the problems that are associated with personnel management in the municipal service. The quality of life of people living in

a municipality directly depends on the qualifications of municipal employees. The article discusses 3 problems: the problem of establishing additional requirements for candidates for the position of municipal employees, the problem of training municipal employees and their retraining, the problem of monitoring the satisfaction of municipal employees in the working atmosphere.

Key words: municipal employees, municipality, personnel of municipal service, problems of municipal employees, management.

Российское законодательство исходит из того, что граждане имеют равное право на доступ к муниципальной службе, поэтому любой гражданин России при желании может стать муниципальным служащим и приносить пользу обществу, решая вопросы и проблемы местного значения. Интересным является то, что Конституция Российской Федерации не упоминает о равном доступе к муниципальной службе, а упоминает только о равном доступе к гражданской службе (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ [1]). В то же время ст. 34 Конституции Республики Башкортостан [2] упоминает о равном доступе и к гражданской, и к муниципальной службе, что с точки зрения юридической техники является наиболее верным приемом, так как законодательство не отождествляет гражданскую и муниципальную службы.

Качественное выполнение муниципалитетом возложенных на него функций возможно только в случае нахождения в его составе высококвалифицированных и ответственных специалистов. Логичная, выверенная, структурированная система управления оказывает колоссальное влияние на успешную работу института государственной и муниципальной власти. Крепкое и сильное государство, его развитие и реализация, стоящих перед государством задач, держатся на работе органов власти, в частности, работниках местного самоуправления.

Сформировать состав высококвалифицированных ответственных сотрудников на муниципальную службу является большой проблемой для современной системы управления. Тому есть множество причин – это и необходимость в совершенствовании системы отбора, более детальный подход к использованию механизмов подбора персонала, текучесть кадров, плохое финансирование, неверная расстановка и продвижение специалистов и другие – все это обуславливает актуальность выбранной нами темы. Стоит отметить, что ранее мы обращались к данной проблеме, а данная статья является продолжением более ранней публикации [3].

Российская действительность такова на данный момент, что в области образования кадровой системы имеется немало проблем. Не способствуют прогрессу в данной области:

- сокращение специалистов в сфере управления, что часто обуславливает регресс результативности государственного аппарата;
- высокий уровень бюрократизма;

Кадровый состав муниципальной службы состоит из муниципальных служащих, то есть лиц, непосредственно выполняющих рабочую функцию в муниципальном образовании; а также кадрового резерва муниципальной службы.

Возможность формирования кадрового резерва муниципальной службы установлена в ст. 33 ФЗ «О муниципальной службе в РФ» [4]. На федеральном уровне не дается каких-то общих положений касательно общих условий организации данного вида кадровых технологий и устанавливается, что муниципалитеты самостоятельно решают вопрос формирования кадрового резерва и принимают соответствующие нормативные правовые акты. Несмотря на то, что федеральный законодатель сформулировал норму о кадровом резерве таким образом, что субъектам федерации не разрешается напрямую регулировать вопросы формирования кадрового состава, некоторые субъекты

федерации устанавливают общие положения относительно кадровой политики муниципальных органов. Так, в Республике Башкортостан принят Указ Президента Республики Башкортостан «О концепции кадровой политики в системе государственных органов и органов местного самоуправления Республики Башкортостан» [5].

Рассмотрим проблемы муниципальных служащих и муниципальной службы. При работе с кадровым составом проблемы можно выявить в следующих областях:

1. Установление требований к муниципальным служащим и проведение конкурса для замещения должности муниципальной службы.

Требования к претендующим муниципальным служащим, устанавливаются ст. 16 ФЗ «О муниципальной службе в РФ»: гражданство Российской Федерации, достижение возраста совершеннолетия, знание русского языка, соответствие квалификационным требованиям и отсутствие обстоятельств, исключающих возможность быть принятым на государственную службу.

В соответствии со ст. 9 ФЗ «О муниципальной службе в РФ», федеральный законодатель предъявляет квалификационные требования к уровню профессионального образования и стажу муниципальной службы или работы. Муниципальными правовыми актами квалификационные требования могут быть изменены или дополнены.

Серьезной проблемой является то, что муниципальные образования редко устанавливают дополнительные требования к кандидатам на замещение муниципальной службы, ограничиваясь требованиями, которые ввел федеральный законодатель. С одной стороны, это обуславливается отсутствием четкого понимания на местах, какие дополнительные требования вводить для кандидатов – дополнительные требования трудно предусмотреть, с другой –

опасением муниципалитетов неверно установить желаемое требование к кандидату. Рассмотрим судебную практику.

С позиции Верховного суда Российской Федерации [6] установление дополнительных требований является полностью законным и обоснованным, так как это прямо предусмотрено федеральным законодательством и отвечает интересам конкретного муниципалитета, если это не противоречит федеральному и региональному законодательству. Конституционный суд в Постановлении № 19-П [7] отметил, что при осуществлении правового регулирования трудовых отношений допустимо устанавливать специальные правила, касающиеся условий замещения отдельных должностей и оснований освобождения от должности, если эти различия являются объективно оправданными. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 1 Конвенции МОТ № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий» [8], установление специфических требований к специфической работе не считаются дискриминацией.

Однако не все так однозначно. Например, установление к муниципальным служащим требования о владении государственным языком, на котором располагается муниципалитет, является ограничением в поступлении на муниципальную службу, что может быть установлено только федеральным законодателем, поэтому недопустимо в муниципальных правовых актах – это отмечено в Определении Верховного Суда Российской Федерации № 74-Г08-23 [9] и в доктрине отмечается, что оно имеет прецедентное значение [10] (несмотря на то, что в законе имеется схожее требование к, например, к Главе Республики – ст. 1 и ст. 86 Конституции Республики Башкортостан).

Неоднозначным выглядит и решение Верховного суда о том, что требование о наличии хорошего отзыва с предыдущего места работы является квалификационным признаком [11] - квалификационный признак, должен отражать объективные требования к кандидату. В данном случае – хороший

отзыв не гарантирует объективности и является субъективным мнением отдельного человека.

Среди дополнительных требований, которые могут быть установлены муниципалитетами, можно отметить знание иностранных языков (в первую очередь английского) – так как научные работы по проблемам муниципального права и изложение иностранного опыта во многом доступны на английском языке; знание компьютера и отдельных программ; определение средней оценки диплома и т.д.

Второй проблемой в этом вопросе является проведение конкурса. Для исключения субъективности для оценки кандидатов на замещение муниципальной должности необходимо привлекать внешних консультантов – это обеспечит прозрачность процедуры и назначение на должности наиболее подходящих лиц.

Таким образом, муниципалитеты не пользуются своим правом на установление дополнительных требований к кандидатам на замещение должностей муниципальной службы, что на наш взгляд, неверно. Кроме того, судебная практика в основном поддерживает решения муниципалитетов о введении дополнительных требований (на наш взгляд, установление требований к кандидатам субъективного характера необходимо исключить), однако в некоторых случаях может признать установленные требования незаконными. Таким образом, для разрешения данного вопроса муниципалитетам необходимо более активно устанавливать требования к кандидатам – это обеспечит интересы населения муниципального образования и в теории обогатит немногочисленную на данный момент судебную практику касательно установления требований к кандидатам.

2. Меры, направленные на образование и повышение квалификации муниципальных служащих.

Муниципальный служащий в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О муниципальной службе» обязан поддерживать уровень квалификации, необходимый для эффективного исполнения своих обязанностей. Системной проблемой в этом случае является отсутствие в федеральном законодательстве и редкое установление на местном уровне норм о периодичности прохождения муниципальными служащими образовательных программ повышения квалификации – во многом это связано с обязанностью финансирования таких курсов за счет муниципального бюджета, который в большинстве случаев является дефицитным.

Такое положение дел в некоторых случаях приводит к тому, что муниципальный служащий перестает соответствовать требованиям, предъявляемым к современным специалистам, именно поэтому введена обязанность раз в три года проводить аттестацию муниципальных служащих в соответствии со ст. 18 ФЗ «О муниципальной службе в РФ», что отвечает международному опыту. В то же время, в западных странах, в частности, в Швейцарии, сдают профессиональный экзамен для продвижения по карьерной лестнице [12, с. 79], что отсутствует в России. Введение дополнительного экзамена для повышения по службе, на наш взгляд, увеличат качество управления и оказания муниципальных услуг.

Важный опыт образования может быть заимствован из проводимых органами государственной власти школ резерва.

Кадровая политика Президента РФ успешно реализуется в рамках работы Высшей школы государственного управления («школе губернаторов»). Из нее в государственное управление приходят люди не только на гражданские позиции, но в силовой блок. Практика показала эффективность подобной площадки кадрового заполнения руководящих должностей [13, с. 95].

Схожие проекты имеются на уровне субъектов России. Можно привести пример Курской области, которая проводит организацию обучения финалистов

проекта «Губернаторская тысяча» в рамках школы кадрового резерва «Управленец XXI века». Указанная школа направлена на выявление потенциально талантливой молодежи, подготовки их к муниципальной и государственной службе. Данный проект проводится совместно с высшими и средне-специальными учебными заведениями, потому позволяет в том числе повысить квалификацию действующего состава муниципальных служащих [14, с. 251].

Нужно сказать, что регионы не очень активно подключаются к идее проведения подобных школ – однако, это повышает интерес к государственной и муниципальной службе, информирует о деятельности муниципальных и государственных органов, что в конечном итоге приводит к увеличению числа желающих поступить на муниципальную службу.

Стоит отметить, что реализация подобных проектов муниципалитетами возможна, но часто неподъемна с точки зрения бюджета и в любом случае будет наименее эффективна, чем реализация этого же проекта в рамках субъекта или объединения муниципальных образований.

Метод школы направлен на пополнение резерва развития.

Для повышения компетенции резерва функционирования возможным кажется перенять опыт США, направленный на приобретение практических навыков не только в своем отделе, но во всем муниципальном образовании – это позволит понять механизм взаимодействия разных отделов и муниципального образования в целом, что важно для будущих руководителей [15, с. 39]. В России систему стажировок для кадрового резерва применяют нечасто.

В настоящее время подготовка муниципальных служащих кадрового резерва осуществляется двумя способами: классический способ – подготовка служащего для замещения конкретной муниципальной должности; инновационный способ (система управления способностями) – предполагает определение компетентных и потенциальных муниципальных работников, и их

развитие на рабочем месте без отрыва от процесса. В российских муниципальных органах управления чаще используется первый способ, потому что он проще и дешевле. Второй способ подразумевает сложную процедуру организационной диагностики и прогнозирования развития служащего, муниципальной администрации, что приводит к дополнительным расходам [15, с. 41].

3. Отсутствие мониторинга удовлетворенности муниципальных служащих своим положением.

В муниципальных образованиях и на государственном уровне не проводится мониторинг удовлетворенности служащих своим положением. Данный факт порождает проблемы в исполнении работниками своих обязанностей, что снижает эффективность работы. Некоторые проблемы. Например, низкая оплата труда, трудно разрешить главе муниципального образования, однако текущие проблемы могут быть решены на местах. Статистика удовлетворенности муниципальных служащих рабочим местом, зарплатой и т.п. позволит не только решать отдельно стоящие вопросы, но и определить направление государственной политики в области поддержки служащих муниципальных образований для повышения качества муниципальных услуг.

Для решения этой проблемы в рамках России можно начать проводить официальные опросы муниципальных служащих, получать от них обратную связь.

Таким образом, муниципальные образования не используют предоставленную им возможность устанавливать дополнительные квалификационные требования к кандидатам на муниципальную службу. Вместе с тем, проблема состоит в недостаточной судебной практике и высоких рисках, что установленные муниципалитетом требования будут признаны незаконными. Мы видим решение данной проблемы в большей судебной проработке данных

вопросов – чем больше споров будет проходить через суды, тем более проработанной будет система того, какие дополнительные требования устанавливать допустимо, а какие нет. Муниципалитеты в России из-за недостаточности бюджета не соответствуют ведущему иностранному опыту, который направлен на постоянное совершенствование знаний и навыков муниципальных служащих: устанавливаются не только институты, направленные на подготовку кадров, но и на переподготовку и совершенствование навыков при переходе на более высокие должности. В России появляются подобные институты на уровне субъектов и остается надеяться, что в будущем подобный опыт распространится и на муниципальные образования. Третьей проблемой, которую мы подняли в нашей работе, является отсутствие мониторинга удовлетворенности работой муниципальных служащих: это не позволяет вовремя устранить проблемы и определить направления развития, которые позволяют муниципальным служащим более эффективно служить обществу. На наш взгляд, стоит ввести подобный мониторинг, а часть проблем возможно устранить даже на уровне муниципального образования.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.12.2023).
2. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. № ВС-22/15 (с посл. изм. и доп. от 1 октября 2021 г. № 441-з) // Республика Башкортостан. 2002. № 236-237(25216-25217).

3. Спиридонов К.В. Проблемы и пути совершенствования системы управления кадрами на муниципальной службе // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 67-75.

4. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 10 июля 2023 г. № 286-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.12.2023).

5. Указ Президента Республики Башкортостан от 02 октября 2012 г. № УП-378 «О концепции кадровой политики в системе государственных органов и органов местного самоуправления Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/935124002> (дата обращения: 15.12.2023).

6. Определение Верховного Суда РФ от 02 августа 2006 г. № 33-Г06-12 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 1999 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В.П. Малкова и Ю.А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани» // Российская газета. 2000. № 18.

8. Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25 июня 1958 г. на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2023).

9. Определение Верховного Суда РФ от 09.04.2008 N 74-Г08-23 «Об отмене решения Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 22 января 2008 г. и удовлетворении заявления о признании недействующей части 1 статьи 13 Закона

Республики Саха (Якутия) «О муниципальной службе в Республике Саха (Якутия)» от 11 июля 2007 г. в части слов «владеющие государственными языками Республики Саха (Якутия)» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Осипова И.Н., Беляев М.А., Колесников А.В., Макаров А.О., Захарова Н.А. Комментарий к Федеральному закону от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (постатейный). 2016. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Определение Верховного Суда РФ от 02 августа 2006 г. № 33-Г06-12 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Григоренко А.М. Система отбора на муниципальную службу // Экономика и управление: теория, методология, практика. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С.77-80.

13. Гавришев М.В. Проблемы подготовки муниципальных служащих // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления. Сборник научных статей 2-й всероссийской конференции / под. ред. О.В. Михайловой. Курск, 2020. С. 94-97

14. Пасовец Ю.М. Образовательно-профессиональная подготовка специалистов в процессе формирования резерва управленческих кадров: региональный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 247-257.

15. Захарова А.В. Муниципальное управление в России и США: опыт сравнительного анализа // Вестник Поволжского института управления. 2010. № 1. С. 39-44.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 347.72.034

Алпатов Максим Александрович
Саратовская государственная юридическая академия

Институт юстиции

Россия, Саратов

licyidator@mail.ru

Alpatov Maxim
Saratov State Law Academy

Institute of Justice

Russia, Saratov

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДИРЕКТОРА ПЕРЕД КОРПОРАЦИЕЙ В
СЛУЧАЕ ОДОБРЕНИЯ ЕГО ДЕЙСТВИЙ АКЦИОНЕРАМИ**

Аннотация: вопросы привлечения директора к ответственности за нарушение им фидуциарных обязанностей являются ключевыми в рамках корпоративного права. Это объясняется тем, что именно директор является проводником воли корпорации и ее акционеров в гражданском обороте. Стейкхолдеры имеют объективный интерес в добросовестном осуществлении директором своих прав. Однако, в определенных ситуациях возможность возложения риска убытков на директора из-за его действий может ставиться под сомнения. Одобрение акционерами действий директора представляется одной из таких. В статье дается критический анализ теории привлечения директора к ответственности в случае одобрения его поведенческих актов.

Ключевые слова: ответственность директора, одобрение акционеров, корпоративное управление, возмещение убытков, баланс интересов, корпоративное законодательство.

RESPONSIBILITY OF THE DIRECTOR TO THE CORPORATION IN THE CASE OF HIS ACTIONS APPROVAL BY SHAREHOLDERS

Annotation: the issues of holding a director liable for breach of fiduciary duties are key issues within the framework of corporate law. This is explained by the fact that it is the director who is the conductor of the will of the corporation and its shareholders in civil business. The existence of objective stakeholder interest in the director's good faith exercise of his rights. However, in certain situations the possibility of assigning the risk of losses to directors may be questioned. Shareholders' approval of director's actions seems to be one of such situations. The article critically analyzes the current practice of bringing a director to liability in case of approval of his actions.

Key words: responsibility of director, shareholder approval, corporate governance, compensation for damage, balance of interest, company law.

Одним из наиболее проблемных вопросов в области корпоративного права является привлечение директора к ответственности в случае нарушения им обязанности действовать добросовестно и разумно (ст.53.1 ГК РФ). Сама по себе необходимость наличия данной нормы не вызывает вопросов. Возлагать гражданско-правовую ответственность на лиц, ответственных за корпоративное управление, в случае, когда они осуществляют свои права в противоречии со стандартами поведения является необходимым условием построения эффективной системы менеджмента в корпорации. Однако, в некоторых ситуациях привлечение директора к ответственности выглядит как минимум спорным, вследствие чего такие казусы нуждаются в тщательном анализе.

При первичном рассмотрении обязанности директора в определенной степени могут напоминать обязанности других профессионалов – врача, юриста и т.д. Вследствие чего возложение на него ответственности за нарушения обязанностей *duty of care* и *duty of loyalty* выглядит как минимум логично,

поскольку он по своему статусу также является профессионалом, который осуществляет свою деятельность в интересах корпорации. Однако, вышеописанная аналогия не лишена недостатков. Фидуциарные обязанности директора по приложению разумных и добросовестных усилий являются довольно абстрактными (хотя, стоит отметить, что степень абстракции снижается за счет конкретизации данных фидуциарных обязанностей посредством принятия поправок в позитивный закон или изменения правоприменительной практики [17, с. 196]). Определить необходимый стандарт поведения для директора зачастую довольно сложно. Помимо этого, стоит учитывать, что само по себе несение обществом убытков в результате действий директора прямо не свидетельствует о недобросовестном осуществлении прав с его стороны. Убытки, возникающие у общества, зачастую являются следствием осуществления предпринимательской деятельности, которая по своему характеру носит рисковый характер. Одним из ключевых принципов корпоративного права является правило делового решения (далее – правило делового решения и *business judgment rule* употребляются как синонимы), которое защищает от требований о возмещении убытков директора, если подобные решения приняты добросовестно (т.е. без намерения причинить вред компании и преследовали сугубо интересы корпорации) [21, с. 69]. Российский вариант данного правила закреплен в абз.2 п.1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда от 23.07.2013 № 62 (далее – ПП ВАС №62). Так, при рассмотрении споров, связанных с привлечением директора к ответственности суды не могут оценивать экономическую целесообразность решений, если они приняты добросовестно [2]. Данное правило является ключевым в вопросе привлечения директора к ответственности, которое подлежит учету во всех случаях привлечения директора к ответственности.

Одним из наиболее спорных вопросов при применении ст.53.1 ГК РФ является проблема привлечения директора к ответственности при наличии

одобрения его действий со стороны акционеров (здесь и далее по тексту слово «акционер» подразумевает под собой также владельца доли в ООО (аналог английского термина *shareholder*), поскольку с содержательной точки зрения, в рамках проблематики настоящей статьи, различия между правовым статусом акционера и владельца доли в ООО не имеют значения). В такой ситуации могут возникать серьезные коллизии, которые требуют скрупулезного анализа на предмет соблюдения баланса интересов сторон. Так, директор решает совершить крупную сделку – купить высокотехнологичное оборудование, которое потенциально может кратно увеличить прибыль юридического лица. Большая часть акционеров поддерживает данное решение и одобряет сделку, поскольку это позволит увеличить прибыль и произвести частичную автоматизацию производства. Меньшинство акционеров голосуют против на основании того, что данный метод еще не апробирован на практике, вследствие чего является сомнительным и высокорискованным. Инвестирование в данное оборудование денежных средств может повлечь довольно большие финансовые потери, если его не удастся использовать со 100% отдачей. Миноритарии считают, что сделка общества в данном случае будет убыточной. Далее, директор заключает сделку, и она действительно оказывается убыточной. После этого миноритарные акционеры подают иск о взыскании убытков с директора, поскольку он недобросовестно и неразумно исполнял свои обязанности. Можно ли в таком случае удовлетворять иск? Ведь если бы директор проигнорировал волю большинства акционеров, обосновывая это тем, что он исполнял свои собственные фидуциарные обязанности, и, осознав на основании мнения миноритариев, что сделка будет убыточной, отказался бы от ее совершения, то он, с весьма высокой долей вероятности, столкнется с иском со стороны мажоритариев, которые посчитают что из-за действий директора был упущен очень выгодный контракт. В такой ситуации возникает очень непростая

коллизия, которая обнажает практически все ключевые аспекты агентских проблем корпоративного права.

В данном вопросе довольно интересен зарубежный опыт, где, как правило, подобный вопрос на уровне позитивного законодательства. Всего можно выделить 3 подхода к решению данной проблемы.

Первый подход позволяет ограничить ответственность директора абстрактно, т.е. посредством закрепления в уставе определенных действий, которые разрешается совершать директору. Без наличия оговорки, подобные действия будут считаться нарушением фидуциарных обязанностей. Такой подход закреплен, к примеру, в законодательстве штата Дэлавер [18, с. 733]. Данный подход имеет как свои преимущества, так и недостатки. Главным плюсом является возможность директора принимать более риск-ориентированные решения. Для определенных отраслей предпринимательской деятельности (спекуляций на фондовом рынке, осуществления операций со структурными продуктами (структурные ноты), осуществления краудлендинговой деятельности и т.д.) данное решение может быть крайне полезным. Однако и минусы у данного подхода также имеются. Подобное регулирование может подталкивать директора к принятию слишком рискованных (а, возможно, и чересчур беспечных) решений. В данном случае нужно помнить, что согласно бихевио-экономическому анализу права человек склонен к сверхоптимизму, неприятию потерь (*loss aversion*) и недооценке малой вероятности [24, с. 162]. Подобные свойства лица, которое хоть и является профессионалом, но все-таки остается живым человеком, нельзя игнорировать. Еще одной проблемой выступает *moral hazard*, т.е. представление о том, что сторона, защищенная от риска будет действовать иначе, чем если бы у нее не было этой защиты [23, с. 326]. Это может привести к довольно неприятным последствиям.

Согласно второму подходу, освобождение директора от ответственности возможно в случае, если его действия были предварительно одобрены собранием акционеров. Так, ст. 93 (4) Германского закона об акционерных обществах предусматривает возможность освободить директора от ответственности за принятые решения, если он получил их *ante* одобрение собрания акционеров. Исключение делается только на случай, если действия директора носили оппортунистический и корыстный характер [22, с. 344]. Такой подход кажется оптимальным, поскольку директор является проводником воли организации, и если большинство акционеров предварительно одобряют совершение сделки, то они считают данное решение разумным и необходимым.

Третий подход предполагает освобождение директора от ответственности, если его действия были одобрены *ex post*. В целом такой подход также может иметь место и разделяется практически всеми ведущими правовыми порядками. Причем это возможно не просто путем проведения общего собрания акционеров и одобрения предшествующих действий, но и посредством прощения долга и отказа от подачи искового заявления о взыскании убытков с директора [15, с. 127].

Возвращаясь к российскому правопорядку, стоит отметить, что отечественную судебную практику в данном вопросе можно разделить на два этапа – до принятия ПП ВАС РФ № 62 и после. Так, до принятия Пленума суды зачастую отказывали в возмещении убытков с директора, если его действия были одобрены общим собранием акционеров. Например, в Постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 26.12.2011 по делу № А-53-5353/2011 было отказано во взыскании убытков с директора, поскольку общее собрание одобрило его сделку [10]. В данном случае судебная практика реализовала третью модель освобождения директора от ответственности, т.е. на основании *ex post* одобрения.

Также, в России был представлен и второй подход. В Постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 19 июня 2013 по делу № А33-12782/2012 о взыскании убытков с директора было отказано на основании того, что предварительно его действия, направленные на продажу недвижимого имущества по заниженной стоимости, были одобрены общим собранием [9].

Однако, принятие ПП ВАС РФ № 62 полностью поменяло судебную практику. Рассматриваемый в настоящей статье вопрос получил свою регламентацию в п. 7. ВАС РФ занял позицию, согласно которой совершение действий со стороны директора во исполнение решения собрания само по себе не может служить основанием освобождения от ответственности [2].

Позиция ВАС РФ получила развитие в последующих правоприменительных актах. Так, Постановлении ФАС Уральского округа от 30.06.2022 № Ф09-8654/21 директор был привлечен к ответственности за сдачу в аренду помещения. По мнению заявителя, данный договор был заключен на невыгодных условиях для общества, а наличие формального согласования сделки не может препятствовать привлечению к ответственности [7]. Подобная практика на данный момент является господствующей. Суды воспроизводят текст п.7 ПП ВАС РФ № 62 и привлекают директора к ответственности. Особенно ярко эта тенденция проявила себя в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ (далее – СКЭС ВС РФ) от 17.09.2019 № 305-ЭС19-8975. Данное определение попало в п.16 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах от 25 декабря 2019 (далее – Обзор). Согласно позиции СКЭС ВС РФ, одобрение сделки общим собранием не влечет освобождения директора от ответственности за причиненные обществу убытки [4]. На первый взгляд может показаться, что обзор просто повторил позицию ПП ВАС РФ № 62, и, тем самым, просто напомнил о ее актуальности. Однако, в п.16 Обзора, в отличии от правовой позиции ВАС РФ, отсутствует формулировка «само по

себе» [3]. Буквальное и системное толкование подобных положений может привести к следующему выводу – ВАС РФ исходил из того, что одобрение общим собранием может служить основанием для освобождения директора от ответственности в случае, если помимо этого одобрения есть еще определенные факторы, следовательно, акционерное одобрение учитывается при решении вопроса о привлечении к ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей. СКЭС ВС РФ заняла более жесткую позицию, признав абсолютную иррелевантность корпоративного одобрения. Однако, подробный анализ вышеназванного определения показывает, что СКЭС ВС РФ не делала попытки отойти от позиции ВАС РФ. Это подтверждается тем, что в тексте судебного акта, СКЭС ВС РФ дословно воспроизводит позицию ВАС РФ, не давая ей дополнительного толкования. Обзор также, хоть и приводит более жесткую позицию в абз.1 п.16, все-таки в своем тексте упоминает ПП ВАС РФ, и, более того, также оставляет формулировку ВАС РФ без какой-либо критики. Это может свидетельствовать скорее о неудачности формулировки п 16 Обзора, чем о попытке совершить переворот в вопросе привлечения директора к ответственности. Данное мнение получило некоторую поддержку в литературе, и как кажется, является верным [15, с. 123].

Подход, занятый ВАС РФ и последующей судебной практикой являлся инновационным. Он получил значительную поддержку в отечественной доктрине. Зачастую в качестве аргумента указывают правило, согласно которому, нельзя быть освобожденным от ответственности за правонарушение на основании того, что твои действия были одобрены либо делались во исполнение приказа или распоряжения [14, с. 115].

Помимо этого, в поддержку данного подхода можно выразить следующее соображение. Мажоритарные акционеры зачастую тесно связаны с директором, следовательно, могут вступить в сговор, выводя имущество из собственности корпорации на подставных аффилированных лиц. В такой ситуации

мажоритарии содействуют директору и действуют, в том числе, в своих оппортунистических интересах. Потери в таком случае будут нести только миноритарии. Если отобрать у них возможность взыскивать убытки за нарушение директором фидуциарных обязанностей, то они останутся практически без средств правовой защиты. В качестве еще одного аргумента можно привести тот факт, что фидуциарные обязанности у директора имеются не только перед корпорацией, но и перед акционерами [20, с. 1898] а, следовательно, формальное одобрение заинтересованными мажоритариями недобросовестных действий директора не должно влечь сложение с него фидуциарных обязанностей в отношении миноритарных акционеров. Также в доктрине отмечается, что обязанность директора действовать от имени юридического лица добросовестно и разумно является автономной. Ввиду этого, формальное одобрение со стороны общего собрания в принципе отменить ее не может [12, с. 296].

Однако, минусы у данного подхода также имеются. Во-первых, данный подход подталкивает директора к игнорированию воли акционеров. Тут стоит учитывать следующее. Отношения между директором и акционерами можно назвать агентскими, в рамках которых директор выступает в роли агента, а акционеры в качестве принципала. Подобное понимание природы данных отношений является господствующим в зарубежной доктрине [19, с. 112]. В целом, подобная квалификация довольно точно отражает истинную природу подобных правовых связей. Директор является проводником воли своих акционеров, а финансовое состояние последних во многом зависит от добросовестных и разумных действий директора. Если директор начинает игнорировать волю принципала, то это существенным образом противоречит природе данных правоотношений. Во-вторых, при последовательном проведении данного подхода, в соответствии с которым миноритарии могут привлекать директора к ответственности (поскольку мажоритарий голосовал за

одобрение решения, он предъявить иск к директору не может, так как это будет противоречивым поведением, а, следовательно, подобное осуществление права заблокировано исходя из правила эстоппель), нарушается одно из основных правил корпоративного права – воля большинства связывает юридическими последствиями всех участников гражданско-правового сообщества [16, с. 52]. Если миноритарии в каждом случае смогут привлекать директора к ответственности, то это может если не полностью устранить вышеназванное основное начало, то как минимум серьезно дестабилизировать его. Директор, опасаясь исков миноритариев, будет серьезно связан их мнением, возможно даже в большей степени, чем мнением мажоритариев. При таком положении дел перед нами возникает очередная агентская проблема – миноритарии начинают становиться реальными руководителями корпорации [11, с. 100]. Однако, принцип большинства в корпоративном праве всегда подразумевает под собой необходимость учета интереса миноритариев при управлении обществом. Миноритарии обладают другими способами правового воздействия, в случае несогласия с принятым решением. Так, ст. 75 ФЗ Об Акционерных Обществах (далее – ФЗ об АО) и ст. 23 ФЗ Об Обществах с Ограниченной Ответственностью (далее – ФЗ об ООО) позволяют миноритарию требовать выкупа обществом его акций при совершении крупной сделки, если он голосовал против. Тем не менее, в случае, когда был сговор директора с мажоритариями, взыскание убытков кажется вполне допустимой формой защиты прав.

Несмотря на то, что, как было показано выше, в нашей судебной практике господствует подход, согласно которому привлечение директора к ответственности при принятии неграмотного управленческого решения при наличии одобрения со стороны акционеров является общим правилом, присутствует ряд случаев, в которых наша судебная практика признает возможность освобождения директора от ответственности.

Во-первых, возможность освобождения директора от ответственности зачастую зависит от количества большинства, которое одобряло его действия. Так, в постановлении АС Серверо-Западного округа от 21.03.2018 №Ф07-1407/2018, суд отказал в привлечении директора к ответственности за назначение самому себе премии, поскольку его действия были одобрены всеми участвующими в собрании акционерами [8]. Помимо единогласного одобрения, в судебной практике встречаются случаи «почти единогласного одобрения». Так, в Определении СКЭС ВС РФ от 22.03.2018 № 301-ЭС18-1137, суд отказал в привлечении директора к ответственности за выдачу беспроцентного займа, поскольку его действия были одобрены 99% участвующих [5]. Подобный подход является безусловно верным, заслуживающим поддержки, и соответствует концепции «агентских отношений» между директором и акционерами, правилу эстоппель, а также вытекает из природы корпоративного права, поскольку в случае единогласного одобрения сделки невозможно противопоставить интересы корпорации и отдельных участников.

Во-вторых, в науке отмечается, что директор может быть освобожден от ответственности, если он совершал действия во исполнение указания, если при этом не было явного злоупотребления и исполнения заведомо незаконного/ничтожного решения собрания [13, с. 59]. И действительно, анализ п.16 вышеприведенного Обзора свидетельствует о возможности закрепления в уставе права общего собрания акционеров на дачу обязательных указаний. Однако, само такое право ФЗ Об АО / ФЗ об ООО не предоставлено. Это ставит серьезный вопрос о роли диспозитивности и принципа свободы договора в корпоративном праве. Не имея возможности остановиться на данном вопросе, поскольку подробный разбор данной проблематики явно выходит за пределы темы данной работы, лишь отметим, что на наш взгляд, более оптимален подход, согласно которому нормы корпоративного права носят скорее диспозитивный характер, нежели императивный, если они проходят тест на диспозитивность,

установленный ПП ВАС № 16 от 14.03.2014 «О свободе договора и ее пределах» [1]. По крайней мере, такой вывод точно применим к ООО и прямо подтвержден судебной практикой в Определении СКЭС ВС РФ 11.06.2020 №306 ЭС19-24912 (дело Яны Тормыш) [6]. Соотношение понятий «указание» и «одобрение» является довольно сложным. В доктрине отмечается, что под одобрением понимается согласие на совершение сделки (ст.157.1 ГК РФ), в случае же с решением-указанием речь идет об определенной инструкции, адресованной директору, обязывающей совершить его определенное действие [15, с. 149]. Если принять такую точку зрения, то освобождение директора от ответственности при выполнении им указания, при отсутствии явной злоупотребления правом кажется вполне разумным решением.

Еще одним потенциальным ограничителем ответственности директора за убытки общества может быть правило *business judgment rule*, анализ которого давался выше. Если мы будем применять его достаточно широко, то директор будет освобождаться от ответственности при наличии одобрения во всех случаях, за исключением тех, где со стороны директора наблюдается оппортунистическое поведение, явно противоречащее интересам корпорации. В таком случае, одобрение действий директора будет служить потенциальным аргументом в поддержку направленности его действий на интересы общества.

Подводя итог настоящему исследованию, стоит отметить, что в вопросе привлечения директора к ответственности при наличии одобрения его действий проявляется настоящая конкуренция принципов корпоративного законодательства, а также сложность согласования интересов миноритариев и мажоритариев. Исходя из приведенного выше анализа, *de lege ferenda* оптимальным подходом выглядит признание в качестве общего правила освобождения директора от ответственности, если его действия были одобрены собранием акционеров. При наличии злоупотреблений возможность взыскания убытков должна быть доступна миноритариям. Именно таков подход у

большинства зарубежных стран, и, в целом, он кажется наиболее компромиссным и сбалансированным, поскольку, с одной стороны, признает необходимую устойчивость структуры корпоративного управления, а, с другой стороны, не отнимает абсолютно все способы защиты прав миноритариев, поскольку право на оспаривание незаконного решения собрания и требование о выкупе акций (долей) остаются доступными.

Список литературы:

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 О свободе договора и ее пределах // «Вестник ВАС РФ», № 5, 2014.
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица // Доступ из СПС Консультант Плюс.
3. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, 2020.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 305-ЭС19-8975 // Доступ из СПС Консультант Плюс.
5. Определение Верховного Суда РФ от 22.03.2018 № 301-ЭС18-1137 по делу № А43-3196/2017 // СПС Консультант Плюс.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС Консультант Плюс.
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.06.2022 № Ф09-8654/21 по делу № А47-15030/2020 // Доступ из СПС Консультант плюс.
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.03.2018 № Ф07-1407/2018 по делу № А56-40475/2016 // СПС Консультант Плюс.

9. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19.06.2013 по делу № А33-12782/2012 // Доступ из СПС Консультант плюс.
10. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.12.2011 по делу № А53-5353/2011 // Доступ из СПС Консультант Плюс.
11. Алпатов М.А. Конструкция принудительного выкупа ценных бумаг публичного общества мажоритарным акционером (squeeze-out): анализ с точки зрения соблюдения баланса интересов сторон // Вопросы российской юстиции. 2024. №29. С. 95 – 109.
12. Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017. 672 с.
13. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. – М.: Статут, 2017. 160 с.
14. Степанов Д.И. Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. – М.: Статут, 2018. 207 с.
15. Чупрунов И.С. Влияние одобрения акционеров на ответственность директора перед корпорацией // Вестник экономического правосудия. 2020. № 7. С. 112 – 167.
16. Allen T. William, Kraakman R. Khanna S. Vikramaditya. Commentaries and Cases on The law of business organization. – Sixth Edition. New York: Wolters Kluwer, 2021. 783 p.
17. Bourne N. Bourne on Company Law. Sixth edition. – London.: Routledge, 2013. 419 p.
18. Directors' & Officers' (D&O) Liability / ed. by S. Deakin, H. Koziol, O. Riss. – Vienna: De Gruyter, 2018. 1008 p.
19. Easterbrook F. H. Fischel D.R. The Economic Structure of Corporate Law. – London: Harvard University press, 1991. 370 p.

20. Hansmann H., Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts // *Yale Law Journal*. 1991. Vol. 100. P. 1879-1934.
21. Klappstein V. Directors' Duties and Liability in Germany // Annex to Study on Directors' Duties and Liability. Country Reports. 2013. P. 326- 354
22. Kraakman R. *The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach*. Second Edition. – New York: Oxford University Press, 2009. 559 p.
23. Koziol H. *Basic questions of Tort law from a Comparative Perspective*. – Vienna: Jan Sramek Verlag. 2015. 867 p.
24. *The Oxford handbook of the Corporate law and Governance* / ed. by Godon N. Jeffrey, Ringe Wolf-George. – Oxford: Oxford university press, 2020. 1200 p.

Базазян Елена Андреевна

Челябинский государственный университет

Институт права

Россия, Челябинск

elena.lena5555515@gmail.com

Bazazyan Elena

Chelyabinsk State University

Institute of Law

Russia, Chelyabinsk

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНСТИТУТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация: в статье исследуется и даётся оценка появлению и развитию в отечественном законодательстве «цифровых прав» как нового объекта гражданского права. Автор анализируется эволюция развития института цифровых прав и его особенности, формулируются основные дискуссионные вопросы относительно явления цифровых прав. Высказывается суждение, что цифровые права на данном этапе развития технологий и норм их регламентирующих, имеют основание считаться самостоятельными, хоть и намеренно законодательно ограниченными в оборотоспособности.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданского права, цифровизация, цифровая экономика, цифровое право, цифровые объекты.

ABOUT SOME ISSUES OF THE INSTITUTE OF DIGITAL RIGHTS AS AN OBJECT OF CIVIL LAW

Annotation: the article examines and evaluates the emergence and development of “digital rights” in domestic legislation as a new object of civil law. The author analyzes

the evolution of the development of the institution of digital rights and its features, and formulates the main controversial issues regarding the phenomenon of digital rights. It is argued that digital rights at this stage of development of technologies and the norms governing them have reason to be considered independent, although deliberately legally limited in negotiability.

Key words: digital rights, objects of civil law, digitalization, digital economy, digital law, digital objects.

В последние десятилетия мир активно идёт по пути цифровизации всех сфер жизни общества, соответственно трансформации подвергаются и правовые отношения. Новая цифровая реальность нуждается в нормативно-правовом регулировании, так как появляются явления никогда ранее не существовавшие, в частности цифровая экономика.

Цифровая экономика формируется на основе цифровизации и соответственно имеет свою специфику, но всё же не может рассматриваться отдельно от остальной экономики и представляет собой лишь один из ее сегментов. Понимая важность и перспективность развития этого направления большинство стран в современном мире избирают курс на поддержку и расширения цифровой экономики, в том числе с помощью правовых инструментов.

Цифровые права как категория объектов гражданского права появилась в российском законодательстве в связи с принятием Федерального закона от 18.03.2019 N 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", вступившего в силу с 1 октября 2019 г [1]. Из анализа данного нормативно-правового акта можно сделать вывод, что почти все изменения, вносимые в Гражданский Кодекс РФ (далее ГК РФ) были направлены на модернизацию институтов гражданского права, их цифровизацию.

Главным изменением видится введение в ГК РФ статьи 141.1, посвящённой раскрытию термина «цифровые права» и регламентации основных условий использования этого нового объекта гражданского права, соответственно также были внесены изменения в статью 128 ГК РФ [2].

В редакции 2019 года цифровые права были отнесены к категории имущественных прав наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. Можно также отметить, что в 2023 году законодатель дополнил эту категорию включением в неё цифровых рублей как одной из разновидностей безналичных денежных средств, что также говорит о понимании важности движения по направлению легализации вновь появляющихся цифровых явлений, и формировании в соответствие с этим национальной политики.

Соответственно, на сегодняшний день к объектам гражданских прав ГК РФ относит: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага [2].

Если проследить эволюцию развития отечественного законодательства о цифровых правах, то можно отметить, что проблема нормативного определения цифровых прав активно разрабатывалась, начиная с марта 2018 года.

Самыми обсуждаемыми и дискуссионными положениями при рассмотрении законопроекта № 424632-7 (о цифровых правах), который и был позднее принят являлись следующие вопросы: формулировка понятия «уникальный цифровой код» и процедура перехода прав на него - было

принято решение не использовать; слишком широкое определение цифровых прав, которое могло спровоцировать как неясность что именно подразумевается под цифровыми правами, так и злоупотребления; исключение из законопроекта норм о легализации криптовалюты – что говорит о том факте, что система пока не готова к введению в оборот криптовалюты [5]. Все эти предложения представляются достаточно спорными и сегодня, так как имеются аргументы как за их включение в гражданское законодательство, так и против.

Авторы законопроекта подчёркивали, что невозможно игнорировать появление новых цифровых объектов и тот факт, что они уже используются как в России, так и за рубежом. Соответственно, введение их в правовое поле и регламентация - это лишь признание уже существующего положения вещей. Особо подчёркивалось, что законодательное урегулирование цифровых прав необходимо в первую очередь для того, чтобы защитить лиц, приобретающих подобные объекты, кредиторов и наследников, обеспечить их правовую защиту [7]. Но безусловно нельзя не отметить и тот факт, что принятие поправок о цифровых правах необходимо и для развития цифровой экономики, которая требует новых решений и новых подходов. Также нужно сказать, что в ГК РФ обозначен только вектор, направление и определены базовые положения, на основании которых можно осуществлять регулирование рынка новых объектов цифровой экономики. Технологические вопросы закреплены в ГК РФ не были.

После введения в законодательство положений о цифровых правах в науке гражданского права появилась дискуссия, в первую очередь о формулировке понятия цифровых прав и вообще целесообразности выведения их в отдельную категорию прав.

Отечественное гражданское законодательство рассматривает цифровые права как самостоятельный объект гражданского права, который обладает

особой спецификой, набором характерных только для него признаков. Но не все учёные цивилисты согласны с данным тезисом, многие из них высказывают противоположное мнение. Цифровые права рассматривается не как новый самостоятельный вид прав, а только как электронная форма закрепления имущественных прав.

С. В. Сарбаш говорит о том, что цифровые права – это форма уже существующего права (обязательственного, вещного и тд), и они лишь представляет собой метод оформления соответствующего правоотношения, а не его содержание [9]. Подобную точку зрения высказывают и другие авторы, утверждая, что формулировка цифровые права создает ложное представление о создании нового вида прав, когда на самом деле можно говорить лишь об особом новом способе фиксации права, тем не менее влияющем на свойства закрепленного права [6].

А. В. Асосков, высказывает позицию, что цифровые права наряду с бездокументарными ценными бумагами представляют собой способ удостоверения имущественных прав, и от ценных бумаг их отделяет цифровая специфика [9].

Но есть и учёные придерживающиеся мнения о том, что цифровые права являются самостоятельными и их введение в подобном качестве абсолютно оправдано. Они говорят о том, что цифровые права обладают уникальными признаками и особенностями, которые не присуще больше ни одному виду объектов, и именно наличие этой специфики и позволяет говорить об их самостоятельности [8].

Вторым спорным вопросом можно назвать вопрос относительно того факта, что цифровые права в ГК РФ понимаются в узком значении и легальное определение не охватывает все объекты, которые по своему функциональному назначению также подходят под категорию цифровых объектов. Но как уже было сказано выше, именно вопрос о необходимости сделать определение

цифровых прав максимально конкретным и стоял перед законодателем, так как при рассмотрении законопроекта критиковалось «слишком широкое» определения цифровых прав, законодатель умышленно сужал его, чтобы придать легализацию только тем объектам, которые, по его мнению, нуждаются в правовой защите и правовой регламентации. Поэтому, вопрос об увеличении свободы в этой сфере на данный момент не стоит. Можно отметить, что в законодательстве цифровые права намеренно были ограничены в оборотоспособности, это следует из анализа статьи 141.1. Сознательно было введено много ограничений, потому что цифровые права — это явление достаточно новое и недостаточно изученное, соответственно сложное для регулирования.

Вызывает споры, и сама дефиниция цифровые права, которая видится не совсем удачной. Во-первых, из-за достаточно условной самостоятельности таких прав, о чем было сказано выше. Во-вторых, из-за разночтений с международным пониманием цифровых прав, так как за рубежом под ними чаще всего понимают право на доступ и использование сети Интернет в самом широком смысле, а то, что в российском законодательстве понимается под цифровым правами, в международной практике именуется цифровыми активами. Но так как в России о цифровых правах как о правах человека нового поколения говорить пока не приходится, то единственным верным их толкованием представляется то, что описано в ГК РФ.

На сегодняшний день помимо ГК РФ основными законодательными актами регулирующие цифровые права являются Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ и Федеральный закон "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 02.08.2019 N 259-ФЗ. С 2020

года более не было принято никаких значимых законов о цифровых правах [3], [4]. Скорее всего это объясняется тем фактом, что следующий наиболее логичный и ожидаемый шаг – это введение в гражданский оборот криптовалюты, что в условиях сегодняшнего времени особенно актуально в экспортно-импортных отношениях. Но, с другой стороны, мы можем наблюдать активное развитие цифрового рубля, который собой тоже представляет развитие привычного института гражданского права в условиях цифровизации, но является более безопасным и простым в контроле.

Можно сделать вывод, что на данный момент существует несколько дискуссионных вопросов относительно регулирования цифровых прав: доктринальное определение дефиниции «цифровые права»; определение природы самостоятельности или несамостоятельности цифровых прав как объекта гражданских прав.

Дискуссии относительно целесообразности введения законодательной регламентации цифровых прав и развитию их в цифровом поле не имеется, так как в условиях новой цифровой экономики цифровые права представляют собой значимую ее часть.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что выделение цифровых прав в отдельную категорию объектов гражданских прав свидетельствует о признании их экономической ценности, а также важности защиты прав лиц, которые их используют. Цифровые права соответствуют всем признакам объектов гражданского права, но имеют особенности и специфические признаки, которые обусловлены их цифровой природой, поэтому необходимо учитывать это при дальнейшем их регулировании.

Сейчас институт цифровых прав находится на стадии своего формирования и становления. Поэтому, на данный момент их выделение в отдельный вид объектов гражданского права видится оправданным, так как аналогов ранее не было, сложно говорить о том, что цифровые права

представляют собой всего лишь форму закрепления иных прав, на нынешнем этапе развития как технологий, так и отношения к ним вариант выделения их в отдельную категорию кажется наиболее правильным. Возможно, далее этот институт, и в первую очередь его название трансформируется и цифровые права станут лишь одной из разновидностей уже существующего вида прав или способов оформления этих прав, но это может произойти только с течением времени и развития цифровой среды.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2019.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238-239.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2020.
4. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2019.
5. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2018). URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2019).

6. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 179-192.

7. Ефименко Е. Совет по кодификации отклонил законопроект о цифровых правах // URL: <https://pravo.ru/story/208294/>

8. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.

9. Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И., Генкин А. С., Сарбаш С. В., Асосков А. В., Семенов А. В., Янковский Р. М., Журавлев А. В., Толкачев А. Ю., Камелькова А. В., Успенский М. А., Крупенин Р. А., Кислый В. А., Жужжалов М. Б., Попов В. А., Аграновская М. А. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. — 2019. — № 5. — С. 31-54.

Быстрова Диана Игоревна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Высшая школа права

Россия, Москва

di.bister@yandex.ru

Bystrova Diana

Plekhanov Russian University of Economics

Higher School of Law

Russia, Moscow

ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ АУДИТОРСКИХ УСЛУГ

Аннотация: оказание аудиторских услуг состоит в получении достоверных сведений о состоянии компании и подтверждение финансового состояния, получения аудиторского заключения, проверке налоговых рисков, консультациям по юридическим вопросам и оценке стоимости объектов сделки. Качество услуг, достоверность оказываемых услуг, независимая оценка, должна соответствовать повышенному спросу, для этого необходим анализ существующей на данный период законодательной базы и ее совершенствование.

Ключевые слова: договор возмездного оказания услуг, аудит, аудиторское заключение, обязательный и инициативный аудит, финансовая отчетность.

FEATURES OF THE PROVISION AND SETTLEMENT OF DISPUTES IN THE FIELD OF AUDIT SERVICES

Annotation: the provision of audit services consists in obtaining reliable information about the state of the company and confirming the financial condition, obtaining an

audit opinion, checking tax risks, consulting on legal issues and assessing the value of the transaction objects. The quality of services, the reliability of the services provided, an independent assessment must meet the increased demand, for this it is necessary to analyze the existing legislative framework for this period and improve it. **Key words:** contract for the provision of paid services, audit, audit report, mandatory and initiative audit, financial statements.

В настоящее время все больше компаний подлежат обязательному аудиту, так возрастает спрос компаний, которые прибегают к инициативному аудиту, либо разного рода оказания сопутствующих аудиту услуг. К таким можно отнести и консультирование по ведению бухгалтерского учета, кадрового учета, управленческого учета, юридических консультаций и оценке бизнеса и сделок с ним. Кроме того, прохождение аудиторской проверки дает руководителю понимание его слабых сторон, недостатков и подготавливает компанию к возможной налоговой проверке.

Под процедуру обязательного аудита согласно Федерального закона «Об аудиторской деятельности» № 307 от 30.12.2008, попадают организации, которые осуществляют кредитную, страховую деятельность, являются микрофинансовыми организациями, управляющими компаниями, участниками рынка ценных бумаг, клиринговые организации, негосударственные фонды в том числе пенсионные, а также организации обязаны провести аудит в отчетном году если за предшествующий год выручка организации превышает 800 000 000 рублей или сумма активов больше 400 000 000 рублей [2].

Осуществлять и указывать в наименовании организации аудит, либо публиковать, что компания занимается аудиторскими услугами может лишь организация, которая состоит в саморегулируемой организации аудиторов и внесены в соответствующий реестр. То же самое касается и общественно значимых организаций, оказывать аудиторские услуги им имеет право

компании, которые внесены в реестр аудиторских организаций, осуществляющих аудит общественно значимых организаций [7].

Основной целью аудита является подтверждение достоверности финансовой отчетности организации. Проведения инициативного аудита, может быть, желание собственника компании убедиться в соответствующем финансовом состоянии компании, в компетенции и честности финансового директора и бухгалтера, а также веской причиной обращения к аудиторской компании может служить риск налоговой проверки и оценке налоговых рисков организации. Аудиторские организации вправе оказывать дополнительные так называемые сопутствующие услуги аудиту, по договорам аутсорсинга, можно заказать у аудиторской компании ведение бухгалтерского либо налогового учета [5, с. 44–45].

Необходимо рассмотреть специфику оказания аудиторских услуг, для понимая рисков, с которыми сталкивается как заказчик – аудируемое лицо, так и исполнитель – аудиторская организация.

Аудиторская проверка как правила проводится, по следующему алгоритму, заказчик, выбирает аудиторскую компанию, заключает договор, вносит предоплату, либо полную оплату услуг, после чего назначается аудиторская группа, которая непосредственно выходит на проверку в лице обязательно руководителя проверки, с квалифицированным аттестатом аудитора, который необходим для выдачи аудиторского заключения. Также возможен случай, когда аудиторская компания откажется от заключения договора, потому что есть репутационные риски, для того чтобы защитить свою репутацию, проводится предаудит, который проверят поверхностно правильность ведения бухгалтерского и налогового учета.

Главная задача у аудиторской компании — это подтверждение финансовой отчетности на достоверность и благонадежность компанию, а также возможно решение проблемных либо спорных моментов в компании заказчика, когда

бухгалтер либо финансовый директор обращается к аудитору за консультацией о правильности операций. В силу того, что аудиторская проверка как правило регламентирована достаточно коротким временем и перед аудиторами нет задачи провести сплошную проверку, а все-таки выборочную, аудиторская группа делает выборки, на основании которых делает заключение об уверенности в финансовой отчетности компании.

С точки зрения заказчика аудиторская проверка – это достаточно напряженный период, когда необходимо подготовить большие массивы выборки документов, отвечать на вопросы аудиторов, быть на связи с ними возможно даже после проверки, так как аудиторское заключение выдается не сразу как аудиторская группа покинет компанию.

Не стоит считать, что только аудиторская группа выдает свое заключение и не подлежит проверке из вне.

Во-первых, согласно закона "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 N 115-ФЗ, а также закона "Об аудиторской деятельности" от 30.12.2008 N 307-ФЗ и "Международному стандарту аудита 220 "Управление качеством при проведении аудита финансовой отчетности", в аудиторской компании в обязательном порядке должен быть организован внутренний контроль, на который возложена функция проверки за аудиторской группой ее заключения и выявления ошибок недочетов, а также принятия решения о том какое мнение выдавать компании модифицированное или немодифицированное. [3].

Во-вторых, аудиторские организации подвергаются регулярным проверкам со стороны Казначейства России, Счетной палаты, Центрального банка РФ, а также саморегулируемых организаций, членство в которых является обязательным условием для осуществления аудиторской деятельности.

Таким образом можно заметить, что со стороны государство все выстроено таким образом чтобы защитить заказчика аудиторских услуг, но и существует определенный риск и со стороны заказчика, что ему будут оказаны услуги ненадлежащего характера, либо выдано ошибочное мнение, такой риск существует так как проверка происходит выборочного характера все же а не сплошного, так обратимся к судебной практике по данному вопросу и к рискам искажения мнения о финансовой отчетности организации.

Опасность недобросовестного аудита, так несклочен случаи, когда аудиторская организация после проверки выдает положительное немодифицированное мнение, однако после налоговая проверка находит искажения в бухгалтерской отчетности, которые влекут за собой доначисление пеней и штрафов. При этом аудиторская проверка была пройдена, без указаний на налоговые риски, собственникам бизнеса в данном случае необходимо уделить условия, на которых был заключен договор на оказание аудиторских услуг. Так данный вид договора относится к гражданско-правовым [6, с. 345], и если впоследствии выяснится, что некачественно оказанная услуга- аудит, повлек за собой дополнительные издержки, то заказчик аудиторских услуг вправе потребовать компенсацию расходов (ст.12, 15, 393 ГК РФ) [1].

Также необходимо предусматривать в договоре возмещение убытков аудиторской фирмой, в таком случае есть шансы досудебного решения спора.

В договоре на оказание аудиторских услуг следует предусмотреть следующие существенные условия (ст. 432 ГК РФ) такие как предмет договора, стоимость услуг, сроки выполнения работ, меры ответственности исполнителя в случае неверного заключения [5, с. 168].

Так лучшим способом не вступать в судебные или досудебные разбирательства с аудируемой компанией это грамотный выбор аудиторской организации.

Важно проверить наличие лицензий, прохождения проверок от саморегулируемой организации, Казначейства России либо Банка России аудируемой организации, также следует обратить внимание на наличие и уровня квалификации сотрудников будущих аудиторов, об этом можно судить на проведении предварительных консультациях и при переговорах о заключении договора. Также следует уделить внимание на бухгалтерскую отчетность аудиторской организации, на активы и финансовые результаты организации в случае, если необходимо будет обратиться за возмещением убытков.

Рабочей мерой повышение надежности в аудиторской организации является страхование профессиональной ответственности аудиторов. Так оказание качественных аудиторских услуг, может быть, и неделание огласки некачественного оказания услуг так как при наступлении страхового случая необходимо обращается в суд, так и отказ страховой компании рассматривать некачественный аудит как страховой случай.

При проведении обязательного аудита, аудиторская компания, должна страховать риск ответственно оказания некачественных услуг, а также нарушения условий договора согласно ст.931 ГК РФ [1].

Одной из мерой для заказчика аудиторских услуг, кроме грамотно составленного договора, может являться наличие полиса страхования профессиональной ответственности, у аудиторской организации. Так как наличие полиса страхования профессиональной ответственности указывает на надежность и высокий профессионалом выбранной аудиторской организации.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 25.02.2022). // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // СПС КонсультантПлюс.

3. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС КонсультантПлюс.

4. Гражданское право: учебник. В 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. 511 с.

5. Казакова, Н. А. Аудит: учебник для вузов /под общей редакцией Н. А. Казаковой. Текст электронный//Издательство Юрайт, 2021. - С 409. - URL: <https://urait.ru/book/audit-487940>.

6. Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. //Отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 958 с.

7. Официальный сайт саморегулируемой организации аудиторов ассоциация «Содружество» [Электронный ресурс]. // URL: <https://sroaas.ru>

УДК 347.441.6

Зуева Анастасия Сергеевна

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Институт частного права

Россия, Москва

aszueva@inbox.ru

Zueva Anastasia

Kutafin Moscow State Law University

Private Law Institute

Russia, Moscow

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ОБ ОТЧУЖДЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Аннотация: статья посвящена изучению круга вопросов, возникающих при заключении и исполнении договора об отчуждении исключительных прав в отношении отдельных объектов. Автором обозначены некоторые особенности данного договора, имеющие практическое значение, сделаны выводы относительно необходимости совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: отчуждение, исключительные права, результат интеллектуальной деятельности, условия договора, стороны договора.

FEATURES OF THE CONTRACT ON ALIENATION OF THE EXCLUSIVE RIGHT IN RELATION TO INDIVIDUAL OBJECTS

Annotation: the article is devoted to the study of a range of issues arising during the conclusion and execution of an agreement on the alienation of exclusive rights in respect of individual objects. The author identifies some features of this agreement that

are of practical importance, and draws conclusions regarding the need to improve current legislation.

Key words: alienation, exclusive rights, the result of intellectual activity, the terms of the contract, the parties to the contract.

Со дня введения четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации в действие установилось нормативно-правовое регулирование основных положений договора об отчуждении исключительного права, к которому всё чаще обращаются стороны при выборе способа распоряжения исключительными правами. Бурное развитие цифровых технологий по всему миру приводит не только к усложнению существующего регулирования правоотношений, но и к появлению новых инноваций, которые не включены в перечень охраноспособных объектов, что затрудняет процесс передачи исключительных прав другим лицам.

Стоит отметить, что законодателем выбран путь конкретизации базисной нормы, устанавливающей общие элементы и условия договора об отчуждении исключительного права, в специальных нормах. Такое направление регулирования, с одной стороны, направлено на учет особенностей результатов интеллектуальной деятельности для передачи исключительных прав, с другой стороны, таком подходе не удалось избежать дублирования норм, например, в отношении отчуждения объекта смежных прав, топологии интегральной микросхемы. В них лишь вводится конкретизация сторон договора и результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

В договоре об отчуждении исключительного права на произведение необходимо учитывать, что стороны не могут ограничивать права автора на создание похожих произведений такого же жанра, тематики. Также договором нельзя запретить право автора на отзыв, который может им воспользоваться при условии возмещения убытков. Одним из частых положений в договоре является

согласование между сторонами условия о непрепятствовании правообладателем осуществления переданного исключительного права приобретателем, либо условие о содействии в использовании произведения, иначе договор можно квалифицировать как лицензионный [1].

Помимо защиты сторон договора, предусматривается также и защита потребителей при отчуждении отдельных объектов, например, договора об отчуждении исключительного права на изобретения или на товарный знак существуют также положение о запрете введения в заблуждения потребителя о товаре или изготовителе вследствие отчуждения исключительного права. Как указывается Верховным Судом РФ, введение в заблуждение имеет место при искажении представления о товаре или производителе при перенесении информации, содержащейся в товарном знаке, на нового владельца, что может повлиять на решение потребителя [2].

В законодательстве Российской Федерации существует также проблема, связанная с передачей исключительных прав на товарные знаки. Конкретно, проблемой является закрепление в статье 1488 Гражданского кодекса РФ двух альтернативных вариантов для осуществления данной передачи [3]. Договором может быть предусмотрено отчуждение товарного знака только в части товаров. При таком способе право использования одного товарного знака разделяется между несколькими людьми, которые при этом могут осуществлять исключительные права только в отношении различных групп товаров. Выражается мнение, что такое отчуждение исключительного права является мнимым, так как не наблюдается полного перехода от правообладателя к приобретателю исключительного права.

Второй вариант состоит в заключении договора об отчуждении исключительного права на товарный знак, которое будет включать передачу прав на все товары, для которых он был зарегистрирован [4, с 141-142].

Интересным является рассмотрение вопроса об отчуждении исключительных прав, в котором объект непосредственно связан с государством и государственными интересами.

Отдельные особенности наличествуют и в договоре об отчуждении патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, которые были созданы на основании государственного или муниципального контракта. Гражданским кодексом устанавливается срок, в течение которого государство или муниципалитет должны воспользоваться изобретением, созданным для удовлетворения их нужд. В целях практического применения изобретений предусматриваются положения, которые гарантируют автору право обратиться в суд с иском о принудительном заключении безвозмездного договора об отчуждении исключительного права.

Государство устанавливает также специальные условия в отношении договора об отчуждении патента на секретное изобретение. Немаловажное значение в данном вопросе занимает Закон РФ «О государственной тайне», который устанавливает существенные ограничения по распоряжению исключительными правами, связанными с государственной тайной [5]. Также интересным является порядок заключения договора на отчуждение исключительных прав, если объект напрямую связан с государством, а именно с его обороной и безопасностью. В виду особенностей назначения результата интеллектуальной деятельности, по общему правилу, исключительные права на него будут принадлежать государству. Отчуждение в рассматриваемой ситуации происходит по решению Президента Российской Федерации на основании представления уполномоченного органа, который оценивает последствия и возможность передачи исключительного права [6]. Помимо усложнённой процедуры также предъявляются особые правила для приобретателя, например, заинтересованность и возможность внедрения технологии. Примечательно, что вышеупомянутые условия обычно подразумеваются при заключении договора

об отчуждении исключительного права, не связанного с обеспечением обороны и безопасности государства.

В этой связи актуальным для дальнейшего научного исследования будет возможное усложнение процедуры передачи исключительного права при наличии публичного интереса и сложности соблюдения гарантий обеспечения государственной безопасности, так как в связи с проведением специальной военной операции возросла значимость соблюдения интеллектуальных прав в целом, особенно при взаимодействии с иностранными контрагентами.

Кроме этого, серьёзной проблемой становится регулирование правоотношений по поводу перехода исключительных прав в отношении инноваций, которые в настоящее время не являются объектами регулирования. В доктрине активно обсуждается возможность заключения договора об отчуждении исключительного права на «искусственный интеллект» ввиду отсутствия нормативно-правового регулирования этих правоотношений.

Примечательно, что в контексте «искусственного интеллекта» предпочтение уделяется договору об отчуждении исключительного права, если его лицензионный характер не прослеживается явно в договоре, так как полный переход права позволит приобретателю ориентироваться на экономическую целесообразность, а не на ограничения лицензионного договора [7, с. 85-87]. Подузовой Е. Б. было верно отмечено о целесообразности дополнительных условий между сторонами в договоре (например, обязанность по передаче материального носителя, право требовать предоставления заверения об обстоятельствах), так как отсутствие четкой регламентации может привести к убыткам, значительно превышающим выгоду от договора.

Безусловно, можно утверждать о том, что заключение договора об отчуждении исключительного права с правообладателем «искусственного интеллекта» позволит в дальнейшем свободно заключать новые лицензионные договоры с маркетплейсами и электронными магазинами, особенно если

разработчик или предыдущий правообладатель не обладает достаточными знаниями или заинтересованностью в дальнейшем развитии инновационного продукта.

Преимущества заключения договора об отчуждении исключительного права наблюдаются и при обращении невзаимозаменяемых токенов (NFT). Как справедливо отмечается Ю. В. Борисовым и А. А. Победкиным заключение данного договора при передаче права является наиболее оптимальным выбором и для сторон, и для сохранения ценности токена [8, с. 65]. Необходимо отметить, что сам NFT результатом интеллектуальной деятельности не является, он лишь удостоверяет право на объект. Без заключения договора стороны могут надеяться только на цифровую платформу и добросовестность сторон. Заключение договора, даже в отсутствии специальных норм по отношению к объекту, позволяет обеспечить соблюдение прав сторон, но при этом частично размывается сама сущность технологии блокчейн, заключающаяся в обеспечении конфиденциальности (контрагенты могут обмениваться цифровыми объектами используя только никнеймы для идентификации) и высокой скорости совершения сделок.

Целесообразным является и более детальное регулирование отчуждения исключительных прав на big data, в отношении которого, с одной стороны, реализуется национальный проект «Экономика данных», а с другой стороны, не решена даже проблема сущности данного явления и единого цивилистического подхода. Различные авторы трактуют данное понятие по-разному, акцентируя внимание на разных аспектах. Допускать оборотоспособность искусственного интеллекта и big data в целом, но при этом оставлять их без охраноспособности является серьёзным пробелом в законодательстве, без исправления которого эффективное распоряжение исключительными правами на них не может быть осуществлено [9, с. 9-21].

Таким образом, при регулировании передачи исключительных прав необходимо обратить внимание законодателя на существующие проблемы, которые заключаются в дублировании и незавершённости существующих норм. Нельзя не отметить необходимость поддержания баланса между инновациями и их защитой, что является ключевым аспектом для обеспечения дальнейшего включения исключительных прав в гражданский оборот путём заключения договоров и соглашений между участниками. В рассматриваемом контексте необходимо также указать, что инновационные объекты требуют серьёзных технических знаний и решения этических проблем применения, вследствие чего требуется комплексный анализ результатов интеллектуальной деятельности в современном мире и дальнейшие способы создания наиболее оптимального отчуждения и перехода другим лицам исключительных прав на них. Учитывая заинтересованность государства в эффективном применении инноваций в рамках реализации национальных проектов, стоит надеяться на дальнейшую коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование нормативно-правовых механизмов регулирования договора об отчуждении исключительных прав.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 7, июль 2019;
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.02.2017 № 305-ЭС15-4129 по делу № А40-48196/2013 // СПС «КонсультантПлюс»;
3. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496;

4. Городов О. А. Правовое обеспечение инновационной деятельности: монография / О. А. Городов, - М.: ИНФРА-М, 2019. 208 с;
5. Закон РФ от 21.07.1993 N 5485-1 "О государственной тайне" // "Собрание законодательства РФ", 13.10.1997, N 41, стр. 8220-8235;
6. Постановление Правительства РФ от 29.11.2021 N 2087 "О порядке подготовки и содержании представления для принятия решения Президентом Российской Федерации о передаче принадлежащего Российской Федерации исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, непосредственно связанный с обеспечением обороны и безопасности" // "Собрание законодательства РФ", 06.12.2021, № 49 (Часть I), ст. 8273;
7. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. III / отв. ред. Л.Ю. Василевская - М.: Проспект, 2021. 288 с;
8. Брисов Ю. В., Победкин А. А. Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? // Цифровое право, 2022, Т. 3, №1. С. 44-66;
9. Василевская Л. Ю. Big data в механизме формирования основных направлений национального проекта «Экономика данных»: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica, 2024, Т. 77, №. 1. С. 9-21.

УДК 347.72.04

Иванов Егор Андреевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Международно-правовой институт

Россия, Москва

egori17@yandex.ru

Ivanov Egor

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

International law institute

Russia, Moscow

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ И НЕФТЕГАЗОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена изменениям в корпоративном законодательстве в связи с введением односторонних ограничительных мер. В работе уделяется внимание нововведениям как в материально, так и в процессуальном праве. Автором исследовано законодательства, проанализирована доктрина и приведены примеры из судебной практики.

Ключевые слова: экономически значимая организация, иностранная холдинговая компания, приостановление корпоративных прав, филиал (представительство) иностранного юридического лица, недропользователь, преобразование.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CORPORATE RELATIONS IN ECONOMICALLY SIGNIFICANT AND OIL AND GAS ORGANIZATIONS UNDER SANCTIONS PRESSURE

Annotation: the article is devoted to changes in corporate legislation in connection with the introduction of unilateral restrictive measures. The work pays attention to innovations in both material and procedural law. The author has researched legislation, analyzed doctrine and given examples from judicial practice.

Key words: economically significant organisations, foreign holding company, suspension of corporate rights, branch (representative office) of a foreign legal entity, subsoil user, transformation.

С 2022 года по настоящее время Россия сталкивается с беспрецедентным санкционным давлением, которое выражается в введении односторонних ограничительных мер со стороны недружественных государств.

Кроме того, многие иностранные компании под влиянием государственных регуляторов и общественного мнения покинули российский рынок либо приостановили производство.

Указанные действия повлияли на гражданско-правовые отношения, в том числе и на корпоративные правоотношения.

В качестве контрмер в России были приняты ряд законов, регулирующих особенности корпоративных правоотношений в условиях санкций: ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» (далее - «470-ФЗ») и ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества», отдельные законодательные акты РФ и об установлении особенностей регулирования имущественных отношений» (далее - «320-ФЗ»).

470-ФЗ ввел такую правовую категорию как экономически значимая организация [2].

Из легального определения «экономически значимой организации» (далее - «ЭЗО») можно вывести ее квалифицирующие признаки:

1) организация создана в организационно-правовой форме хозяйственного общества;

2) организация имеет существенное значение для обеспечения экономического суверенитета и экономической безопасности РФ;

3) организация включена в специальный перечень, утверждаемый Правительством РФ.

Кроме того, для признания компании в качестве ЭЗО должна соответствовать иным критериям, которые предусмотрены 470-ФЗ.

В.А. Лаптев выделил 3 критерия [5, с. 11]:

- Экономико-правовая характеристика общества (включает в себя выручку за год, количество работников, суммарную стоимость активов, суммы уплаченных за предыдущий год налогов);

- экономическое положение субъекта права на рынке (отнесение организации к субъектам критической инфраструктуры; градообразующая организация; IT-компания, системно значимая кредитная организация, организация-недропользователь);

- степень корпоративного контроля в дочернем обществе (данный критерий определяет долю прямого или косвенного участия российских граждан или резидентов России в иностранной холдинговой компании, их возможность определять решение высшего органа управления, применение участником и самой ЭЗО ограничительных мер блокирующего характера со стороны недружественных государств). Андреев В.К. отмечает, что по смыслу 470-ФЗ «косвенное или прямое владение акциями (долями) означает лишь возможность их обладателя либо непосредственно участвовать в общем собрании участников ЭЗО, либо опосредовано в качестве участника иностранной холдинговой компании» [4, с. 52].

Была также введена такая правовая категория как иностранная холдинговая компания.

Можно выделить следующие признаки иностранной холдинговой компании:

- иностранное юридическое лицо;
- связь с недружественными организациями;
- принадлежность не менее 50% голосующих акций (долей) ЭЗО.

Связь с недружественными государствами может определяться место регистрации юридического лица, местом преимущественного ведения бизнеса, местом извлечения прибыли, а также вхождением в состав участников лиц, владеющих 50% голосующих акций (долей) и связанных с недружественными странами [2].

Комментируя третий признак иностранной холдинговой компании В.А. Лаптев отмечает, что законодатель использует числовой критерий определения степени корпоративного контроля [5, с. 12].

470-ФЗ были установлены основания и порядок приостановления корпоративных прав иностранной холдинговой компании.

Основаниями приостановления корпоративных прав являются отказ иностранной холдинговой компании от осуществления прав или от исполнения обязанностей акционера ЭЗО; совершение действий, направленных на препятствование функционированию ЭЗО; совершение иных действий, которые влекут прекращение деятельности, ликвидацию или банкротство ЭЗО [2].

Закон установил важные изменения в сфере процессуального права.

Была введена исключительная подсудность дел о приостановлении корпоративных прав, дела данной категории рассматриваются Арбитражным судом Московской области.

Заявителями по указанной категории дел являются федеральный орган исполнительной власти; акционеры ЭЗО; единоличный исполнительный орган или член совета директоров ЭЗО; контролирующие иностранную холдинговую компанию лица.

Лицами, участвующими в деле также являются ЭЗО и ее участники.

Рассмотрение дела осуществляется в сокращенные сроки: вопрос о принятии заявления решается в день поступления, дело рассматривается не ранее 5 дней и не позднее 1 месяца с момента поступления заявления.

Арбитражный суд также может принять обеспечительные меры, например: запретить иностранной холдинговой компании голосовать по отдельным вопросам на общем собрании ЭЗО; запретить выплату дивидендов иностранной холдинговой компании.

Решение арбитражного суда о приостановлении корпоративных прав подлежит немедленному исполнению [2].

Последствия вынесения соответствующего решения можно разделить на две группы.

Первая группа последствий затрагивает иностранную холдинговую компанию. Со дня вынесения решения она не имеет права голосовать на общем собрании ЭЗО, принимать в них участие, требовать их созыва. Иностранная холдинговая компания не может распоряжаться акциями (долями) в ЭЗО, получать дивиденды, в отношении иностранной холдинговой компании не применяется преимущественное право приобретения акций (долей) других участников ЭЗО при их отчуждении третьими лицами. Акции (доли) ЭЗО, которые принадлежат иностранной холдинговой компании, переходят к ЭЗО.

Вторая группа последствий затрагивает лиц, которые косвенно владеют акциями (долями) ЭЗО, которые косвенно владеют акциями (долями) ЭЗО, принадлежащими иностранной холдинговой компании. Если такие лица являются гражданами РФ или резидентами РФ, то для них возникает обязанность вступить в прямое владение такими акциями. Если они не удовлетворяют таким условиям, то для них возникает право вступить в прямое владение.

Указанные лица могут обжаловать в судебном порядке отказ ЭЗО во вступлении в прямое владение акциями.

Нераспределенные акции учитываются в качестве собственных акций ЭЗО. Иностранная холдинговая компания вправе обратиться в ЭЗО с требованием о выплате компенсации в размере рыночной стоимости нераспределенных акций.

Последствия могут быть прекращены по решению суда при наличии следующих условий:

- прекращение недружественных действий
- представление письменных доказательств устранения и заверений о недопущении обстоятельств, послуживших основанием для приостановления прав.

470-ФЗ также установил возможность «опубличивания» ЭЗО в двух формах [5, с. 15]: преобразование в ПАО или приобретение публичного статуса при наличии следующих условий: иностранная холдинговая компания контролирует напрямую или косвенно 100% голосов в уставном капитале ЭЗО – ООО либо акции ЭЗО, принадлежащие иностранной холдинговой компании, предоставляют ей большинство голосов, необходимых для принятия общим собранием акционеров решения о внесении в устав изменений, содержащих указание на то, что акционерное общество является публичным.

470-ФЗ также установил судебный порядок создания хозяйственного общества, которому передаются корпоративные права в отношении ЭЗО.

Следует констатировать, что в настоящий момент отсутствует судебная практика по применению положений указанного закона.

Важные изменения были также введены 320-ФЗ. Данный закон был принят раньше, чем 470-ФЗ.

Был введен институт принудительного преобразования филиала (представительства) иностранного юридического лица, осуществляющего недропользование или транспортировку газа, в российское общество с ограниченной ответственностью.

Такое иностранное юридическое лицо должно быть связано с недружественным государством, 320-ФЗ оперирует теми же признаками связи, что и 470-ФЗ.

Закон также предъявляет требования к иностранному юридическому лицу:

- количество акционеров не превышает 50;
- не менее 25% акций (долей) принадлежит акционерам (участникам), которые являются гражданами РФ; российскими юридическими лицами или юридическим лицом, находящимся под контролем российского юридического лица;
- не является публичной компанией, акции которой находятся в свободном обращении или торгуются на организованных торгах;
- является недропользователем или владеет объектами трансграничной газотранспортной инфраструктуры на территории РФ

Закон вводит 4 основания для принудительного преобразования филиала:

- отказ (уклонение) от использования по целевому назначению принадлежащего ему имущества, если это приводит к прекращению деятельности филиала;
- фактическое прекращение управления филиалом;
- принятие решения о ликвидации филиала;
- совершение действий, влекущих прекращение или затруднение деятельности филиала по недропользованию и транспортировке газа.

О наличии таких оснований могут свидетельствовать публичные заявления компании, расторжение или приостановление исполнения договоров, принятие решения о сокращении штата, допущение действий, направленных на соблюдение санкций недружественных государств.

С заявлением о принудительном преобразовании могут обратиться участники (граждане РФ, российские юридические лица, юридические лица под контролем российского юридического лица) иностранного юридического лица,

в совокупности владеющие не менее 25% акций (долей); единоличный исполнительный орган иностранного юридического лица; последний руководитель филиала (представительства).

Дела о принудительном преобразовании рассматриваются Арбитражным судом Московской области.

Лицами, участвующими в деле являются заявитель и иностранное юридическое лицо, вопрос принятия заявления решается в день его поступления, дело рассматривается в течение месяца со дня принятия заявления без проведения предварительного судебного заседания [1].

В доктрине полагают, что в ГК РФ следует внести изменения, а именно добавить форму реорганизации на основе акта судебного органа [6, с. 32]. На мой взгляд, указанные положения не следует вносить в ГК РФ, поскольку преобразование филиала на основании судебного акта введена как мера, направленная на противодействие недружественным действиям иностранных юридических лиц, носит срочный характер, а также распространяется на узкий круг субъектов.

320-ФЗ также закрепляет институт приостановления корпоративных прав иностранных инвесторов в российских хозяйственных обществах, являющихся недропользователями или владельцами газотранспортной инфраструктуры, не являющиеся публичными обществами и имеющими не более 50 участников.

Приостановление осуществляется в судебном порядке на основании заявления участников, владеющих не менее 25% акций (долей); единоличного исполнительного органа или члена совета директоров.

320-ФЗ был принят раньше 470-ФЗ, по нему успела сложиться немногочисленная судебная практика.

Достаточно громким делом стало преобразование Нефтеюганского филиала Компании «Салым Петролеум Девелопмент Н.В.» в ООО «Салым Петролеум Девелопмент» по заявлению ООО «ГПН – Салымские проекты»

(российский акционер иностранного юридического лица) в связи с совершением компанией «Шелл Салым Девелопмент» (иностранное юридическое лицо) действий, затрудняющих функционирование филиала на территории РФ. Суд также приостановил корпоративные права иностранного акционера по участию на общем собрании, получению выплат действительной стоимости доли, прав по распоряжению долями [3].

Таким образом, новеллы корпоративного законодательства затронули нормы как материального, так и процессуального права. Изменения послужили защитной мерой для стабилизации гражданского и торгового оборота на территории России [5, с. 16].

Список литературы:

1. Федеральный закон от 14.07.2022 № 320-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О приватизации государственного и муниципального имущества", отдельные законодательные акты Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования имущественных отношений» // СПС «КонсультантПлюс»
2. Федеральный закон от 04.08.2023 № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Решение Арбитражного суда Московской области от 29.08.2022 по делу № А41-54894/2022 // СПС «КонсультантПлюс»
4. Андреев В.К. О косвенном и прямом владении акциями (долями) экономически значимой организации // Право и экономика. 2024. № 1. С. 50 - 54.
5. Лаптев В.А. Экономически значимые организации: новая правовая категория и особенности правового статуса // Предпринимательское право. 2023. № 4. С. 10 - 16.

6. Семякин М.Н. Оптимизация правового регулирования в сфере предпринимательской деятельности в условиях экономических санкций в Российской Федерации: теоретико-прикладной аспект исследования // Юрист. 2023. № 8. С. 29 - 34.

УДК 347.736

Коада Анастасия Евгеньевна
ФГАОУ ВО "Московский Государственный Юридический Университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
Институт частного права
Россия, Москва
nastiakoada@gmail.com
Koad Anastasiia
Kutafin Moscow State Law University
Institute of Private Law
Russia, Moscow

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ БАНКРОТА-ЗАЛОГОДАТЕЛЯ

Аннотация: в статье рассмотрена проблема сохранения исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника, обремененного ипотекой. Несмотря на то, что законодательно такое право не закреплено, суды и правотворческие органы заинтересованы в сохранении конституционного права на жилище за банкротом. Автором приведена актуальная судебная практика, а также законотворческая инициатива по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: банкротство, единственное жилье, залог, должник-залогодатель, ипотека.

THE LEGAL STATUS OF THE SOLE HOUSING OF THE BANKRUPT MORTGAGOR

Annotation: The article deals with the problem of preserving executive immunity in relation to the sole housing of a debtor encumbered by a mortgage. Despite the fact that such a right is not legally enshrined, the courts and law-making bodies are

interested in preserving the constitutional right to housing for a bankrupt. The author cites current judicial practice, as well as a legislative initiative on the issue under consideration.

Key words: bankruptcy, sole proprietorship, collateral, debtor-mortgagor, mortgage.

В связи с активным повышением рыночных цен на недвижимое имущество граждане все чаще вынуждены приобретать жилье в ипотеку, именно поэтому в настоящее время в процедурах банкротства граждан увеличивается количество кредиторов, чьи требования, обременены залогом недвижимого имущества.

Кредиторами-залогодержателями в рассматриваемой ситуации являются кредитные организации, которые представили денежные средства должнику на покупку недвижимости и заинтересованы в полном возврате кредита с процентами согласно договору.

В большинстве случаев ипотечное жилье является единственным пригодным для проживания должника и его семьи, что представляет собой сложную правовую проблему и ставит нас перед вопросом: может ли должник сохранить недвижимость, являющуюся предметом ипотеки, если добросовестно исполняет все платежи по ней?

Как известно, из конкурсной массы исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание [8, п. 3 ст. 213.25], такое имущество в доктрине разделяется на четыре вида: личные вещи, единственное жилье, специализированный транспорт для инвалидов, средства для ведения профессиональной деятельности [2, с. 173 - 175].

Буквальное толкование указанной нормы может привести к ошибочному мнению о том, что если ипотечное жилье является единственным, то оно не может быть включено в конкурсную массу и реализовано.

Однако, рассмотренная нами ситуация является исключением, поскольку нахождение единственного жилья в ипотеке лишает его исполнительского

иммунитета. В процедуре банкротства гражданина такое жилье является обычным активом и подлежит взысканию как предмет залога [2, с. 32 – 36].

Есть еще один момент, который необходимо принимать во внимание, кредитная организация-залогодержатель должна быть включена в реестр требований кредиторов должника, в ином случае банк теряет право взыскать имущество у залогодателя вне банкротных процедур [4, с. 3].

До выхода разъяснений Верховного Суда РФ в 2018 году [6] должник в процедурах банкротства мог продолжать исполнять обязанности по уплате ипотечных платежей, и кредитные организации не включали свои требования в реестр кредиторов. Однако после вынесения указанного постановления ситуация изменилась, поскольку согласно ему, если кредитор по требованию, обеспеченному залогом единственного пригодного для постоянного проживания должника и членов его семьи жилого помещения, не предъявил это требование должнику в рамках дела о банкротстве, такой кредитор не вправе рассчитывать на удовлетворение своего требования за счет предмета залога, в том числе посредством обращения взыскания на данное имущество вне рамок дела о банкротстве. В этом случае жилое помещение считается не вошедшим в конкурсную массу, право залога на него прекращается после завершения процедуры реализации имущества при условии освобождения должника от дальнейшего исполнения обязательств [6].

Следовательно, если кредитная организация не включена в реестр требований кредиторов должника, залог на недвижимое имущество прекращается, в таком случае банк несет большие затраты.

Итак, в теории единственную недвижимость должника, находящуюся в ипотеке, при банкротстве сохранить за должником нельзя, поскольку она не обладает статусом исполнительского иммунитета. Однако на практике встречаются случаи, когда должник исправно исполняет обязательство,

обеспеченное ипотекой, здесь суды нашли решение, как не нарушить право гражданина на жилище, предусмотренное Конституцией РФ [1, ст. 40].

Так, Верховный суд РФ в своем определении [5] отметил, что, когда единственная квартира должника обременена ипотекой, но должник исправно платит по кредиту, возникает двойственная ситуация: с одной стороны, банку необходимо обратиться взыскание на квартиру, так как после признания должника банкротом и реализации его имущества ему будет нечем уплачивать ипотечные платежи, с другой стороны, несправедливо лишать должника единственного жилья, пока права банка не нарушены.

Решение такой проблемы Верховный суд РФ видит в заключении мирового соглашения, согласно которому:

- кредитная организация не предъявляет требования по взысканию предмета ипотеки;
- залогодатель не освобождается от обязательств по кредитному договору после окончания процедур банкротства;
- иное имущество должника не используется для погашения требований по ипотеке.

В случае немотивированного отказа кредитора от заключения соглашения на указанных условиях суд самостоятельно без согласия кредиторов может утвердить план реструктуризации на тех же условиях.

Вышеизложенная позиция активно применяется судами в настоящее время: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.05.2023 № Ф04-2344/2023 по делу № А03-12075/2022; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21.06.2023 № Ф10-5534/2022 по делу № А23-6314/2021; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.06.2023 № Ф08-6058/2023 по делу № А53-39716/2022.

Несмотря на широкое применение законодательного закрепления эта точка зрения еще не получила, однако в настоящее время в первом чтении

Государственной Думой РФ принят законопроект, вносящий изменения в Закон о банкротстве [7], которые направлены именно на сохранение единственного жилья гражданина посредством заключения мирового соглашения или утверждения плана реструктуризации.

В пояснительной записке к законопроекту относительно необходимости внесения изменений законодательный орган также подчеркивает необходимость и актуальность решения этой проблемы, отмечая, что судебная практика складывается так, что заемщики, надлежащим образом исполняющие свои обязательства по ипотеке, при банкротстве лишаются единственного жилья, что не позволяет в полной мере соблюсти конституционные гарантии граждан [7].

В заключение, стоит отметить, что нами были рассмотрены правовое регулирование единственного жилья банкрота-залогодателя, судебная практика, и законодательные изменения, которые стали следствием сложившейся практики судов, что позволяет сделать вывод о том, что несмотря на отсутствие исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника, обремененного ипотекой, суды и законодательные органы заинтересованы в сохранении за банкротом его конституционного права на жилище. Если законопроект № 309801-8 будет принят и одобрен, банкроты-залогодатели получат легально-закрепленный механизм сохранения единственного жилья.

Список литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 25.03.2024).

2. Багрянцева С. А. Преимущественное право удовлетворения требований залогового кредитора в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) в

соответствии с положениями ст. 334 Гражданского кодекса Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 2 (188).

3. Борисов В. В. Политика банков в области реализации залогового имущества // Экономика, управление, финансы: материалы VII Междунар. науч. конф. Краснодар, 2017.

4. Можарова Виктория Алексеевна, Лаврик Татьяна Михайловна Роль ипотечного кредитования в процедуре несостоятельности (банкротстве) физического лица // Право: история и современность. 2021. №1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ipotechnogo-kreditovaniya-v-protsedure-nesostoyatelnosti-bankrotstve-fizicheskogo-litsa> (дата обращения: 25.03.2024).

5. Определение ВС РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС22-9597 // Обзор: "Банкротство: обзор ключевых позиций ВС РФ и КС РФ за II квартал 2023 года" // СПС "КонсультантПлюс". 2023.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 "О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан" // "Российская газета", № 1, 09.01.2019.

7. Проект Федерального закона № 309801-8 "О внесении изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 09.03.2023) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/>.

8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // "Российская газета", № 209-210, 02.11.2002.

УДК 366.542

Котовой Алексей Сергеевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт прокуратуры

Россия, Москва

kotovoi@bk.ru

Kotovoy Aleksey

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Prosecution

Russia, Moscow

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Аннотация: в данной работе рассматриваются особенности защиты прав потребителей государственными органами в условиях внедрения цифровых технологий в гражданский оборот. Приводятся как теоретические положения, так и конкретные примеры данной деятельности. Делается вывод о положительном направлении развития правозащитной деятельности государственных органов.

Ключевые слова: потребитель, прокуратура, защита прав, надзор, информационные технологии, государственные органы.

CONSUMER PROTECTION BY GOVERNMENT AGENCIES IN THE ERA OF DIGITALIZATION OF CIVIL TURNOVER

Annotation: this paper examines the features of consumer protection by government agencies in the context of the introduction of digital technologies into civil circulation. Both the theoretical position and specific examples of this activity are given. The

conclusion is made about the positive direction of the development of human rights activities of state bodies.

Key words: consumer, prosecutor's office, protection of rights, supervision, information technology, government agencies.

Гражданин-потребитель является центральной фигурой всей правовой политики, деятельности государства и общества в целом [1, с. 3], в связи с чем принимаются отдельные законодательные акты, предоставляющие дополнительные способы и гарантии защиты данным субъектам правоотношений. В настоящее время защита прав потребителей является наиболее значимой формой защиты слабой стороны в частном праве в России и странах Европейского союза. Ее корни уходят глубоко в римское право [2, с. 87]. В Российской Федерации становление законодательства о защите прав потребителей прошло в три этапа которое еще не завершено и продолжается и по сей день [3, с. 25-26]. Новыми толчками для развития данной сферы является повсеместная цифровизация гражданского оборота. Данная тенденция, помимо упрощения совершения гражданско-правовых сделок и удовлетворения потребностей, способствует нарушению прав потребителей, которые не всегда способны самостоятельно воспользоваться способами защиты. В связи с этим еще большую значимость приобретает деятельность органов прокуратуры по защите прав граждан, как «глаза общества» [4, с. 38], и органов государственной власти.

Стоит отметить, что отдельной отрасли прокурорского надзора, как защита прав потребителей, не существует. Данная деятельность осуществляется в рамках следующих направлений: прокурорский надзор за исполнением законов, прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и участие прокурора в рассмотрении судами гражданских дел. Среди органов государственной власти важное место занимает Федеральная служба по надзору

в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, одна из ключевых функций которой – защита прав потребителей [7]. Однако в связи с наличием естественных монополий в России [8] особую значимость приобретает административный контроль за данными субъектами, поскольку они также вовлечены в гражданский оборот, взаимодействуют с потребителями, обладают еще большими ресурсами, чем обычные предприниматели.

Прокуратура осуществляет надзор в следующих сферах в рамках защиты прав потребителей: розничная купля-продажа товара; выполнение работ и оказание услуг; сфера потребительского и ипотечного кредитования [5, с. 599], как и органы исполнительной власти. Далее стоит рассмотреть практику деятельности органов в каждой сфере.

Развитие информационных технологий привело к распространению электронных платформ, на которых возможно дистанционно заключить договор купли-продажи и получить необходимый товар, не выходя из дома. Такой способ, несомненно, является очень удобным, однако этим пользуются операторы платформ, нарушая права потребителей. К примеру, в ноябре 2023 года Генеральная прокуратура РФ провела проверку маркетплейса Wildberries. Это было вызвано введением интернет-магазином комиссии за оплату товаров картами Visa и Mastercard, а также списанием с карт покупателей платы за возврат товаров. Так, в ходе надзорных мероприятий Wildberries изменил около 20 положений, регулирующих отношения маркетплейса, продавцов и покупателей. Например, была исключена обязанность покупателя проверять качество заказа при его получении, а датой возврата продукции теперь определен момент отказа от нее. Кроме того, срок доставки товара больше не может быть изменен компанией в одностороннем порядке, для этого понадобится согласие клиента. Также было зафиксировано безусловное право потребителя отказаться от товара, в том числе от технически сложного устройства, а также был сокращен срок рассмотрения претензии о замене заказа. Также сообщается, что Wildberries

начал тестирование новой функции, позволяющей отменить заказ через личный кабинет маркетплейса. В Генпрокуратуре также уточнили, что Wildberries будет взимать компенсацию расходов по возврату товара надлежащего качества только в отдельных случаях [6]. Данная ситуация демонстрирует, что органы прокуратуры своевременно реагируют на нарушение прав потребителей, воспринимая тенденции цифровизации и что прокурорские проверки являются эффективным способом выявления и устранения нарушений закона.

Далее рассмотрим ситуацию на рынке оказания услуг. Цифровизация и компьютеризация жизни людей привела к повышению значимости сотовых услуг, особенно услуг по предоставлению мобильного интернета. Однако такая необходимость в подобных услугах сопряжена с определённым злоупотреблением со стороны операторов связи. Например, в сентябре 2023 года Федеральная антимонопольная служба установила признаки нарушения антимонопольного законодательства» в введении плат за раздачу интернета операторами «большой четверки» – помимо «Мегафона», «Билайна» и Tele2 признаки нарушений обнаружили и у МТС. В действиях всех компаний ФАС выявила признаки нарушения запрета на злоупотребление доминирующим положением в виде навязывания невыгодных условий договора контрагенту [9]. Итогами проверки стали отмена платы за раздачу интернет-трафика на всех тарифных планах со стороны Мегафона, Теле2 и Билайн и поэтапная отмена платы со стороны МТС [10].

Сфера потребительского кредитования также стремительно развивается благодаря внедрению цифровых технологий. Такие технологии как мобильный банк, платформы, позволяющие заключить сделки за счет кредитных средств, снижают временные затраты и операционные риски, увеличивают конкуренцию и позволяют получать дополнительную прибыль [11, с. 47]. Однако такая популяризация потребительского кредитования чревата обманом граждан, поскольку не все обладают должной финансовой и правовой грамотностью.

Ввиду этого требуется усиленный прокурорский надзор за исполнением законодательства в кредитно-банковской сфере. Прокуратурой принимаются меры организационного, межведомственного и координирующего характера, касающиеся противодействия нелегальным кредиторам, в т.ч. посредством проведения межведомственных совещаний и информационного взаимодействия по данному вопросу с Банком России [12, с. 237]. Так, 16 февраля 2017 г. подписано Соглашение о взаимодействии Генеральной прокуратуры РФ и Центрального банка РФ. В 2016 г. в Генеральную прокуратуру из Центробанка поступило более 130 сообщений о неправомерных действиях кредитных организаций, а также о сомнительных операциях банков и их клиентов. По данным фактам прокуратурой организованы проверки, по результатам которых возбуждены десятки уголовных дел [13]. Одной из важных функций прокурорского надзора в области потребительского кредитования является образовательная деятельность для граждан. Прокуратура регулярно публикует статьи, которые объясняют основные положения действующего законодательства в этой сфере на официальных веб-сайтах муниципальных администраций и в СМИ. Однако наибольшее значение в прокурорском надзоре в этой области имеет выявление и пресечение незаконной деятельности лиц, занимающихся предоставлением потребительских кредитов [12, с. 237-238].

Таким образом, государственные органы играют важную роль в защите прав потребителей в условиях цифровизации. Прокуратура и иные структуры стараются информировать граждан об их правах и способах защиты. Онлайн-консультации, информационные ресурсы и цифровые образовательные программы делают доступ к информации более удобным и простым для потребителей. Государственные органы идут в ногу с цифровизацией и стараются оперативно реагировать на новые вызовы, которые она им бросает. Это крайне важно, поскольку потребители не всегда в состоянии сами защитить свои права, и они не обладают властными ресурсами.

Список литературы:

1. Баринов Н.А. Порядок и способы защиты прав потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 5. – С. 3-7.
2. Волос А.А., Волос Е.П. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование : монография / под науч. ред. Е.В. Вавилина. – Москва : Проспект, 2019. – 184 с.
3. Проблемы осуществления и защиты гражданских прав / отв. ред. Е. А. Суханов, А. Е. Шерстобитов ; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., кафедра гражданского права. - Москва : Статут, 2021. - 492 с.
4. Судебная, прокурорская и правоохранительная деятельность в обеспечении благополучия человека : монография / В. Н. Исаенко, И. З. Куанова, Т. И. Отческая и др. ; под ред. Т. И. Отческой. – Москва : Проспект, 2022. – 168 с.
5. Серова Е.Н. Прокурорский надзор за законодательством по защите прав потребителей: направления и проблемы / Е. Н. Серова // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 21. – С. 596-604.
6. Генпрокуратура России завершила проверку компании Wildberries // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1605625/2023-11-15/genprokuratura-rossii-zavershila-proverku-kompanii-wildberries> (дата обращения: 29.01.2024).
7. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // СПС «КонсультантПлюс».
9. ФАС добилась от мобильных операторов отмены платы за раздачу интернета // Ведомости [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/10/30/1003338-otmeni-plati-razdachu> (дата обращения: 30.01.2024).

10. ФАС: Три мобильных оператора отменяют плату за раздачу интернет-трафика // Официальный сайт ФАС [электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/news/32866> (дата обращения: 30.01.2024).

11. Лутфуллина В.В. Цифровизация розничного кредитования: проблемы и перспективы / В.В. Лутфуллина // Вестник науки и образования. – 2020. – № 11-2(89). – С. 45-48.

12. Решетняк А.Е. Роль органов прокуратуры в обеспечении законности в сфере потребительского кредитования // Вестник СГЮА. 2020. №1 (132). – С. 235-241.

13. Банк России и Генеральная прокуратура Российской Федерации подписали соглашение о взаимодействии // Банк России [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=912> (дата обращения: 17.03.2024).

УДК 347/659.18

Кусакин Александр Андреевич

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

Юридический факультет

Россия, Нижний Новгород

mr.kusakin@mail.ru

Kusakin Alexandr

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Law faculty

Russia, Nizhny Novgorod

РЕКЛАМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос особенностей рекламных правоотношений в сети Интернет. Анализируется проблема субъектного состава рекламных правоотношений в сети Интернет, обосновывается вывод о том, что в рекламных правоотношениях в сети Интернет одно и то же лицо выступает в качестве рекламодателя и рекламораспространителя в силу особенностей распространения информации на интернет-ресурсах со свободным режимом размещения информации.

Ключевые слова: реклама в сети Интернет, распространение информации, рекламодатель, рекламораспространитель, юридическая ответственность, правоотношения в сети Интернет.

ADVERTISING RELATIONS ON THE INTERNET: FEATURES OF THE SUBJECT COMPOSITION AND LEGAL RESPONSIBILITY

Annotation: the article considers the issue of the specifics of advertising legal relations on the Internet. The problem of the subject composition of advertising legal relations

on the Internet is analyzed, the conclusion is substantiated that in advertising legal relations on the Internet the same person acts as an advertiser and an advertising distributor due to the peculiarities of information dissemination on Internet resources with a free mode of information placement.

Key words: advertising on the Internet, dissemination of information, advertiser, advertiser, legal liability, legal relations on the Internet.

С появлением сети Интернет реклама как таковая не приобрела неких качественно новых особенностей, вместе с тем способы ее распространения, а также субъекты, которые отвечают за соблюдение норм рекламного законодательства, существенно изменились – к примеру, среди новых способов распространения рекламы можно выделить рекламные баннеры, перекрывающие интернет-контент и представляющие собой гиперссылки на отдельные ресурсы, также спам-рассылки на электронную почту, рекламные видео- и аудиозаписи, автоматически проигрывающиеся при потреблении бесплатного контента на аудиовизуальных сервисах – специфика такой рекламы в том, что пользователь чаще всего вынужден полностью ее просматривать или прослушивать. Среди субъектов – владельцев интернет-сайтов, их администраторов и пользователей.

Вместе с тем нарушения рекламного законодательства на территории России имеют серьезный масштаб: так, в 2022 году ФАС и ее территориальными управлениями, как уполномоченными органами [17], было получено 12033 заявления и возбуждено 3156 дел о нарушении законодательства о рекламе. Здесь стоит сказать, что реклама в части регулирования антимонопольным органом является частным случаем проявления экономической деятельности в смысле распространения информации о товаре и повышении интереса к нему потребителей. Вместе с этим ненадлежащая реклама сама по себе может являться актом недобросовестной конкуренции [17], при этом оставаясь в сфере

регулирующего собственное законодательство – в этом случае определяющим фактором будет классификация недостоверной информации именно как рекламы, в противном случае содеянное образует состав нарушения законодательства о защите конкуренции [5].

Вместе с тем законодательство и официальные разъяснения от правоприменительных органов не успевают за быстро меняющимися общественными отношениями: в настоящее время отсутствуют нормы права, регулирующие особенности взаимоотношений субъектов интернет-рекламы, их статусы и отдельные аспекты привлечения к ответственности, а единственные официальные разъяснения [4] антимонопольного органа по этому поводу утратили силу год назад [6].

Этим и обосновывается актуальность рассматриваемой темы: обобщить и теоретически обосновать субъектный состав лиц, принимающих участие в рекламных отношениях в сети Интернет, а также обозначить особенности привлечения к ответственности того или иного субъекта рекламных отношений в сети Интернет в зависимости от их статуса.

Формирование субъектного состава по отношению к отдельному ресурсу в сети Интернет должно строиться с позиции тех возможностей, которыми обладают лица в отношении указанного ресурса. Так, отдельные авторы среди субъектов «интернет-отношений» выделяют предъявителей контента, провайдеров и клиентов [2, с. 98], а иные – пользователей, лиц, обеспечивающих функционирование сети, и контролирующие органы [1, с. 26]. На наш взгляд, классифицировать субъектов интернет-отношений следует на основании их отношения к возможности управления или иного взаимодействия с интернет-сайтом.

С данной позиции целесообразно обратиться к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации), в чей предмет регулирования входят отношения,

связанные с правом на взаимодействие с информацией, применением информационных технологий и обеспечением защиты информации (ч.1 ст.2 Закона об информации) [18], в т.ч. рекламной информации [16, с. 102]. Он определяет три основные категории лиц по отношению к изменению состояния интернет-сайта: операторы информационной системы, провайдеры хостинга и владельцы сайта в сети Интернет (далее также – владелец интернет-сайта). Отметим, что при выяснении вопроса фактического администрирования сайта и владения им целесообразно, на наш взгляд, пользоваться правовой позицией Верховного Суда РФ о премиривании отождествления владельца интернет-сайта и его администратора, а также возложения на него ответственности за возможные нарушения законодательства в сфере права интеллектуальной собственности (доменные споры), в сфере антимонопольного регулирования и т.д., если не будет доказано иное [8].

Однако в данном вопросе, на наш взгляд, следует пойти еще дальше и определить следующих субъектов в интернет-пространстве: лицо, осуществляющее распространение информации, и лицо, осуществляющее пользование данной информацией. Эта классификация важна по причине наличия в сети Интернет ресурсов с неодинаковыми возможностями для их пользователей: среди них можно выделить ресурсы со свободным размещением информации (к таким можно отнести социальные сети и сервисы размещения объявлений) и ресурсы с закрытым размещением информации, размещение информации на которых осуществляется ограниченным количеством субъектов.

С точки зрения Федерального закона «О рекламе» (далее – Закон о рекламе) в рекламных отношениях всегда присутствуют три субъекта: рекламодатель, рекламопроизводитель и рекламораспространитель [17]. Именно особенности распространения рекламы в сети Интернет обуславливают до этого невозможные сочетания данных субъектов в одном и том же лице без наличия у него в собственности ресурса для рекламы (в сети Интернет имеет широкое

распространение связь статусов «рекламодатель» и «рекламораспространитель» в одном и том же лице). Однако все это зависит от характера того или иного интернет ресурса, в особенности от степени свободы лица в распространении на нем информации, не будучи владельцем или администратором интернет-сайта.

Согласно Закону об информации, оператором информационной системы является лицо, эксплуатирующее информационную систему, в том числе посредством обработки информации, находящейся в данной информационной системе (п.12 ч.1 ст.2 Закона об информации). С этой точки зрения любое лицо, так или иначе соприкасающееся с информационной системой напрямую, будет выступать ее оператором, в т.ч. будучи пользователем либо модератором. И исходя из этого, выстраивание рекламных отношений на различных интернет-ресурсах строится именно на характере пользования данной информационной системой (в том числе сайтом в сети Интернет). Если лицо как оператор информационной системы самостоятельно обеспечивает изготовление и распространение рекламы на интернет-ресурсе, тогда он выступает во всех трех статусах одновременно – это прослеживается в контексте рекламы в социальных сетях, сервисах рекламных объявлений, форумах, в разделах с комментариями на отдельных ресурсах, а также в случае, обратном вышеуказанному.

Указанное обстоятельство показательно раскрывается в фигуре рекламораспространителя, чьей характерной чертой являются фактическое участие в распространении рекламы с использованием любых средств. Согласно Закону об информации, владелец интернет-сайта определяет порядок пользования сайтом и порядок размещения на нем информации (п.17 ч.1 ст.2 Закон об информации), соответственно, применение данной конструкции к рекламным правоотношениям влечет презюмирование ответственности такого лица как рекламораспространителя. Так, например, различные территориальные органы ФАС РФ признают [9; 11; 14] рекламораспространителями по различным составам владельцев тех интернет-ресурсов, порядок размещения информации

на которых предполагает согласие на это владельца интернет-сайта, предполагающимся также, если не доказано иное, владельцем доменного имени (в настоящее время понятия интернет-ресурс и интернет-сайт являются тождественными [15]).

В отличие от распределения бремени ответственности за распространение рекламы на вышеуказанных ресурсах не может признаваться рекламораспространителем владелец социальной сети, а также иного интернет-сайта со свободным размещением информации, если реклама была распространена посредством использования функционала интернет-сайта для самостоятельного и бесконтрольного размещения информации (для удобства все нижесказанное будет рассмотрено на примере социальной сети).

Вопрос о распределении ответственности здесь, на наш взгляд, должен быть распределен сообразно функциям, которые выполнял каждый из участников распространения данной информации. Практика следует по пути непризнания за владельцами доменов социальных сетей статуса рекламораспространителя – как правило, в решениях антимонопольного органа такой вопрос даже не ставится [10; 12; 13]. Соответственно, в случае распространения рекламы в социальной сети ответственность лицо будет нести в качестве и рекламодателя и рекламораспространителя [7], причем в вышеуказанных примерах из практики ФАС фигура пользователя социальной сети как рекламораспространителя даже не рассматривается. Закон об информации в данном случае говорит о двух вещах: о распространении информации, в т.ч. рекламы, пользователями социальной сети со своих персональных страниц, а также об отсутствии обязанности у владельца социальной сети отслеживания ненадлежащей рекламы (ст.10^б Закона об информации). Судебная практика также исходит из подобного правила: к примеру, владелец канала на сайте YouTube [3] признается рекламодателем и рекламораспространителем одновременно, поскольку обладает правами

администрирования, наполнения и изменения сайта [7], не являясь при всем этом владельцем самого интернет-сайта

Однако ряд отношений в социальных сетях между их пользователями не урегулирован Законом об информации: в частности, создание и функционирование т.н. тематических групп, сообществ, каналов, в которых пользователи могут распространять информацию. При условии свободного размещения информации всеми пользователями социальной сети в таком сообществе администраторы сообщества ответственность в сфере рекламного законодательства не несут, однако если для размещения рекламы в сообществе необходимо получить их одобрение, то следует применять распределение бремени ответственности. Выявленное выше для сайтов с закрытым размещением информации, замещая в данной конструкции владельца интернет-сайта на администратора сообщества в социальной сети.

Вместе с этим стоит сказать, что при распространении рекламы в социальных сетях и иных подобных ресурсах вне рамок свободного размещения информации действует презумпция ответственности владельца интернет-сайта, т.к. обычный пользователь не имеет возможностей вставлять рекламу в видео-, аудиозаписи вне самой записи, в сам интерфейс сайта.

Таким образом, обобщая вышесказанное, следует отметить, что характерной особенностью статусов субъектов интернет-отношений в сфере рекламы является то, что зачастую одно и то же лицо обладает статусом рекламодателя и рекламораспространителя, даже если пользуется не своим собственным интернет-сайтом. Ответственность за размещение рекламы в интернете распределяется сообразно фактическому участию лица в распространении рекламы в сети Интернет, что при определенных обстоятельствах влечет наложение ответственности на лицо лишь как на рекламодателя, не учитывая то, что лицо в том числе является рекламораспространителем. Вместе с тем, т.к. Закон о рекламе не содержит

собственного нормативного закрепления особенностей регулирования таких отношений, целесообразно применять его в совокупности с Законом об информации, как содержащем основной спектр законоположений в сфере общественных отношений в сети Интернет.

Список литературы:

1. Георгиев И. В. Классификация субъектов правоотношений в сети Интернет // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 26-33.

2. Жернова В. М. Субъекты правоотношений в сети Интернет // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15, № 3. С. 98-101.

3. Информация Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 31.05.2023 «Роскомнадзор расширил Реестр социальных сетей» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406880812/> (дата обращения 18.03.2024)

4. Письмо Федеральной антимонопольной службы РФ от 25.09.2019 г. № АК/83509/19 «О разъяснении по вопросу рекламы в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"» (утратило силу) [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.03.2024)

5. Письмо Федеральной антимонопольной службы РФ от 24.12.2020 № АК/113856/20 «О соотношении норм законодательства о недобросовестной конкуренции с нормами законодательства о рекламе и о защите прав потребителей» [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.03.2024)

6. Письмо ФАС России от 02.12.2022 г. № МШ/109196-ПР/22 «О направлении информации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.03.2024)

7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.11.2018 г. по делу № А40-169842/19 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.9aas.arbitr.ru> (дата обращения 18.03.2024)

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

9. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по г. Москве от 16.03.2020 г. по делу № 077/05/8-398/2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/> (дата обращения 18.03.2024)

10.. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Марий Эл от 09.04.2020 г. по делу № 012/05/21-65/2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/> (дата обращения 18.03.2024)

11 Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Тюменской области от 25.09.2020 г. по делу № 072/05/8-36/2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/> (дата обращения 18.03.2024)

12. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Алтайскому краю от 11.10.2021 г. по делу № 022/05/5-511/2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/> (дата обращения 18.03.2024)

13. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Курской области от 11.10.2021 г. по делу № 046/05/5-354/2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/> (дата обращения 18.03.2024)

14. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Липецкой области от 01.10.2022 г. по делу № 048/05/7-922/202 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/> (дата обращения 18.03.2024)

15. Рожкова М.А. Сайт, информационный ресурс, информационная система, онлайн-платформа – что это такое и как они взаимосвязаны между собой? [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС https://zakon.ru/blog/2021/4/19/sajt_informacionnyj_resurs_informacionnaya_sistema_onlajn-platforma__chto_eto_takoe_i_kak_oni_vzaimo (дата обращения 18.03.2024)

16. Табаксюрва А. В. Правовая характеристика способов распространения рекламы // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 2(18). С. 98-103.

17. Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 11.03.2024) // «Российская газета». 2006. № 51.

18. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 12.12.2023) // «Российская газета». 2006. № 165.

Кушнарев Александр Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

KUSHNAREV-02@LIST.RU

Kushnarev Alexander

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Procuracy

Russia, Ekaterinburg

ПРИОБРЕТЕНИЕ КРУПНЫХ ПАКЕТОВ АКЦИЙ КАК СПОСОБ УСТАНОВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация: в настоящей работе рассматривается правовое регулирование приобретения крупных пакетов акций. Приводится зарубежный опыт правового регулирования, его характеристика и основные положения. Рассматриваются основные модели правового регулирования.

Ключевые слова: акционерные общества, корпоративный контроль, кодекс Сити, конфликт интересов, приобретение крупных пакетов акций.

ACQUISITION OF LARGE BLOCKS OF SHARES AS A WAY TO ESTABLISH CORPORATE CONTROL

Annotation: this paper examines the legal regulation of acquisition of large blocks of shares. Foreign experience of legal regulation, its characterization and main provisions are given. The main models of legal regulation are considered.

Key words: joint stock companies, corporate control, the City Code, conflict of interest, acquisition of large blocks of shares.

Особый правовой режим приобретения крупных пакетов акций установлен во избежание негативных последствий смены корпоративного контроля, поскольку отличительной особенностью такого способа установления корпоративного контроля как публичное поглощение являются определенные конфликты интересов, как например, между приобретателем акций и менеджментом компании или между приобретателем акций и миноритарными акционерами поглощаемой компании.

Конфликт интересов между потенциальным поглотителем и менеджментом характерен главным образом для компаний с распыленной структурой капитала, хотя может иметь место и в компаниях с концентрированной структурой капитала, где произошло разделение собственности и контроля. Наличие такого конфликта обусловлено тем, что в случае успешности публичного поглощения высока вероятность того, что новый контролирующий акционер заменит менеджмент компании-цели на иных лиц, которым он доверяет. И, как справедливо указано в литературе [1, с. 531], осознание этого факта может стать причиной действий менеджмента компании в ущерб интересам акционеров, а именно привести к воспрепятствованию изменению контроля над ней или к стремлению получить определенные бонусы для себя без учета интересов акционеров. Указанная проблема создает потребность включения в законодательство норм, ограничивающих возможность менеджмента компании «окапываться» и принимать меры корпоративной обороны в ситуации публичного поглощения.

Конфликт интересов, возникающий между новым контролирующим акционером и другими акционерами поглощаемой компании-цели, связан с тем, что появление новой ключевой фигуры в компании способно привести к существенным последствиям, вплоть до изменения направления деятельности компании или даже прекращения ее деятельности. В такой ситуации неопределенности относительно будущего компании и риска

оппортунистического поведения нового контролирующего акционера дальнейшее участие миноритариев в капитале компании может стать для них нежелательным, однако и «выход» из нее может стать невозможным в принципе (никто не захочет покупать их акции) либо будет сопряжен с потерей части инвестиций. В то же время с точки зрения поглотителя может возникнуть проблема фрирайдерства миноритарных акционеров, которые могут специально воздерживаться от продажи принадлежащих им акций в процессе публичного поглощения, ожидая, что стоимость компании и, соответственно, их акций возрастет в результате эффективного управления со стороны нового контролирующего акционера. В таком случае миноритарии не понесут каких-либо расходов, а их доход на акцию возрастет, в отличие от поглотителя, который не будет иметь полного единоличного контроля и будет вынужден нести дополнительные затраты на корпоративные процедуры. Указанные проблемы решаются путем предоставления миноритарным акционерам законодательных механизмов «выхода» из компании и продажи своих акции по справедливой цене, а контролирующему акционеру – права принудительно выкупить акции других оставшихся в компании акционеров.

На сегодняшний день в мировой практике сложились две основные модели правовых режимов приобретения крупных пакетов акций: американская и европейская (британская).

I. Американская модель. Впервые особый режим поглощений появился в США в 1968 году, когда вступил в силу Закон Уильямса (Williams Act), вносящий изменения в Закон о торговле ценными бумагами. Появление данного закона было обусловлено тем, что в начале 1960-х годов одним из основных инструментов установления контроля над публичными корпорациями стали тендерные предложения, фактически представляющие собой публичную оферту владельцам ценных бумаг о приобретении у них акций такой корпорации. При этом действовавшее в то время федеральное законодательство не содержало

положений, регулирующих тендерные предложения, чем пользовались лица, стремившиеся к установлению контроля над компаниями и направлявшие такие предложения, не раскрывая акционерам какой-либо информации о своих планах. Соответственно, основная цель закона состояла в обеспечении предоставления владельцам ценных бумаг необходимой информации, касающейся тендерного предложения, для создания условий принятия ими обдуманного и обоснованного решения о продаже или об отказе от продажи своих ценных бумаг; с этой же целью закон устанавливал минимальный срок действия тендерного предложения. В последующем отдельные штаты также стали принимать законы, регулирующие процесс публичных поглощений.

II. Британская модель. В Великобритании изначально структура акционерного капитала компаний была концентрированной, поэтому предпосылкой принятия специального правового режима публичного поглощения стало то, что при приобретении крупных пакетов акций сталкиваются разные конфликтующие интересы, требующие урегулирования и защиты. В октябре 1967 г. Банком Англии была организована комиссия, в которую вошли представители профессиональных объединений банков, инвестиционных трастов, страховых и промышленных компаний, фондовых бирж и пенсионных фондов [2]. В результате работы Комиссии 27 марта 1968 г. был опубликован Кодекс Сити [3], ставший основой для дальнейшего развития законодательства европейских стран о публичных поглощениях. Введение в действие Кодекса Сити в большой степени было связано с пониманием того, что в рамках процесса приобретения крупных пакетов акций сталкиваются разные конфликтующие интересы и они требуют урегулирования и защиты. Речь, прежде всего, шла о правах и законных интересах миноритарных акционеров. Одновременно в Великобритании стала функционировать независимая комиссия по поглощениям и слияниям. Кодекс Сити включал в себя принципы, в соответствии с которыми в Великобритании должны были осуществляться

публичные поглощения (среди прочего было в кодексе был предусмотрен механизм обязательного предложения и правило, предписывающее совету директоров компании воздерживаться от принятия решений, которые могут затруднить установление контроля над ней).

В дальнейшем основные положения Кодекса Сити были заимствованы многими европейскими странами в ходе разработки национальных законов, регулирующих публичные поглощения. Более того, в целях унификации и гармонизации норм о публичных поглощениях на общеевропейском уровне на основании положений Кодекса Сити в 2004 году после длительных обсуждений (первый проект был подготовлен еще в 1987 году) была принята Директива № 2004/25/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О предложениях по поглощению» [4]. Директива является рамочным документом, содержащим минимальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, которых затрагивает процедура публичного поглощения, и предоставляет право установить дополнительные способы их защиты на национальном уровне. В Директиве предусмотрены положения об обязательном предложении, о справедливой цене в случае направления такого предложения, о вытеснении миноритарных акционеров (squeeze-out) и о праве миноритарных акционеров требовать выкупа акций по справедливой цене (sell-out). В тексте Директивы установлены два важнейших правила: правило недопущения принятия защитных мер компанией-целью без одобрения акционеров (правило невмешательства) и правило пробития - были сделаны факультативными и была введена система опций [5, с. 203]. При этом в отличие от принятия Кодекса Сити, целью Директивы являлась не только цель защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров, но и цель стимулирования поглощений для укрупнения европейских компаний и повышения их конкурентоспособности на глобальном уровне.

Касаемо российского опыта правового регулирования публичных поглощений, необходимо отметить, что в основу российского законодательства была положена британская модель правового режима публичных поглощений. Отечественный законодатель уже в первоначальной редакции Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее – закон об АО) предусмотрел механизм обязательного предложения, однако едва ли можно было говорить о его эффективности. Лишь в 2006 году с введением в действие главы XI.1 Закона об акционерных обществах была выстроена определенная концепция регулирования поглощения, которая установила специальные механизмы приобретения крупных пакетов акций.

Список литературы:

1. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т.//отв. ред. И.С. Шиткиной. - М.: Статут. Т. 2. 2018. С.531.
2. Pennington R.R. Takeover Bids in the United Kingdom. 17 American Journal of Comparative Law 159 (1969), at 172.
3. The City Code on Takeovers and Mergers. Электронный ресурс. URL: <https://www.thetakeoverpanel.org.uk/the-code> (дата обращения: 01.04.2023).
4. Directive 2004/25/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on Takeover Bids.
5. Дубовицкая Е.А. Европейское корпоративное право: свобода перемещения компаний в Европейском сообществе. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 203 - 204.

УДК 347.765.6

Манько Ольга Владимировна
Саратовская государственная юридическая академия
Кафедра гражданского права
manko.ov@mail.ru

Россия, Саратов

Бектемирова Дина Саиновна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
dinabektemirova3@gmail.com

Россия, Саратов

Manko Olga
Saratov State Law Academy
Department of Civil Law
Russia, Saratov
Bektemirova Dina
Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация: в данной статье рассматривается правовое регулирование азартных игр в сети «Интернет», а также проблемы, возникающие в результате незаконной организации игр. Предоставляются рекомендации для совершенствования законодательства и эффективного регулирования азартных игр в сети.

Ключевые слова: азартная игра, лицензия, интернет, игровая зона, ответственность, организатор, игрок.

LEGAL REGULATION OF GAMBLING ON THE INTERNET

Annotation: this article discusses the legal regulation of gambling on the Internet, as well as problems arising from the illegal organization of games. Recommendations are provided for improving legislation and effective regulation of online gambling.

Key words: gambling, license, Internet, gaming zone, responsibility, organizer, player.

В начале нулевых различные игорные заведения и игровые автоматы получили повсеместное распространение в России. В целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан, стало необходимо ввести правовое регулирование организации и проведения азартных игр на территории Российской Федерации. 29 декабря 2006 года был принят Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», который устанавливает требования к организации и проведению азартных игр, включая правила и условия проведения игр, возможность контроля за процессом игры, обязательность использования специального оборудования и программного обеспечения, а также требования к персоналу, обслуживающему игровые объекты. В ст. 5 Закона предъявляются различные условия, связанные с расположением, площадью игровых объектов, разделением на зоны, наличием прав собственности на игровое оборудование, количеством игровых автоматов, минимальным установленным игровым столом [3, с. 105]. Сложные и длительные процедуры легализации игровой деятельности и бурное развитие глобальной сети Интернет, которая в настоящее время очень популярна во многих сферах жизни, создали мощный импульс для организации этих игр на различных интернет-платформах. Нет сомнений в том, что удобство участия в игре по ту сторону экрана и получение мгновенных выигрышей сделали специальные игровые серверы чрезвычайно популярными. Список азартных игр, предлагаемых в настоящее время, очень широк: от простой

рулетки, представляющей собой рандомный выигрыш игрока в зависимости от ставки, поставленной на тот или иной цвет, до онлайн-казино. Часто при просмотре телефильма или сериала мы натываемся на рекламу, предлагающую бесплатно поучаствовать в этих играх или сделать ставки от организатора. Но законна ли такая деятельность? В некоторых зарубежных странах эта деятельность легальна и осуществляется в рамках закона, например в Чили. Но существуют и другие государства, в которых организация азартных игр в сети «Интернет» полностью или частично запрещена.

Основным законодательным актом, регулирующим проведение азартных игр в России, является Федеральный закон "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр". Этот закон определяет основные понятия, правила и условия азартных игр, а также устанавливает требования к организаторам и участникам. В соответствии со ст. 4 настоящего Закона азартная игра – соглашение о выигрыше на основе риска, заключаемое двумя и более участниками такого соглашения между собой или с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором игры [2]. И данный закон не устанавливает прямого запрета на участие в азартных играх пользователям сети «Интернет». Но для организаторов таких игр дела обстоят иначе. В соответствии с п. 3 ст. 5 настоящего Закона запрещается проведение и организация азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной. Но в некоторых случаях использование информационно-телекоммуникационных сетей для игровых целей возможно [5, с. 43]. Для этого необходимо получить специальную лицензию от соответствующего органа государственной власти. Лицензирование разрешает не организацию азартной игры в сети «Интернет», а разрешается создание вспомогательных средств лицензированными заведениями в определенных игровых зонах.

В случае несоблюдения положений законодательства законом предусмотрена уголовная и административная ответственность. Ещё в 2011 году в УК РФ была внесена статья 171.2, согласно которой нелегальными признаются организации или же проведение азартных игр с внедрением игрового оснащения за пределами игровой зоны, или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», сопряжённые с извлечением дохода в крупном размере [1]. Административная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр с использованием игрового оснащения за пределами игровой зоны или с использованием игровой зоны либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей закрепляется в ст. 14.1.1 КоАП России. Согласно изменениям, вступившим в силу в январе 2015 года, за организацию азартных игр в Интернете любое лицо несет уголовную или административную ответственность независимо от размера полученного дохода [4, с. 188]. Но что же закреплено непосредственно в Гражданском кодексе Российской Федерации? В ст. 1062 вышеуказанного закона сказано, что требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите, за исключением случаев, указанных в законе. То есть в гражданском законодательстве нет прямого закрепления ответственности за организацию и проведение азартных игр, и нет гарантии защиты для людей, которые сами изъявили желание поучаствовать в незаконных играх. Примером может послужить судебное решение Советского районного суда города Казани Республики Татарстан, где истец Уткин Д.Н. обратился в суд с иском к Гафаровой К.А. о взыскании денежных средств в размере 400 000 рублей, судебных расходов. В решении установлено, что стороны являлись участниками торговых сделок в интернет-проекте по инвестированию, вкладывали денежные средства с целью получения прибыли. Истец перечислил указанные денежные средства для последующего получения процентов. В соответствии со ст. 1062 ГК

РФ суд пришел к выводу, что истец вложил денежные средства на счет ответчика с целью, получения прибыли от проекта, что является соглашением о выигрыше в азартной игре. Согласно законодательству, требования граждан, связанные с участием в азартных играх, не подлежат судебной защите, за исключением случаев обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения [6]. Исходя из судебного решения, можно сделать, что и данный проект не имел какой-либо лицензии, регистрации, что позволяло бы сделать вывод о законности таких игр. В итоге исковое заявление было оставлено без удовлетворения. Этот пример показывает, что в Гражданском кодексе недостаточно уделено внимания ответственности за организацию незаконных игр, а также защите граждан, участвующих в подобных играх. Основным методом борьбы с незаконной деятельностью является блокировка сайтов. На данный момент существуют два основания подобного действия: 1) решение суда, вступившего в законную силу и 2) решение компетентного государственного органа по информации, имеющего соответствующие полномочия. Судебные процедуры, связанные со случаями блокировки игровых сайтов, имеют свои особенности. Обычно инициаторами иска выступают органы прокуратуры, причем иск рассматривается на судебном заседании зачастую в отсутствие ответчика. В заявлении орган прокуратуры определяет ответчиком Роскомнадзор, который, в случае удовлетворения иска, должен будет провести процедуру блокировки сайта [7]. Однако, несмотря на существующее законодательство, незаконная азартная деятельность в интернете все еще процветает. Для эффективной борьбы с этим явлением необходимо принять ряд мер:

1) Внесение в Гражданский кодекс дополнений, которые будут охватывать гражданско-правовую ответственность организаторов незаконных азартных игр в сети «Интернет», а также нормы, определяющие формы защиты участников таких игр;

2) Создание государственного реестра для организаторов азартных игр в сети «Интернет», который позволит активно мониторить за их действиями и предотвращать нарушения законодательства;

3) Запрет осуществления подозрительных денежных переводов на счета незаконных организаторов азартных игр. Некоторые страны ограничивают финансовые операции, связанные с онлайн-казино, например, запрещая использование кредитных карт или вводя лимиты на суммы ставок;

4) Осуществление международного сотрудничества. Страны могут обмениваться информацией о незаконных операторах, разрабатывать общие стандарты и решать совместные проблемы;

5) Создание специализированных подразделений правоохранительных органов, которые занимаются борьбой с незаконной азартной деятельностью в интернете. Эти подразделения должны иметь достаточные ресурсы и компетенции для эффективного пресечения незаконных операций;

6) Обучение и информирование общественности о рисках, связанных с участием в незаконных азартных играх в интернете. Необходимо проводить кампании по просвещению и предоставлять информацию о легальных азартных операторах;

7) Разработка и внедрение технических средств для блокировки доступа к незаконным игровым сайтам. Это может быть осуществлено через сотрудничество с интернет-провайдерами и разработкой специальных программных решений;

8) Ограничение рекламы незаконных азартных игр на различных интернет-сайтах.

В целом, борьба с незаконной азартной деятельностью в интернете требует комплексного подхода, включающего юридические, технические и информационные меры. Только таким образом можно достичь эффективного

пресечения незаконных операций в сфере азартных игр, что будет способствовать защите прав и законных интересов граждан.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL.: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2023).

2. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. № 1. Ст. 7; 2023. № 1 (часть I-II). Ст. 4.

3. Багров Д.В. Правовое регулирование азартных игр в сети "Интернет" // Вестник экономики, права и социологии. 2012. №2. 105 с.

4. Рыбалко Г.Д., Бачуринская И.А. Правовое регулирование деятельности онлайн-казино // Государство и бизнес в условиях глобализации и цифровой трансформации. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2021. С. 185-191.

5. Свалова Н.А., Мухачев С.В. Правовые основы государственного регулирования деятельности по организации и проведению азартных онлайн-игр в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. №4. С. 42-46.

6. Решение Советского районного суда республики Татарстан от 20 июля 2020 г. по делу № 2-3795/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ibx2W31m3UUW/>.

7. Блокировка игровых сайтов // News Of Gambling // URL: <https://newsofgambling.com/blokirovka-igrovyyh-sajtov> (дата обращения 28.11.2023).

УДК 347.7

Милашова Екатерина Андреевна
Московский государственный университет имени М.В.

Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

milashova.yekaterina@yandex.ru

Milashova Ekaterina

Lomonosov Moscow State University

Higher School of Public Audit

Russia, Moscow

ЮРИДИЧЕСКАЯ СУДЬБА ОБНАРУЖЕННЫХ АКТИВОВ ЛИКВИДИРОВАННОЙ КОМПАНИИ

Аннотация: в статье автор исследует вопрос о правовой природе обнаруженных активов ликвидированного юридического лица, а также процедуры их распределения. Делается вывод о том, что процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица носит *sui generis* характер и служит дополнительным гарантом прав кредиторов и участников ликвидированной компании. В работе автор акцентирует внимание на таких аспектах процедуры распределения обнаруженного имущества, как лица, уполномоченные на ее инициирование, содержание, срок инициирования и его правовая природа.

Ключевые слова: процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, прекращение юридического лица, правопреемство, арбитражный управляющий, торги.

LEGAL NATURE OF THE DISCOVERED ASSETS OF THE LIQUIDATED COMPANY

Annotation: in the article, the author investigates the issue concerning the legal nature of the discovered assets of the liquidated legal entity, as well as the procedure of their distribution. It is concluded that the procedure of the liquidated legal entity's discovered assets distribution is sui generis in nature and serves as an additional guarantor of rights of the liquidated company's creditors and participants. In the paper, the author focuses on such aspects of the procedure of distribution of discovered assets as authorized persons for its initiation, content, term of initiation and its legal nature.

Key words: procedure of distribution of liquidated legal entity's discovered property, termination of legal entity, legal succession, arbitration manager, tender.

Правовая природа процедуры распределения обнаруженного имущества

Согласно общему постулату, немислимо существование бессубъектных прав и обязанностей [76, с. 126]. Вместе с тем в современной литературе получила распространение противоположная концепция [29], сторонники которой приводят в пример наследственную массу, являющуюся с момента открытия наследства и до момента его принятия наследниками или перехода к государству совокупностью бессубъектных прав и обязанностей [32, с. 727]. Представляется, что ФЗ № 99 [1] установил подобный режим для такого правового явления, как имущество ликвидированного юридического лица, ведь в соответствии с прямым законодательным указанием ликвидация юридического лица влечет прекращение его правосубъектности (п. 3 ст. 49 ГК РФ). В результате права на обнаруженное после ликвидации юридического лица имущество, находившиеся в обладании юридического лица до момента внесения записи о ликвидации, существуют без привязки к какому-либо субъекту.

Альтернативные подходы к определению правового режима обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица также распространены в доктрине. Так, была выдвинута концепция о том, что ликвидированное юридическое лицо сохраняет некоторые элементы правосубъектности в течение пяти лет после внесения записи о его ликвидации (концепция *agonia perpetua*) [30]. Другой подход заключается в том, что право на имущество ликвидированного юридического лица принадлежит в действительности некоему абстрактному сообществу заинтересованных лиц – кредиторов и претендующих на ликвидационную квоту бывших участников. Представляется, что такой подход противоречит разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума ВС № 6 о том, что участники и кредиторы ликвидированного юридического лица не вправе самостоятельно реализовывать обнаруженное право требования, ранее принадлежавшее этому юридическому лицу, путем обращения с требованием к должнику по соответствующему обязательству [4]. Разъяснения косвенно позволяют сделать вывод о том, что правопреемства сообществом кредиторов ликвидированного юридического лица в отношении его имущества, которое не было обнаружено в процессе его ликвидации, не происходит. Потому представляется спорным утверждение о наличии абсолютного права на неучтенные активы ликвидированного юридического лица, принадлежащего сообществу его кредиторов и участников [34, с. 1480]. Такие лица наделяются лишь правом на участие в распределении аккумулируемых арбитражным управляющим в рамках процедуры денежных средств.

Процедура распределения имущества ликвидированного юридического лица, регламентированная п. 5.2 ст. 64 ГК РФ – новое для российского правопорядка явление. Согласно первоначальной идее разработчиков проекта Концепции развития законодательства о юридических лицах, при обнаружении такого имущества должно было происходить восстановление юридического

лица как субъекта права и, как следствие, возобновление процедуры его ликвидации, в ходе которой это имущество подлежало бы распределению. Новая же процедура не предполагает воссоздание юридического лица как субъекта права и имеет своим содержанием удовлетворение требований заинтересованных лиц за счет обнаруженной бессубъектной имущественной массы. На практике нередки случаи, когда при обнаружении имущества ликвидированного юридического лица в обход указанной процедуры подаются иски об определении судьбы такого имущества посредством норм о правопреемстве (истцами выступают бывшие участники, заявляющие требование о признании права собственности) [12] либо о бесхозяйном имуществе [8; 9; 10], в удовлетворении которых суды отказывают ввиду наличия специального регулирования.

Дискуссии об целесообразности упрощения порядка распределения имущества юридического лица посредством введения данной процедуры до сих пор ведутся между представителями научного сообщества. Противники нового механизма видят основным его недостатком правовую неопределенность, складывающуюся относительно принадлежности прав на обнаруженное имущество. Некоторые авторы не усматривают проблем в указанном отсутствии правовой определенности и говорят о том, что цель появления п. 5.2 ст. 64 ГК не в создании изящных конструкций, которые бы вписывались в теоретические представления о должном, а в эффективном решении существующих проблем [31]. Согласиться с таким подходом не представляется возможным, ибо в действительности правовая неопределенность обусловила появление на практике ряда вопросов (в частности, по какому основанию (первоначальному, производному) будет считаться возникшим право собственности приобретателя обнаруженного имущества в случае его реализации? Если имеет место производное приобретение права собственности, то чьим правопреемником

становится лицо-приобретатель? К кому предъявлять требование в случае, если обнаруженное имущество будет реализовано и окажется с недостатками?).

Ряд юристов отмечает, что идея разработчиков соответствующего законоположения не удалась, так как новая процедура по существу все равно предполагает возрождение юридического лица как субъекта права, а значит и переход прав на имущество при реализации происходит непосредственно от такого лица. Подобный вывод о частичном восстановлении гражданской правоспособности ликвидированного юридического лица не раз делался и в судебной практике [21].

Предметом обсуждений является также вопрос о правовой природе процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (ликвидационная, банкротная, *sui generis*). Несмотря на то, что абз. 3 п. 5.2. ст. 64 ГК РФ прямо говорит о применении правил о ликвидации к рассматриваемой процедуре, все же представляется, что от ликвидации она отличается существенно: юридическое лицо формально не воссоздается, а арбитражный управляющий, назначаемый для проведения такой процедуры, действует от своего имени, в отличие от ликвидатора, действующего от имени ликвидируемой организации. Кроме того, процедура ограничивается распределением конкретного обнаруженного имущества и не предполагает поиск иной имущественной массы, принадлежавшей ликвидированному юридическому лицу, а потому круг обязанностей арбитражного управляющего существенно уже. Потому в судебной практике можно наблюдать вывод о том, что правила ГК РФ о ликвидации к процедуре распределения обнаруженного имущества применяются не полностью, а лишь в части таких положений, как, например, публикация сообщения о введении процедуры, оставление списка требований кредиторов и распределение между ними имущества в порядке предусмотренной п. 1 ст. 64 ГК РФ очередности [22].

При обсуждении банкнотной природы процедуры в литературе отмечается, что положения законодательства о банкротстве к данной процедуре применяются фрагментарно, например, в части особенностей деятельности арбитражного управляющего, и не могут противоречить существованию рассматриваемой процедуры [36]. Отметим, что в немецком праве существует схожая с рассматриваемой процедура, регулируемая, однако, законодательством о несостоятельности и предполагающая возбуждение дела о банкротстве в отношении имущественной массы ликвидированного юридического лица [39]. При этом, в отличие от российского арбитражного управляющего, назначаемого для проведения рассматриваемой процедуры, в Германии управляющий наделен полномочиями по поиску имущества ликвидированного юридического лица [28].

Итак, представляется, что в российской действительности процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица имеет самостоятельную (*sui generis*) правовую природу и служит дополнительным гарантом обязательственных прав кредиторов, а также корпоративных прав участников юридического лица.

Уполномоченные на инициирование процедуры лица

В судебной практике сформировались различные подходы к определению круга заинтересованных лиц, наделенных правом инициирования рассматриваемой процедуры. Прежде всего отметим, что ВС РФ неоднократно обращал внимание на отсутствие законодательного требования о необходимости лица подтвердить его заинтересованность вступившим в законную силу решением суда для того, чтобы такое лицо считалось надлежащим заявителем при инициировании процедуры [14; 15; 16]. Исчерпывающий перечень лиц – надлежащих заявителей по соответствующей категории дел не установлен, а потому обязанностью суда является осуществление в каждом конкретном деле проверки наличия заинтересованности иницирующего процедуру лица [16].

Так, ВС РФ не усмотрел наличие заинтересованности, являющейся условием для инициирования рассматриваемой процедуры, у акционерного общества, акциями которого владело ликвидированное юридическое лицо, но указал при этом на недопустимость ситуации, при которой акции считаются размещенными среди утративших правосубъектность лиц, а потому приравнял такую ситуацию к утрате акционером интереса в участии и допустил в подобном случае применение аналогии закона, а именно положений Закона об акционерных обществах, определяющих порядок выкупа обществом собственных акций [17].

Обозначим далее наиболее распространенные категории надлежащих с позиции судов заявителей по рассматриваемой категории дел.

1. Участники ликвидированного юридического лица

Чаще всего на практике процедура распределения имущества ликвидированного юридического лица иницируется его бывшими участниками, заинтересованность которых обусловлена их правом на ликвидационную квоту, являющимся неотъемлемой составляющей корпоративных прав участников коммерческой корпорации. Следует иметь в виду тот факт, что даже если ликвидирована была компания одного лица и впоследствии ее имущество было обнаружено, такое имущество автоматически не переходит ее единственному участнику: он вправе получить это имущество лишь прибегнув к рассматриваемой процедуре [13].

2. Кредиторы ликвидированного юридического лица

Зачастую в качестве инициаторов процедуры распределения имущества ликвидированного юридического лица выступают его кредиторы, обоснованность прав требования которых устанавливается судом при рассмотрении дела о распределении имущества ликвидированного должника [18]. Прежде всего, речь идет о кредиторах, требования которых не были в

полной мере удовлетворены в рамках дела о банкротстве ликвидированного юридического лица в связи с недостаточностью имущества последнего.

Возникает вопрос: могут ли объявиться кредиторы ликвидированного юридического лица в ситуации, когда последнее было ликвидировано в рамках процедуры добровольной ликвидации? В силу прямого указания закона в случае, если при добровольной ликвидации выясняется, что имущества юридического лица недостаточно для проведения расчетов со всеми его кредиторами, ликвидатор обязан обратиться в суд с заявлением об инициировании процедуры банкротства (абз. 2 п. 4 ст. 63 ГК РФ). Таким образом при наличии у юридического лица непогашенных требований, отраженных в ликвидационном балансе, налоговый орган не утвердит соответствующий баланс, и, как следствие, откажет в регистрации факта ликвидации. Практике также известны случаи, когда юридическое лицо представляет в налоговый орган нулевой баланс при фактическом наличии у него непогашенных требований, заявленных кредиторами в надлежащий срок после начала процедуры ликвидации. В подобных ситуациях решение налогового органа о регистрации ликвидации юридического лица суд признает недействительным по заявлению кредиторов, чьи требования не были отражены в ликвидационном балансе [11], а потому рассматриваемая процедура здесь не применима.

На практике может возникнуть ситуация, когда при добровольной ликвидации или при инициировании налоговым органом в отношении юридического лица процедуры исключения из реестра как недействующего кредиторы в установленный срок не заявили свои требования. В подобных случаях суды, как правило, отказывают в удовлетворении требований таких кредиторов об оспаривании решения налогового органа о регистрации ликвидации либо об исключении юридического лица как недействующего из реестра, обосновывая свою позицию тем, что разумный и добросовестный участник гражданского оборота не лишен возможности контролировать

надлежащим образом опубликованные юридически значимые решения в отношении своего контрагента по сделке [6]. Соответственно, неблагоприятные последствия неосмотрительного бездействия кредитора в такой ситуации не могут быть возложены на регистрирующий орган. Вместе с тем, такие неосмотрительные кредиторы имеют дополнительную гарантию, предусмотренную п. 5.2 ст. 64 ГК.

3. Арбитражный управляющий в деле о банкротстве юридического лица

Заинтересованным лицом, наделенным правом на инициирование рассматриваемой процедуры, является также арбитражный управляющий юридического лица в случае, если последнее было ликвидировано после завершения его банкротства, а в рамках дела о банкротстве требования всех кредиторов полностью удовлетворены не были ввиду недостаточности имущества. Заинтересованность арбитражного управляющего суды обосновывают со ссылкой на п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве об общем требовании к арбитражному управляющему в виде его добросовестных и разумных действий в интересах должника, кредиторов и общества [16].

Содержание процедуры

Представляется, что с точки зрения содержания рассматриваемая процедура заключается в исполнении арбитражным управляющим обязанности по конвертации обнаруженной имущественной массы в денежные средства и в последующем распределении их среди кредиторов по принципу *pro rata*, а также среди участников ликвидированной организации, но лишь при полном удовлетворении требований первой категории заинтересованных лиц [34, с. 1476]. Соответственно, категорически неправильно исходить из буквальной трактовки названия процедуры при определении ее содержания: никакого распределения обнаруженного имущества между заинтересованными лицами в натуре в том случае, когда среди них есть кредиторы, не происходит. Однако учитывая тот факт, что к процедуре распределения обнаруженного имущества

ликвидированной компании субсидиарно применяются нормы ГК РФ о ликвидации, следует иметь в виду следующее: в отсутствие у ликвидированной компании кредиторов подлежит применению п. 8 ст. 64 ГК РФ, из содержания которого вытекает, что имущество ликвидированной компании передается ее учредителям (участникам). Следовательно, правила о распределении имущества ликвидированной компании в ситуации, когда в качестве заявителей выступают только ее акционеры (участники), идентичны правилам о распределении ликвидационной квоты при ликвидации юридического лица и не предполагают реализацию обнаруженного имущества на торгах.

Как в литературе, так и в судебной практике можно встретить немало позиций, сводящихся к ограниченному подходу к содержанию рассматриваемой процедуры. Так, отмечается, что арбитражный управляющий в отношении обнаруженного имущества наделяется правами и обязанностями лишь организационного характера, обеспечивающими его реализацию на торгах [33]. Зачастую суды нижестоящих инстанций приходят к выводу о том, что в рамках рассматриваемой процедуры не могут рассматриваться какие-либо споры, например, споры о праве ликвидированного юридического лица [23]. Однако ВС РФ, не соглашаясь с подобными позициями нижестоящих судов, напоминает, что п. 5.2. ст. 64 ГК РФ прямо предусматривает применение указанной процедуры к обнаруженным правам требования ликвидированного юридического лица [20], относительно обоснованности которых не исключено возникновение споров.

Соответственно, более правильным представляется широкий подход к содержанию рассматриваемой процедуры, предполагающий не только реализацию в рамках нее обнаруженного имущества на торгах, но и, в частности, осуществление арбитражным управляющим прав требований ликвидированного дебитора, а также совершение им иных действий, направленных на увеличение подлежащего распределению между заинтересованными лицами денежного

фонда за счет обнаруженного имущества. Такой подход был поддержан ВС РФ в деле, в котором в качестве обнаруженного имущества выступила доля участия ликвидированного юридического лица в уставном капитале другого юридического лица, переход которой третьим лицам был запрещен. Суд сделал вывод, что ограничение на переход доли не препятствует проведению процедуры распределения обнаруженного имущества: распределению подлежит право требования выплаты действительной стоимости доли [5]. В другом деле СИП заключил, что поскольку право на продление срока действия исключительного права на товарный знак является иным правом в смысле ст. 1226 ГК РФ, имущественным по своей природе, оно также относится к имуществу, которое могло быть выявлено на основании п. 5.2. ст. 64 ГК РФ. Совершение арбитражным управляющим действий по продлению позволяет включить исключительное право на товарный знак в состав распределяемого имущества [27]. Практике известен и случай инициирования рассматриваемой процедуры в отношении обнаруженного права ликвидированного юридического лица на возврат излишне уплаченных в счет налога денежных средств [24].

Актуальна на практике и проблема недействительности сделок, стороной которых является ликвидированное юридическое лицо. Представляется, что в случае обнаружения ничтожной сделки арбитражный управляющий вправе обратиться с иском о возврате переданного по такой сделке имущества, что не будет считаться поиском имущества [25]. Более противоречивой является ситуация, когда сделка с участием ликвидированного юридического лица оспаривается. При таком положении дел возникает целый ряд вопросов: можно ли считать обнаружение права на оспаривание обнаружением имущества в смысле п. 5.2. ст. 64 ГК РФ? Действовать ли в таком случае через рассматриваемую процедуру? Или действия по реализации права на оспаривание следует считать поиском имущества, на что у арбитражного управляющего нет полномочий, а потому следует возобновлять процедуру ликвидации? Представляется, что для

разрешения обозначенных вопросов следует обратиться к сформировавшемуся в доктрине подходу к рассмотрению права на оспаривание как права имущественного, имеющего некую материальную ценность [38], из чего вытекает, что обнаружение такого права можно считать обнаружением имущества в контексте п. 5.2. ст. 64 ГК РФ. Данная позиция была воспринята и в судебной практике [21].

Вопрос о сроках в рамках процедуры

В силу п. 5.2 ст. 64 ГК РФ процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть инициирована в течение пяти лет с момента внесения в ЕГРЮЛ записи о ликвидации. Федеральный закон, включивший рассматриваемую процедуру в ГК РФ, установил применение п. 5.2 ст. 64 ГК РФ (в том числе правило о пресекательности срока) к правоотношениям, возникшим до вступления его в силу, что вызвало негодование со стороны заинтересованных лиц [26], которые при оспаривании конституционности такого законоположения, наделяющего п. 5.2 ст. 64 ГК РФ свойством ретроактивности, дошли (хотя и безуспешно) до Конституционного суда [2].

Вопрос о течении срока исковой давности предъявления требований кредиторов ликвидированного юридического лица не решен на практике. Представляется правильным подход, заключающийся в том, что течение соответствующего срока приостанавливается в момент внесения в ЕГРЮЛ записи о ликвидации юридического лица. Обнаружение же имущества такого юридического лица возобновляет течение срока исковой давности.

Какова судьба имущества ликвидированного юридического лица, обнаруженного по истечении пятилетнего срока с момента ликвидации? На пресекательную природу срока инициирования рассматриваемой процедуры обратил внимание КС РФ [2], а потому по его истечении заинтересованное лицо уже не сможет прибегнуть к такому механизму определения судьбы

обнаруженного имущества. При этом ряд авторов убежден, что вопрос о судьбе имущества за пределами срока следует разрешать по правилам, предусмотренным ст. 225 ГК РФ для бесхозяйного имущества [30].

Заключение

Представляется, что рассматриваемый механизм распределения обнаруженного имущества отвечает практическим потребностям, для удовлетворения которых он был имплементирован, ибо, будучи направленным на предоставление дополнительных гарантий для реализации прав требований кредиторов и корпоративных прав участников ликвидированного юридического лица [3], со своей близлежащей функцией он в действительности справляется. Вместе с тем, нельзя не согласиться с авторами, отмечающими недостаточную детализацию порядка реализации механизма, порождающую массу вопросов на практике [35]. В этой связи существует необходимость в более точной проработке содержащегося в п. 5.2. ст. 64 ГК РФ регулирования.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 05.05.2014 N 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" // "Российская газета", N 101, 07.05.2014.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2022 N 3141-О // СПС «Консультант Плюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2022 N 2754-О // СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 "О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации"

Федерации о прекращении обязательств" (Абз. 3 п. 41)// "Российская газета", N 136, 25.06.2020.

5. "Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации N 4 (2021)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022) (П. 16) // СПС «Консультант Плюс».

6. Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2018 N 305-КГ17-22150 по делу N А40-53969/2017 // СПС «Консультант-Плюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2021 N 301-ЭС20-5843 по делу N А43-7619/2019 // СПС «Консультант Плюс».

8. Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2021 N 304-ЭС21-11230 по делу N А75-18996/2019 // СПС «Консультант Плюс».

9. Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2021 N 304-ЭС21-12283 по делу N А45-12881/2020// СПС «Консультант – Плюс».

10. Определение Верховного Суда РФ от 03.08.2021 N 304-ЭС21-12087 по делу N А75-15245/2019// СПС «Консультант – Плюс».

11. Определение Верховного Суда РФ от 28.03.2022 N 303-ЭС22-2047 по делу N А73-20207/2020 // СПС «Консультант Плюс».

12. Определение Верховного Суда РФ от 11.04.2022 N 309-ЭС22-3007 по делу N А76-48399/2019 // СПС «Консультант Плюс».

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.07.2017 N 78-КГ17-46 // СПС «Консультант Плюс».

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2022 по делу N 305-ЭС21-28884, А40-201403/2020// СПС «Консультант – Плюс».

15. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.05.2022 г. N 305-ЭС21-20375 по делу N А40-212360/2020// СПС «Консультант – Плюс».

16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2021 N 304-ЭС21-14144 по делу N А03-9018/2019 // СПС «Консультант – Плюс».

17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2023 N 305-ЭС22-13675 по делу N А40-146631/2021 // СПС «Консультант Плюс».

18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2022 N 305-ЭС21-19154 по делу N А40-160555/2020 // СПС «Консультант Плюс».

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2021 N 304-ЭС21-14144 по делу N А03-9018/2019 // СПС «Консультант – Плюс».

20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2022 по делу N 305-ЭС21-28884, А40-201403/2020 // СПС «Консультант Плюс».

21. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.04.2019 N Ф09-1417/19 по делу N А07-9019/2017 // СПС «Консультант Плюс».

22. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2020 N Ф05-21992/2019 по делу N А40-102850/2018 // СПС «Консультант Плюс».

23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.11.2021 N Ф05-29568/2021 по делу N А40-201403/2020 // СПС «Консультант Плюс».

24. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.07.2021 N Ф04-3644/2021 по делу N А67-6711/2020 // СПС «Консультант Плюс».

25. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31.08.2022 N Ф10-3186/2022 по делу N А64-9370/2020 // СПС «Консультант Плюс».

26. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31.05.2021 N Ф07-4989/2021 по делу N А56-39411/2020 // СПС «Консультант Плюс».

27. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 31.01.2020 N С01-1334/2019 по делу N СИП-476/2019 // СПС «Консультант Плюс».

28. Анашкин С.П. Теория персонифицированной конкурсной массы, «Вестник экономического правосудия Российской Федерации», 2022, N 10.

29. Бабаев А.Б., Бабкин С.А., Бевзенко Р.С., Белов В.А., Тарасенко Ю.А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики (в двух томах: том второй; под общ. ред. д.ю.н. В.А. Белова; 2-е изд., стереотип.). Очерк 16. – «Юрайт», 2015 г. // СПС «Гарант».

30. Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Г. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // СПС «Консультант Плюс».

31. Бычков А. Раздел имущества закрытой компании. «ЭЖ-Юрист», 2017, № 43.

32. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 3. — 4-е изд., перераб. Г75 и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. - 784 с.

33. Емалтынов А.Р. Процессуальные аспекты открытия процедуры распределения имущества ликвидированного юридического лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2022, N 2.

34. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022. Комментарий к ст. 419 (Далее – «Глосса»).

35. Касьянов А.С. Отдельные особенности процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированной организации. Журнал "Гражданин и право", N 6, июнь 2023 г., с. 87-94, N 7, июль 2023 г., с. 80-88.

36. Лаптев В. А. Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (правовые аспекты). «Юрист», 2020, № 12.

37. Шершеневич Г.Ф. Ш 50 Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – 832 с.

38. Ягельницкий А.А. Наследственное преемство в праве на оспаривание сделки, «Вестник гражданского права», 2010, N 5.

39. § 11 Zulässigkeit des Insolvenzverfahrens, Insolvenzordnung (InsO) // Режим доступа URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/inso/>

УДК 349.444

Нагимов Марсель Владиславович

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

nagimov-mars@mail.ru

Nagimov Marsel

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Private Law

Russia, Moscow

РЕНОВАЦИЯ ЖИЛЬЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ

Аннотация: в статье рассматривается реновация жилья как один из актуальных методов обеспечения права граждан на жилище. Автор анализирует правовые аспекты реновационных проектов, исследует их влияние на социальную структуру городских районов и экономическую эффективность для городского бюджета. Особое внимание уделяется вопросам соблюдения прав собственников жилья, а также их дополнительных гарантий.

Ключевые слова: программа реновации, право на жилище, реновация жилья, жилищные условия, жилищный фонд, гарантии прав владельцев жилых и нежилых помещений.

HOUSING RENOVATION AS A WAY OF REALIZING THE RIGHT TO HOUSING

Annotation: the article considers the renovation of housing as one of the most relevant methods of ensuring the right of citizens to housing. The author analyzes the legal aspects of renovation projects, examines their impact on the social structure of urban

areas and economic efficiency for the city budget. Special attention is paid to the issues of observance of the rights of homeowners, as well as their additional guarantees.

Key words: renovation program, the right to housing, housing renovation, housing conditions, housing stock, guarantees of the rights of owners of residential and non-residential premises.

Право на жилище является одним из основных конституционных прав граждан Российской Федерации, закрепленным в статье 40 Конституции РФ [1]. Это право предполагает не только право иметь жилье в собственности или пользовании, но и обеспечение его качества, безопасности, комфорта и доступности. Однако в настоящее время значительная часть жилищного фонда России находится в аварийном или ветхом состоянии, что угрожает жизни и здоровью жителей, а также нарушает их право на достойные жилищные условия [15].

В связи с этим в России реализуется программа реновации жилищного фонда, которая представляет собой комплексное развитие территорий с целью обновления среды жизнедеятельности и создания благоприятных условий проживания граждан. Реновация жилья включает в себя снос старого и строительство нового, а также развитие инфраструктуры, транспорта, социальных и культурных объектов на реновируемых территориях в соответствии с утвержденной Программой реновации [15].

Нормативно-правовая база реновации жилищного фонда в России состоит из федеральных и региональных нормативных актов, регулирующих порядок и условия проведения реновации, права и обязанности участников реновации, а также механизмы финансирования и контроля за реализацией программы [2]. Основными нормативно-правовыми актами, регламентирующими реновацию, являются Конституция РФ, ЖК РФ, Глава 10 ГрК РФ «Комплексное развитие территорий», ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Закон РФ «О статусе столицы Российской Федерации». Кроме того, в каждом регионе, где проводится

реновация, принимаются соответствующие региональные законы и подзаконные акты, учитывающие специфику местного жилищного фонда и потребности населения. На примере Москвы можно выделить Закон г. Москвы N 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве», Постановление Правительства Москвы от 1 августа 2017 г. N 497-ПП «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве», Постановление Правительства Москвы N 45-ПП «О порядке приобретения собственниками жилых помещений в многоквартирных домах, включенных в Программу реновации жилищного фонда в городе Москве, или гражданами, имеющими право пользования такими жилыми помещениями на условиях социального найма, за доплату жилых помещений большей площади и (или) жилых помещений, имеющих большее количество комнат, чем предоставляемые им равнозначные жилые помещения»[13].

Сущность и цели реновации жилищного фонда заключаются в обеспечении реализации права граждан на жилище путем замены непригодного для проживания жилья на новое, соответствующее современным требованиям и стандартам [12]. Реновация также направлена на повышение качества и комфорта городской среды, развитие поселений и городов, привлечение частных инвестиций в жилищное строительство, а также на достижение целевых показателей в сфере жилищного строительства и улучшения жилищных условий россиян, которые указаны в различных госпрограммах и нацпроектах [11].

Реновация жилья в Москве представляет собой важный инструмент реализации конституционного права граждан на жилище. Этот процесс не только обновляет жилищный фонд и улучшает жилищные условия, но и способствует социальному развитию территорий, повышая качество жизни населения и стимулируя экономический рост [4].

Реновация жилищного фонда основывается на следующих принципах:

принцип социальной справедливости, согласно которому государство обеспечивает равные возможности для реализации права на жилище и оказывает жилищную поддержку тем гражданам, которые нуждаются в ней. Этот принцип выражается в том, что реновация жилищного фонда направлена на улучшение жилищных условий собственников жилья, находящегося в аварийном состоянии. Участники программы реновации имеют возможность не только переехать в новое качественное жилье взамен аварийного, но и также улучшить свои жилищные условия. Фонд реновации г. Москвы предоставляет возможность участникам программы получать квартиру большей площади со скидкой 10% (максимальная площадь данной квартиры не должна превышать 100 квадратных метров) [8]. Также данным лицам с 10 августа 2021 года участникам Программы предоставляется приоритетное право на покупку машино-мест в новостройках реновации со скидкой 40% [10];

принцип экономической эффективности, согласно которому реновация жилищного фонда способствует повышению качества жизни населения, развитию инфраструктуры, увеличению доходов бюджетов различных уровней, привлечению инвестиций и созданию новых рабочих мест. Этот принцип выражается в том, что реновация жилищного фонда позволяет освободить земельные участки под новое строительство, повысить стоимость жилья и земли, сократить расходы на содержание и ремонт старого жилья, привлечь частных инвесторов и застройщиков, создать новые объекты социальной, транспортной, коммунальной и другой инфраструктуры, а также новые рабочие места в сфере строительства и обслуживания;

принцип экологической безопасности, согласно которому реновация жилищного фонда направлена на снижение негативного воздействия на окружающую среду, сокращение энергопотребления и выбросов парниковых газов, использование энергоэффективных и экологических технологий и материалов. Этот принцип выражается в том, что реновация жилищного фонда

позволяет ликвидировать аварийное и ветхое жилье, которое представляет опасность для здоровья жильцов и окружающей среды, снизить потребление электроэнергии, газа, воды и других ресурсов, уменьшить выбросы углекислого газа и других вредных веществ, применять современные технологии и материалы, такие как солнечные панели, тепловые насосы, светодиодное освещение, утепление фасадов и др.;

принцип учета интересов и потребностей населения, согласно которому реновация жилищного фонда осуществляется с участием и согласия жильцов, с обеспечением их правовой защиты, информированности, консультации и компенсации. Этот принцип выражается в том, что реновация жилищного фонда предусматривает проведение опросов, голосований, собраний, аудиторий и других форм общественного участия жильцов в принятии решений по реновации, а также предоставление им достоверной и полной информации о ходе и результатах реновации, консультаций по юридическим, техническим и иным вопросам, компенсаций за утрату или ухудшение жилищных условий, переезд, переселение и др.;

принцип комплексности и системности, согласно которому реновация жилищного фонда рассматривается как часть комплексного развития территорий, с учетом градостроительных, транспортных, социальных, культурных и иных аспектов. Этот принцип выражается в том, что реновация жилищного фонда не ограничивается только заменой старого жилья на новое, но также включает в себя создание современной городской среды, улучшение качества и доступности общественных пространств, развитие общественного транспорта, повышение культурного и исторического наследия, укрепление социальной связности и др.

В г. Москве в программу переселения включены дома высотой до 9 этажей, которые возводили по типовым проектам 1957–1968 годов. Расселение

аварийных МКД ведется с февраля 2018 года. За время действия проекта в 240 новостроек переехали жители из 800 старых домов.

На сегодняшний день актуальный план реновации в Москве включает в себя 3 этапа [9]:

I этап — с 2020 по 2024 годы: планируется расселить 930 домов и обеспечить новым жильём 170 тысяч человек;

II этап — с 2025 по 2028 годы: в этап вошли 1 630 домов, в которых проживает 330 тысяч москвичей;

III этап — с 2029 по 2032 годы: в рамках его реализации запланирован переезд 380 тысяч человек из 1 800 домов.

В зависимости от хода строительства и поиска площадок для строительства данный план будет корректироваться.

Для проведения реновация жилищного фонда необходимо пройти следующие этапы:

1) Подготовительный этап, на котором определяются объекты реновации, формируются программы реновации, проводятся обследования, экспертизы, оценки, проектирование, согласование, получение разрешений и др. На этом этапе осуществляется выборка домов, подлежащих реновации, на основании критериев, установленных законодательством, таких как срок эксплуатации, техническое состояние, энергоэффективность, архитектурная ценность и др. Также на этом этапе разрабатываются программы реновации, в которых определяются цели, задачи, сроки, объемы, источники финансирования, застройщики, ответственные органы и др. Помимо этого, на этом этапе проводятся необходимые исследования, экспертизы, оценки, проектирование, согласование, получение разрешений и другие процедуры, связанные с подготовкой к реновации;

2) Реализационный этап, на котором осуществляется строительство нового жилья, расселение жильцов из старого жилья, снос старого жилья,

благоустройство территорий и др. Освобождаемые жилые помещения передаются в собственность города Москвы, а многоквартирные дома, включенные в Программу реновации, в которых находятся освобождаемые жилые помещения, ликвидируются [12]. На этом этапе производится непосредственная реализация программ реновации, в ходе которой строятся новые дома, соответствующие современным требованиям качества, безопасности и комфорта, расселяются жильцы.

Объектами реновации в смысле Программы реновации жилищного фонда города Москвы являются многоквартирные дома, включенные в перечень домов, подлежащих реновации, а также новые жилые дома и объекты социальной инфраструктуры, строящиеся в рамках Программы реновации. Правовой режим объектов реновации определяется нормативно-правовыми актами Российской Федерации и города Москвы, а также договорами, заключаемыми между участниками реновации.

Программа реновации реализуется в соответствии Главой 10 ГрК РФ «Комплексное развитие территорий», Законом РФ от 15 апреля 1993 г. N 4802-I «О статусе столицы Российской Федерации», Законом г. Москвы от 17 мая 2017 г. N 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве», Постановление Правительства Москвы от 1 августа 2017 г. N 497-ПП «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве», Постановление Правительства Москвы от 1 февраля 2018 г. N 45-ПП «О порядке приобретения собственниками жилых помещений в многоквартирных домах, включенных в Программу реновации жилищного фонда в городе Москве, или гражданами, имеющими право пользования такими жилыми помещениями на условиях социального найма, за доплату жилых помещений большей площади и (или) жилых помещений, имеющих большее количество комнат, чем

предоставляемые им равнозначные жилые помещения», а также иными нормативными актами, регулирующими отдельные вопросы реновации.

Порядок и условия проведения реновации в Москве включают следующие основные этапы и процедуры:

1) Включение дома в перечень домов, подлежащих реновации. Для того, чтобы дом был включен в перечень, необходимо, чтобы он соответствовал критериям, установленным Постановлением Правительства Москвы о Реновации, а именно: был построен по типовым проектам 1957–1968 годов и имел не более 9 этажей. К такой категории относятся многоквартирные дома первого периода индустриального домостроения и аналогичные им по характеристикам конструктивных элементов многоквартирные дома, находящиеся в неудовлетворительном техническом состоянии [7]. Кроме того, необходимо, чтобы 2/3 жителей дома поддержали включение дома в перечень путем голосования, которое проводилось с 15 мая по 15 июня 2017 года на сайте «Активный гражданин», в отделениях МФЦ или на общих собраниях собственников [7]. После голосования дом включается в перечень по решению Правительства Москвы, которое публикуется на официальном сайте Мэра Москвы. Перечень домов, подлежащих реновации, является закрытым и не может быть расширен за счет включения новых домов в настоящее время. Сейчас планы реновации уже сформированы и добавить новый дом в программу реновации нельзя. Однако отказаться от реновации участники реновации все ещё могут. Для этого необходимо проведения общего собрания собственников и нанимателей по договору социального найма с общим количеством голосовавших 50% от общего числа всех жильцов и результатами голосования более 1/3 за исключение МКД из Программы реновации [6].

2) Предоставление жителям информации о доступных вариантах нового жилья. Жителям дома, включенного в перечень, предоставляется информация о

доступных вариантах нового жилья, которые могут быть расположены в том же районе, в соседнем районе или в другом районе города.

3) Заключение договора мены со всеми собственниками или возможность получения денежной компенсации. Жители дома, включенного в перечень, имеют право выбрать один из двух вариантов: обменять свое жилье на новое жилье или получить денежную компенсацию [6]. Для этого они должны заключить договор мены или денежной компенсации с Фондом реновации, в котором определяются условия и сроки переезда, а также размер и порядок выплаты компенсации [6]. Договор мены жилья или денежной компенсации заключается в письменной форме и подписывается сторонами в присутствии нотариуса. При заключении договора жители должны предоставить необходимые документы и сведения, подтверждающие их право на участие в программе реновации, а также выбрать конкретный вариант нового жилья из предложенных;

4) Организация переезда жителей в новое жилье. После заключения договора мены жилья или денежной компенсации жители должны освободить свое старое жилье и переехать в новое жилье в установленные сроки. Кроме того, ветеранам, одиноким и (или) одиноко проживающим гражданам, достигшим пенсионного возраста, инвалидам, малоимущим гражданам, многодетным семьям, а также иным категориям граждан оказывается помощь при переселении в связи с реализацией Программы реновации. С 2023 Суперсервис «Помощь при переезде в рамках Программы реновации» также содействует в переезде всем участникам Программы реновации;

5) Регистрация права собственности на новое жилье. После переезда в новое жилье жители должны оформить государственную регистрацию права собственности на новое жилье или договор социального найма.

Договоры, предусматривающие переход права собственности (договоры мены), договоры социального найма и договоры передачи жилых помещений в

рамках Программы реновации заключаются после издания распоряжения Департамента городского имущества города Москвы о предоставлении гражданам равнозначных жилых помещений.

Каждый участник реновации имеет определенные права и обязанности, которые регулируются Жилищным кодексом, Постановление, Закон г. Москвы от 17 мая 2017 г. N 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве» [5].

Правовую основу обеспечения дополнительных гарантий жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, Гражданский кодекс Российской Федерации, Жилищный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы и другие нормативные правовые акты Российской Федерации, настоящий Закон и иные нормативные правовые акты города Москвы [5].

Владельцы жилых и нежилых помещений при реновации имеют ряд гарантий, направленных на защиту их прав и интересов, а также на компенсацию убытков, причиненных в результате реновации.

Гарантия на внеочередное улучшение жилищных условий [14]. Участниками реновации и членам их семей, состоящим на жилищном учете, предоставляются жилые помещения по норме на одного человека вне очереди в порядке и условиях, установленных законодательством г. Москвы. Кроме того, участники Программы реновации имеют льготы на приобретения жилья с большей площадью и лучшими условиями [9].

Гарантия учета мнения жителей при формировании и реализации программы реновации, которая означает, что владелец жилого или нежилого помещения не может быть принужден к согласию на реновацию, а также имеет

право отказаться от участия в реновации в любой момент до заключения договора мены жилья или денежной компенсации [5].

Гарантия равнозначности предоставляемого жилья или компенсации, которая означает, что владелец жилого помещения имеет право на получение нового жилья с не меньшей жилой площадью и числом комнат, а также с более просторными коридорами, кухнями, ванными и туалетами, а также на получение денежной компенсации, не ниже стоимости освобождаемого жилого помещения. Такое жилое помещение предоставляется в том же районе, где находилось сносимое жилое помещение участника реновации (Закон г. Москвы устанавливает дополнительные гарантии, в сравнении с нормами КРТ, где субъект предоставляет жилое помещение в пределах всего городского округа, а не конкретного района) [3].

Гарантия бесплатности переезда и оформления документов для отдельных категорий граждан, которая означает, что социальной незащищенные категории граждан при реновации имеют право на бесплатное предоставление транспорта, хранения вещей, перевода коммунальных услуг и т. д., а также на бесплатное оформление документов на новое жилье или компенсацию [5].

Гарантия освобождение от уплаты взносов на капитальный ремонт при осуществлении реновации. При включении МКД в Программу реновации её участники освобождаются от уплаты взносов на капитальный ремонт [5].

Гарантия защиты прав и интересов, которая означает, что владелец жилого или нежилого помещения имеет право на обжалование решений и действий органов и субъектов управления реновацией, а также на возмещение убытков, причиненных в результате нарушения его прав и интересов.

Дополнительные гарантии создания комфортной среды проживания граждан при осуществлении реновации [5].

Таким образом, реновация жилья представляет собой важный инструмент в реализации права на жилище, обеспечивая не только улучшение жилищных

условий, но и способствуя социальному и экономическому развитию городских территорий. При осуществлении реновации жилищного фонда полностью реализуются жилищные и имущественные права физических и юридических лиц.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Гарант
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ // СПС «Гарант»
4. Закон РФ от 15 апреля 1993 г. N 4802-I «О статусе столицы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
5. Закон г. Москвы от 17 мая 2017 г. N 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве» // СПС Гарант
6. Постановление Правительства Москвы от 02.05.2017 N 245-ПП (ред. от 14.06.2017) «Об учете мнения населения по проекту реновации жилищного фонда в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2017. N 26. Т. 2.
7. Постановление Правительства Москвы от 01.08.2017 N 497-ПП "О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» // СПС «КонсультантПлюс»
8. Постановление Правительства Москвы от 01.02.2018 N 45-ПП «О порядке приобретения собственниками жилых помещений в многоквартирных домах, включенных в Программу реновации жилищного фонда в городе Москве, или гражданами, имеющими право пользования такими жилыми помещениями

на условиях социального найма, за доплату жилых помещений большей площади и (или) жилых помещений, имеющих большее количество комнат, чем предоставляемые им равнозначные жилые помещения» // СПС «КонсультантПлюс»

9. Приказ Правительства Москвы от 12.08.2020 №45/182/ПР-335/20 «Об этапах реализации Программы реновации жилищного фонда в городе Москве» // СПС «КонсультантПлюс»

10. Постановление Правительства Москвы от 09.08.2021 N 1222-ПП «О порядке приобретения машино-мест, расположенных в подземной части многоквартирных домов, строительство которых осуществлялось в целях реализации Программы реновации жилищного фонда в городе Москве» // СПС «КонсультантПлюс»

11. Дауди Т.М. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕНОВАЦИИ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ // Право и управление. 2022. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-renovatsii-zhilischnogo-fonda-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 25.03.2024).

12. Ершова Н. А. Особенности возникновения права собственности на жилые помещения в рамках Программы реновации жилищного фонда в городе Москве // Российский судья. 2022. N 11. С. 8–11.

13. Короткова М. В. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕНОВАЦИИ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА В ГОРОДЕ МОСКВЕ // Образование и право. 2017. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-renovatsii-zhilischnogo-fonda-v-gorode-moskve> (дата обращения: 26.03.2024).

14. Могзоев А.М., Кузьмичева К. И. Реновация жилищного фонда города Москвы // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. №4 (23). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/renovatsiya-zhilischnogo-fonda-goroda-moskvy>
(дата обращения: 30.03.2024).

15. Жилищный фонд по субъектам Российской Федерации, годы (2020–2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/39hbNr> (дата обращения: 25.03.2024).

УДК 347.242

Попов Давыд Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
St075653@student.spbu.ru
Popov Dayid
Saint Petersburg State University
Faculty of law
Russia, Saint-Petersburg

ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО ПОВОДУ ИМУЩЕСТВА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНДОМИНИУМАХ

Аннотация: в статье рассмотрена проблема, связанная с пробелом в регулировании правоотношений по обслуживанию общего имущества в поселках закрытого типа, установлено, на ком лежит необходимость оплаты использования имущества общего пользования и каким образом вправе устанавливать условия обслуживания имущества общего пользования.

Ключевые слова: кондоминиум, поселок закрытого типа, коттеджный поселок, общее имущество кондоминиума, решения собраний.

LEGAL REGULATION REGARDING THE COMMON USE PROPERTY IN CONDOMINIUMS

Annotation: the article examines the problem of regulation of legal relations for the maintenance of common property in the gated settlements, found out who is responsible for paying for the usage of common property and who has the right to establish the conditions under which the maintenance of common property will be carried out.

Key words: condominium, gated settlement, cottage settlement, condominium common property, meeting decisions.

Все больше российских граждан предпочитают проживание в индивидуальных жилых домах, строящихся в загородных жилых комплексах. Актуальной проблемой для собственников недвижимости в таких кондоминиумах является распределение расходов на оплату содержания имущества общего пользования. С одной стороны, отсутствие у этих лиц права общей собственности на имущество общего пользования, а также добровольность вступления в гражданско-правовое сообщество, создаваемое для обслуживания такого имущества, (например, ТСЖ) порождают соблазн избежать несения расходов. С другой стороны, сам собственник имущества общего пользования может вести себя недобросовестно: отчуждать такое имущество по своему усмотрению, требовать неоправданно высокой платы за пользование своим имуществом и иными способами злоупотреблять правом собственности. Правовой вакуум в регулировании, запрет применения по аналогии правил о многоквартирных жилых домах и садоводческих огороднических товариществах и невозможность ориентироваться на практику создают хаос, в котором не могут разобраться суды, не говоря о простых гражданах. Необходимо выяснить природу правоотношений по поводу имущества общего пользования, и определить для них справедливое регулирование.

На данный момент в российском законодательстве отсутствует какое-либо специальное название для таких комплексов. Конституционный суд в своих Постановлениях [1; 2] использует выражения «комплекс индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой, предназначенной для их использования», «жилищно-земельный комплекс», «поселок закрытого типа», «территориальное образование» и «коттеджный поселок» как синонимы.

Для краткости далее будет использоваться устоявшаяся в литературе и практике формулировка «коттеджный поселок».

Процесс образования коттеджного поселка, как правило, таков: собственник некоего крупного участка земли делит свой участок на более мелкие участки, застраивает их индивидуальными жилыми домами, прокладывает общую инфраструктуру и продает участки третьим лицам. Примечательно, что непроданные полосы земли между проданными участками, являющиеся дорогами, разнообразные объекты инфраструктуры остаются в собственности застройщика. В то же время застройщик может не ограничиваться вышеперечисленным минимумом объектов, без которых покупатель просто не сможет использовать свой земельный участок по назначению. В коттеджном поселке могут быть созданы облагороженные пляжи, спортивные и детские площадки, все, на что хватит фантазии для привлечения потенциальных покупателей. Эти объекты также будут доступны всем собственникам недвижимости в поселке, но останутся в собственности застройщика. Таким образом, чаще всего все то имущество, возможность использования которого будет предоставлена всем собственникам индивидуальных участков (имущество общего пользования), остается в собственности лица, являвшегося собственником первоначального участка.

Поскольку имущество общего пользования нуждается в содержании (ремонт дорог, оплата охранных услуг, вывоз мусора и т.д.), возникает вопрос о том, кто будет нести соответствующие расходы. На данный момент в российском праве отсутствует законодательное регулирование отношений по поводу имущества, находящегося в общем пользовании собственников участков в поселках закрытого типа, на что не раз обращали внимание Высшие Суды [1]. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 ноября 2016 г. N 23-П указал на отсутствие в действующем законодательстве единого специального регулирования, посвященного правовому режиму имущества

общего пользования собственников индивидуальных жилых домов, обусловленное тем, что обслуживающая индивидуальные жилые дома инфраструктура, в силу своей пространственной обособленности, обладает отличными от общего имущества в многоквартирном доме характеристиками. С одной стороны, по общему правилу собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества (статья 210 ГК РФ). С другой стороны, этим имуществом в описываемой конструкции пользуется не его собственник, а собственники индивидуальных земельных участков в поселке. Нужно ли платить за пользование чужими вещами?

Представляется, что освобождение собственников коттеджей от несения расходов по содержанию имущества общего пользования неизбежно приведет к возникновению неосновательного обогащения на их стороне. Как известно, неосновательное обогащение может иметь форму сбережения собственного имущества. Сбережение выражается в сохранении обогатившимся некой имущественной ценности, которая при нормальном развитии событий должна была бы выбыть из его имущества. Лицо не приобретает какого-то нового имущества, его выгода состоит в «освобождении от долга, сбережении расходов» [3, с 403], которые оно при иных обстоятельствах понесло бы для достижения соответствующего эффекта.

Как минимум собственники коттеджей будут подъезжать (подходить) к своему участку по дорогам общего пользования, (не берем аномальные ситуации из серии высадки собственника на свой участок на вертолете), следовательно, при неоплате содержания таких дорог на их стороне будет образовываться неосновательное обогащение. Получается, на них должна возлагаться обязанность по несению расходов по поддержанию дорог в надлежащем состоянии. Так же дело обстоит с системами водоснабжения, контейнерными площадками и т.д.

Таким образом, иногда денежное обязательство по оплате содержания имущества общего пользования будет изначально формироваться как кондиционное. В одном из дел ВС РФ обсуждал следующую ситуацию: ТСН «Капитолий» приобрело на территории ТСЖ «Прибрежное» имущество общего пользования и занималось содержанием такого имущества. Члены ТСЖ "Прибрежное" осуществляли пользование имуществом ТСН "Капитолий" в индивидуальном порядке, однако расходы по его содержанию не несли. Позже ТСН «Капитолий» потребовало оплаты оказанных услуг, однако ТСЖ сочло данные требования неправомерными ввиду отсутствия между ТСН и ТСЖ договоров. Суд признал, что отсутствие заключенных между сторонами договоров не освобождает истца от обязанности нести бремя содержания имущества общего пользования и внесения платы за фактическое использование имуществом ответчикам [4].

Довод о необходимости оплаты содержания имущества общего пользования можно подтвердить, используя аналогию закона к сходным правоотношениям. Коттеджные поселки, как и многоквартирные жилые дома, а также садоводческие объединения, являются кондоминиумами — едиными комплексами недвижимого имущества. Всякий кондоминиум включает в себя две категории имущества. Первая категория — индивидуальное имущество, находящееся в частной собственности (например, квартиры в многоквартирном жилом доме, участки в садоводческих и огороднических товариществах, индивидуальные жилые дома в коттеджном поселке и т.д.), такое имущество используется по усмотрению его собственников. Вторая категория — имущество общего пользования, служащее для удовлетворения потребностей собственников первой категории имущества. Таким имуществом будут являться, например, лифты, лестничные пролеты, подвалы, крыши многоквартирного жилого дома, дороги, контейнерные площадки в садоводческих объединениях, детские площадки, пляжи в коттеджных поселках и т.д.

Общее имущество многоквартирного дома принадлежит на праве общей долевой собственности собственникам помещений в многоквартирном доме (ч. 1 ст. 36 ЖК РФ). Расходы по содержанию имущества общего пользования ложатся на собственников помещений в многоквартирном доме соразмерно долям в праве общей собственности на общее имущество дома (ч. 1 и 2 ст. 39 ЖК РФ). Относительно нежилых зданий Пленум ВАС предложил применять по аналогии статьи 249, 289, 290 ГК, а также разъяснил, что собственнику отдельного помещения в здании во всех случаях принадлежит доля в праве общей собственности на общее имущество здания [5]. Сходное регулирование предусмотрено для садоводств и огородничеств. Имущество общего пользования, расположенное в границах территории садоводства или огородничества, являющееся недвижимым имуществом, созданное (создаваемое), приобретенное после дня вступления в силу Федерального Закона № 217-ФЗ, принадлежит на праве общей долевой собственности лицам, являющимся собственниками земельных участков, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, пропорционально площади этих участков (ч.1 ст. 25 ФЗ № 217-ФЗ) [6]. Управление имуществом общего пользования в границах территории садоводства или огородничества может осуществлять только одно товарищество.

Необходимо отметить, что собственники квартир и садовых участков содержат свое собственное имущество, а в коттеджных поселках имущество общего пользования принадлежит третьим лицам. Это одна из причин, почему применение регулирования для этих кондоминиумов было заблокировано Конституционным судом [1]. Из этого вытекает проблема противоречия интересов пользующегося несобственника и непользующегося собственника.

Интересен опыт Франции в регулировании схожих отношений. Французский гражданский кодекс (далее—ФГК) содержит подробное регулирование возведения и содержания стен на границах земельных

участков(ст. 653-667 ФГК).В частности, согласно ст. 653 ФГК в городах и деревнях любая стена, служащая границей между зданиями, дворами, садами, полями признается общей кроме случаев, когда право на нее признано и не выявлено иное. Согласно ст. 655 ФГК ремонт и реконструкцию общей стены должны производить те, кто имеет на нее право, пропорционально праву каждого [7]. Л. Жюллио де ла Морандьер указывал, что правила, предусмотренные для стен, применялись к имуществу общего пользования. «Часто бывает, что несколько собственников пользуются совместно для своих земельных участков двором, въездной аллеей, дорогой, колодцем, водопоем и т.п., которые состоят как таковые в общей собственности... Гражданские трибуналы, по крайней мере пока дело идет о пользовании общей вещью, применяют правила, аналогичные установленным для общей стены... Каждый из сособственников обязан участвовать в общих расходах на содержание и исправление вещи» [8, с. 84].

Выяснив, что расходы по содержанию имущества общего пользования должны падать на собственников коттеджей, возникают новые вопросы: сколько нужно платить, за что нужно платить, кому платить и так далее. Если оставить это на усмотрение собственника имущества общего пользования (причем необходимо понимать, что собственник такого имущества может не раз поменяться с момента образования коттеджного поселка), то появится риск злоупотреблений с его стороны. Он может договориться с управляющей компанией о завышении цен на услуги, разделяя стоимостную разницу между собой и такой компанией, может самостоятельно осуществлять сбор суммы в размере большем чем это необходимо, оставляя излишек себе и так далее. Учитывая сказанное, и тот факт, что необходимость оплаты содержания имущества общего пользования лежит на собственниках индивидуальных участков, на мой взгляд, эти собственники должны сами принимать решения о расходах на содержание имущества общего пользования. Так собственники смогут самостоятельно выбрать управляющую компанию или возложить

решение организационных вопросов на одного из собственников (выбрать председателя), а может решат осуществлять все необходимые работы своими силами, разделив обязанности между собой (это вполне возможно, если поселок маленький).

Оставив сомнения в том, что на собственников коттеджей возложена обязанность оплаты содержания имущества общего пользования, и заняв позицию, в соответствии с которой во избежание диктовки односторонних тарифов собственники индивидуальных участков сами должны принимать организационные решения по поводу этого имущества, необходимо определить оптимальный способ формирования таких решений. Представляется, что обеспечить учет воли каждого такого собственника может общее собрание собственников недвижимости в этом поселке.

Для начала нужно обозначить круг субъектов, правомочный принимать управленческие решения. Очевидно, что поскольку все собственники земельных участков, находящихся в границах поселка, несут расходы на содержание имущества общего пользования, все собственники должны принимать участие в собрании. Причем пока собственник имущества общего пользования сохраняет право собственности на это имущество, он также будет наделен правом принимать решения наравне с остальными собственниками. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10.11.2016 N 23-П отметил необходимость обеспечения справедливого баланса интересов юридических и физических лиц, в том числе не являющихся собственниками таких жилых домов, понесших расходы на создание, приобретение, реконструкцию и восстановление работоспособности соответствующих объектов, и интересов собственников индивидуальных жилых домов [1].

Однако существует проблема, связанная с признанием юридической силы за решениями таких собраний. Согласно п. 103 Постановления Пленума ВС РФ № 25 [9] под решениями собраний понимаются решения гражданско-правового

сообщества, т.е. определенной группы лиц, *наделенной полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия*, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений. Означает ли это, что закон должен прямо наделять гражданско-правовое сообщество правом принимать решение, наделенное юридической силой? Доктрина [10, с. 81] и практика высших судов [11] положительно отвечает на этот вопрос. Пока законодательство никак не определяет правовой режим коттеджных поселков и не содержит такого гражданско-правового сообщества как «собственники недвижимости, объединенной общей инфраструктурой». Следовательно, собрание собственников участков в таких поселках формально не является гражданско-правовым сообществом, правомочным принимать решения, имеющие юридическую силу. Впрочем, несмотря на это в судебной практике нижестоящих судов встречаются решения, в которых режим решений собраний распространяется на поселки закрытого типа [12; 13].

Показательным является определение ВС РФ от 06.10.2020 г. № 5- КГ20-107-К2 [14]. В этом деле Суд не удовлетворил иск управляющей компании о взыскании неосновательного обогащения, встав на защиту собственника индивидуального участка в коттеджном поселке, отказавшегося заключать договор с управляющей компанией и платить за предоставленные ей услуги. ВС указал, что коттеджный поселок не является дачным, садоводческим, огородническим объединением собственников недвижимости или каким-либо иным гражданско-правовым сообществом, объединенным общей территорией. Ответчик не являлся членом такого сообщества и на него не распространяемы индивидуальные или коллективные соглашения относительно пользования инфраструктурой и землями, на которые ответчику не принадлежала доля в праве собственности.

Тогда может собственникам коттеджей во избежание сомнений в их гражданской правосубъектности следует создать ТСН (п.2 ч.2 ст. 136 ЖК РФ, ч.1 ст. 1223.12 ГК РФ)? Трудности вызывает наделение юридической силой решения ТСН в отношении всех собственников недвижимости в коттеджном поселке (включая не вступивших в ТСН). Судебная практика знает немало попыток отказа собственников подчинению принятым на собрании решениям. Аргументы неплательщиков зачастую сводятся к тому, что лицо не состоит в каком-либо правовом образовании (ТСЖ, ТСН), а, следовательно, якобы для такого лица решение не является обязательным [15].

Как разъяснил Конституционный суд «... из принципа добровольности членства в объединении следует, что создание товарищества собственников жилья в кондоминиуме не исключает возможности для отдельных домовладельцев оставаться вне данного объединения, при этом не утрачивая с ним правовых связей, кроме членства в товариществе.» [16]. Пока членство в ТСН является добровольным, мы будем упираться в проблему распространения общего решения на собственников-членов ТСН и собственников-не членов ТСН. Аналогичная проблема возникает в отношении собственников помещений в многоквартирных домах. И. Антюшин выделяет следующие проблемы невступления части собственников в ТСЖ. Первая — неравномерное распределение бремени содержания общего имущества между членами ТСЖ и лицами, не вступившими в ТСЖ, вторая — дублирование и усложнение системы многоквартирным домом, поскольку решения могут приниматься как ТСЖ, так и общим собранием собственников квартир, что приводит к снижению эффективности управления, третья — невозможность нормального выстраивания отношений между неконсолидированным сообществом и третьими лицами [17, с 59]. Также Антюшин предлагал закрепить правило, в соответствии с которым при приобретении квартиры в многоквартирном доме лицо автоматически становится членом соответствующего сообщества

сособственников, осуществляющего управление многоквартирным домом [17, с 57]. На мой взгляд, законодателю следует пойти дальше и ввести норму, в соответствии с которой любое лицо, приобретающее недвижимость в составе какого-либо кондоминиума, автоматически становится членом сообщества сособственников. Такая норма позволит решить проблемы управления общим имуществом не только в отношении многоквартирных домов, садоводств, огородничеств, поселков закрытого типа, но и в отношении новых кондоминиумов, которые могут появиться в будущем.

В подтверждение рациональности такой идеи можно привести примеры из зарубежных правопорядков. В Германии отношения сособственников недвижимости регулируются Законом о жилищной собственности Германии (WEG) [18]. Критерием образования сообщества жилищной собственности служит расположение зданий на одном земельном участке. Такое сообщество возникает автоматически с возникновением жилищной собственности, сперва оно существует как сообщество одного лица – застройщика. При приобретении лицом права собственности на какое-либо помещение (здание), находящееся в пределах земельного участка, лицо автоматически становится членом сообщества жилищных собственников [19].

В Чехии управление многоквартирным домом осуществляется товариществом собственников помещений, членство в котором переходит автоматически, одновременно с переходом права собственности на помещение. Собрание собственников является высшим органом товарищества [20].

Таким образом, не столь важно, будут ли собственники недвижимости в коттеджном поселке вступать в ТСН, ТСЖ, жилищный кооператив или какое-либо другое юридическое лицо. Важно признать всех собственников недвижимости, объединенных использованием общего имущества гражданско-правовым сообществом, способным своим собранием принимать решения, наделенные юридической силой в отношении каждого собственника

недвижимости в этом поселке. Причем нельзя допускать отрыв права собственности от членства в данном сообществе. Выход из сообщества должен быть возможен только при отчуждении недвижимости в таком земельно-жилищном комплексе.

Подводя итог, можно сказать, что необходимость оплаты расходов по обслуживанию имущества общего пользования в коттеджных поселках должна возлагаться на всех собственников участков (домов) в таком поселке, включая собственника имущества общего пользования. Одностороннее диктование условий со стороны собственника имущества общего пользования не является допустимым. Решения относительно имущества общего пользования должны приниматься с учетом воли каждого собственника недвижимого имущества в данном поселке на собрании собственников. Для наделения такого собрания собственников юридической силой необходимо пополнить законодательство нормой, согласно которой любое лицо, приобретающее право собственности на недвижимость в составе кондоминиума, автоматически становится членом гражданско-правового сообщества, наделенного правом принимать на общем собрании собственников решения, обязательные для всех членов данного сообщества.

Список литературы:

1. Постановление от 10 ноября 2016 г. № 23-П По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 федерального закона «о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н.Н. Марасанова. // СПС - «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного суда от 28 декабря 2021 г. № 55-П По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 жилищного кодекса

российской федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой. // СПС - «КонсультантПлюс».

3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Фирма «СПАРК», 1995. 556 с.

4. Определение Верховного Суда РФ от 24.12.2020 по делу № А40-143712/2019 // СПС - «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 64 "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания». // СПС - «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 29.07.2017 N 217-ФЗ (ред. от 22.12.2020) "О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // СПС - «КонсультантПлюс».

7. Гражданский кодекс Франции Раздел 1. Прилегающая стена и ров (ст.653-673) URL: Section 1 : Du mur et du fossé mitoyens (Articles 653 à 673) - Légifrance (legifrance.gouv.fr)

8. Л. Жюллио де ла Морандьер Гражданское право Франции.: В 2-х т. Т 2 / перевод Е.А. Флейшиц. - М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 728 с.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации". // СПС - «КонсультантПлюс».

10. Тузов Д.О., Зезекало А.Ю. Сделки. Решения собраний: учебное пособие /– СПб: Самиздат, 2019. 98 с.

11. Определение Коллегии Гражданских дел Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 5-КГ16-230 // URL: Банк судебных решений (vsrf.ru)

12. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.12.2018 по делу № 33-18170/2018. // СПС - «КонсультантПлюс»;

13. Апелляционное определение московского городского суда от 28.06.2017 по делу № 33-28498/2017. // СПС - «КонсультантПлюс».
14. Определение Верховного суда РФ от 06.10.2020 г. № 5-КГ20-107-К2 // URL: Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС Российской Федерации от 06.10.2020 N 5-КГ20-107-К2 (legalacts.ru)
15. Решение Брянского районного суда от 28 января 2020 года по делу № 2-33/2020. // СПС - «СудАкт».
16. Постановление Конституционного суда от 3 апреля 1998 г. № 10-П по делу о проверке конституционности пунктов 1, 3 и 4 статьи 32 и пунктов 2 и 3 статьи 49 Федерального закона от 15 июня 1996 года "О товариществах собственников жилья" в связи с запросом советского районного суда города Омска. // СПС - «КонсультантПлюс»
17. Антюшин И.С. ТСЖ: Проблемы российского регулирования и пути их преодоления на примере законодательства Бельгии // Журнал РШЧП. – 2019. - № 1.
18. Закон о праве собственности на квартиры и праве на постоянное проживание (WEG) // URL: Act on the Ownership of Apartments and the Permanent Residential Right (Wohnungseigentumsgesetz, WEG) (gesetze-im-internet.de)
19. Величко В.Е. Пределы гражданско-правового сообщества в поэтажной собственности. Есть ли препятствия для расширения состав его участников? // Журнал РШЧП. – 2019. - № 5.
20. Гражданский кодекс Чехии // URL: Bytové spoluvlastnictví, Oddíl 5 - Nový občanský zákoník č. 89/2012 Sb. | Kurzy.cz

Потопальский Сергей Степанович

Российский государственный университет правосудия

Крымский филиал

Кафедра гражданского права

Россия, Симферополь

t.potopal@gmail.com

Бесельман Илона Владимировна

Российский государственный университет правосудия

Крымский филиал

Факультет подготовки специалистов для судебной системы

(юридический факультет)

Россия, Симферополь

ilonabeselman@mail.ru

Potopalsky Sergey

The Russian State University of Justice

The Crimean branch

Department of Civil Law

Russia, Simferopol

Beselman Ilona

The Russian State University of Justice

The Crimean branch

Faculty of Training Specialists for the Judicial system

(Faculty of Law)

Russia, Simferopol

**СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМАТИКА БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ
ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: данная научная статья посвящена изучению специфики и проблематики банкротства физических лиц в Российской Федерации. В статье рассматривается текущее состояние и особенности банкротства физических лиц в правовом контексте России, а также анализируются основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются граждане, находящиеся в процессе банкротства. Особое внимание уделяется законодательным актам, регулирующим процедуры банкротства физических лиц, и предлагаемым мерам по улучшению данной ситуации.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, законодательство Российской Федерации, проблемы, вызовы, процедуры банкротства, граждане, улучшение ситуации.

SPECIFICS AND PROBLEMS OF BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: this scientific article is devoted to the study of the specifics and problems of bankruptcy of individuals in the Russian Federation. The article examines the current state and features of bankruptcy of individuals in the legal context of Russia, as well as analyzes the main problems and challenges faced by citizens in the process of bankruptcy. Particular attention is paid to the legislative acts regulating the bankruptcy procedures of individuals and the proposed measures to improve this situation.

Key words: bankruptcy of individuals, legislation of the Russian Federation, problems, challenges, bankruptcy procedures, citizens, improvement of the situation.

Согласно действующему законодательству, банкротство означает признание гражданина лицом, неспособным соответствующим образом исполнять свои финансовые обязательства перед другими лицами (кредиторами) [1]. Данный подход к определению банкротства существует с 2015 года, с

момента начала функционирования института банкротства физических лиц на территории Российской Федерации (далее – РФ или Россия).

Так, статистические сведения демонстрируют следующую ситуацию [14]. На основании официального сайта «Федресурс» (Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности), количество граждан-банкротов в первом квартале 2023 года выросло на 40,3% к аналогичному периоду 2022 года до 76 тыс. человек (в январе-марте 2022 года число банкротств граждан увеличилось на 33,6% к первому кварталу 2021 года до 54,2 тысяч).

За период существования процедуры потребительского банкротства, с октября 2015 года по март 2023 года, несостоятельными стали уже 829 тысяч граждан. Это важная статистика свидетельствует о трудностях, с которыми сталкиваются люди в сфере финансов. Как уточняется в соответствующих исследованиях, причины банкротства могут быть самыми разнообразными – от потери работы и резкого снижения доходов до неумелого управления личным бюджетом. Непростая экономическая ситуация, нестабильность на рынке труда и высокие процентные ставки по кредитам также способствуют увеличению числа неплатежеспособных граждан.

Рассмотрим несколько проблем банкротства физических лиц [10, с. 35-37]. Недостаточно высокий уровень вознаграждения финансовых управляющих является одной из ключевых проблем, связанных с банкротством физических лиц в России. Эта проблема внушает сомнения в эффективности процесса банкротства и создает непосредственные препятствия для его успешной реализации.

Финансовые управляющие играют важную роль в процессе банкротства, представляя интересы должника перед кредиторами и обеспечивая надлежащее исполнение различных правовых и финансовых процедур. Существующая

система вознаграждения финансовых управляющих представляет собой значительное препятствие на пути их эффективной работы. Низкая оплата труда ставит под угрозу независимость и объективность финансовых управляющих.

Решение проблемы недостаточно высокого уровня вознаграждения финансовых управляющих требует изменения законодательства и финансовых механизмов. Согласно законодательству (часть 3 статьи 20.6 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ №127-ФЗ)), фиксированное вознаграждение финансового управляющего составляет всего лишь 25 000 рублей за проведение процедур банкротства [1]. Важно установить достойные размеры заработной платы для этих профессионалов, соответствующие их ответственности и квалификации.

Кроме того, необходимо улучшить систему контроля и поддержки решений, принимаемых финансовыми управляющими. Обязательное наблюдение за их деятельностью и возможность обращения за справедливым и обоснованным вознаграждением в случае необходимости помогут поддерживать их независимость и объективность.

Вторая проблема заключается в неясности процедуры действий суда, если у гражданина имеется личный долг, а также дополнительный долг от предыдущей предпринимательской деятельности. Когда гражданин выступает в двойном качестве как физическое лицо, и как предприниматель, возникает неопределенность относительно процедуры признания долга и последующей его взыскания. Возможно, потребуется выяснить, какой вид долга должен быть рассмотрен в первую очередь, а также определить последовательность принятия мер для его взыскания.

Стоит обратить внимание, что суд должен учесть факторы, связанные с предпринимательской деятельностью гражданина при принятии решения. Например, следует ли учитывать его имущество, полученное в результате такой деятельности, или всесторонне оценивать его платежеспособность и

возможность выполнения обязательств? Неясность касается и объема рисков, которые могут сопутствовать взысканию долга у гражданина.

В-третьих, некоторые нормы анализируемого закона содержат исключенные категории. Например, норма части 3 статьи 213.6 ФЗ № 127-ФЗ определяет, что если у гражданина имеются достаточные основания и он в течение непродолжительного времени может выполнить все расчеты и обязанности по уплате обязательных платежных поручений, то он не может быть признан неплатежеспособным [1]. Однако неясно, какие именно основания считаются достаточными и что понимается под понятием «непродолжительное время»?

Так же отметим, что Каменков В. обращает внимание на отсутствие в исследуемой сфере процедуры досудебного разрешения споров между должником и кредитором, и ее использование в США и КНР [11, с. 82]. Безусловно, досудебное разрешение споров является важным инструментом для обеспечения справедливости и скорости разрешения споров в процессе банкротства физических лиц. Оно позволяет сторонам добиться согласия и решить свои разногласия без необходимости обращения в суд.

Необходимо сделать акцент на то, что досудебное разрешение споров может способствовать предотвращению ненужных судебных процессов и сократить нагрузку на уже перегруженные суды. Это позволит экономить время и ресурсы всех участников, включая судебную систему и самих должников.

Однако за время действия законодательства о банкротстве физических лиц наблюдается непрерывная эволюция и изменение подходов к банкротству со стороны государства и общества. Это подтверждается как правоприменительной практикой, так и методами реализации права. Нельзя забывать о применении внесудебного банкротства граждан в РФ [12, с. 53]. Так, в первом квартале 2023 года многофункциональные центры (МФЦ) опубликовали 2 510 сообщений о

возбуждении процедур внесудебного банкротства граждан, что в 2 раза больше, чем в январе-марте 2022 года (+95,9%) [14].

Всего за период существования внесудебного банкротства с сентября 2020 по март 2023 стартовали 16 075 процедур с суммой долга 5,55 млрд рублей, завершены 10 942 процедуры с долгом 3,82 млрд рублей, доля начатых дел составила 52%. Лидерами по общему числу возбужденных внесудебных процедур в первом квартале 2023 года стали следующие регионы: Челябинская область (151 процедура, +79,8% к 1 кв. 2022), Омская область (139, +104,4%), Свердловская область (108, +134,8%), Краснодарский край (103, +178,4%), Оренбургская область (98; +104,2%) и т.д. [14].

Более того, в связи с нестабильной экономической ситуацией, в период с 2020 по 2022 год Правительство России неоднократно вводило моратории на возбуждение дел о банкротстве [2]. Первый мораторий был введен в апреле 2020 года и действовал до 6 октября 2020 года, а затем был продлен до 7 января 2021 года. В 2022 году мораторий был введен снова и действовал с 1 апреля по 1 октября.

Мораторий 2020-2021 годов распространялся только на определенные категории должников такие, как субъекты малого и среднего предпринимательства, системообразующие организации и социально значимые предприятия. Мораторий 2022 года касался всех категорий должников (за исключением застройщиков многоквартирных домов).

Введение моратория на банкротство было направлено на поддержание финансовой стабильности предприятий и организаций, которые испытывали трудности из-за пандемии COVID-19 и других экономических факторов. Благодаря мораторию, должники получили возможность отсрочить выплату долгов и сосредоточиться на сохранении бизнеса и рабочих мест [9, с. 201].

Однако на практике возникали определенные проблемы с реализацией моратория [13, с. 100-101]. Одним из наиболее спорных вопросов было

толкование термина «тотальность моратория». Некоторые суды и органы исполнительной власти считали, что мораторий не распространяется на все виды взыскания, в то время как другие придерживались более широкого толкования и считали, что мораторий затрагивает все исполнительные производства.

В частности, Федеральная служба судебных приставов РФ (далее – ФССП РФ) в своем Письме Ассоциации российских банков от 4 мая 2022 г. № А-01/5-187 «Об информировании должностных лиц территориальных подразделений ФССП России» разъяснила, что кредитные организации обязаны исполнять постановления судебных приставов по обращению взыскания на финансовые средства должника, хранящиеся в банке [8]. Это решение было подвергнуто критике со стороны экспертов и представителей бизнеса, которые считали, что оно противоречит целям и задачам моратория на банкротство.

Стоит отметить, что в результате действий ФССП РФ многие лишились значительных денежных средств, что существенно осложнило их финансовое положение и привело к дополнительным трудностям в условиях кризиса. В связи с этим, эксперты и представители бизнеса неоднократно обращались к Правительству РФ с требованием разъяснить порядок применения моратория на банкротство и обеспечить его единообразное применение всеми органами исполнительной власти.

Еще одним примером разногласий в понимании сути моратория является ситуация, когда одни суды налагают финансовые санкции на должников за период действия моратория, в то время как другие суды просто отказывают в запросе о приостановке производства по делу (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2022 № 09АП-46404/2022 по делу № А40-54190/2022 и Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.06.2022 № Ф05-13124/2022 по делу № А40-140652/2021) [7; 6].

Мораторий не освободит от финансовых санкций (договорной неустойки), начисленной по текущим обязательствам (платежам) должника, что

подтверждается Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2024 № 305-ЭС23-12576 по делу № А40-105313/2022 [5].

Так же важно затронуть проблему военной мобилизации. Отражение произведенной военной мобилизации с 21 сентября 2022 года может показаться не связанным с проблемой банкротства. Однако это вопрос обманчивый. Факт частичной мобилизации может действительно повлиять на сам процесс банкротства. Например, что делать, если финансовый управляющий будет мобилизован? Законодательство не предусматривает такое основание для замены управляющего, как мобилизация, хотя оно заслуживает внимания. Аналогичный вопрос можно задать и в отношении мобилизованного клиента самого финансового управляющего.

В настоящей ситуации целесообразно учесть возможность продления моратория на запуск процедуры банкротства для физических лиц и разработать механизмы таких банкротств в условиях напряженной политической обстановки в стране. Необходимо отметить, что судебная система уже перегружена делами о банкротстве, поэтому актуальными становятся поиски способов их разгрузки в данной сфере. По завершении действия моратория на банкротство, скорее всего, будет заметен стабильный рост взысканий имущества должников, что, на наш взгляд, должно быть строго контролируемым процессом.

Процедура банкротства через многофункциональные центры, по-видимому, является неэффективной и недостаточно распространенной среди населения, обусловлено это множеством условий, которые должно соблюдать физическое лицо. Во-первых, процедура имеет определенные требования к финансовому положению заявителя. Физическое лицо, желающее пройти банкротство через многофункциональный центр, должно находиться в состоянии платежеспособности и иметь задолженность, превышающую

установленные нормативы. Не каждый гражданин может отвечать этим критериям, что снижает распространенность данной процедуры.

Во-вторых, процедура банкротства через многофункциональные центры требует от заявителя определенных временных и финансовых затрат. Вплоть до судебного разбирательства, заявитель обязан выполнять ряд обязательств, связанных с погашением долга и составлением необходимой документации. Это может стать ограничивающим фактором для большинства населения, особенно для тех, кто находится в критическом финансовом положении.

В-третьих, доступность многофункциональных центров также может оказывать влияние на использование данной процедуры. Неравномерное распределение этих центров по территории страны может стать одной из причин низкой популярности банкротства через них. Не все регионы имеют достаточное количество таких учреждений, чтобы обеспечить удобство и доступность для граждан, что ограничивает их возможность воспользоваться этой процедурой.

Исходя из вышесказанного, можно выдвинуть ряд предложений по улучшению законодательства в сфере банкротства физических лиц.

1. Введение обязательной процедуры медиации может значительно укрепить правовые механизмы внесудебного урегулирования споров в делах о банкротстве физических лиц. Применение медиации в таких случаях поможет предотвратить возможные злоупотребления и необоснованные заявления о банкротстве, а также избежать лишней нагрузки на суды. Кроме того, это способствует сохранению стабильных и взаимовыгодных отношений между сторонами спора, что, в свою очередь, может способствовать восстановлению доверия и снижению последствий банкротства.

2. В настоящее время требуется пересмотреть систему оплаты услуг финансового управляющего, особое внимание уделяя законодательному введению унифицированной оплаты за все этапы процедуры банкротства физического лица. Проблема обусловлена необходимостью обеспечения

прозрачности и предсказуемости стоимости услуг финансового управления в рамках процедуры банкротства физического лица. Оплата услуг происходит разрозненно и зависит от различных факторов, что ведет к непредсказуемым затратам для граждан, сталкивающихся с финансовыми трудностями.

Либо для освобождения гражданина от услуг финансового управляющего и их ценовых запросов, в случае неплатежеспособности, отсутствия имущества и небольших долгов, исключить необходимость обращения к управляющему, а установить способность гражданина незамедлительно обращаться в суд.

3. Вопрос о внесении в состав конкурсной массы имущества, подпадающего под правовой режим «совместной собственности» лиц, состоящих в браке, является актуальным и требует серьезного рассмотрения. Данный подход поможет урегулировать правовые отношения между супругами и обеспечить справедливое распределение имущества в случае банкротства.

Следует обратить внимание на вопрос совместного банкротства супругов. Введение такой возможности позволит супругам объединить свои финансовые ресурсы и совместно справиться с финансовыми трудностями. Более того, это может быть эффективным механизмом для решения общих долговых обязательств супругов, упрощая процесс реструктуризации и возможное восстановление их финансового благополучия.

Также при банкротстве гражданина с его имущества в обязательном порядке должны сниматься все аресты, что подтверждается Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2023 № 8-КГ23-4-К2 (режим конкурсной массы способствует реализации имущества только в рамках дела о банкротстве) [4].

4. Важным аспектом банкротства должно стать не только установление факта неплатежеспособности и освобождение от обязательств должника, что не соответствует правовому вектору развития банкротства физических лиц, но и

обеспечение возврата задолженности и защиты интересов кредиторов. К этому необходимо стремиться в рамках законодательной деятельности.

Так, если должник признан банкротом и в отношении него введена процедура реструктуризации долгов, то в другом деле, например, о взыскании долга по договору займа, исковое заявление должно быть изначально оставлено без рассмотрения в целях избежания нарушения прав и законных интересов должника и кредитора (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2020 № 18-КГ19-187, 2-1550/2018) [3].

5. Проблема финансовой неустойчивости и долгового бремени для граждан нашей страны является наиболее острой проблемой, требующей незамедлительного решения. В такой ситуации финансово-правовая поддержка в рамках процедуры банкротства может предоставить не только возможность восстановить финансовое равновесие для отдельных категорий граждан (уязвимые группы населения), но и способствовать общему экономическому развитию страны. Ведь разгружая граждан от долговой нагрузки, мы позволяем им реализовывать свой потенциал, вкладывать ресурсы в различные сферы деятельности, создавать новые рабочие места и стимулировать экономический рост.

Таким образом, процедура потребительского банкротства является важным инструментом для решения проблем финансового характера и помощи людям, оказавшимся в трудной ситуации. Однако, чтобы избежать несостоятельности и финансовых проблем в будущем, важно принимать ответственные финансовые решения, умело управлять личным бюджетом и иметь запасные средства для непредвиденных обстоятельств.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 октября 2002 г. № 43 ст. 4190.

2. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 апреля 2020 г. № 14 (часть I) ст.2028.

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2020 № 18-КГ19-187, 2-1550/2018. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=619064#UkK4b7UyG4kb4oZu>.

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2023 № 8-КГ23-4-К2. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=766452#LvV3b7Uk5k5AWVzp1>.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2024 № 305-ЭС23-12576 по делу № А40-105313/2022. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797818#vYJ3b7U4vZixC705>.

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.06.2022 №Ф05-13124/2022 по делу № А40-140652/2021. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=433779#Lkk6b7Un05MPG3s5>.

7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2022 № 09АП-46404/2022 по делу № А40-54190/2022. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2366495#CB2nT7U5CVP4nOJ2>.

8. Письмо Ассоциации российских банков от 4 мая 2022 г. № А-01/5-187 «Об информировании должностных лиц территориальных подразделений ФССП России». [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/404581008/>.

9. Бесельман, И. В. Проблемы малого и среднего бизнеса Российской Федерации в условиях постковидного периода / И. В. Бесельман // Экономика, управление, право и общество : МАТЕРИАЛЫ VII МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ СЕТЕВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ, Симферополь, 20 октября 2022 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 199-202.

10. Гришмановский, Д. Ю. Проблемы формирования российского правового института банкротства физических лиц / Д. Ю. Гришмановский, Л. В. Сотникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 33-41.

11. Каменков, В. С. Медиация по делам о банкротстве? / В. С. Каменков // Актуальные проблемы гражданского права и гражданского судопроизводства : Сборник статей VI Межвузовской научно-практической конференции им. К.И. Малышева, Челябинск, 16 февраля 2018 года. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2018. – С. 74-87.

12. Плашиннов, А. С. Внесудебное банкротство физических лиц. Решение возникшей проблемы или бесперспективная инициатива законодателя? / А. С. Плашиннов // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 6(58). – С. 52-56.

13. Якушева, Е. Е. Мораторий на банкротство 2022 года: последствия, противоречия и пути решения / Е. Е. Якушева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 1. – С. 94-116.

14. Банкротства в России: I квартал 2023 года. Статистический релиз Федресурса. [Электронный ресурс] // URL: <https://fedresurs.ru/news/4353186e-a965-450c-9acf-8efd86cf6e39>.

УДК 346.7

Руф Владислав Сергеевич

Вострикова Анастасия Михайловна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

ruf.vlad-1988@yandex.ru

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru

Ruf Vladislav

Vostrikova Anastasia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

«ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ»: ТЕХНОЛОГИИ, БИЗНЕС И ПРАВО

Аннотация: в работе последовательно описываются различные подходы к пониманию сути цифровых платформ и возможностям регулирования отношений по поводу ее создания и использования в рамках частно-правового регулирования. В статье приводятся примеры функционирующих на данный момент государственных цифровых платформ. Авторами предлагается учесть и в разумных пределах использовать зарубежный подход к пониманию цифровых платформ.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, цифровая платформа, алгоритмизированная система, правовая сущность.

«DIGITAL PLATFORMS»: TECHNOLOGY, BUSINESS AND LAW

Annotation: the article consistently describes various approaches to understanding the essence of digital platforms and the possibility of regulating relations regarding its

creation and use within the framework of private law regulation. The article provides examples of currently functioning government digital platforms. The authors propose to take into account and reasonably use a foreign approach to understanding digital platforms.

Key words: digitalization, information technology, digital platform, algorithmized system, legal essence.

Развитие информационных технологий и цифровизация – самые обсуждаемые во всех научных кругах явления в первой четверти XXI века и останутся таковыми еще на многие десятилетия. Вопрос использования достижений программирования, информатизации и инженерии в различных областях человеческой деятельности выступает предметом дискуссии среди представителей технических профессий, экономистов, политиков, социологов и, конечно же, юристов. Ведь ни одно достижение человеческого гения не может быть не затронуто правом, так как его фактическое использование невозможно без надлежащего правового регулирования во избежание правовой неопределенности и остановки общественных отношений. Наглядным примером может послужить криптовалюта, использование которой долгое время было запрещено, до создания надлежащего правового режима ее ограниченного оборота в рамках гражданских правоотношений.

В рамках активной цифровизации всех сфер жизни общества технологической неизбежностью стало появление такого явления как «цифровая платформа».

Цифровые платформы позволяют существенно трансформировать режимы функционирования современных рынков (пример рынка такси, аренды жилья, покупки билетов и пр.), а также проектировать и создавать принципиально новые «умные» рынки (шеринговые схемы, схемы совместного использования объектов потребления и пр.) благодаря тому, что они минимизируют рыночные

сбои. Ярким примером зарубежной практики широко применения цифровых платформ являются национальные системы подбора донора почек, системы обмена и подбора медицинского персонала в США (National Resident Matching Program — NRMP).

В свою очередь, в Российской Федерации активно развивается «Гостех» - единая цифровая платформа, направленная на повышение эффективности реализации осуществляемых с использованием государственных информационных систем полномочий федеральных органов исполнительной власти, государственных внебюджетных фондов, исполнительных органов субъектов Российской Федерации и иных государственных органов [6].

На данный момент на уровне федерального законодательства отсутствует легальное определение цифровой платформы. Тем не менее попытка законодательно обозначить ее сущность наблюдается на уровне международно-правового взаимодействия стран СНГ, а также на ведомственном уровне.

Так, согласно Модельному закону о цифровой трансформации отраслей промышленности государств - участников СНГ под цифровой платформой понимается цифровая платформа - система алгоритмизированных взаимовыгодных отношений (в том числе коммуникационных связей в электронной форме) значимого количества независимых участников отрасли экономики (или иной сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счет использования при работе с данными информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий, а также комплексного применения совокупности средств вычислительной техники (в том числе в виде соответствующих программных комплексов) [3].

А в Концепции создания и функционирования национальной сети интеллектуальных транспортных систем на автомобильных дорогах общего пользования, утвержденной Распоряжением Минтранса России от 30.09.2022 N

АК-247-р под цифровой платформой понимается система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда [7].

Нетрудно заметить, что в данных формулировках отмечен ряд существенных технических признаков цифровых платформ: единая информационная среда, наличие при ее использовании цифровых технологий, алгоритмизации отношений. Однако, модельный закон содружества нельзя рассматривать как полноценный источник права конкретного государства по причине его шаблонности, ровно также, как и концепцию – программный документ, хоть и утвержденный подзаконным актом государственного органа, но самостоятельно не обладающий критериями нормативного акта. С уверенностью судить о цифровой платформе как правовой категории можно лишь тогда, когда ее определение и правовой режим будут следовать из нормативных актов. И наиболее благоприятным представляется именно федеральное законодательство.

А в свою очередь особенность и определенная сложность в правовом регулировании заключается в том, что основным механизмом, координирующим отношения внутри цифровых платформ, является пользовательское соглашение. Именно поэтому необходимо обратить на него особое внимание для оценки необходимости внедрения нового правового понятия и системы правовых норм, поскольку подобные меры отвечают современным потребностям в обществе и способствуют техническому прогрессу [1, с. 92].

Таким образом, вопрос правовой сущности цифровой платформы остается открытым, и законодатель еще сам находится в поиске наилучшего подхода к ее определению.

Ввиду технической сложности и объективной новизны явления наиболее целесообразным видится подход к определению правового регулирования цифровых платформ в соответствии с ее изначальным предназначением, перспективами и особенностями использования. Поэтому необходимо рассмотреть то, как понимается цифровая платформа основными в рамках сформированных исследовательских парадигм, так как в попытке охватить теоретические и методологические контуры исследования цифровых платформ исследователи по-разному определяют ключевые их особенности и каждый раз раскрывают новые аспекты их функционирования [9, с. 73].

Так, среди представителей не юридической сферы цифровая платформа, во-первых, рассматривается как некоторая экономическая система (структура): предприятие, система взаимоотношений, бизнес-модель, группа субъектов, гибридная структура, форма организации, катализатор экономики, клетка — корпорация, открытая среда и экосистема, ускоритель обмена, система правил и алгоритмов. Во-вторых, цифровая платформа рассматривается в качестве некоторой информационно-программной системы (структуры): информационная система, парадигма онлайн-сервисов, набор программных и аппаратных средств, цифровой двойник, программная среда [4, с. 31].

Немногочисленные попытки осмыслить природу цифровых платформ сводятся к пониманию их как посреднического транзакционного института (организационного аттрактора), функционирующего в условиях гибридной реальности [5, с. 22-29].

На основе концепции экосистем в зарубежной и отечественной практике платформа определяется как «открытую среду и экосистему с понятным набором смоделированных правил, вспомогательных руководств для пользователей, ресурсов и службы поддержки, которые стимулируют сотрудничество представителей всех референтных групп для создания не только общественной

ценности, но и ценности для каждого участника в отдельности так, как он ее понимает» [10, с. 34].

Стоит отметить, что уже на уровне экономической и технической теории цифровая платформа рассматривается отдельными авторами как явление с двуединой природой. Так в понятие цифровой платформы входит как сама технологическая конструкция, так и платформенные бизнес-модель и экосистема. В свою очередь, платформа как бизнес-модель представляет собой модель обеспечения посредством технологической площадки прямого взаимодействия и осуществления транзакций между субъектами с использованием новых способов и форм взаимодействия, создания ценности и ценообразования [2, с. 25]. И платформа как бизнес-модель по своей характеристике наиболее точно совпадает с понятием данным в правовых актах.

Так, на данный момент при внешнем сходстве предлагаемых как юристами, так и специалистами в области информационных технологий и экономистами, определений понятия «цифровая платформа», что безусловно влияет на ее содержательную сущность, мнения с точки зрения правовых парадигм разделились. Представители профильных профессий, кто является одновременно и создателем, и участники цифровых платформ рассматривают их как информационно-экономические структуры – то есть объекты воздействия, как и любой объект цифрового пространства, например, база данных. При этом представители юридических профессий понимают цифровые платформы как алгоритмизированные отношения – то есть абстрактные модели, взаимосвязь субъектов в пределах изолированного цифрового пространства с применением достижений информационных технологий. То есть понятие данное юристами более абстрактно. И, на наш взгляд, данный подход является оправданным, так как в научной литературе не раз отмечалось, что с проникновением в повседневную не профессионально-экономическую деятельность цифровые платформы приобретают социально-организационный смысл [8, с. 4].

Таким образом, наделяя понятие «цифровая платформа» определенной степенью абстрактности, государство в лице юрисдикционного органа и представительства в межправительственной организации движется в правильном направлении, учитывая позицию профессиональных субъектов при определении содержания цифровых платформ, что несомненно является позитивным шагом на пути правовой регламентации новых цифровых технологий.

Список литературы:

1. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7. С. 86–94.
2. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // *π-Economy*. 2018. №6. С. 22-36.
3. Модельный закон о цифровой трансформации отраслей промышленности государств - участников СНГ (Принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-9 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 10.02.2024).
4. Ниязова Ю.М., Гарин А.В., Злыднев М.И. Цифровая платформа как информационно-экономическая структура // *Компетентность*. 2021. №1. С. 31-36.
5. Осипов Ю. М., Юдина Т. Н., Гелисханов И. З. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // *Экономические стратегии*. 2018. № 5. С. 22–29.

6. Постановление Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. N 2338 «Об утверждении Положения о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех», о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. N 676 и признании утратившим силу пункта 6 изменений, которые вносятся в требования к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 мая 2017 г. N 555» // Собрание законодательства РФ, 26 декабря 2022 г. N 52 ст. 9610.

7. Распоряжение Минтранса России от 30.09.2022 N АК-247-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной сети интеллектуальных транспортных систем на автомобильных дорогах общего пользования» // «Транспорт России», N 49, 05.12.2022.

8. Рыжкова М. В. Концептуализация феномена "цифровая платформа": рынок или бизнес? // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2019. №47. С. 48-66.

9. Рыжкова М. В., Чиков М. В. Институциональная природа цифровых платформ // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2019. №4. С. 72 – 80.

10. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Синятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. №4. С. 31-60.

Сариев Георгий Спартакович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
sariev.georgy@mail.ru
Sariev Georgy
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ДОГОВОРА ПОДРЯДА

Аннотация: настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов, связанных с исполнением договора подряда. Автором проанализирована судебная практика и сделан вывод о необходимости дополнить ст. 162 ГК РФ в ч. 1 о том, что несоблюдение простой письменной формы сделки не лишает стороны права признавать ее заключенной. Сформулировано также несколько вариантов правомерного поведения с целью защиты стороной своих нарушенных прав для решения проблемы, связанной со сложностями, возникающими впоследствии в процессе доказывания и взыскания платы по договору подряда.

Ключевые слова: договор подряда, письменная форма сделки, существенные условия договора подряда, заказчик, подрядчик.

ON THE ISSUE OF THE PERFORMANCE OF THE CONTRACT

Annotation: this article is devoted to the consideration of some issues related to the execution of the contract. The author analyzes judicial practice and concludes that it is necessary to supplement Article 162 of the Civil Code of the Russian Federation in

Part 1 that failure to comply with a simple written form of a transaction does not deprive the parties of the right to recognize it as concluded. Several variants of lawful behavior have also been formulated in order for the party to protect its violated rights in order to solve the problem associated with difficulties that arise subsequently in the process of proving and collecting fees under the contract.

Key words: contract agreement, written form of the transaction, essential terms of the contract, customer, contractor.

Споры, вытекающие из договора подряда, остаются одними из самых распространенных в судебной практике. Вместе с тем, это наиболее сложная для доказывания категория гражданско-правовых дел, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, простоту заключения сделки. Гонгало Б.М. определяет договор подряда как консенсуальную, возмездную, взаимную и двусторонне обязывающую сделку [5, с. 286]. Существенными условиями договора подряда являются определение результата выполненных работ, сроки начала и окончания, цена. Согласно ст. 711 ГК РФ, обязанность по оплате выполненных подрядчиком работ, возникает у заказчика после окончательной сдачи результатов работ при условии, что работа выполнена надлежащим образом и в установленный срок [1]. Никитин А.В. в своем диссертационном исследовании пишет, что «поскольку на момент заключения договора подряда результат работы отсутствует, до получения подрядчиком данного результата правомочие требовать его сдачи существует у заказчика лишь в абстрактном виде». Он отмечает, что в случае нормального развития подрядного правоотношения, названное правомочие модифицируется в действительную возможность, то есть у заказчика появляется право требовать сдачи результата работы. А после достижения подрядчиком результата работы правомочие требовать выполнения работы следует признать прекратившимся [7, с. 7].

Исполнение договора подряда предполагает реализацию комплекса мероприятий, направленных на достижение целей осуществления работ, включающих в себя: приемку выполненной работы (либо ее отдельных этапов), а также проведение экспертизы ее результатов, оплату выполненной работы (либо ее отдельных этапов), взаимодействие заказчика с подрядчиком при изменении и расторжении договора, применении мер ответственности и совершении иных действий в случае нарушения условий договора.

А в случае отсутствия договора или признания договора незаключенным, правоотношения сторон по исполнению такого договора квалифицируются как обязательства вследствие неосновательного обогащения. Нередко случается так, что стороны не до конца оценивают юридические риски, которые могут возникнуть у них как в процессе исполнения договора подряда, так и еще на этапе его заключения. Российское законодательство не содержит специальных правил о форме договора подряда. В данном вопросе следует руководствоваться общими положениями о форме сделок (ст. 161 ГК РФ). Как правило, договор подряда заключается в простой письменной форме. Договор подряда считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Одним из существенных условий является цена работы (ст. 735 ГК РФ), следовательно, для признания договора заключенным необходимо, чтобы в нем, наряду с другими условиями, была определена цена. В этой связи, подрядчик, принявший от заказчика полностью или частично оплату работ, не вправе недобросовестно ссылаться на то, что договор подряда не был заключен. Это подтверждает и судебная практика. Так, Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 21 августа 2020 г. решение суда первой инстанции отменено в части удовлетворения требований Ч. о взыскании неустойки, штрафа, компенсации морального вреда. В данной части постановлено новое решение об отказе в

удовлетворении исковых требований, поскольку суд пришел к выводу, что договор на изготовление мебели между сторонами отсутствовал в силу того, что стороны не достигли соглашения по всем существенным условиям договора на изготовление мебели, в связи с чем, к спорным правоотношениям не подлежат применению нормы Закона о защите прав потребителей. Суд заключил о наличии на стороне ответчика неосновательного обогащения за счет истца. Таким образом, суд апелляционной инстанции счел договор бытового подряда незаключенным. Кассационная жалоба Ч. была оставлена без удовлетворения [9].

С такой позицией не согласился Верховный Суд (далее – ВС РФ; Верховный Суд). Отменяя апелляционное постановление, коллегия ВС РФ по гражданским делам ссылалась на п. 6 ПП ВС от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора», в котором правоприменителем разъяснено, что, если сторона приняла от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердила действие договора, она не в праве недобросовестно ссылаться на то, что договор является незаключенным (п. 3 ст. 432 ГК РФ) [2]. При таких обстоятельствах неприменение судами апелляционной и кассационной инстанций Закона о защите прав потребителей признано Судебной коллегией ВС РФ существенным нарушением норм материального права [10]. Таким образом, ключевым для взыскания оплаты является не тот факт, что договор был не подписан, а факт того, были ли приняты работы заказчиком и имеется ли подтверждение их оплаты.

Приведем другой пример. Верх-Исетским районным судом г. Екатеринбурга Свердловской области было рассмотрено дело по иску Шапошникова С.Х. к ООО «Энергостройкомплект-К» о взыскании неосновательного обогащения. Данное общество с ограниченной ответственностью заключило с Рефтинской ГРЭС договор подряда, но его штат

не имел возможности самостоятельного выполнения работ. Для этих целей компания наняла истца, который, выполнив работу, подписал акт сдачи-приёмки, но не получил оплату, поэтому обратился в суд с требованием о взыскании с ответчика 850 190 руб. Суды первой и апелляционной инстанций, сославшись на несоблюдение письменной формы сделки, не нашли допустимых доказательств размера неосновательного обогащения ответчика за счет истца, поэтому отказали ему в требовании. Верховный Суд отменил апелляционное определение и направил дело на новое рассмотрение в суд второй инстанции. В своем определении ВС РФ, ссылаясь на п. 7 Информационного письма Президиума ВАС от 25 февраля 2014 года № 165, отметил, что суды должны были оценивать обстоятельства и доказательства в их совокупности и взаимосвязи в пользу сохранения, а не аннулирования обязательства. Если стороны не согласовали существенное условие договора, но фактически выполнили его, то договор считается заключенным и подлежащим оплате [4]. Кроме того, по смыслу п. 2 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51, если, несмотря на несоблюдение письменной формы договора подряда, заказчик примет работы от подрядчика, то суд придет к решению, что, во-первых, заказчик неосновательно сберег за счет подрядчика денежные средства в размере стоимости выполненных работ, а во-вторых, что результат работ имеет потребительскую ценность для заказчика, желающего им воспользоваться [3]. В этой связи, справедливо отмечает Гинзбург И.В., что сторона, не желающая исполнять договор, может в последующем также заявить о его незаключенности, а так как подрядчик всегда заинтересован чуть больше в заключении договора подряда, то именно поэтому заказчик часто прописывает условия таким образом, чтобы в последующем они давали возможность уклониться от исполнения обязательства [6, с. 229].

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что, несмотря на вполне однозначную позицию Верховного Суда в данном вопросе, суды

нижестоящих инстанций все равно продолжают отказывать в удовлетворении требований стороны, заявляющей о наличии существующих подрядных правоотношений, когда письменная форма договора подряда не была соблюдена. Игнорирование такой стадии договора, как исполнение полностью или в части, что подтверждается волеизъявлением сторон (подписанным ими актом приемки выполненных работ), в свою очередь, нарушает права той стороны, которая стремится их защитить [8].

Как мы видим из примеров, приведенных из судебной практики, стороной в споре может быть как подрядчик, выполнивший работу и не получивший за нее оплату, так и заказчик. Простую письменную форму гражданско-правовых сделок сложно переоценить ввиду того, что она способствует четкому, конструктивному формулированию договорных положений, обдуманному содержанию волеизъявления и ввиду ее важной доказательственной функции, ведь письменный документ является доказательством не только заключения сделки, но и условий, содержащихся в той или иной сделке. Учитывая тот путь, по которому идет судебная практика, этой связи, считаем необходимым внесение соответствующих изменений в нормы гражданского законодательства, регулирующие вопросы, которые касаются простой письменной формы сделок в отношении юридических лиц. Так, считаем необходимым дополнить ст. 162 ГК РФ «Последствия несоблюдения простой письменной формы сделки» в части 1 и изложить ее следующим образом: «Несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства, а также не лишает их права признавать, что сделка считается заключенной».

Во избежание увеличения подобных случаев, когда сторонами не была соблюдена письменная форма, а акт приемки-передачи не подписывался, стоит сформулировать несколько вариантов правомерного поведения с целью защиты

стороной (в частности – подрядчиком) своих нарушенных прав для решения проблемы, связанной со сложностями, возникающими впоследствии в процессе доказывания и взыскания платы по договору подряда.

Итак, первый случай имеет место быть, когда подрядчик выполнил работу, но уведомление о готовности сдачи результата работы заказчику не направлял, однако, акт сдачи-приемки отправил и имеет подтверждение его направления (например, ценное письмо, опись вложения). Заказчик этот акт не подписал, а отказ от подписания в адрес подрядчика не направил. В данном случае, подрядчику для взыскания стоимости работы достаточно иметь подтверждение направления акта и сопроводительной документации, а акт подписывается подрядчиком в одностороннем порядке.

Второй вариант заключается в следующем - подрядчик выполнил работу, но акт приема-передачи заказчику не направлял на подпись, либо направил, но заказчик по ряду причин отказался от подписания акта. В том случае, если одна из сторон отказывается от подписания акта, в нем делается отметка об этом, и акт подписывается другой стороной. Стоит отметить, что односторонний акт сдачи или приемки результата работ может быть признан судом недействительным лишь в случае, если мотивы отказа от подписания акта признаны им обоснованными. Это подтверждается судебной практикой. Так, арбитражный суд Московской области рассмотрев дело между ООО «НАТЭК-ЭНЕРГО ПРОЕКТ» (истец) и ООО «ОСНОВА» (ответчик) о взыскании задолженности по договору подряда на выполнение проектных работ, отметил, что неподписание акта сдачи-приемки выполненных работ заказчиком, в отсутствие доказательств наличия обоснованных претензий относительно их объема и качества, не является препятствием для признания факта надлежащего исполнения договора со стороны подрядчика. В данном споре ответчик подтвердил существование мотивированного отказа заказчика от подписания

рассматриваемых актов приемки выполненных работ, а истец должным образом не доказал факт того, что данный отказ являлся безосновательным.

Приняв во внимание этот факт, суд пришел к выводу о том, что в рассматриваемом случае подрядчик объективным и убедительным образом не обосновал факт надлежащей сдачи работ по договору строительного подряда и не подтвердил их фактический объем и стоимость, заказчик, не подписал договор, но передал подрядчику соответствующую документацию. Следовательно, мотивы отказа от подписания акта являются обоснованными, а заключенный договор не может быть признан недействительным [11].

Более затруднительным является случай, когда подрядчик никак не зафиксировал отказ заказчика от подписи и у подрядчика нет подтверждения направления уведомления о готовности сдать результат работы или акта заказчику. То есть, фактически тут формируется ситуация, когда подрядчик сам не выполнил требования ГК РФ о необходимости сдачи работы, сам не направил акты. Это очень важно, поскольку извещение заказчика о завершении работ и необходимости его участия в приемке результатов порождают его обязанности по оплате. Если же этого не было сделано, то в том случае, если дело дойдет до суда, в первую очередь, на сторону истца ляжет обязанность по доказыванию того, что заказчик принял результаты его работ или, хотя бы, был извещен о дате их окончания. Только с этого момента, в отсутствие письменного договора, у заказчика возникает обязанность по оплате принятых результатов. Ему нужно будет доказывать факт выполнения работы. Среди средств доказывания подрядчиком могут быть использованы экспертиза (для определения стоимости проделанных работ и установления их потребительской ценности), накладные, различные чеки, акты сверки, смета, промежуточные документы, которые подписывались заказчиком, субподрядные договоры, экспертиза и сам результат работы. Причем, стоит оговориться, что в век развития информационных технологий с доказательствами в Интернете сопряжена очень важная проблема

– это возможность их уничтожения. Если недобросовестный заказчик удалит с сайта нужную информацию (или сам сайт целиком, если он и является результатом работы подрядчика), то такого заказчика будет невозможно привлечь к ответственности. В этой связи необходимо обеспечить доказательство, например, путем его заверения у нотариуса.

Подведя итог сказанному выше, стоит еще раз отметить, что положения главы 37 ГК РФ обязательную письменную форму договора подряда не предусматривают, поэтому не подписание со стороны ответчика договора в письменном виде, само по себе не свидетельствует об отсутствии обязательственных отношений по договору подряда между сторонами. Вместе с тем, в силу ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона. Если правоотношения не оформлены письменно, то сторонам всегда необходимо перестраховываться для возможной в дальнейшем защиты своих интересов в суде. В первую очередь это касается подрядчика (так как от этого зависит его экономическая стабильность), особенно когда заказчик необоснованно отказался от надлежащего оформления документов, удостоверяющих приемку. Статья 753 ГК РФ предусматривает возможность составления одностороннего акта и защищает интерес подрядчика, поэтому не стоит пренебрегать составлением данного акта при заключении договора подряда во избежание дальнейших трудностей с доказыванием и взысканием платы по договору подряда в суде. Считаем, что предложенные нами выше законодательные изменения, могут способствовать уменьшению количества споров, связанных с исполнением договора подряда при несоблюдении простой письменной формы сделки. Так, несоблюдение простой письменной формы не должно являться препятствием к признанию договора заключенным.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 31 (Часть III). — Ст. 5788.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета, №4(7762), январь 2019.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // «Вестник ВАС РФ», № 3, 2000.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант Максимум».
5. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. 543 с.
6. Гинзбург И.В. Договор подряда: общая характеристика и проблемы правоприменения // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. №2. С. 227-230.
7. Никитин А.В. Договор подряда в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2013. 24 с.
8. «Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей» [Электронный ресурс] (утв. Президиумом Верховного Суда 20.10.2021) // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 N 45-КГ21-8-К7, 2-4500/2019 //

Юридическая информационная система «Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22062021-n-45-kg21-8-k7-2-45002019/> (дата обращения 24.02.2024).

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9.06.2020 г. № 45-КГ20-3, 2-1104/2019 // Юридическая информационная система «Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09062020-n-45-kg20-3-2-11042019/> (дата обращения 24.02.2024).

11. Решение Московского арбитражного суда от 9 января 2018 г. по делу № А41-60591/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/9bSNKowSqfHW/> (дата обращения 25.02.2024).

УДК 347.772

Хаустова Юлия Юрьевна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Международно-правовой институт

Россия, Москва

fedelk75@gmail.com

Khaustova Julia

Oleg Kutafin Moscow State Law University

International legal Institute

Russia, Moscow

ОСОБЕННОСТИ РЕГИСТРАЦИИ НЕТРАДИЦИОННЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Аннотация: данная статья посвящена исследованию проблемы регистрации нетрадиционных товарных знаков, определению их различительной способности. Автором было проанализировано действующее законодательство, судебная практика и доктринальные подходы по данной проблематике.

Ключевые слова: товарный знак, различительная способность, функциональность товарного знака, средство индивидуализации, введение потребителей в заблуждение, использование товарного знака.

SPECIFICS OF REGISTRATION OF NON-TRADITIONAL TRADEMARKS

Annotation: this article is devoted to the study of the problem of registration of non-traditional trademarks, determining their distinguishing ability. The author analyzed the current legislation, judicial practice and doctrinal approaches to this problem.

Key words: trademark, distinctiveness, functionality of trademark, means of individualization, misleading consumers, use of trademark.

Изначально разнообразие обозначений, способных выступать в качестве средств индивидуализации, ограничивалось словами, изображениями, а также их комбинациями. Рост конкуренции, массовое использование потребителями сети «Интернет» и, как следствие, повышение рисков незаконного использования средств индивидуализации привело к значительному расширению видов обозначений, регистрируемых предпринимателями в качестве товарных знаков. Совершенствование средств коммуникации и информационных технологий привело к развитию товарных знаков, которые в настоящее время могут быть выражены в любой форме: представлять собой звук, запах, вкус, быть объемными, в виде голограмм, анимации, быть выполненными в различных цветах, представлять собой отличительные метки на товарах и графические жесты.

Признание в п. 1 ст. 15 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [1] возможности предоставления правовой охраны совершенно различным видам обозначений способствовало тому, что новые виды обозначений стали предметом изучения и дискуссий.

Согласно п. 1 ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ») товарным знаком (знаком обслуживания) признается обозначение, служащее для индивидуализации товаров или услуг [3]. По мнению Д. В. Мазаева, указание на то, что обозначение служит для индивидуализации товаров, определяет цель использования этого обозначения, а не его существо [6, с. 8-9]. Российское законодательство допускает возможность регистрации любых видов обозначений, что прямо следует из ст. 1482 ГК РФ [3]. При этом особенности регистрации нетрадиционных товарных знаков содержатся в Правилах составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, утверждённых Приказом

Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 (далее – «Правила № 482») [4] и в Руководстве по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, утверждённому Приказом ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 (далее – «Руководство № 12») [5].

В Правилах № 482 и Руководстве № 12 содержится общая характеристика нетрадиционных обозначений, а также правила, предъявляемые к описанию и представлению нетрадиционных обозначений. Однако в данных документах отсутствуют подробные разъяснения, касающиеся возможности наличия у таких знаков изначальной различительной способности, не требующей от заявителей сбора многочисленных документов.

Ю. И. Свядосц в своей работе, опубликованной еще в 1969 г., выделял категорию «особых» товарных знаков, которые, в отличие от словесных и изобразительных товарных знаков, воздействуют на различные органы чувств потребителей [7].

Полагаем, что выделение нетрадиционных товарных знаков в отдельную категорию связано с тем, что, данные товарные знаки, в отличие от изобразительных и словесных, не всегда могут быть представлены графически по отношению к предоставляемым товарам или услугам. Отметим, что европейское законодательство с 1 октября 2017 года разрешает представлять обозначения всех видов «в любой подходящей форме с использованием общедоступной технологии и, следовательно, необязательно графическим способом, если такое представление является чётким, точным, полным, легкодоступным, понятным, долговечным и объективным» [2].

Однако в российском законодательстве требование графического представления сохранено в отношении обонятельных и вкусовых обозначений с тем, чтобы избежать субъективности в процессе идентификации и восприятия таких товарных знаков без потребности в любых образцах [4]. Полагаем, что

данное исключение является в целом оправданным, поскольку в случае необходимости установления сходства до степени смешения двух запахов или двух вкусов суду будет гораздо удобнее обратиться к словесному описанию или формуле химического соединения, характеризующей источник запаха или вкуса. Кроме того, современные технологии позволяют создавать цифровые запахи и вкусы, которые, также как звуковые обозначения, могут быть представлены на цифровых носителях информации.

Таким образом, отказ от требования графического представления нетрадиционных обозначений, за исключением обонятельных и вкусовых, свидетельствует о смягчении регулирования в области регистрации нетрадиционных товарных знаков.

Отметим, что законодательство содержит достаточно подробные правила представления и описания нетрадиционных обозначений [4]. Наиболее актуальные вопросы, возникающие в связи с регистрацией нетрадиционных обозначений, связаны с оценкой наличия у заявленных нетрадиционных обозначений различительной способности.

Согласно п. 1 ст. 1483 ГК РФ в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы обозначения, обладающие различительной способностью. В соответствии с п. 1.1 ст. 1483 ГК РФ обозначения, характеризующие товары, а также обозначения, представляющие собой форму товаров, которая определяется исключительно или главным образом свойством либо назначением товаров, могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков, если они приобрели различительную способность в результате их использования или образуют комбинацию из характеризующих товары элементов, обладающую различительной способностью. Таким образом, исключительные права могут быть приобретены на те нетрадиционные обозначения, которые обладают либо изначальной, либо приобретённой различительной способностью.

В российском законодательстве и судебной практике отсутствуют единые критерии, руководствуясь которыми можно было бы определить, какой различительной способностью обладает либо потенциально может обладать то или иное нетрадиционное обозначение – изначальной или приобретённой.

Роспатент в своих решениях указывает, что «каждый знак индивидуален, а возможность его регистрации рассматривается отдельно в зависимости от каждого конкретного случая с учетом всех обстоятельств дела» [10].

В доктрине отмечается, что какой-либо знак, первоначально не имевший «чётких отличительных черт», в результате длительного использования может приобрести «иное, вторичное значение», которое придаст ему необходимое отличие [9]. Отметим, что в Руководстве № 12 под длительным использованием понимается такое использование соответствующего обозначения, в результате которого «изначально слабый элемент товарного знака может приобрести различительную способность и стать основным индивидуализирующим элементом товарного знака» [5].

Полагаем, что изначальной различительной способностью обладают те нетрадиционные обозначения, которые не характеризуют товары и в силу своей уникальности чётко ассоциируются потребителями с конкретными производителями и предоставляемыми ими товарами или услугами независимо от длительности использования таких обозначений.

Руководство № 12 косвенно допускает наличие у цветowych обозначений изначальной различительной способности, указывая, что «цветовым обозначениям правовая охрана предоставляется, как правило, в том случае, если они приобрели различительную способность в результате их использования» [5].

Так, Суд по интеллектуальным правам, констатируя отсутствие у заявленного цветового обозначения изначальной различительной способности, указал, что «сочетание двух простых цветов (голубого и жёлтого) при отсутствии какого-либо дизайна в силу своей тривиальности, отсутствия оригинальности

воспринимается не как знак, указывающий на товар определённого производителя, а скорее как фон упаковки, на котором не заостряется внимание потребителя при восприятии знака» [11].

В другом решении Суд по интеллектуальным правам прямо указал, что заявленное цветовое обозначение само по себе не обладает различительной способностью [14]. При этом при оценке доказательств приобретения цветовым обозначением различительной способности суд обратил внимание, что именно словесный элемент «Whiskas» и/или изобразительный элемент в виде головы кошки акцентировали на себе внимание потребителей, а не заявленное цветовое обозначение. Соответственно, если цветовое обозначение способно самостоятельно индивидуализировать товары, то есть без привязки к словесному и/или изобразительному элементу, то данное обозначение может быть зарегистрировано в качестве товарного знака.

Объёмное обозначение, также, как и цветовое, должно выполнять индивидуализирующую функцию отдельно от элементов, входящих в его состав. Так, Палата по патентным спорам в своём заключении указала, что «заявленное обозначение может быть зарегистрировано в качестве товарного знака с указанием формы бутылки и всех словесных элементов, кроме «Hennessy», как неохранных», поскольку именно словесный элемент «Hennessy», а не форма бутылки, «выполняет основную индивидуализирующую функцию товарного знака» [12].

Как отмечает Д. В. Филиппенкова, «для абсолютного большинства товаров запах является неотъемлемым свойством и вряд ли может выступать в качестве средства индивидуализации» [8].

Так, индивидуальный предприниматель М. Л. Лазарев пытался зарегистрировать обонятельное обозначение, представляющее собой запах свежесрезанного чеснока в отношении товаров 03, 29, 30, 32 классов МКТУ. Роспатент мотивировал свой отказ в предоставлении правовой охраны данному

обозначению тем, что «присутствие запаха свежесрезанного чеснока для части продуктов, включенных в перечень товаров 29 и 30 классов МКТУ, является довольно распространенным и традиционным, при этом присутствие такого запаха у другой части продуктов (молочных, фруктовых продуктов, кофе, чая, сахара, кондитерских изделий, мороженого, мёда, сиропа из патоки, а также товаров 03 и 32 классов МКТУ), для которых этот запах не является характерным, в сознании потребителя будет ассоциироваться с присутствием в этих товарах чеснока, т.е. вводить потребителя в заблуждение относительно состава продукта, поскольку в перечне указано на отсутствие чеснока в этих продуктах» [13].

Таким образом, нетрадиционные обозначения могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков, если они изначально обладают различительной способностью либо приобрели её в результате деятельности предпринимателей, направленной на создание у потребителей чётких ассоциаций между нетрадиционными обозначениями и маркируемыми ими товарами. При этом большинство нетрадиционных обозначений могут обладать различительной способностью независимо от длительности и интенсивности их использования. В данном случае ключевым критерием выступает оригинальность (нетипичность) нетрадиционных обозначений в конкретной области деятельности, которая не должна быть связана с дизайном и функциональным характером маркируемых нетрадиционными обозначениями товаров.

Список литературы:

1. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15.04.1994 (с изм. от 06.12.2005) (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) от 16.12.2015 № 2015/2424 (Regulation (EU) 2015/2424 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32015R2424>.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

4. Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 N 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков» (ред. от 01.03.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 N 12 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака» (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Мазаев Д. В. Гражданско-правовая защита прав на товарные знаки: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.03 – Москва, 2011. – 30 с.

7. Свядосц, Ю. И. Правовая охрана товарных знаков в капиталистических странах. Учебное пособие / Свядосц Ю. И. - М.: Изд-во ЦНИИПИ, 1969. – 189 с.

8. Филиппенкова, Д. В. Экспертиза обозначений, представляющих собой обонятельные и звуковые товарные знаки // Д. В. Филиппенкова // Интеллектуальная собственность: Промышленная собственность. – 2016. - № 11. – 29-34 с.

9. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: Комментарий / Г. Боденхаузен; Перевод с французского Тумановой Н. Л.; под редакцией проф. Богуславского М. М.; Вступительная статья Питовранова Е. П. – М.: Издательство «Прогресс», 1977. – 164 с.

10. Заключение Палаты по патентным спорам от 13.01.2020 (Приложение к решению Роспатента от 17.01.2020 по заявке № 2017742508) <О государственной регистрации товарного знака>. // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.12.2018 года по делу № СИП-293/2018. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Заключение Палаты по патентным спорам от 27.07.2018 (Приложение к решению Роспатента от 28.09.2018 по заявке № 2016702617) <Об отмене решения Роспатента и регистрации товарного знака>. // СПС «КонсультантПлюс».

13. Заключение Палаты по патентным спорам от 17.06.2013 (Приложение к решению Роспатента от 10.05.2012 по заявке № 2011705919) <Об отказе в регистрации заявленного обозначения в качестве товарного знака>. // СПС «КонсультантПлюс».

14. Решение Суда по интеллектуальным правам от 21.05.2019 года по делу № СИП-836/2018. // СПС «КонсультантПлюс».

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

Крылосов Георгий Александрович

Гитенко Анна Михайловна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

Krylovsov16fix@gmail.com

Gitenkoa@bk.ru

Krylovsov Georgiy

Gitenko Anna

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

КВАЛИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО С ДИСТАНЦИОННЫМ СОТРУДНИКОМ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Аннотация: в современных условиях расширились возможности российских граждан для осуществления трудовой деятельности за пределами нашей страны. Трудовая деятельность граждан РФ за пределами территории нашего государства может регулироваться как российским законодательством, так и правом страны трудоустройства – это определяется основаниями осуществления трудовой деятельности гражданина РФ за рубежом. Государство обязано защищать трудовые права гражданина, осуществляющим трудовую деятельность за пределами РФ. В статье приводится нормативное регулирование, касающееся дистанционных работников, трудящихся за рубежом, анализируется их статус как субъектов правоотношений.

Ключевые слова: дистанционный работник, трудовой договор, письмо Минтруда, работа за границей, гражданско-правовой договор, трудовые отношения.

QUALIFICATION OF AN AGREEMENT CONCLUDED WITH A REMOTE EMPLOYEE ABROAD

Annotation: in modern conditions, the opportunities of Russian citizens to work outside our country have expanded. The labor activity of citizens of the Russian Federation outside the territory of our state can be regulated by both Russian legislation and the law of the country of employment – this is determined by the grounds for the employment of a citizen of the Russian Federation abroad. The State is obliged to protect the labor rights of citizens engaged in labor activities outside the Russian Federation. The article provides regulatory regulation concerning remote workers working abroad, analyzes their status as subjects of legal relations.

Key words: remote worker, employment contract, letter from the Ministry of Labor, work abroad, civil law contract, labor relations.

Процессы глобализации прямо влияют на сферу трудовых отношений. На сегодняшний день уже не представляется необычной ситуация, при которой в штате организации присутствуют дистанционные работники, работники-иностранцы, дистанционные работники из-за рубежа. Если регулирование отношений с работниками-иностранцами и дистанционными работниками находит отражение в трудовом законодательстве, то отечественные дистанционные работники, исполняющие трудовые обязанности из другого государства, вызывают затруднения при оформлении трудовых отношений. Пандемия COVID-19 послужила инструментом ускоренного развития института дистанционного труда, что отразилось в нормах Трудового кодекса РФ (далее ТК РФ), в частности в главе 49.1. Структурный анализ современной отечественной

юридической литературы по проблеме дистанционной занятости показывает отсутствие научных трудов по проблеме. Наблюдается подмена понятий “дистанционного работника” и “надомника”, что не является правильным. Не сложилось и целостного понимания дистанционной работы, о чем говорит и отсутствие единообразного и точного определения данного понятия. В источниках используются различные термины: дистанционный труд, телеработа, работа на расстоянии, электронное надомничество и т.д.

Стоит упомянуть, что с 2021 года понятия “удаленная работа” и “дистанционная работа” являются равнозначными, в соответствии с ТК РФ. Широкое распространение мобильных телекоммуникационных средств, создание дистанционных рабочих мест, ведение территориально распределенного бизнеса, роботизация производств способствуют качественному развитию трудовых отношений, возникающих между работником и работодателем [1, с. 3]. Достаточно длительное время российские организации используют т.н. комбинированную удаленную работу, суть которой заключается в том, что часть трудовых обязанностей работник выполняет дистанционно, а другую часть – непосредственно на рабочем месте. Это вызывало определенные затруднения при ведении документооборота у работодателей. Помимо этого отсутствовала возможность выполнять работу дистанционно только в течение определенного промежутка времени. Теперь же выделяется несколько видов дистанционной работы. Дистанционная работа на постоянной основе – работник постоянно находится за пределами организации и он не имеет физического рабочего места. Временная дистанционная работа – некоторый промежуток времени сотрудник трудится удалённо, но после него снова приходит на стационарное рабочее место. Периодическая дистанционная работа (или же комбинированная) – в данном случае работник параллельно работает как удаленно, так и на стационарном рабочем месте; устанавливаются конкретные дни удаленной и стационарной работы.

Заключение трудового договора по дистанционной работе тоже имеет свою специфику. Такой договор и дополнительное к нему соглашение могут заключаться при обмене электронными документами при обязательном использовании усиленной квалифицированной и усиленной неквалифицированной электронной подписи. Экземпляр договора на бумаге высылается работнику только по его письменному заявлению. Документы, необходимые для устройства на работу также могут быть высланы в электронном виде. Ознакомление сотрудника с локальными нормативными актами организации может проходить путем обмена электронными документами.

На сегодняшний день, наблюдается крупный отток дистанционных работников, в основном из сферы цифровых технологий и IT - технологий [2], а это значит, что возникает острая необходимость в регулировании отношений между зарубежными работниками и отечественными работодателями, и наоборот, с учётом гарантий всех трудовых и не только прав. Ведь если не уделить должного внимания правовому регулированию в указанной области, то экономика может претерпеть значительные убытки.

В трудовом законодательстве России деятельность дистанционных работников регулируется ст. 312.1 ТК РФ. В ней сказано, что при удаленной деятельности работников работодатель не контролирует место работы – будь то территория РФ или территория иностранного государства. Здесь же говорится о том, что “дистанционники” подпадают под действие ТК РФ и иных подзаконных актов, содержащих нормы трудового права. Помимо прочего, на таких работников распространяются требования охраны труда и социального страхования. Также в отношении них распространяется и ст. 81 ТК РФ, закрепляющая основания для увольнения по инициативе работодателя. Отсюда следует, что с дистанционным работником, есть все законные основания заключить трудовой договор [3, с. 157]. Несмотря на это, в настоящий момент в

отечественном законодательстве отсутствуют специальные нормы, применимые к вопросу регулирования дистанционной работы, осуществляемой за пределами РФ. Отдельного упоминания стоит добавленная в 2020 году ст. 312.6 ТК РФ, которая значительно сократилась перечень обязанностей работодателя в части предоставления безопасных условий труда названной категории работников. К примеру, в обязанности работодателя входит учёт и расследование несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, учёт и рассмотрение причин и обстоятельств событий, приведших к возникновению микроповреждений; выполнение предписаний должностных лиц федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов; обязательное социальное страхование работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и т.д. [11, с. 79].

Но что делать с дистанционными работниками, находящимися за границей? Минтруда высказалось по этому поводу в 2015 году. Министерство считает, что трудовое законодательство не содержит норм о заключении трудового договора с дистанционным работником, находящимся на территории иностранного государства, по той причине, что федеральные законы и иные нормативные акты, в области условий труда и его охраны, действуют только на территории РФ. Минтруд объясняет это тем, что, во – первых, по статье 13 ТК РФ трудовое законодательство действует только на территории Российской Федерации. За рубежом, где находится удаленный сотрудник, оно не распространяется, во – вторых, если произойдет несчастный случай, работодатель не сможет расследовать его по ст. 312.3 ТК РФ. Значит, работодатель заведомо не может выполнить одно из условий трудового договора. Отсюда, по их мнению, возможно заключение только гражданско-правового договора [3, с. 157]. В недавних актах Минтруда отражается прежняя

позиция. В одном из писем говорится, что трудовые отношения с лицами, проживающими за рубежом, несут существенные риски для российского рынка труда [4]. В разъяснении от 15 февраля 2022 г. Минтруда указало на тот факт, что порядок вступления в трудовые отношения регулируется законодательством того государства, в котором работник намеревается осуществлять трудовую деятельность [5].

Закон РФ "О занятости населения в Российской Федерации" в ст. 10 закрепляется право российских граждан на поиск работы и трудоустройство за пределами территории Российской Федерации [6]. При этом право граждан РФ свободно выезжать за пределы России и беспрепятственно возвращаться в Россию закреплено в ст. 27 Конституции РФ. Реализация этого права обеспечивается и международно-правовыми нормами, и национальным законодательством, в частности Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Трудовой кодекс РФ не содержит прямого запрета заключать трудовой договор, если сотрудник работает за границей [7]. Но здесь снова выявляется расхождение с позицией Минтруда, который считает, что с такими работниками можно работать только по гражданско-правовому договору.

Трудовой договор отличается от гражданско - правового договора, и о некоторых особенностях трудового договора стоит упомянуть. Во-первых, Минтруд считает, что Трудовой кодекс не предусматривает возможности заключения трудового договора с дистанционным работником за границей [8]. Соответственно, все такие договоры, с точки зрения Минтруда РФ, являются заключенными незаконно. Во-вторых, некоторые авторы считают, что за рубежом невозможно организовать безопасные условия и охрану труда работников, так как провести расследование в общем порядке будет сложно, ведь работник находится за пределами РФ. В-третьих, несмотря на то, что работник фактически находится не под контролем работодателя, с юридической точки

зрения работодатель должен предусмотреть соответствующие трудовому законодательству гарантии и льготы, а это довольно затруднительно для работодателя.

Поговорим также об особенностях гражданско-правового договора. Прежде всего ликвидируется возможность контроля за деятельностью работника, возникает вероятность его халатное отношение к работе: неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей, которые предусматриваются трудовым договором, но для гражданско-правового договора не являются основными, так как главное по данному договору – результат, определенный заказчиком. Следующий момент, ответственность за прикрытие трудовых отношений гражданско – правовыми (административная ответственность по ст. 5.27 КоАП РФ). И наконец, невыгодное повышение налоговых отчислений работодателя за работника, так как их размер, в соответствии с налоговым законодательством нашей страны, повышается с 13% до 30%. В зависимости от налоговой юрисдикции работника применяются различные правила в бюджетной и налоговой сфере. К примеру, так, если работник валютный резидент РФ, то ему полагается зарплата в национальной российской валюте и только на российский счёт. А в случае, если работник желает получить заработную плату на иностранный счёт, то российский банк имеет право отказать в перечислении средств как и выплату в иностранной валюте.

У российских граждан наряду с самостоятельным поиском работы и трудоустройством за пределами территории РФ есть еще два канала трудоустройства за рубежом. Первый – в рамках соответствующих международных соглашений при содействии Управления по вопросам миграции МВД России. Второй – через посреднические организации. Что касается трудоустройства россиян через посреднические организации, то здесь основную роль играют частные агентства занятости. На таких граждан распространяются

трудовое законодательство страны приема, а также международные правила трудовой миграции, если, конечно, государство приема признает эти правила. Вместе с тем Россия не должна оставлять без внимания судьбу своих граждан, выехавших на работу за ее пределы: согласно ч.2 ст.61 Конституции РФ, Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами.

Ответить на вопрос “какой же договор является наиболее правильным в данной ситуации?” в общем понимании невозможно. Каждый случай по-своему индивидуален. Затруднения в единообразной квалификации также обуславливается фактом недостаточно полного правового регулирования в этой области. Так, в постановлении Совета Федерации Федерального Собрания РФ от «О состоянии миграционной политики в Российской Федерации и путях ее совершенствования» речь идет о проблемах, связанных с приездом иностранцев на работу в Российскую Федерацию и о внутренней трудовой миграции [9]. О внешней же трудовой эмиграции сведений не содержится. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, разработанной на период до 2025 года, миграционные вопросы из России снова не нашли своего отражения, хотя она тоже является важной частью миграционной политики [10, с. 148-149].

Как отмечают специалисты в области миграции, нужны меры, стимулирующие возвращение в Россию максимально элементарные правила для тех, кто хочет возвратиться. В основном именно сложности в плане оформления соответствующих документов и преобладание запретительных мер служат препятствием для поездки в Россию. Именно поэтому предполагается, что необходимо продолжить работу по совершенствованию и развитию форм и методов государственного содействия в трудоустройстве российских граждан за границей, регулированию процессов вербовки и найма российских работников.

Список литературы:

1. Труд в эпоху цифровых технологий: трансформация производства, занятости, налогообложения, подготовки кадров и социальной защиты // Материалы Научно-методического семинара Аналитического управления. Совет Федерации, 24 марта 2016 года.
2. Глава Минцифры сообщил, что порядка 100 тыс. айтишников покинули РФ в этом году [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/russia/877771> (дата обращения: 10.12.2023)
3. Нодари Дарчоевич Эриашвили, Александр Иванович Григорьев, Вера Алексеевна Мочалова. Дистанционная работа сотрудника за рубежом: с какими потенциальными налоговыми рисками может столкнуться работник и бизнес? // Вестник экономической безопасности. 2023. №3.
4. Письмо Министерства труда и социальной защиты от 09 января 2022 г. № 14-2/ООГ–5755.
5. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 15 февраля 2022 г. № 14-4/10/В-1848.
6. СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
7. СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
8. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 16 января 2017 г. № 14-2/ООГ-245
9. СЗ РФ. 2012. № 14. Ст. 1574
10. Скачкова Галина Семеновна Правовые основы регулирования труда граждан Российской Федерации за ее пределами // Труды Института государства и права РАН. 2012. №3.
11. Брызгалов Никита Вячеславович, Ефферин Алексей Константинович ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОСЛОЖНЁННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ // Вопросы российской юстиции. 2022. №21.

**ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

УДК 349.41

Белоplotov Антон Олегович

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

Кафедра земельного, градостроительного и экологического права

Россия, Екатеринбург

anton_beloplotov.99@mail.ru

Beloplotov Anton

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

The Department of Land, Urban Planning and Environmental Law

Russia, Yekaterinburg

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ В
УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Аннотация: статья посвящена сравнительно-правовому анализу действующего правового регулирования обеспечения объектов капитального строительства инженерно-техническими сетями при осуществлении градостроительной деятельности в условиях Евразийского экономического союза. В статье обозначены основные предпосылки для формирования интеграционного регулирования рассматриваемых отношений на уровне ЕАЭС. Автором проведен сравнительно-правовой анализ регулирования технологического присоединения в отдельных государствах-членах ЕАЭС, сформулированы особенности и сходства действующих правовых порядков.

Ключевые слова: технологическое присоединение, сети инженерно-технического обеспечения, технические условия, объект капитального строительства.

**REGULATION OF TECHNOLOGICAL CONNECTION IN THE
CONDITIONS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION:
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

Annotation: the article is devoted to a comparative legal analysis of the current legal regulation of the provision of capital construction facilities with engineering and technical networks in the implementation of urban planning activities in the conditions of the Eurasian Economic Union. The article outlines the main prerequisites for the formation of integration regulation of the relations under consideration at the EAEU level. The author carried out a comparative legal analysis of the regulation of technological connection in individual EAEU member states, formulated the features and similarities of the existing legal systems.

Key words: technological connection, engineering support networks, technical conditions, capital construction facility.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Современное градостроительство: новые вызовы», отобранного по итогам конкурса научных проектов ведущих научных школ УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева 2023–2024 гг.

Новой вехой в развитии отечественного права в целом стало учреждение Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), в условиях которого все большее внимание уделяется интеграционному праву.

По справедливому замечанию А. В. Винницкого, экономическая интеграция эффективна лишь на основе формирования особой юридической системы – интеграционного права, в данном случае – права ЕАЭС [14, с.10].

После прекращения существования СССР каждая из союзных республик пошла по собственному пути развития законодательства и построения правовой системы.

С учетом изначального сходства правового регулирования общественных отношений в исследуемой области закономерным выглядит взаимодействие для целей формирования наиболее эффективных подходов между близлежащими государствами, в частности в рамках наднационального регулирования ЕАЭС.

Как указывает В. В. Романова: «учитывая широкий круг отношений при формировании общих рынков энергетических ресурсов, различия в законодательстве государств-членов, различия в правовом положении субъектов энергетики, большое значение приобретают вопросы о разработке концептуальных положений формирования общих рынков энергетических ресурсов, вопросы международно-правовой унификации в сфере энергетики и гармонизации законодательства государств - членов Евразийского экономического союза» [16, с. 18].

По справедливому замечанию А. В. Габова и М. С. Лизиковой: «энергетическая интеграция стран Союза predetermined и политически, и экономически. А такая интеграция требует адекватных правовых решений. В связи с этим, анализируя имеющиеся международные соглашения и решения интеграционных органов Союза, можно с полной уверенностью говорить о формировании энергетического права ЕАЭС» [15, с.18].

Статьями 82, 83, 84 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС) предусмотрено, что в пределах имеющейся технической возможности государства-члены обеспечивают беспрепятственный доступ к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики, газотранспортным системам, а также системам транспортировки нефти и нефтепродуктов, расположенным на территориях государств-членов, на основе единых принципов, условий и правил.

Вместе с тем указанные положения Договора посвящены, в первую очередь, допуску хозяйствующих субъектов государств-членов на соответствующие рынки договаривающихся сторон. Приведенные нормы лишь

косвенно затрагивают вопросы обеспечения объектов капитального строительства (далее – ОКС) инженерными сетями, а именно формируют общие принципы допуска к соответствующей инженерной инфраструктуре.

В этой связи полагаем необходимым провести сравнительно-правовой анализ правового регулирования технологического присоединения в странах-участниках ЕАЭС.

Отметим, что целью настоящего сравнительно-правового анализа является выявление принципиальных сходств / различий в правовом регулировании рассматриваемых отношений, в связи с чем необходимость в проведении детального анализа правил подключения (технологического присоединения) к сетям каждого вида в странах ЕАЭС отсутствует.

Республика Казахстан. Общие нормы, посвященные технологическому присоединению, содержатся в Законе «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан» от 16.07.2001 № 242-III (далее – Закон № 242-III) [2].

Согласно части 7 статьи 68 Закона № 242-III поставщики услуг по инженерному и коммунальному обеспечению в районе предполагаемого строительства предоставляют по запросу технические условия на подключение к источникам инженерного и коммунального обеспечения в запрашиваемых (расчетных) параметрах, требующихся для строительства и устойчивого функционирования введенного впоследствии в эксплуатацию объекта.

При этом в законе отмечается, что установление необоснованных требований при выдаче технических условий не допускается (часть 8 статьи 68 Закона № 242-III).

В соответствии с казахстанским законодательством [3] деятельность по технологическому присоединению подчинена законодательству о естественных монополиях, отнесена к перечню регулируемых услуг.

Более подробно общественные отношения по подключению ОКС к инженерным сетям в республике регулируются отдельными нормативными актами, которые дифференцированы по видам сетей.

Так, порядок подключения ОКС к сетям теплоснабжения в Республике Казахстан регулируется Правилами пользования тепловой энергией (утв. Приказом Министра энергетики Республики Казахстан от 18.12.2014 № 211) (далее – Правила № 211) [4].

В соответствии с Правилами пользования тепловой энергией подключение к тепловым сетям и заключение договора на теплоснабжение осуществляются после выполнения требований технических условий.

При соответствии выполненных работ техническим условиям подключение к регулируемой услуге осуществляется в течение 3 рабочих дней (пункт 16 статьи 24 Закона о естественных монополиях).

Законодательство Казахстана не предусматривает заключение отдельного договора на подключение (технологическое присоединение) к сетям теплоснабжения; для осуществления подключения требуется выполнить требования технических условий.

Необходимо также отметить отличный от Российской Федерации подход к установлению срока действия технических условий.

В силу абзаца 3 пункта 14 Правил № 211 срок действия технических условий устанавливается с учетом нормативных сроков проектирования и строительства тепловых сетей и теплопотребляющих установок потребителей, но не менее одного года.

Порядок присоединения ОКС к сетям электроснабжения в Республике Казахстан регулируется Правилами пользования электрической энергией (утв. Приказом Министра энергетики Республики Казахстан от 25.02.2015 № 143) (далее – Правила № 143) [5].

В соответствии с данными правилами технические условия на присоединение к электрическим сетям выдаются потребителю на основе заявления в произвольной форме в течение 5 рабочих дней. Выдача технических условий осуществляется в случае наличия технической возможности подключения.

Правила обязывают энергопередающую организацию создать на собственных интернет-ресурсах раздел, посвященный процессу подключения, включающий: разработку раздела, посвященного технологическому подключению к сетям электроснабжения; размещение информации о загрузке подстанций с периодичностью не менее 3 месяцев.

Указанное положение направлено на повышение открытости процедуры выдачи технических условий при оказании соответствующих услуг населению.

Особенностью процедуры подключения к инженерным сетям в Республике Казахстан является наличие у заявителя возможности, в случае возникновения сомнений в обоснованности требований, указанных в технических условиях, обратиться в экспертную организацию для проведения энергетической экспертизы.

Потребитель на основании заключения энергетической экспертизы о необоснованности требований, указанных в технических условиях, повторно подает заявку на получение технических условий.

Следует отметить, что такое заключение для энергопередающей организации не носит обязательный характер, а заявление об изменении требований может быть отклонено. В этом случае потребитель вправе инициировать процедуру судебного оспаривания такого отказа.

Примечательно, что получение услуг по подключению возможно посредством веб-портала «Электронное правительство», о чем имеется оговорка в Законе Республики Казахстан «О государственных услугах» [6].

Таким образом, правовое регулирование обеспечения ОКС инженерными сетями в Казахстане обеспечивается совокупным применением нормативных правовых актов в области градостроительной деятельности, а также законодательства о естественных монополиях. Подробно процедура подключения регламентирована отраслевыми правилами, а сами услуги по подключению отнесены к числу регулируемых.

Особое значение имеет антимонопольное регулирование, предусматривающее внушительный перечень гарантий защиты прав потребителей, а также дополнительные обязательства поставщиков по обеспечению открытого характера процедуры выдачи технических условий.

При этом в действующем законодательстве не содержится отсылок к нормам интеграционного права ЕАЭС. Вместе с тем в правовом регулировании Казахстана, по нашему мнению, предусмотрены механизмы, предусматривающие возможность реализации декларируемого на уровне ЕАЭС принципа недискриминационного доступа к соответствующим системам.

Республика Беларусь. Законодательством республики также закреплено, что технологическое присоединение ОКС к инженерным сетям обеспечивается в рамках осуществления градостроительной деятельности на основании принципа недискриминационного доступа [7].

Кроме того, деятельность по обеспечению ОКС инженерными сетями отнесена к сфере естественных монополий (услуги по распределению электрической энергии, услуги по передаче и (или) распределению тепловой энергии, централизованное водоснабжение и водоотведение).

Так, в силу статьи 5 Закона Республики Беларусь «О естественных монополиях» от 16.12.2002 № 162-З [8] субъекты естественных монополий обязаны обеспечивать при наличии технической возможности на равных (недискриминационных) условиях подключение объектов к сетям передачи электрической энергии, распределения электрической энергии, передачи и (или)

распределения тепловой энергии, системам транспортировки нефти и (или) нефтепродуктов по магистральным трубопроводам, транспортировки газа по магистральным трубопроводам, транспортировки газа по распределительным трубопроводам, централизованного водоснабжения и водоотведения, а также выдачу технических условий на такое подключение.

Детальная регламентация процедуры подключения к сетям осуществляется нормативными актами, которые, как и во многих других странах, подразделяются по видам соответствующих сетей.

Порядок подключения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения регулируется Правилами пользования централизованными системами водоснабжения, водоотведения (канализации) в населенных пунктах (утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.09.2016 № 788) (далее – Правила № 788) [9].

Технологическое присоединение к сетям водоснабжения и водоотведения осуществляется на основании выдаваемых организацией ВКХ технических условий.

Примечательно, что технические условия заказчику выдаются организацией ВКХ в порядке и сроки, установленные законодательством об административных процедурах (пункт 20 Правил № 788).

На основании полученных технических условий заказчик выполняет проектные и строительные работы по устройству систем водоснабжения, водоотведения (канализации), необходимых для присоединения. Построенные заказчиком объекты до их присоединения к централизованным системам подлежат приемке в эксплуатацию. Оформление потребителю акта-разрешения о пуске в эксплуатацию присоединения к системам водоснабжения осуществляет организация ВКХ в соответствии с законодательством об административных процедурах.

В свою очередь Закон Республики Беларусь от 28.10.2008 № 433-З «Об основах административных процедур» [10] в статье 1 содержит указание, что административная процедура может осуществляться не только государственным органом, но и иной уполномоченной организацией.

Таким образом, предполагается, что государственные услуги могут оказываться частными организациями, имеющими предусмотренный законом статус.

Основным нормативным актом, регулирующим порядок подключения ОКС к сетям теплоснабжения, являются Правила теплоснабжения (утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11.09.2019 № 609) (далее – Правила № 609) [11].

Указанными Правилами теплоснабжения определяется, в том числе, порядок присоединения систем теплоснабжения к тепловым сетям.

В соответствии с пунктом 4 Правил № 609 теплоснабжения порядок подключения потребителей (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, граждан) к сетям теплоснабжения состоит из следующих этапов:

- получение технических условий на присоединение;
- обеспечение разработки проектной документации, в том числе согласно выданным техническим условиям на присоединение;
- обеспечение выполнения строительно-монтажных и пусконаладочных работ, приемо-сдаточных испытаний и промывки тепловых сетей и систем теплоснабжения;
- подача заявления на подключение теплоустановок потребителя к тепловым сетям;
- предъявление энергоснабжающей организации для допуска в эксплуатацию узла учета тепловой энергии;
- заключение договора теплоснабжения;

Необходимо отметить, что Правила № 609 разделяют порядок получения технических условий для граждан и для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Такое разделение обусловлено, в том числе, характером ОКС, которые указанные лица, как правило, подключают к тепловым сетям.

Действующее правовое регулирование Республики Беларусь не содержит указания на необходимость заключения отдельного договора о подключении к тепловым сетям.

Примечательно, что услуги по выдаче технических условий на подключение к сетям инженерно-технического обеспечения, как и услуги по оформлению акта-разрешения о пуске в эксплуатацию присоединений прямо приведены в перечне административных процедур, осуществляемых государственными органами *и иными организациями* по заявлениям граждан (пункты 10.4.1, 10.9-10.13) [12].

Аналогичные услуги указаны также и в перечне административных процедур, осуществляемых государственными органами *и иными организациями* в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (пункты 3.1.8-3.1.10) [13].

Таким образом, обеспечение ОКС инженерными сетями в Беларуси обеспечивается совокупным применением нормативных правовых актов.

Вместе с тем подход Беларуси к квалификации рассматриваемых отношений отличается от отечественного; деятельность по оказанию услуг по технологическому присоединению осуществляется в рамках законодательства об административных процедурах, что однозначно свидетельствует о публично-правовой природе данных правоотношений в республике.

Кроме того, следует констатировать, что действующее регулирование, хотя и основано на принципе недискриминационного доступа, не ориентировано на внедрение механизмов интеграционного регулирования в рамках ЕАЭС.

Исследование опыта ближайших евразийских партнеров показывает, что советская концепция регулирования технологического присоединения (через получение технических условий на подключение) во многом сохранилась в законодательстве ряда бывших союзных республик.

Вместе с тем правовое регулирование подключения ОКС к инженерным сетям в странах ЕАЭС не является унифицированным даже при наличии концептуального сходства процедуры присоединения.

В первую очередь следует констатировать различие в подходах в понимании правовой природы правоотношений по технологическому присоединению.

Примечательно, что статьей 79 Договора о ЕАЭС предусмотрено, что государства-члены развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, в том числе, на основании принципа гармонизации национальных норм и правил функционирования технологической и коммерческой инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов.

Принимая во внимание концептуальное сходство правового регулирования технологического присоединения в странах ЕАЭС, которое заключается в отнесении данных отношений к сфере естественных монополий, а также в высокой степени императивного государственного регулирования порядка предоставления соответствующих услуг, полагаем, что имеются все методологические предпосылки для формирования общей евразийской доктрины обеспечения ОКС инженерными сетями.

В этой связи, учитывая публичное значение надлежащего коммунального обеспечения населенных пунктов, считаем необходимым высказаться за единообразие подходов в регулировании данных общественных отношений на территории ЕАЭС.

Таким образом, потенциал наднационального регулирования применительно к исследуемым правоотношениям представляется

колоссальным, что еще раз подтверждает высокую роль интеграционного права, на что обращается внимание в литературе [18].

Предоставление услуг по подключению ОКС к инженерным сетям, хотя и носит общественно-значимый характер, осуществляется, как правило, негосударственными органами, что в контексте применения публично-правовых механизмов в регулировании позволяет отнести данные отношения к публичным услугам неадминистративного характера.

В этой связи полагаем возможным согласиться с позицией И. Н. Харинова о целесообразности установления нормативных правил на наднациональном уровне с детальным регулированием правом ЕАЭС [17, с. 75].

Однако необходимо отметить, что подобные нормативные акты интеграционного характера скорее могут лишь закрепить общую концепцию правового регулирования, отражающую правовую квалификацию правоотношений, способы защиты нарушенных прав потребителей, а также преобладающий метод правового регулирования.

В свою очередь детальная регламентация процедуры подключения ОКС к сетям инженерно-технического обеспечения, по нашему мнению, должна осуществляться на национальном уровне с учетом особенностей отраслевого законодательства, а также рынка соответствующих услуг отдельного государства.

Список литературы:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения 29.03.2024).
2. Закон Республики Казахстан «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан» от 16.07.2001 № 242-III // Казахстанская правда от 24.07.2001 № 173-174 (23521-23522).
3. Закон Республики Казахстан от 27.12.2018 № 204-VI «О естественных монополиях» // Казахстанская правда от 04.01.2019, № 2 (28879).

4. Приказ Министра энергетики Республики Казахстан от 18.12.2014 № 211 «Об утверждении Правил пользования тепловой энергией» // Казахстанская правда от 06.08.2015 № 148 (28024).

5. Приказ Министра энергетики Республики Казахстан от 25.02.2015 № 143 «Об утверждении Правил пользования электрической энергией» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» 01.04.2015.

6. Закон Республики Казахстан от 15.04.2013 № 88-V ЗРК «О государственных услугах» // Казахстанская правда от 20.04.2013 № 139-140 (27413-27414).

7. Закон Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» от 05.07.2004 № 300-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (Дата обращения 29.03.2024).

8. Закон Республики Беларусь «О естественных монополиях» от 16.12.2002 № 162-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (Дата обращения 29.03.2024).

9. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.09.2016 № 788 «Об утверждении Правил пользования централизованными системами водоснабжения, водоотведения (канализации) в населенных пунктах» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 07.10.2016, 5/42720.

10. Закон Республики Беларусь от 28.10.2008 № 433-3 «Об основах административных процедур» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 11.11.2008 № 264, 2/1530.

11. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11.09.2019 № 609 «О вопросах в области теплоснабжения» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 19.09.2019, 5/47006.

12. Указ Президента Республики Беларусь от 26.04.2010 № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 03.05.2010, № 119, 1/1159.

13. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.02.2012 № 156 «Об утверждении единого перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, внесении дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14.02.2009 № 193 и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 02.03.2012, № 35, 5/35330.

14. Винницкий А. В. Право Евразийского экономического союза и российское административное законодательство: актуальные вопросы соотношения и взаимодействия // Международное право и международные организации. 2017. № 4. С. 9 - 20.

15. Габов А. В., Лизикова М. С. Энергетическое право Евразийского экономического союза: формирование и основы // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 13 - 24.

16. Романова В. В. Проблемы международно-правовой унификации в сфере энергетики и гармонизации законодательств государств - участников международных энергетических рынков на примере евразийской экономической интеграции // Правовой энергетический форум. 2015. № 3. С. 12 - 18.

17. Харинов И. Н. Предоставление публичных услуг и защита прав их получателей: административно-правовое исследование: Дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 313.

18. Чайка К. Л. Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 148 - 157.

УДК 349.6

Курячая Юлия Дмитриевна
Малолеткова Екатерина Александровна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
kuryachaya02@gmail.com
maloletkova.2003@mail.ru
Kuryachaya Julia
Maloletkova Ekaterina
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТРАСЛИ ЭКОЛОГИИ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в данной статье рассматривается процесс цифровизации отрасли экологии и природопользования. Анализируется нормативно-правовая база в данной сфере, а также исследуются достоинства и недостатки внедрения и применения технологии искусственного интеллекта в правовом регулировании экологического права.

Ключевые слова: экологическое право, цифровизация, искусственный интеллект, информационная технология, окружающая среда, природопользование.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECOLOGY AND NATURE MANAGEMENT INDUSTRY: PROS AND CONS, DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation: this article examines the process of digitalization of the ecology and nature management industry. The article analyzes the regulatory framework in this area, as well as examines the advantages and disadvantages of the introduction and application of artificial intelligence technology in the legal regulation of environmental law.

Key words: environmental law, digitalization, artificial intelligence, information technology, environment, environmental management.

В Российской Федерации в настоящее время значительное внимание уделяется вопросам цифровизации многих сфер общественной и государственной жизни, что подтверждается утверждением Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия развития искусственного интеллекта), разработанной в целях обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, проведения научных исследований в области искусственного интеллекта, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области [4].

Несмотря на то, что в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта не упоминается сфера экологии в качестве одного из направлений развития и совершенствования, активное внедрение цифровых технологий в отрасли экологического права можно отследить в ряде других нормативно-правовых актов.

Например, ст. 50.6 Лесного кодекса Российской Федерации содержит в себе положения о Единой государственной автоматизированной информационной системе учета древесины и сделок с ней, которая создана в целях обеспечения учета древесины, информации о сделках с ней, а также осуществления анализа, обработки представленной в нее информации и контроля за достоверностью такой информации [3].

Статья 11.10 Земельного кодекса Российской Федерации закрепляет возможность подготовки схемы расположения земельного участка в форме электронного документа с использованием официального сайта органа регистрации прав, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или с использованием иных технологических и программных средств [2].

Глава 10 Федерального закона «Об охране окружающей среды» регламентирует работу Единой системы государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды), направленной на регулярные наблюдения за состоянием окружающей среды, хранение, обработка (обобщение, систематизация) информации о состоянии окружающей среды, анализ полученной информации в целях своевременного выявления изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и (или) антропогенных факторов, оценка и прогноз этих изменений [1].

Также в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 г. № 17) подразумевается использование технологий, в том числе и искусственного интеллекта в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и

ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет России), Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России) и других ведомствах, например, для дистанционного зондирования Земли, прогнозирования циклических паводков, формирования и ведения единого государственного фонда данных о состоянии окружающей среды и ее загрязнении о возникновении опасных природных и техногенных явлений и процессов [5].

Безусловно, все вышеперечисленные аспекты, во многом уже апробированы и довольно успешно функционируют в системе органов государственной власти. При этом еще одной стремительно развивающейся технологией является искусственный интеллект, который только начинает применяться ввиду своей сложной структуры в правовом регулировании отрасли экологии и природопользования. Искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их (п. «а» ч. 5 разд. 1 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта).

Но так ли успешно применяется самая перспективная технология XXI века в регулировании отрасли экологического права?

Несомненно, применение искусственного интеллекта и цифровых технологий дает возможность получать и обрабатывать значительный объем данных в сфере экологии и с наибольшей точностью прогнозировать развитие природных катастроф, катаклизмов и различного рода природных явлений. Искусственный интеллект довольно широко применяется в системе экологического мониторинга. Например, реализованный в 2018 году проект

«CityAir» является платформой для построения и объединения сетей мониторинга атмосферного воздуха, позволяющей анализировать качество воздуха, рассчитывать траектории выбросов, делать ряд прогнозов, а «IQAir» – это швейцарская компания, которая занимается разработкой технологий и средств контроля качества воздуха и его очистки. В основе своей деятельности все эти платформы применяет искусственный интеллект для осуществления расчетов, которые затем моментально в режиме реального времени отображаются на интерактивных картах.

Также искусственный интеллект может найти свое применение в правотворческой деятельности, в конструировании правовых норм, в решении разного рода правовых споров и задач в сфере экологии и природопользования.

Несмотря на то, что искусственный интеллект может обработать, проанализировать и выдать рекомендации и решения для улучшения экологической обстановки в целом и непосредственно оказать содействие в правовом регулировании отрасли экологии, все-таки природа – это живая динамичная система, где природные явления могут развиваться самым непредсказуемым образом, и тогда искусственный интеллект, работа которого основана и запрограммирована на машинных алгоритмах может столкнуться с трудностями, связанными с отсутствием гибкого мышления, присущего человеку, а следовательно с невозможностью обработать нестандартную ситуацию, информацию, учесть их особенности.

С одной стороны, такая технология позволяет снизить нагрузку и оптимизировать деятельность человека, но с другой стороны, работа технологии искусственного интеллекта связана с переработкой огромного количества информации и выполнением сложных компьютерных операций, ввиду чего требуется соответствующая техника, высокоскоростной интернет, специальное программное обеспечение, способные выдержать данную нагрузку, а также кадры, обладающие знаниями в этой области и способные обслуживать эту

систему. Это является недостатком, так как требуется существенное государственное финансирование технологии и немногие субъекты Российской Федерации будут иметь возможность и доступ к использованию данной технологии.

Преимущества, полученные в результате использования искусственного интеллекта и нейросетей в правовой системе Российской Федерации при неправильном использовании могут иметь и множественные недостатки, основными из них могут быть: утечки информации о конфиденциальных правовых отношениях; возможность несанкционированной модификации баз данных и правил в базах знаний; возможность дистанционного управления зарубежными информационными технологиями позволяющими производить модификацию или отключение, отсутствие компетенций в использовании и формировании интеллектуальных систем у пользователей правовой системы, в том числе и у депутатов государственной думы, законодательно формирующих структуру управления [7, с. 593].

Поскольку на протяжении всего своего существования человечество сталкивается с глобальными экологическими проблемами и новыми экологическими вызовами, которые требуют их быстрого и эффективного решения, отвечающего современным тенденциям развития общества, то технология искусственного интеллекта в отрасли экологии и природопользования имеет значительный потенциал и перспективу развития. Искусственный интеллект позволяет приблизиться к минимизации последствий глобальных экологических проблем, качественно осуществлять мониторинг окружающей среды, прогнозировать и моделировать экологические явления и процессы, а также разрабатывать оптимальные экологические решения и соответствующие правовые положения.

Также необходимо учитывать процесс цифровизации субъектов права. Дело в том, что субъект права посредством Интернета выстраивает виртуальные

отношения, которые не всегда копируют реальные. Виртуальная жизнь может иметь предсказуемые и известные по реальности юридические последствия, а может и не иметь таковых. В виртуальном пространстве субъект часто прячется за так называемой виртуальной личностью, или цифровым образом, поэтому и возникает проблема в идентификации субъекта, поскольку она может быть связана с разнообразными нарушениями прав участников правоотношений [8, с. 6-7].

В связи с совершенствованием информационных технологий, возможно появление новых юридических специальностей, например, IT-инженера по вопросам охраны природной среды или онлайн – практика по разрешению экологических споров [6, с. 403-404].

Использование технологии искусственного интеллекта только набирает свои обороты в правовой политике экологии и природопользования в Российской Федерации. Несомненно, внедрение высокотехнологичных систем позволит сделать еще один шаг вперед на пути к цифровой трансформации права. Однако наряду со всеми преимуществами необходимо учитывать и некоторые сложности и риски, связанные с эксплуатацией данной технологии.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) // «Российская газета», 12.01.2002 г., № 6.
2. Земельный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001 г., № 44, ст. 4147.
3. Лесной кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) // «Российская газета», 08.12.2006 г., № 277.

4. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения 31.03.2024 г.)

5. «Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17). Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398627/9e733b9ece0472e8f17a73cd753a75784f9e1fab/?ysclid=lufnx6x751841234033 (дата обращения 31.03.2024 г.)

6. Ивакин, В. И. Искусственный интеллект и экологическое право / В. И. Ивакин // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву : Материалы Третьего Международного транспортно-правового форума, Москва, 10–11 февраля 2021 года. – Москва: Российский университет транспорта, 2021. – С. 398-404.

7. Унижаев, Н.В. Преимущества использования искусственного интеллекта и нейросетей в правовой системе Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Том 13. – № 2. – С. 587-600.

8. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2(254). – С. 5-17.

УДК 347.711

Лапин Сергей Сергеевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

serzhlapin@bk.ru

Lapin Sergey

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Law

Russia, Moscow

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ОРГАНИЗАЦИИ СБЫТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация: рынок сбыта сельскохозяйственной продукции традиционно относится к тем областям рыночной инфраструктуры, которым уделяется мало исследований в отечественной и зарубежной литературе; вместе с тем, современные условия стеснённых экономических возможностей в России требуют как от законодателя, так и от самих участников рынка очерчивания исчерпывающей характеристики организационных отношений, возникающих в процессах доведения сельскохозяйственной продукции до конечного потребителя, а также разработки предложений мер, которые позволят участникам рынка сбыта сельскохозяйственной продукции повысить эффективность отрасли в частности и агропромышленного комплекса в целом.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, финансирование, каналы сбыта, государственные программы, льготное кредитование, аутсорсинг.

MODERN LEGAL PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF THE SALE OF AGRICULTURAL PRODUCTS

Annotation: the market for agricultural products traditionally refers to those areas of market infrastructure that receive little research in domestic and foreign literature; at the same time, the current conditions of constrained economic opportunities in Russia require both the legislator and the market participants themselves to outline an exhaustive description of the organizational relations arising in the processes of bringing agricultural products to the final consumer, as well as to develop proposals for measures that will make it possible for the participants of agricultural market to increase the efficiency of both the industry in particular and the agro-industrial complex as a whole.

Key words: agro-industrial complex, financing, distribution channels, government programs, preferential lending, outsourcing.

В современных политических условиях с учётом экономических санкций, и, соответственно, необходимости поддержания стабильности экономики и обеспечения максимального импортозамещения особую роль стал играть агропромышленный комплекс («АПК»). Развитие отечественного АПК, несомненно, с целью сохранения устойчивых положительных тенденций в условиях экономической отчуждённости России требует поиска новых форм конвергенции законодателя с одной стороны и всех уровней АПК с другой. Известно, что АПК содержит в себе как образования уровня субъектов (например, республиканские, краевые, областные АПК), так и микрокомплексы (например, агрофирмы), и основным ресурсообразующим звеном данного кластера в российской экономике служит именно сельское хозяйство и круг отношений, которые возникают в связи с реализацией соответствующей продукции.

Актуальность данной темы состоит в выявлении факторов, остающихся на данном этапе отечественного правового регулирования проблемными и обуславливающих торможение в развитии одной из приоритетных областей

социально-экономической политики России, что особенно релевантно с учётом санкционных ограничений за последние 10 лет. Дискуссионными являются, по мнению автора работы, вопросы структурирования категорий пробелов, возникающих при регулировании системы отношений по формированию и направлению потока товаров и услуг, а также содействию продвижению продукции от производителя к потребителю в сфере сельского хозяйства.

Задача исследования заключается в разработке подхода последовательного раскрытия проблемных аспектов организации сбыта сельскохозяйственной продукции с обозначением перспектив совершенствования функционирования всей системы этих отношений. Методология данной работы состоит в наличии теоретической и эмпирической составляющих. Теоретическая база работы состоит в изучении российского законодательства и международных норм с особым уделением внимания нормам *soft law*, в частности, нормам нового *lex mercatoria*. Эмпирическая база работы состоит в анализе практических проблем, которые возникают у участников рынка сельскохозяйственной продукции исходя из аналитических данных и международной практики.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что сбыт сельскохозяйственной продукции осуществляется посредством различных каналов, которые представляют собой комплекс отношений в сфере торговли, посредством которых сильнее всего достигается интеграция сельского хозяйства в национальную и мировую экономику.

В силу того, что в сельскохозяйственных отношениях критически важную роль в начальном этапе «цепочки» доведения продукта сельского хозяйства от производителей к потребителям играют именно организационные отношения, необходимо отметить, что их комплекс базируется вокруг упорядочивания имущественных отношений и предусматривает установление таких форм ведения торговой деятельности, которые будут распространяться на множество обязательств в рамках исполнения всего комплекса договоров (самым известным

из подобных, например, является договор контрактации) [1]. В литературе встречаются множество вопросов, которые возникают на различных стадиях организационно-сбытовых отношений.

Первое направление исследований исходит из концентрации проблем сбыта вокруг недостатков социально-экономического развития агропромышленного комплекса и относит к насущным вопросам несовершенство ценообразования, слаборазвитую рыночную инфраструктуру, в том числе по причинам недостаточного уровня государственной поддержки отечественного производителя [2], а также те правовые ограничения, которые существуют для получения производителями такой поддержки. В качестве причины тому позиционировались как низкая доходность производителя, так и их ограниченный доступ к льготным кредитным ресурсам [3]. Данные недостатки свидетельствуют о сложном характере доступа сельхозпроизводителей к финансированию, что, однако, может быть облегчено введением дополнительных правовых стимулов для производителей. Поддержка инвестиционной деятельности в настоящее время является важной статьёй финансирования АПК, в частности, стоит особо обратить внимание на льготное кредитование, которое в настоящее время осуществляется согласно Приказу Минсельхоза России от 01.09.2022 № 574 [4]. Так, в соответствии с данным приказом льготное кредитование подразделяется на инвестиционное и краткосрочное (до 1 года). Последнее уделяет внимание предоставлению лицам, участвующим в обороте с/х продукции и прямо поименованным в акте, соответствующих кредитных линий на цели страхования урожаев сельскохозяйственных культур, посадок многолетних насаждений, а также страхования животных, используемых в хозяйстве. Интересно отметить, что правом получения льготных кредитных линий обладают такие сельскохозяйственные товаропроизводители, организации и индивидуальные предприниматели (за исключением сельскохозяйственных потребительских

кооперативов), которые заключили соглашение о повышении конкурентоспособности [5]. Инвестиционное кредитование предоставляется на срок от 2 лет с целью развития характеристик, от которых зависит качественный рост подотрасли – здесь срок становится определяющим признаком объёма предоставления средств и целей кредитования: в соответствующие пятилетние кредитные линии могут входить, например, предоставление средств на приобретение новой сельскохозяйственной техники, газопоршневых установок и оборудования энергоцентров тепличных комплексов, а в рамках восьмилетних кредитных линий средства предоставляются на строительство, реконструкцию, модернизацию и техническое перевооружение предприятий поименованных в акте отраслей. Для определения получателей льготного инвестиционного кредита необходим лишь достаточный планируемый объём продукции, которая подлежит транспортировке через транспортно-логистические узлы, с подчёркиванием специфических критериев кредитования строительства, модернизации или реконструкции инфраструктуры. Тем не менее, очевидно, что правовые ограничения на доступ к финансированию являются сдерживающим фактором в организации сбыта, поскольку участники рынка по сути лишены возможности создавать надлежащую инфраструктуру и наращивать каналы сбыта.

Немаловажно отметить и роль международных организаций в формировании благоприятного инвестиционного климата для инвестиций в сельское хозяйство: так, 42-я сессия Конференции Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) выделила в качестве инновационных средств регулирования взаимодействия государственного и частного капитала в сельском хозяйстве появление комплексных возможностей для предпринимательства и ведения бизнеса в том числе на принципах "зелёной" экономики и обеспечение их поддержки на основе инноваций, технологий и стимулирующих мер политики неразрывно с глобализацией, которая всеми

исследователями постулируется как имманентно присущий современным торговым отношениям элемент. ФАО в Стратегической рамочной программе на 2022 – 2031 годы закрепляет преимущества складывания рыночной конъюнктуры в пользу такого агросектора [6].

Второе направление анализа актуальных правовых вопросов организации сбыта продукции сельского хозяйства состоит в масштабе производительных сил – в настоящее время на всех уровнях существует проблематика низких уровней сбыта малыми и средними предприятиями, которым не хватает средств для продвижения товаров на рынок и для «запуска» товара в посреднические цепочки, вследствие этого крупные перерабатывающие предприятия неохотно сотрудничают с «малым бизнесом» в данной отрасли, из наиболее беспокоящих в отношении них факторов называя неготовность поставлять большое количество продукции и непостоянный размер поставок сырья [7]. В частности, в качестве правовой проблемы можно выделить отсутствие чёткого регулирования способов организации сбыта, в связи с чем малый и средний производитель лишен возможности конкурировать с крупными игроками рынка. Далее следует прийти к рассмотрению фигуры, которая увеличивает количество «каналов» сбыта – это переработчик/распределительный центр/склад/логистический оператор, который встраивается в систему отношений в качестве посредника. Стоит отметить высокие темпы развития таких комплексных структур, как логистические центры. В литературе отмечается их важная роль в виде центров, позволяющих сельхозпроизводителям временно хранить продукцию в виде сырья, которая с определённой периодичностью будет поступать на переработку. Подзаконные акты называют такие центры «оптово-распределительными» [8] и ставят интеграцию сельхозкооперативов с ними как важную веху развития каналов сбыта. Специалистами отмечается возможность организации цехов полной или первичной переработки, что позволит не только увеличить срок хранения

определённых видов продукции, но и внести вклад в значительное упрощение их транспортировки, не исключая и того, что оптово-логистические центры и крупные хранилища могут войти в конкуренцию за государственную поддержку [9] и «перетянуть» на себя одеяло поддержки в виде вышеупомянутого льготного кредитования. Вместе с тем, нельзя говорить исключительно о негативной стороне такого рода поддержки – например, в Польше в соответствии с национальной Продовольственной Программой в данный момент вблизи крупнейших городов работают шесть межрегиональных оптовых продовольственных рынков, контрольный пакет акций которых находится в государственной собственности [10]. Такая мера позволила расширить объёмы производства в силу того, что оно позволяет распределить продукцию на большое количество потребителей и тем самым упорядочить продовольственное обеспечение городов и укрепить связи между оптовыми рынками и разными производителями сельскохозяйственной продукции, что снижает риски для малых и средних предприятий.

Стоит обратить внимание на перспективность такого способа решения проблемы организации сбыта, как вынесение данного процесса на аутсорсинг, который предполагает передачу производителем определённых функций другому лицу, обладая которыми, оно выступает в качестве посредника и получает выгоду с реализации продукции, при этом характерной чертой аутсорсинга служит как обслуживание функций самой компании, так и качественное развитие новых направлений её деятельности на длительный срок. Деятельность «аутсорсера» (лица, осуществляющего аутсорсинг) достаточно стабильна, так как производится исключительно на основании заказа производителя (т.е. имеет целевой характер), а также практически безрискова в силу гарантии выкупа аутсорсером произведённого товара по конкретному заказу, который не предполагает реализацию товара на открытом рынке с негарантированным спросом [11]. В ближайшей перспективе такая структура

деятельности позволит избежать производителям и посредникам-переработчикам излишних затрат на логистическую деятельность, а также на сертификацию, что повысит конкурентоспособность малых и средних предприятий. Следует отметить, что наиболее успешным может оказаться именно смешанный аутсорсинг, когда происходит передача заказчиком – изготовителем, в интересах которого и организуется сбыт, стороннему лицу такой функции, которая требует использования нескольких видов ресурсов, например, факторинг, с помощью которого производитель продукции, являющийся юридическим лицом-фактором, обеспечивает поставщика финансовыми ресурсами, а также результатами сбора и обработки аутсорсером информации о потенциальных заказчиках поставщика для определения их платёжеспособности.

Отдельно стоит отметить в качестве ещё одного направления проблематики несовершенство в юридической технике при оформлении отношений касательно организации сбыта с/х продукции. Так, например, попытку отметить подобные проблемы делает один из наиболее уважаемых источников норм *soft law* – программных документов Международного института по унификации частного права (УНИДРУА). В частности, Юридическое руководство по контрактному фермерству 2015 г. (*Legal Guide on Contract Farming*), которое поднимает важные вопросы, призванные обеспечить всестороннее понимание условий договора его сторонами, чтобы предупредить вероятность его ненадлежащего исполнения [12]. Одним из таких вопросов является отсутствие ясных характеристик установления цены по договорам вследствие сложных формул, требующих внесения множества переменных, и решением данного вопроса является прибегание сторон при совершении сделок к максимально подробному описанию всех качественных характеристик ожидаемого товара, а также разработке стандартной формы, где будет указан порядок расчёта итоговой цены, который желательно выработать в простой

форме, насколько это возможно. Другим аспектом служит установление ответственности любого лица-посредника – будь то логистического центра или аутсорсера – за производственные потери. Наконец, следует обозначить полезность избегания условия одностороннего расторжения договора при объективных инвестиционных рисках, возникающих со стороны производителя в связи с его ограниченностью во времени и средствах, так как при необходимости принятия мер для совершенствования производства и улучшения сбыта (например, подготовка пространства для заготовок/замена оборудования или машин/строительство объектов), их окупаемость может существенно превысить срок контракта, что может очень сильно ударить по изготовителю (в особенности, если он относится к малому или среднему предприятию) из-за расторжения контракта или отказа в его продлении.

Соответственно, повышение общей юридической грамотности участников сельскохозяйственного рынка также благотворно повлияет на эффективность организации сбыта сельскохозяйственной продукции. В качестве примера можно привести потенциал правовой конструкции «take or pay» для сельскохозяйственных договоров (например, поставки зерна) с учётом современной практики, полностью валидирующей данное условие [13].

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что комплекс организационных отношений по сбыту сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации на данном этапе развития не обладает такой нормативной и теоретической базой, чтобы скоординировать эти отношения на всех уровнях и обеспечить возможности равного развития как крупным фирмам и холдингам, так и небольшим производителям. В связи со сложившейся рыночной конъюнктурой необходимо выделение двух направлений исследования проблематики: макроуровень, базирующийся на недостатках социально-инфраструктурного развития и финансовой системы и постулирующий изменения посредством государственных и надгосударственных программ, и

микроуровень, который уделяет особое внимание наиболее уязвимым категориям производителей и предлагает различные способы совершенствования темпов сельскохозяйственного производства путём установления организационных отношений посредством улучшения и увеличения каналов сбыта вследствие активного участия логистических операторов и логистических интернет-платформ, а также возможности передачи части функций на аутсорс для получения выгоды в длительной перспективе. Отдельной проблемой является и низкий уровень юридической техники, который понижает эффективность правоотношений между участниками рынка.

Список литературы:

1. Абросимова Е. А., Белов В. А., Пугинский Б. И. Коммерческое право 6-е изд., пер. и доп. Учебник для вузов Изд. 6, пер. и доп. 2021. С. 412 – 414.
2. Иванова Н. В., Абрамова Е. Ф. Особенности управления сбытом сельскохозяйственной продукции // Известия НВ АУК. 2011. №4. С. 3.
3. Ушачев И. Г., Папцов А. Г., Маслова В. В., Чекалин В. С. Основные проблемы реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и стратегические направления ее актуализации // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ № 9 (769). С. 49.
4. Приказ Минсельхоза России от 01.09.2022 № 574 (ред. от 02.05.2023) "Об утверждении перечня направлений целевого использования льготных краткосрочных кредитов и льготных инвестиционных кредитов" // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 26.04.2019 № 512 (ред. от 26.08.2023) "О предоставлении из федерального бюджета субсидий российским кредитным организациям, международным финансовым организациям и

государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ" на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным сельскохозяйственным товаропроизводителям (за исключением сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов), организациям и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим производство, первичную и (или) последующую (промышленную) переработку сельскохозяйственной продукции и ее реализацию, по льготной ставке" // СПС «КонсультантПлюс».

6. Стратегическая рамочная программа Продовольственной и сельскохозяйственной организации объединённых наций // URL: ne577ru.pdf (fao.org) (дата обращения: 21.02.2024).

7. Гура Ю. И., Куликова Е. С. Основные проблемы сбыта сельскохозяйственной продукции предприятий АПК. Уральский государственный аграрный университет. Молодёжь и наука. 2017. С. 3.

8. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

9. Мамай О. В., Липатова Н. Н., Купряева М. Н. Современное состояние и перспективы развития сельскохозяйственной кооперации // Вестник НГИЭИ. 2019. №1 (92).

10. Карх Д. А. Создание логистических интегрированных распределительных центров сельскохозяйственной продукции на основе государственно/муниципально-частного партнерства / Д. А. Карх, В. М. Каточков, М.П. Морозова// Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2017. – Т. 11, № 3. С. 169.

11. Котляров И. Д. Аутсорсинг в сельском хозяйстве: современная ситуация и анализ перспектив // Вестник АГАУ. 2011. №3. С. 122.

12. UNIDROIT Legal Guide on Contract Farming // URL: <https://www.unidroit.org/instruments/contract-farming/legal-guide> (дата обращения: 22.02.2024).

13. Определение Верховного суда Российской Федерации № 305-ЭС21-10216 от 20 августа 2021 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-20082021-n-305-es21-10216-po-delu-n-a40-3288852019/> (дата обращения: 22.02.2024).

Матчонова Оксана Алишеровна
Федотов Владислав Александрович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
ox.2002oks@yandex.ru
vladfedotov2002@mai.ru
Matchonova Oksana
Fedotov Vladislav
Saratov State Law Academy
Institute of Public prosecutor's Office
Russia, Saratov

ПРИНЦИП УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЕГО РОЛЬ В ЭКОЛОГО- ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация: одним из элементов отрасли экологического права, доказывающим её самостоятельность, является система принципов, ряд из которых получил свое легальное закрепление и практическую реализацию, а другие – выделяются лишь в теории. В связи с этим данная работа посвящена исследованию вопроса определения роли и правовой природы такого принципа экологического права, как принцип «устойчивого развития».

Ключевые слова: экологическое право, устойчивое развитие, принципы права, реализация, практическая деятельность.

THE PRINCIPLE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND ITS ROLE IN ENVIRONMENTAL AND LEGAL REGULATION

Annotation: one of the elements of the branch of environmental law, proving its independence, is a system of principles, some of which have received their legal consolidation and practical implementation, while others stand out only in theory. In this regard, this work is devoted to the study of the issue of determining the role and legal nature of such a principle of environmental law as the principle of "sustainable development".

Key words: environmental law, sustainable development, principles of law, implementation, practical activity.

Многообразие отраслей права в рамках отечественной правовой системы порождает необходимость в четком определении содержания критериев, позволяющих их идентифицировать и отграничивать от смежных правовых наук. Важное положение занимает установление фундаментальных основ, на которых строится любая отрасль права, и экологическое право не является исключением. В рамках этого направления ключевое значение имеет вопрос о практической реализации принципов правового регулирования, нашедших отражение в действующем законодательстве.

Одним из таких принципов, вокруг которого до сих пор не утихают споры относительно того, является ли он принципом экологического права в прямом смысле этого слова, выступает принцип «устойчивого развития». Анализ нормативной основы, в частности, Конституции РФ (статья 42) [1], Федерального закона от 10.01.2002 №7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» и ряда указов Президента РФ свидетельствует о том [2], что устойчивое развитие не идентифицируется буквально в качестве одного из основных принципов деятельности по охране окружающей среды.

Изучение всего массива законодательства природоохранного характера позволяет установить, что устойчивое развитие не только достаточно давно оформилось в качестве целой концепции, активно развиваемой научным

сообществом, но и на настоящий момент является тенденцией развития ещё одного направления деятельности, продуманная организация которого позволит повысить уровень экологической безопасности, а именно «промышленного права» и ориентиром при правовом регулировании практически всей сферы экономики, зависящей в том числе и от состояния природного комплекса.

В рамках этого направления разработана и утверждена Концепция перехода РФ к устойчивому развитию (далее — Концепция № 440) [3], согласно которой представляется необходимым и возможным осуществить в Российской Федерации последовательный переход к устойчивому развитию, обеспечивающему сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений.

В этих словах выражен смысл и назначение «устойчивого развития». Однако такое обобщенное понимание данной правовой категории может вызвать противоречивые подходы к его использованию в правоприменительной деятельности, ввиду это имеет место необходимости в разработке единого понятия «устойчивого развития», как результативной политики в области разумного природопользования.

Следует согласиться с мнением Е.М. Андреевой, которая предлагает «ограничить применение концепции устойчивого развития преимущественно рамками экологического права» [4, с. 91].

В связи с этим, возникает вопрос о необходимости разработки единого законодательно закреплённого определения понятия «устойчивого развития». Сложность в данном случае заключается в том, что активное применение указанной категории приводит к его типологизации, которая порождает различное понимание единого понятия. Такая ситуация заставляет задуматься об

эффективности применения правовых норм, содержащих данный термин [5, с. 66].

Следует рассмотреть смысловую наполненность указанного понятия. Так, экологически целесообразной считается такая экономическая деятельность, в результате которой на протяжении времени наблюдается уменьшение негативного воздействия на окружающую среду.

В рамках экономического подхода концепция «устойчивого развития» представляет собой «экологичную, энерго- и материалосберегающую систему, нацеленную на создание экологически приемлемой продукции» [6, с. 131].

С точки зрения социальной сферы, указанная категория преследует цель равномерного распределения благ между населением и полноценное удовлетворение существующих потребностей общества.

Однако успешная реализация всех благих намерений в области охраны окружающей среды и природопользования, прежде всего, связана с правовыми аспектами в области экологии. По мнению М.А. Егоровой, необходима реализация государственной политики и нормативного правового регулирования отрасли экологии и природопользования, обращения с отходами производства и потребления, экологического аудита и мониторинга [7, с. 1889]. Считаем, что осуществляемые качественные изменения подходов к производству должны отвечать принципам устойчивого развития, которые официально были закреплены по итогам работы Конференция ООН по устойчивому развитию в 2012 году («Рио+20») [8].

Возвращаясь к национальному законодательству, отметим, что Концепция № 440 предполагает наличие трех составляющих: экономической, экологической и социальной. Следовательно, применительно к этому аспекту экологической наполненности концепции устойчивого развития следует говорить о том, что в рамках данной концепции утверждается, во-первых, неотъемлемое право народов использовать свои ресурсы, включая генетические,

во-вторых, право государств устанавливать суверенитет над своими природными ресурсами, в-третьих, обязанность использовать как национальные, так и общие ресурсы рационально.

Положительными шагами, свидетельствующими о том, что российский законодатель действительно имплементировал концепцию устойчивого развития в законах экологического характера, стало последовательное появление Распоряжения Правительства РФ от 31.08.2002 №1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» [9], затем Указа Президента РФ от 19.04.2017 №176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [10].

Из этого следует, что обеспечение экологической безопасности и реализация программ из названных НПА возможно только при полном переходе России к концепции устойчивого развития.

Кроме того, с одной стороны устойчивое развитие – форма социоприродного развития, с другой стороны – управляемое сбалансированное движение с целью усовершенствования и защиты природного поля для жизнедеятельности. Цель – сохранение цивилизации и экосистем. Рассматриваемая концепция нужна для решения сегодняшних и возможных будущих экологических проблем, чтобы в будущем избежать потенциальных осложнений.

Переход России к устойчивому развитию и придание экологическим вопросам значение общенациональной проблемы должны начинаться с разработки и совершенствования соответствующего законодательства, построенного на названной концепции. В целом, видно, что российский законодатель по такому пути и двигается. Только в таком случае, весь законодательный массив, направленный на восстановление и сохранение экосистем, будет обладать свойствами постоянства, единства,

целенаправленности, что очень важно для эффективности его применения в экологических правоотношениях.

Таким образом, «устойчивое развитие» как политика эффективного и бережного использования не только природных, но и других ресурсов, является не просто ведущим принципом экологического права, но и полноценной концепцией, на которой во многом основывается эколого-правовое регулирование в современной России. Однако существующее на данный момент нормативно-правовое регулирование исследуемого направления требует дальнейшего усовершенствования правовых норм с целью предотвращения возникновения пробелов в праве и противоречий в правоприменительной деятельности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 14.03.2020, № 1-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; 2020. 04 июля.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (с изм. и доп. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133; 2024. № 1 (часть I), ст. 58.
3. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // СЗ РФ. 1996. № 15, ст. 1572.
4. Андреева Е. М. Устойчивое развитие как основа современных концепций права природопользования. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. № 1. 2022. 91 с.
5. Калашник Н.И., Трубникова О.А., Рахимбердин К.Х. К вопросу о содержании понятия «устойчивое развитие» в международном и российском законодательстве // Российско-азиатский правовой журнал. № 1. 2021. 66 с.

6. Сидорова Т. Ю. Имплементация концепции устойчивого развития в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. № 4 (83). 2018. 131 с.
7. Егорова М.А. Принципы эколого-правового регулирования «зеленой» экономики в условиях цифровизации и защиты конкуренции // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. № 12. 2022. 1889 с.
8. Конференция ООН по устойчивому развитию, 20–22 июня 2012 года, Рио-де-Жанейро // URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio2012> (дата обращения: 29.03.2024).
9. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 36, ст. 3510.
10. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2546.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.7

Бабичев Данил Динарович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

danilbabichef75@gmail.com

Babichev Danil

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЦИФРОВОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается дискуссионный вопрос, касающийся определения природы криптовалюты как предмета преступлений главы 21 УК РФ. Так, ни в российской доктрине уголовного права, ни в правоприменительной практике на сегодняшний день не выработано единой позиции относительно признания криптовалюты предметом преступлений против собственности. Важность данной работе придает анализ материалов судебной практики, на основе которой автор аргументированно высказывает свое мнения по поднятой проблеме.

Ключевые слова: цифровая собственность, цифровизация, криптовалюта, биткоин, правовое регулирование, доктрина, уголовное право.

CRIMINAL LAW PROTECTION OF DIGITAL PROPERTY

Annotation: the article discusses the discussion regarding the definition of the nature of cryptocurrency as a crime in chapter 21 of the Criminal Code. Thus, neither Russian criminal law doctrine nor law enforcement practice has developed a uniform position on the recognition of cryptocurrency as a crime against property. The importance attached to this work is attached to the analysis of case law, on the basis of which the author gives his reasoned opinion on the issue raised.

Key words: digital property, digitalization, cryptocurrency, bitcoin, legal regulation, doctrine, criminal law.

В эпоху информационного прогресса законодательство испытывает потребность в нововведениях, в толковании тех или иных процессах, связанных с цифровизацией. И активное внедрение цифровых технологий не могло обойти стороной право собственности. Всем известно, что такое собственность, услышав это слово, каждому приходит на ум какой-либо объект материального мира, например, дом, автомобиль, иное имущество, но возвращаясь к процессу цифровизации наше представление о собственности может меняться. Этот процесс обусловлен тем, что появляется новая площадка для возникновения права собственности, а именно виртуальная. К привычным для всех объектам материального мира прибавляется цифровая собственность. И тут возникает множество правовых вопросов, связанных с толкованием, пониманием и охраной цифровой собственности, на которые государство в данной ситуации не в силах ответить. Рассмотрим названные вопросы на примере криптовалюты. Еще в 2008 году группой лиц или неустановленным лицом под псевдонимом Сатоши Накамото был разработан протокол блокчейн и опубликована статья под названием «Биткоин: пиринговая электронная платежная система». Ценность протокола состоит в том, что ее автор сумел решить проблему двойной оплаты, над которой работали в течение нескольких десятилетий многие математики и

программисты. Решение этой проблемы позволило контрагентам обмениваться активами без обращения к третьей стороне [1, с. 2].

Разновидности криптовалют составляют десятки тысяч, но как и в России, так и за рубежом до сих пор нет достаточного правового регулирования криптовалют, что является большой проблемой. Не смотря на отсутствие правового регулирования, правоохранительные органы и органы судебной власти России все же обращают свое внимание на данный феномен, в первую очередь, как на предмет преступного посягательства. Например, криптовалюта — отличный предмет для совершения преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. В качестве обоснования мы можем сослаться на п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», в котором прямо сказано, что в вышеназванных статьях предметом могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, то есть криптовалюты [2]. 15 мая 2018 г. Девятый арбитражный апелляционный суд своим постановлением впервые и первым отнес криптовалюту к иному имуществу [3]. Что вполне объяснимо, учитывая тот факт, что перечень объектов гражданских прав, закрепленный в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, является открытым. Отнесение криптовалюты к объекту гражданско-правового регулирования подразумевает под собой наличие у нее определенной имущественной ценности, а это дает нам право предполагать, что криптовалюта может быть предметом преступного посягательства против собственности, предусмотренных главой 21 Уголовного кодекса Российской Федерации. Гражданско-правовое наполнение криптовалюты как имущества позволяет рассматривать его как объект уголовно-правовой охраны. Имущество — собирательное понятие, которая включает в

себя не только объекты гражданских прав в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, но также и имущественные права и обязанности. Данная формулировка позволяет привлекать к ответственности преступников за хищение нематериальных благ, в том числе не только безналичных денежных средств, но и криптовалют [4, с. 82-86].

Обращаясь к научным работам можно выделить следующую тенденцию борьбы с преступлениями против криптовалют. Предлагается органам государственной власти вести единую базу или же реестр субъектов, осуществляющих транзакции криптовалют, эта превентивная мера позволит отслеживать подозрительные операции и оперативно реагировать на них. Контроль со стороны государства в регулировании действий с криптовалютами позволяет в первую очередь снизить преступления, связанные с ней, а также защитить имущественные права и интересы собственников криптовалют, что является главной целью государства в этой области. Также признание предметом преступления криптовалюты и внесение соответствующих изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации для предоставления уголовно-правовой охраны всем видам имущества различной формы позволило бы рассматривать их как предмет самых разнообразных преступлений [5, с. 44-49].

Таким образом, на основе всего вышесказанного, мы приходим к выводу, что цифровая собственность набирает обороты, квалификация преступлений, связанных с ней, становится все сложнее. Стремительное развитие информационного общества приводит к появлению все новых видов цифровых валют, одной из которых является криптовалюта. Вместе с тем, данные цифровые объекты стали подвергаться различным посягательствам со стороны третьих лиц, что вызывает необходимость обеспечения их уголовно-правовой охраны. Государство в лице органов государственной власти: судов, правоохранительных органов воспринимает криптовалюту как потенциальный объект уголовно-правовой охраны, к которому нужно относиться тщательно и внимательно, ведь

природа и сущность данного объекта требуют дополнительного изучения и толкования. А их деятельность в области охраны криптовалюты как цифровой собственности требует реформирования, ведь в силу скоротечного развития технологий, цифровых процессов, появляется потребность в гибкости законодательства по поводу феномена под названием криптовалюта.

Список литературы:

1. Манахов В. А. Пиринговая электронная платежная система — биткоин // Инновация в науке. 2019. № 6. С. 2.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 26.02.2019) "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем". В данном виде документ опубликован не был. Доступ из системы КонсультантПлюс.
3. РИА Новости [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20180507/1520056481>
4. Игнатенко Е. А. Криптовалюта: некоторые аспекты уголовно-правовой охраны // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3. С. 82-86.
5. Борануков М. Х. Криптовалюта как предмет преступных посягательств против собственности (с примерами из судебной практики) // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 44-49.

УДК 343.721

Брюханова Алёна Дмитриевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Кафедра уголовного права им. М.И. Ковалева

Россия, Екатеринбург

brukhanova.aliona@yandex.ru

Bryukhanova Alena

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Department of Criminal Law named after M.I. Kovalev

Russia, Yekaterinburg

МОШЕННИЧЕСТВО АДВОКАТОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу адвокатской деятельности в сфере оказания юридических услуг, с позиции злоупотребления адвокатами своими правами при защите своих доверителей. Тема статьи анализируется и рассматривается с учетом положений действующего законодательства РФ и судебной практики, посвященных данному вопросу. Автор статьи, в основном, акцентирует внимание на некоторых проблемных вопросах, имеющих место в контексте обмана и введения в заблуждение лиц, нуждающихся в юридических услугах недобросовестными адвокатами.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, мошенничество, уголовная ответственность, уголовное право.

FRAUD BY LAWYERS WHEN CARRYING OUT ADVOCATE ACTIVITIES (BASED ON COURT PRACTICE MATERIALS)

Annotation: this article is devoted to the analysis of advocacy in the field of providing legal services, from the perspective of lawyers' abuse of their rights when protecting their clients. The topic of the article is analyzed and considered taking into account the provisions of the current legislation of the Russian Federation and judicial practice on this issue. The author of the article mainly focuses on some problematic issues that occur in the context of deception and misleading of persons in need of legal services by unscrupulous lawyers.

Key words: advocate, advocate's activity, fraud, criminal responsibility, criminal law.

В соответствии с «Кодексом профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003), «осуществляющий профессиональную деятельность адвокат при любых обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии. Адвокат обязан выполнять свои обязанности честно, добросовестно и квалифицировано, отстаивать интересы своего доверителя всеми не запрещенными законом способами. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к институту адвокатуры. Злоупотребление доверием, равно как и злоупотребление правом несовместимо со статусом адвоката» [6].

В действительности некоторые адвокаты не только пренебрегают своими обязанностями, но и совершают преступления, в том числе против своих доверителей.

Сегодня среди небольшого числа общественно опасных деяний, совершаемых адвокатами, мошенничество является достаточно распространенным преступлением. Однако, несмотря на свою распространенность, данный состав в контексте адвокатской деятельности исследован крайне слабо. Уголовно-правовая квалификация преступлений этого

вида часто вызывает вопросы, связанные с их справедливостью, правильностью и правомерностью.

Состав мошенничества предусмотрен статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) [4].

Согласно ч. 1 ст. 159 УК РФ мошенничество – это «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [4, с. 118].

В соответствии с Примечанием 1 к статье 158 (Кража) УК РФ, «под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [4, с. 116].

Особенностью мошенничества является «способ его совершения путем обмана или злоупотреблением доверием, с целью обращения имущества в свою пользу либо в пользу других лиц» [2, с. 60].

Под обманом согласно пункту 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [9], следует понимать «способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, который может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение».

Согласно пункту 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении

и растрате» [9], «злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим. Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно заведомо не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства)».

«Адвокат, обладающий знаниями в области права и тенденциях судебной практики, намеренно вводит в заблуждение потенциального клиента относительно возможности с его стороны повлиять на ту ситуацию, в которую попал клиент» [1, с. 241-243]. Что является причиной совершения адвокатами преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, когда адвокат обманом, злоупотребляя доверием убеждает клиента, что его вопрос очень сложно решить, и что для этого необходимо нести материальные расходы. В этом контексте речь безусловно идет о злоупотреблении правом со стороны адвокатов.

Однако термин «злоупотребление правом» хорошо знаком праву гражданскому, но в уголовном праве этот термин отсутствует.

В связи с отсутствием однозначного и четкого термина в уголовном праве автором поднимается ряд вопросов:

- что надлежит понимать под «злоупотреблением правом» в целом, и под «злоупотреблением правом со стороны адвокатов» в частности?
- и главный вопрос, нужен ли этот термин уголовному праву?

Позиция вышестоящих судов по данным вопросам на сегодняшний день четко не сформулирована.

Итак, обладая определенным эмпирическим массивом, представляется важным рассмотреть выделенные авторам настоящей статьи случаи мошенничества адвокатов, в отношении государства и в отношении клиентов, непосредственно связанные с привлечением их к уголовной ответственности.

Мошенничество адвоката в отношении государства.

Например, адвокат, участвующий по назначению в порядке статей 50-51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УПК РФ) [5], заключает в процессе оказания юридической помощи доверителю с последним соглашение на оказание юридической помощи, и продолжает участвовать в деле на основании ордера выписанного в порядке назначения в дело. В последующем по окончании или в процессе предварительного расследования или судебного разбирательства подает заявление о выплате вознаграждения адвокату участвующего в деле по назначению, одновременно получая при этом оплату от доверителя по соглашению.

Так, например, в ноябре 2012 года «Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу адвокату предъявлено обвинение в совершении двух преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 159 УК РФ (мошенничество). По версии следствия, обвиняемый с двумя подследственными заключил соглашение об оказании юридической помощи на предварительном следствии и в суде и получил от них часть гонорара в размере 47 тысяч рублей. Затем адвокат решил похитить денежные средства из бюджета Российской Федерации путем предоставления следователю и в суд документов, обосновывающих ему выплату вознаграждения уже как адвокату, участвующему в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органа предварительного следствия

и суда. В результате мошеннических действий обвиняемый незаконно похитил более 19 тысяч рублей из федерального бюджета» [18].

В качестве ещё одного примера рассмотрим приговор в отношении адвоката Х. по ч.1 статьи 159 УК РФ, вынесенный Горно-Алтайским городским судом Республики Алтай по уголовному делу № 1-27/2021 от 28.06.2021 года.

Из материалов дела следует, что «в период времени с 15.07.2018 по 30.08.2018, на территории Республики Алтай, в том числе в г. Горно-Алтайске, Х., действуя из корыстных побуждений, имея преступный умысел на хищение денежных средств Следственного комитета Российской Федерации, осознавая противоправный характер и общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в результате их совершения в виде причинения СК РФ имущественного ущерба и желая наступления таких последствий, действуя путем обмана, достоверно зная, что с 15.06.2018 он не обладает правом на компенсацию (оплату) своего труда по уголовному делу из федерального бюджета в порядке ч.5 ст. 50 УПК РФ, изготовил и подписал заявление о выплате вознаграждения адвокату по назначению в порядке ч.5 ст. 50 УПК РФ за счет средств бюджета РФ, в которое собственноручно внес заведомо ложные сведения несоответствующие действительности о своем участии в Деле якобы по назначению в течение четырех рабочих и двух выходных дней, и о причитающейся ему (Х.) в связи с этим оплате в размере 13 440 рублей» [10].

Вывод по данной категории дел: в приведенных материалах судебной практики обман заключался в том, что адвокат скрыл от государства то, что он не имеет права на получение вознаграждения из средств федерального бюджета. Поскольку с момента заключения соглашения адвокат утрачивает право на получения оплаты труда из средств федерального бюджета в порядке ч.5 ст.50 УПК РФ.

Таким образом, получение адвокатом денежных средств в качестве оплаты из двух источников от доверителя и из средств федерального бюджета при наличии действующего соглашения об оказании юридической помощи грозит привлечением адвоката к уголовной-ответственности по статье 159 УК РФ.

Мошенничество адвоката в отношении клиента.

Рассмотрим в качестве примера, приговор в отношении адвоката Адвокатской палаты Челябинской области по ч.4 ст.159 УК РФ, вынесенный Правобережным районным судом Магнитогорска по уголовному делу № 1-65/2023 от 17.04.2023 года. Согласно материалам дела, «доверительница адвоката попала в больницу. Путем обмана адвокат убедила женщину оформить доверенность на распоряжение ее имуществом. После смерти доверительницы адвокат переоформила на свое имя квартиру покойной, земельный участок и садовый домик. Общая стоимость недвижимости составила примерно 1,4 миллиона рублей» [11].

В качестве ещё одного примера, можно указать, приговор Гагаринского районного суда г. Москвы по ч.4 ст.159 УК РФ от 06.07.2022 года по уголовному делу № 1-4/2022 о хищении 250 млн руб. у ПАО «Аэрофлот», в отношении адвокатов К.Д.С., С.А.А. по и двух других подсудимых. «По версии следствия адвокаты и сотрудники «Аэрофлота» А.В.Б. и Д.Т.А., объединившись в организованную группу, совершили мошенничество в особо крупном размере с использованием последними служебного положения и похитили у авиакомпании 250 млн руб.». Из материалов дела следует, что «Адвокат С.А.А. на систематической основе осуществлял подготовку актов о выполнении работ, содержащих заведомо ложные сведения об их объёме и количестве, счетов на оплату, а также других документов, необходимых для списания денежных средств со счёта ПАО, принимал личное участие, а также привлекал третьих лиц к выполнению действий, направленных на создание видимости исполнения адвокатом К.Д.С. договорных обязательств с ПАО. Адвокат К.Д.С.,

подготавливала и подписывала лично акты о выполнении работ, содержащие заведомо ложные сведения об их объёме и количестве, а также другие документы, необходимые для списания денежных средств со счетов ПАО, принимала личное участие в выполнении действий, направленных на создание видимости исполнения ею договорных обязательств с ПАО. После зачисления на банковские счета *** со счетов ПАО похищенных денежных средств, С.А.А. должен под видом адвокатского гонорара перечислить их на свой банковский счёт и счёт К.Д.С. для последующего обналичивания и распределения между соучастниками» [12].

Изучение судебной практики по уголовным делам в отношении адвокатов свидетельствует о том, что в настоящее время правоприменители нередко сталкиваются с ситуациями, в которых проявляется конкуренция норм, закрепленных в ст. 159 УК РФ и ст. 291.1 (Посредничество во взяточничестве) УК РФ. Прежде всего, речь идет о тех случаях, когда адвокат, обещавший своему подзащитному выступить посредником в получении взятки, обратил её в свою пользу [3, с. 5-11].

Такие выводы подтверждаются материалами следующих уголовных дел:

- Приговор Октябрьского районного суда города Владимир от 23.06.2023г. по уголовному делу № 1-19/2023 в отношении адвоката Адвокатской палаты города Москвы К. виновного в покушении на мошенничество в особо крупном размере и посредничестве во взяточничестве в крупном размере (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ). Согласно материалам дела, «К. сообщил матери одного из заключенных, что за вознаграждение в размере 2,3 миллионов рублей ее сын сможет досрочно выйти на свободу. Взятку в размере 300 тысяч рублей адвокат предложил начальнику оперативного отдела ФКУ ИК-5, а оставшуюся сумму решил оставить себе» [13].

Таким образом, деяние квалифицировано по совокупности преступлений так как, у адвоката К. возник преступный умысел, направленный на

посредничество во взяточничестве, то есть непосредственную передачу взятки в виде денег в размере 300 000 рублей, по поручению взяткодателя- матери заключенного должностному лицу - начальнику оперативного отдела ФКУ ИК-5. Кроме того, в у К., возник корыстный преступный умысел, направленный на хищение имущества матери заключенного, а именно денежных средств в сумме 2 000 000 рублей, которые К. планировал обратить в свою пользу путем обмана матери заключенного, введя её в заблуждение о факте передаче указанных денежных средств в качестве взяток взяткополучателям (прокурору, судье). В продолжение исполнения своего преступного умысла на посредничество во взяточничестве, а также в покушении на мошенничество, путем обмана, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий и желая этого, во исполнение ранее достигнутой договоренности, лично получил от матери заключенного денежные средства в размере 2 300 000 рублей, для последующей непосредственной передачи 300 000 рублей из них, начальнику оперативного отдела ФКУ ИК-5. Однако после получения от матери заключенного указанных денежных средств адвокат был задержан на месте сотрудниками ОСБ УФСИН России по Владимирской области, в связи с чем, распорядиться похищенными денежными средствами в сумме 2 000 000 рублей по своему усмотрению К. не смог по независящим от него обстоятельствам.

- Приговор Тушинского суда Москвы от 07.12.2022г. по уголовному делу № 01-0434/2022 в отношении адвоката М. за аферу на 20 миллионов рублей по ч.4 ст. 159 УК РФ. По версии следствия, «в 2020 году адвокат пообещал москвичке решить вопрос с делом за взятку в 20 миллионов рублей. Она передала ему деньги» [14].

В данном случае, деяние квалифицировано не по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ и ст. 291.1 так как, адвокат М.

пообещав уладить в суде вопрос с делом, своих обязательств по защите клиентки не выполнил, а полученные от клиентки денежные средства присвоил себе.

Далее хотелось бы проиллюстрировать аналогичные мошеннические действия адвокатов судебной практикой последних трех лет, а именно 2021 - 2023гг.:

- Приговор Адлерского районного суда г. Сочи от 13.06.2023 года по уголовному делу № 1-445-2023 в отношении адвоката Б. по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ. Из материалов дела следует, что «в 2022 году к ней обратился клиент и попросил выступить в суде представителем его партнера - ответчика по иску администрации Сочи в споре о сносе самовольной постройки. Адвокат - Б. согласилась, попросив передать ей 2,5 млн руб. якобы для сотрудников администрации. Адвокат сообщила клиенту, что должностные лица могут поспособствовать в принятии нужного решения и не подавать жалобы на вынесенный судебный акт. В действительности деньги она собиралась оставить себе» [15].

- Приговор Октябрьского районного суд г. Екатеринбурга от 22.01.2021г. по уголовному делу № 1-7/2021 в отношении адвоката - Д. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных чч.2, 3, 4 ст. 159 УК РФ. Из материалов дела следует, что «адвокат в период с апреля 2013 года по март 2015 года сообщал своим клиентам недостоверную информацию о наличии связей в администрации г. Екатеринбурга и возможности предоставить для приобретения жилые помещения муниципального жилищного фонда по договору социального найма и земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности, а также о возможности последующей приватизации полученной недвижимости. При этом, Д. осознавал, что реальная возможность способствовать получению и приобретению жилых помещений муниципального жилищного фонда и земельных участков у него отсутствует» [16].

- Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 16.11.2022г. по уголовному делу № 1-297/2022 в отношении бывшего адвоката С. по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Из материалов дела следует, что «несмотря на то, что он был лишен статуса адвоката, С. продолжал рекламировать себя в интернете и брал деньги за «решение вопросов» по уголовным делам - а потом исчезал» [17].

Так, разрешая проблему, проявления конкуренция норм, закрепленных в ст. 159 УК РФ и ст. 291.1 (Посредничество во взяточничестве) УК РФ, Верховный суд в пункте 13.5 Постановления Пленума ВС РФ от 09 июля 2013 г. № 24 указал, что «в случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, коммерческом подкупе, заведомо не намеревалось передавать ценности должностному лицу, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным частью 5 статьи 291.1 либо частью 4 статьи 204.1 УК РФ» [8].

Таким образом, по итогам анализа судебной практики по уголовным делам о мошенничестве адвокатов в сфере оказания юридических услуг, можно сделать вывод, что вопрос надлежащей квалификации действий адвокатов и избощения в первую очередь находится в руках судебных органов. Такой позиции придерживается и Конституционный суд Российской Федерации, который в своем постановлении от 17.12.2015 года № 33-П, отметил, что «право клиента на доверительный характер отношений со своим защитником «не является абсолютным». При наличии обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката органы власти могут вмешаться в отношения между защитником и его доверителем, указал суд. Это допустимо «при необходимости защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, безопасности государства» [7].

Данная позиция изложенная Конституционным Судом РФ в 2015 году, к сожалению, так и не пролила свет на термины «злоупотреблении правом» и «злоупотреблении правом со стороны адвоката».

Подводя итог оценке мошенничества адвокатов при осуществлении адвокатской деятельности, делается вывод, что в настоящее время необходимость дальнейшего исследования мошеннических посягательств адвокатов определяется их особым местом среди преступлений против собственности.

К сожалению, всё чаще на практике встречаются адвокаты-мошенники, главная цель которых - это личное обогащение, а не выполнение своего профессионального долга по защите интересов своего доверителя. Необходимо отметить, что адвокаты-мошенники стали настоящей проблемой современного общества.

В связи с чем, хотелось бы подчеркнуть, что адвокат, принимая поручение на защиту, в том числе в порядке статьи 51 УПК РФ, не может руководствоваться соображениями собственной выгоды.

Проанализированные в данной статье материалы судебной практики по уголовным делам касающимся привлечения адвокатов к уголовной ответственности за мошенничество, ещё раз подчеркивают, что совершенные адвокатом преступные действия предусмотренные статьей 159 УК РФ не могут быть признаны ни честными, ни достойными, а только лишь порождают недоверие к нему как к адвокату, подрывают доверие к адвокатуре в целом и авторитет адвокатуры как института гражданского общества, призванного отстаивать и защищать права и законные интересы физических и юридических.

Совершая мошенничество, адвокат наносит ущерб основополагающим профессиональным ценностям.

Список литературы:

1. Калачева Т.Л., Махарадзе Н.С., Шереметьева А.К. «Мошенничество в сфере оказания юридических услуг: проблемы и пути решения» // Право и государство: теория и практика. 2023. №5. С. 241-243.
2. Квалификация преступлений против собственности. Часть 1: учебное пособие/ Е.В. Герасимова, И.А. Петрова, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – Вологда, 2022 – 143 с.
3. Маресина Мария Алексеевна. «К вопросу об уголовной ответственности адвоката за совершение преступлений, связанных с взяткой» // International journal of professional science. 2021. №8. С. 5-11.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
5. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От 14.02.2024) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001
6. «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // «Российская газета», № 222, 05.10.2005.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // «Собрание законодательства РФ», 28.12.2015, № 52 (часть I), ст. 7682.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // «Российская газета», № 154, 17.07.2013
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // «Российская газета», № 280, 11.12.2017.

10. Приговор Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 28.06.2021. Дело № 1-27/2021 // Документ опубликован не был.

11. Приговор Правобережного районного суда Магнитогорска от 17.04.2023 года по уголовному делу № 1-65/2023 // Документ опубликован не был.

12. Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 06.07.2022 года по уголовному делу № 1-4/2022 // Документ опубликован не был.

13. Приговор Октябрьского районного суда города Владимир от 23.06.2023г. по уголовному делу № 1-19/2023 // Документ опубликован не был.

14. Приговор Тушинского суда Москвы от 07.12.2022г. по уголовному делу № 01-0434/2022 // Документ опубликован не был.

15. Приговор Адлерского районного суда Сочи от 13.06.2023 года по уголовному делу № 1-445/2023 // Документ опубликован не был.

16. Приговор Октябрьского районного суд г. Екатеринбурга от 22.01.2021г. по уголовному делу № 1-7/2021 // Документ опубликован не был.

17. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 16.11.2022г. по уголовному делу № 1-297/2022 // Документ опубликован не был.

18. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. Официальный сайт. URL: <https://arh.sledcom.ru/news/item/664691/>

УДК 343.3/.7

Буртаева Екатерина Сергеевна
Вазирова Раисат Магомедсаидовна
Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов
katya.burtaeva03@mail.ru
raisat14.vazirova@gmail.com
Burtaeva Ekaterina
Vazirova Raisat
Saratov State Law Academy
Institute of Justice and Advocacy
Russia, Saratov

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 230.1 И 230.2 УК РФ**

Аннотация: в настоящей работе рассматриваются наиболее актуальные проблемы правового регулирования преступлений, связанных с субстанциями и методами, запрещенными для применения в спорте. Авторами анализируются положения Уголовного кодекса и выделяются его недостатки. Также предлагаются возможные изменения действующего законодательства для устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: спорт, допинг, уголовная ответственность, субъект преступления, запрещенные субстанции и методы.

**PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE ELEMENTS OF CRIME
PROVIDED FOR IN ARTICLES 230.1 AND 230.2 OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: this work examines the most pressing problems of legal regulation of crimes related to substances and methods prohibited for use in sports. The authors analyze the provisions of the Criminal Code and highlight its shortcomings. Possible changes to current legislation are also proposed to eliminate the identified problems.

Key words: sport, doping, criminal liability, subject of crime, prohibited substances and methods.

С каждым годом всё большее количество людей стремятся заниматься спортом и участвовать в различных соревнованиях, поэтому придумываются различные методы улучшения спортивных результатов, и не всегда эти методы являются честными по отношению к другим спортсменам. Помимо повышения эффективности тренировок, улучшения питания, совершенствования техники, также активно развивается и фармакология, создаются новые вещества, которые помогают спортсменам быстрее восстанавливаться после тренировок и быть более выносливыми. Из-за таких изменений и появились антидопинговые организации, которые следят за тем, чтобы в соревнованиях участвовали «чистые» спортсмены.

История борьбы с допингом отражает совершенствование мер для пресечения использования веществ с целью улучшения спортивных результатов. Россия также не стала исключением и после допингового скандала с её участием, в действующем законодательстве появилась уголовная ответственность за нарушение антидопинговых правил. Федеральным законом от 22.11.2016 № 392-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) были введены статьи 230.1 и 230.2, которые предусматривают ответственность за склонение спортсмена к употреблению субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте и использование в отношении спортсмена таких средств [1].

При определении объекта преступления по статьям 230.1 и 230.2 УК РФ, можно увидеть, что в науке существуют различные точки зрения. Так, одни

авторы в качестве объекта выделяют общественные отношения, направленные на обеспечение честной конкуренции между спортсменами, другие общественные отношения, связанные с охраной здоровья лиц, участвующих в соревнованиях [2], а кто-то определяет в качестве объекта общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения в спорте [3]. Причиной расхождения может являться то, что применение таких субстанций влияет на организм спортсмена, улучшая его спортивные результаты, что сказывается на итоговых результатах соревнований и нарушает принцип честной конкуренции. В качестве объекта стоит рассматривать «два равноправных типа общественных отношений: общественные отношения, обеспечивающие беспристрастность и объективность подготовки, организации и проведения спортивных соревнований и общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья спортсмена» [4, с. 72-73].

Определяя предмет преступления, можно увидеть, что в российском законодательстве, в отличие от международного, нет такого понятия как «допинг», вместо этого используется формулировка «субстанции и методы, запрещенные для использования в спорте», это объясняется тем, что предмет этих преступлений уже, нежели в спортивном праве. Перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, утверждается Постановлением Правительства РФ от 28.03.2017 N 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». «Следует обратить внимание на то, что само ключевое понятие субстанция не раскрывается ни в одном международном документе, что позволяет наполнять это понятие разным содержанием» [5, с. 101].

Рассматривая потерпевшего, могут возникнуть вопросы относительно того, кого можно считать спортсменом. В уголовном законодательстве нет определения «спортсмен», и анализируя нормативные акты, можно увидеть, что

данный термин толкуется по-разному. В ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» в ст.2 под спортсменом понимается «физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях» [6]. В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) в ст. 348.1 спортсмен - это «работник, трудовая функция которого состоит в подготовке к спортивным соревнованиям и участие в спортивных соревнованиях по определённым виду или видам спорта» [7]. Сравнивая определения можно выделить общие признаки спортсменов, а именно: занятие спортом и участие в спортивных соревнованиях. Но возникает проблема того, какие виды спорта будут попадать под действие данных статей. В России существует перечень официально признанных видов спорта, но, тем не менее, в настоящее время проводятся и иные соревнования, которые не включены в данный реестр. Из-за такого подхода и отсутствия судебной практики непонятно, будет спортсмен потерпевшим или нет. В связи с этим в уголовное законодательство следует ввести термин «спортсмен».

Говоря об объективной стороне, можно увидеть, что ст. 230.1 УК РФ подразумевает действие в виде склонения к использованию субстанций и методов, запрещённых в спорте. «Под склонением понимаются любые действия, направленные на возбуждение у спортсмена желания использовать запрещённые средства» [4, с. 74]. В примечании указано, что склонение может быть в виде обмана, уговора, совета, указания, предоставления информации о запрещённых средствах. Под последним способом следует понимать действия, которые помогают спортсмену узнать информацию о том, где и как можно приобрести субстанции, а также как ими воспользоваться. Не будет являться уголовно наказуемым проведение различного рода лекций, семинаров и курсов, на которых будет рассказываться о влиянии таких средств на организм человека.

Состав преступления по ч.1 и ч.2 ст. 230.1 УК РФ является формальным, так как не требуется наступления каких-либо последствий, и преступление будет

оконченным с момента склонения спортсмена к использованию запрещенных субстанций и методов. Для вменения ч.3 необходимо наступление смерти или иных тяжких последствий, что подразумевает материальный состав преступления.

Статья ст.230.2 УК РФ устанавливает ответственность за непосредственное использование в отношении спортсмена запрещенных средств, то есть «ввода субстанции в организм спортсмена или же применения запрещённого метода вне зависимости от улучшения или отсутствия улучшения его характеристик при участии в спортивных соревнованиях.» [4, с. 75]. Не является уголовно наказуемым применение таких средств в отношении спортсмена, у которого имеется «терапевтическое исключение», то есть соответствующее разрешение на использование запрещенных субстанций. Такое разрешение выдается только после того, как спортсмен пройдет все необходимые медицинские исследования и докажет необходимость в применении этого средства.

Ч.1 ст. 230.2 УК РФ представляет собой формальный состав, и является оконченным после ввода субстанции в организм спортсмена, а ч.2 материальный, так как необходимо последствие в виде смерти или наступления иных тяжких последствий.

Субъективная сторона подразумевает, что преступления совершаются с прямым умыслом. Исключение составляют ч. 3 ст. 230.1 и ч. 2 ст. 230.2 УК РФ, где деяние совершено в виде прямого умысла, а последствия наступают по неосторожности.

Субъект преступления является специальным, и им может быть тренер или иной спортивный медицинский специалист, но что делать в тех случаях, если такое действие в отношении спортсмена осуществляется врачами общей практики, консультантами спортивного питания в магазинах или иными лицами. «Влияние на спортсмена в части применения допинга могут оказывать и другие

лица, при этом степень воздействия может быть большей» [4, с. 77]. Получается, что формально преступление совершено и в отношении спортсмена вынесены санкции за нарушение правил, но в конечном счете никто кроме самого спортсмена не пострадает, так как «виновный» не является субъектом преступления. В связи с этим стоит установить уголовную ответственность для общего субъекта [8, с. 17]. Неясным остаётся и вопрос относительно того, кого в рамках уголовного права можно назвать тренером. В ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» в п.24 ст.2 указывается, что «тренер – физическое лицо, которое имеет соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование, организует учебно-тренировочный процесс, включая проведение со спортсменами, обучающимися учебно-тренировочных мероприятий, а также руководит их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов» [6]. Но в действительности тренерскую деятельность также осуществляют и лица, не имеющие соответствующего образования. Например, люди, которые имеют какие-либо спортивные разряды и звания и организуют свои секции, проводят тренировки, выставляют своих подопечных в качестве участников соревнований. И поэтому остаётся открытым вопрос о возможности привлечения этих лиц к уголовной ответственности.

Исходя из вышесказанного, предлагается изменить ст. 230.1 и 230.2 УК РФ и установить для них общий субъект преступления, а также ввести повышенную уголовную ответственность для специальных субъектов, а именно для тренера и спортивного медицинского специалиста. Одновременно с этим стоит дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 разъяснениями по вышеназванным статьям и установить в рамках уголовного закона термин «тренер» и «спортсмен».

Список литературы:

1. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 22.11.2016 N 392-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кошаева Т. О., Ямашева Е. В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге // Журнал российского права. – 2017. – № 6 (246). – С. 97–105.

3. Гельдибаев М. Х. Уголовная ответственность за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте // Наркоконтроль. – 2020. – № 4 (61). – С. 11–15.

4. Берестова А.Н., Цветков П.В. Проблемы квалификации преступления, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 70-79.

5. Иванова Е.В., Соколова Т.П. Наркотики и допинг: понятие и регламентация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2016. – № 24 (245). – С. 98-104.

6. Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" от 04.12.2007 N 329-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Тыдыкова Н.В., Коваленко Е.Ю. О понятии «допинг» и уголовной ответственности за его применение // Юрислингвистика. – 2022. – № 24 (35). – С. 15-20.

УДК 343.131

Верещагина Марина Сергеевна
Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов
Marina.vereshagina03@mail.ru
Vereshchagina Marina
Saratov State Law Academy
Law Institute of Justice and Advocacy
Russia, Saratov

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: статья посвящена анализу проблемы реализации принципа состязательности сторон. В статье рассматриваются мнения правоведов о понимании данного принципа, а также высказывания специалистов-практиков о возможности его реализации на равных началах для стороны защиты и стороны обвинения в рамках уголовного судопроизводства. Автором статьи сделан акцент на проблему применения принципа состязательности и равноправия практической точки зрения. Предложено внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство с целью укрепления статуса адвоката.

Ключевые слова: принцип состязательности, уголовный процесс, сторона обвинения, сторона защиты, подозреваемый, обвиняемый.

THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF COMPETITION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation: the article is devoted to the analysis of the problem of implementing the principle of adversarial parties. The article examines the opinions of legal scholars on the understanding of this principle, as well as the statements of practitioners about the possibility of its implementation on an equal basis for the defense and the prosecution in criminal proceedings. The author of the article focuses on the problem of applying the principle of competition and equality from a practical point of view. It is proposed to amend the current criminal procedure legislation in order to strengthen the status of a lawyer.

Key words: the principle of competition, criminal proceedings, the prosecution, the defense, the suspect, the accused.

Согласно статье 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ назначением уголовного судопроизводства выступают защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Данные задачи не могут быть выполнены при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности без соблюдения принципов уголовного судопроизводства. По мнению В.И. Качалова: «Принципы уголовного судопроизводства являются основой, на которой базируется не только вся система уголовно-процессуального законодательства, но и уголовно-процессуальная деятельность [1, с. 31]. Они пронизывают всю систему уголовного процесса и являются одной из важнейших составляющих судопроизводства в Российской Федерации, а их содержание позволяет понять всю специфику уголовно-процессуального права. Одним из таковых выступает принцип состязательности сторон. Термин «состязательность» определяется как процессуальный принцип, при котором обе стороны наделены правом активных действий при исключительных полномочиях суда [2, с. 232].

Несмотря на наличие исследований в науке данной темы, не угасают дискуссии среди ученых по поводу реализации данного принципа в системе уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что российский уголовный процесс относится к процессу смешанного типа, при этом не исключается возможность его характеристики в качестве состязательного. Однако следует уточнить данное положение, обращаясь к мнению ученых-правоведов.

К примеру, М.С. Строгович определял понятие состязательности, как «построение судебного разбирательства, при котором обвинение отделено от суда, функции обвинения и защита осуществляются равноправными сторонами, а деятельность суда состоит в справедливом разрешении дела. При этом весь процесс выглядит как полемика сторон, защищающих свои законные интересы» [3, с. 149]. В свою очередь, И.Л. Петрухин определяет данный принцип, как «форму организации судопроизводства, для которой существуют: строгое разграничение функций обвинения, защиты и разрешения дела соответственно между прокурором, защитником обвиняемого и судом; процессуальное равноправие стороны обвинения и стороны защиты; разбирательство дела путем прения сторон перед независимым и беспристрастным судом» [4, с. 69-70].

Обращаясь к Конституции Российской Федерации, следует отметить, что в пункте 3 статьи 123 указано положение, согласно которому судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Необходимо сказать, что в данном случае возникает новый термин, а именно, «основа состязательности», под которой В.И. Даль в своем толковом словаре понимает «установление, утверждение и укрепление, а также то, что служит опорой или началом уголовного судопроизводства» [5, с. 439].

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что в юридической науке существует большое количество мнений по поводу толкования термина состязательности сторон как принципа уголовного процесса. Необходимо отметить, что обязательным элементом данного принципа является разделение

функций стороны обвинения и стороны защиты, наделенных при этом равными процессуальными возможностями для отстаивания своих прав и законных интересов в рамках уголовного процесса.

Значение принципа состязательности в уголовном судопроизводстве заключается в том, что его реализация способствует наилучшему установлению истины по делу. С данной позицией нельзя не согласиться, так как с теоретической точки зрения участие сторон в процессе приводит к активному поиску и привлечению доказательственной базы, что способствует предотвращению назначения несправедливого наказания.

Из этого следует, что собирание доказательств осуществляется стороной обвинения и стороной защиты по поводу поддержания или опровержения выдвинутого обвинения. Следует отметить, что наибольшей заинтересованностью в справедливой реализации принципа состязательности обладает сторона защиты, так как сторона обвинения в лице органов прокуратуры наделена более широким кругом полномочий по данному вопросу.

Законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предпринял множество попыток к решению данной проблемы, что, несомненно, выступает значимым действием для развития Отечественного права. К примеру, в 2017 году были внесены поправки в ст. 159 УПК РФ, согласно которым адвокату не может быть отказано в участии при производстве следственных действий, если соответствующее ходатайство было заявлено подозреваемым (обвиняемым), интересы которого представляет защитник или непосредственно самим защитником. Однако, обращаясь к некоторым положениям УПК РФ, можно заметить, что многие недочеты до сих пор не устранены.

К примеру, существует проблема реализации данного принципа при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В соответствии с положениями УПК РФ, следователь возбуждает ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с согласия руководителя

следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора, а затем направляет его в суд, который выносит соответствующее постановление. В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основания, которые говорят о необходимости заключения подозреваемого (обвиняемого) под стражу, а также аргументируют факт того, что избрание иной меры пресечения становится невозможным. К постановлению прилагаются материалы, которые подтверждают данное ходатайство. Таким образом, действия органов предварительного расследования в данном случае строго регламентированы законом. Однако возникает вопрос о том, какую же роль здесь играет сторона защиты. Некоторые процессуалисты, занимающиеся адвокатской деятельностью, убеждают, что их возможности в рамках реализации принципа состязательности сторон при рассмотрении судом вопроса об избрании меры пресечения весьма ограничены. Так, по мнению Н.В. Азаренка и А.А. Давлетова, «при таких обстоятельствах сторона защита должна быть своевременно информирована о действиях следователя для того, чтобы суметь вовремя противостоять ему и привести собственные аргументы касаясь данного вопроса, однако действующий УПК РФ не содержит в себе ни одной нормы, которая закрепляет право подозреваемого (обвиняемого) и защитника знакомиться с ходатайством о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу» [6, с. 9].

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 19.12.2013 N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» указал, что если при решении вопроса об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения в виде заключения под стражу будет заявлено ходатайство об ознакомлении с материалами, на основании которых принимается решение, судья, исходя из положений ч. 3 ст. 47 УПК РФ, не вправе отказать лицу, а также его защитнику, в удовлетворении такого

ходатайства. Так как судебное заседание является открытым, а участие защитника предполагает предоставление ему соответствующих материалов, на основании которых суд принимает решение об избрании меры пресечения, следует предположить, что органы предварительного расследования должны предоставлять данные материалы для ознакомления подозреваемого (обвиняемого) и защитника в полном объеме. Исходя из этого можно предположить, что становится реальной такая ситуация, когда органы предварительного расследования могут предоставить разный объем материалов для суда и для стороны защиты, что может быть связано с желанием поставить защитника в невыгодное положение для того, чтобы добиться избрания меры пресечения в виде заключения под стражу [7].

Следует отметить проблему собирания доказательств стороной защиты. Так, в соответствии со статьей 164 УПК РФ, законодателем определен следующий перечень лиц, которые имеют право проводить следственные действия: к таковым относятся следователь, дознаватель, орган дознания, а также должностное лицо органа, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность. Полномочия адвоката по собиранию доказательств регламентируются ч. 3 статьи 86 УПК РФ, и к таковым относятся: опрос участвующих в деле лиц при наличии их согласия; истребование справок, характеристик и иной документации; получение предметов, документов и иных сведений. В случае, если адвокат желает предоставить доказательства для приобщения их к материалам уголовного дела, ему необходимо будет заявить ходатайство, которое рассматривается следователем, при этом следователем может быть вынесено постановление об отказе в удовлетворении такого ходатайства. Следовательно, именно сторона обвинения решает, какие именно сведения будут являться доказательствами по уголовному делу, что говорит о пассивной роли адвоката на досудебном производстве. Адвокат имеет право заявить данное ходатайство и в судебном заседании, однако снова возникает

вопрос, удовлетворит ли ходатайство суд, если зачастую все решения принимаются им единолично и беспристрастно? Таким образом, в обеих ситуациях доказательства, собранные стороной защиты, не будут иметь юридической силы и являться доказательствами до момента проведения соответствующих процессуальных действий лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

Необходимо отметить, что Постановлением Конституционного суда РФ от 29.06.2004 № 13-П было указано, что «дознаватель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления» [8]. Так, Конституционным судом РФ был установлен круг субъектов, наделенных возможностью собирания доказательств, но среди упомянутых отсутствует сторона защиты, следовательно, адвокат не уполномочен собирать доказательственную базу до возбуждения уголовного дела и осуществлять следственные действия, а может лишь присутствовать при их проведении.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема состязательности в уголовном процессе на данный момент остается открытой, в связи с чем необходимо внести некоторые поправки в уголовно-процессуальное законодательство для того, чтобы обеспечить равные возможности для реализации своих процессуальных прав стороной защиты и стороной обвинения.

Список литературы:

1. Основы уголовного судопроизводства: Учебник для бакалавров // Под ред. Давыдова В.А. и Ершова В.В. М.: РГУП, 2017. 444 с.

2. Егорова А.И. Оптимизация уголовного процесса в Российской Федерации путем упрощения: проблемы и перспектив // Сб. матер. IV Междунар. науч. конф. Казань, 2016. 232-234 с.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М. // Издательство «Наука», 1968. 468 с.
4. Петрухин И.Л. Реформа уголовного правосудия в России не завершилась // Законодательство. - М., 2006, № 3. 69-77 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. // ЗАО Издательство «ЭКСМОПресс», 2002. 560 с.
6. Азаренок Н.В., Давлетов А.А. Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2016. № 15. 8-12 с.
7. Цоколова О.И., Безруков С.С. Проблемы реализации принципа состязательности при избрании мер пресечения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. №33.180 с.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «Консультант плюс».

УДК 343.2

Галстян Данил Артурович

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт публичного права и управления

Россия, Москва

galstyandaniil@mail.ru

Galstyn Danil

Kutafin Moscow State Law University

Institute of Public Law and Management

Russia, Moscow

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТИЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ КАК ОДНОГО ИЗ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: в данной работе рассматривается значение субъективной стороны преступления в уголовном праве. Автор подробно анализирует историческое развитие концепции субъективной стороны, начиная с работ Фомы Аквинского и Томаса Гоббса. В работе также исследуется соотношение субъективной стороны и вины, а также различные точки зрения на эту проблему в современной науке уголовного права. Автор приходит к выводу, что субъективная сторона преступления играет важную роль в разграничении преступного и не преступного поведения, а также в характеристике личности преступника и понимании причин совершения им преступления.

Ключевые слова: субъективная сторона, преступление, состав, элемент, вина.

ACTUAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE SUBJECTIVE SIDE AS ONE OF THE MANDATORY COMPONENTS OF THE CORPUS DELICT

Annotation: this paper examines the importance of the subjective side of the crime in criminal law. The author analyzes in detail the historical development of the concept of the subjective side, starting with the works of Thomas Aquinas and Thomas Hobbes. The paper also examines the relationship between the subjective side and guilt, as well as various points of view on this problem in modern criminal law science. The author comes to the conclusion that the subjective side of the crime plays an important role in distinguishing criminal and non-criminal behavior, as well as in characterizing the personality of the criminal and understanding the reasons for his commission of the crime.

Key words: subjective side, crime, composition, element, guilt.

В настоящее время вопросы квалификации преступлений приобретают всё новую актуальность ввиду немалого количества ошибок при производстве предварительного следствия. Основная причина таких ошибок состоит не только в высокой степени загруженности правоохранительной системы России, но и постоянно меняющегося законодательного элемента. Кроме этого, составляют некоторые трудности и вопросы чёткого определения элементов состава преступления. И если с объективной стороной ещё как – то удаётся разобраться в силу наработанной практики, с субъективной стороной порой возникают реальные проблемы.

Все вышеназванные элементы, как и их составные части, разработаны ещё много лет назад учёными – теоретиками в области уголовного права. Их разработки легли в основу построения доктрины российского уголовного права и используются по сей день без толики сомнения. Как мы с вами прекрасно знаем, субъективная сторона преступления – это, как верно пишет А. В. Наумов, характеристика внутреннего (в отличии от объективной стороны) содержания преступления, то есть вина, заключающаяся в особом психическом отношении субъекта к совершаемому им запрещённому уголовным законом деянию и его

последствию в форме умысла и неосторожности, а также мотив и цель преступления [8, с. 301].

Между тем, субъективной стороне преступления при разрешении уголовных дел стали уделять пристальное внимание не так давно. При упоминании внутренней стороны совершенного преступления у многих авторов есть схожее мнение о том, что её стали воспринимать как элемент состава преступления лишь в середине – конце XIX века. Например, русский юрист Н. Д. Сергиевский в своё время писал: «условия преступности, лежащие в действии, могут заключаться в его внутренней части, то есть в тех субъективных настроениях, которые движут поступками человека» [4, с. 57].

Однако, предпосылки развития мысли о субъективной стороне преступления появились намного раньше рубежа девятнадцатого столетия. Первые задатки рассматриваемой концепции проявляются в размышлениях Фомы Аквинского, который разработал концепцию «свободной воли», согласно которой человек несет ответственность только за те деяния, которые он совершил сознательно и добровольно.

В Новое Время Томас Гоббс, английский философ и общественный деятель XVII века внёс существенный вклад в развитие теории субъективной стороны, считая, что для привлечения к уголовной ответственности необходимо наличие умысла или неосторожности. Гоббс также считал, что неосторожность может быть основанием для уголовной ответственности, если она является грубой или неоправданной. Гоббс полагал, что ответственность за преступления, совершенные по неосторожности, должна быть меньше, чем за преступления, совершенные с умыслом [9]. Можно с уверенностью сказать, что Т. Гоббс первым выдвинул концепцию деления неосторожной формы вины на грубую и обычную неосторожность (в современном понимании – легкомыслие и небрежность).

Хочется также вспомнить изречение известного криминолога и специалиста в области уголовного права Франца фон Листа, который стал одним из основоположников создания международной полиции – Интерпола. В своё время он был одним из тех, кто высказался о субъективном отношении к деянию, подчеркнув важность учёта мотивов и целей преступника. Он здраво утверждал, что внутренние, психические особенности преступника являются существенным элементом при определении его вины, так как именно они являются детерминантой активных действий, приведших к преступному акту [10, с. 46].

После судебной реформы и введения в России в 1864 году суда присяжных появился ряд сложных вопросов о современном понимании вины. Так как присяжные заседатели были склонны давать нравственную оценку деянию и самому подсудимому, появилось много интересных для анализа судебных процессов, где вина подсудимого полностью или почти полностью подтверждалась доказательственной базой, при этом стороной защиты были представлены такие доводы, которые вполне оправдывали его поступок.

Ярким историческим примером является дело Веры Засулич, где все улики указывали против неё, но благодаря великолепной речи адвоката П. А. Александрова и особой позиции председательствующего легендарного А. Ф. Кони присяжные полностью оправдали террористку, покусившуюся на жизнь градоначальника Трепова. Несмотря на этот казус, то время породило множество гениальных адвокатов и юристов, которые впоследствии развили идеи о преступлении и наказании. Таковым был Фёдор Плевако, известный русский адвокат времён Царской России.

В сборнике избранных судебных речей великого русского юриста можно встретить много отсылок к философской составляющей виновности или невиновности подсудимых. Одно из высказываний, произнесенных во время процесса над лицом, совершившим убийство, Плевако пытался убедить присяжных заседателей в невиновности клиента ввиду того, что все

обстоятельства преступления были спланированы третьими лицами, заинтересованными в совершении преступления, а лицо, которое фактически не планировало, но осуществляло деяние было введено в искушение или другое неведение относительно всех объективных характеристик происходящего [5, с. 112]. Соответственно, уже в тот период времени люди активно рассуждали о формах вины, возможности снизить ответственность за непредумышленные преступления.

Необходимо отметить, что западная модель определения субъективной стороны почти полностью идентична нашей. К примеру, в США субъективная стороны преступления обозначена как «*mental state*» (психическое состояние) или «*mens rea*» (виновность разума). *Mens rea* относится к психическим элементам намерения обвиняемого в совершении преступления. Это необходимый элемент, то есть преступное деяние должно быть добровольным или целенаправленным. Вина может быть возложена на человека, который действует «намеренно», «сознательно», «безрассудно» или «небрежно». Это вполне коррелирует с отечественной доктриной о вине в уголовном праве: существует умышленная вина, косвенная вина, неосторожность в виде легкомыслия и небрежности.

Российский уголовный закон базируется на презумпции невиновности, который гарантирован Конституцией и впоследствии развивает другое принципиальное положение – обязательность наличия вины в деянии лица для привлечения его к ответственности. Презюмирование невиновности предполагает отсутствие юридического признания вины за человеком, чья виновность не доказана в нормативно установленном порядке и вступившим в силу решением суда [1]. Вместе с тем, уголовное право также содержит такое понятие как «объективное вменение» и неправомерность его применения. Это означает, что вина подозреваемого не может базироваться только лишь на объективных признаках, но и должна в обязательном порядке учитывать

субъективные (внутренние) аспекты преступления [2]. Это вполне соответствует духу справедливости уголовного закона.

Как пишет известный советский и российский правовед Л. В. Иногамова – Хегай, внутренняя (психическая) деятельности человека не может априори поддаваться оценке, поэтому её установление напрямую будет зависеть от анализа объективных признаков общественно опасного деяния [7, с. 92]. Соответственно, в силу невозможности считать мысли предполагаемого преступника, эксперты обращают внимание в первую очередь на объективную сторону общественно опасного деяния с привязкой к конкретному актору.

При этом многие вопросы определения внутренней стороны преступного деяния остаются и по сей день спорными. Постановление Пленума Верховного Суда № 16, регламентирующего спорные вопросы судебного толкования дел о половой неприкосновенности личности, говорит о том, что по преступлениям против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних следует привлекать к ответственности лишь тех лиц, которые знали или допускали, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи УК РФ [3]. При этом не до конца ясно, как именно следует определить фактический умысел, имея лишь голословные заявления обвиняемого.

В науке уголовного права продолжается дискуссия о взаимосвязи вины и субъективной стороны преступления, а также о границах этого элемента преступления. Некоторые исследователи отождествляют субъективную сторону с виной, считая мотив и цель преступления составными частями умысла. Вина, по мнению первой группы, является тождественной субъективной стороне, поскольку интеллектуально-волевая деятельность человека неразрывно связана с мотивационной и эмоциональной деятельностью.

Другие ученые считают, что вина не определяет субъективную сторону, а скорее составляет ее основу. Вместе с виной, субъективная сторона

преступления включает мотив и цель, которые представляют различные формы психической активности человека. Поэтому вину обычно считают необходимым или основным элементом, в то время как мотив и цель рассматриваются как факультативные признаки состава преступления, описывающие субъективную сторону преступления.

Однако, психическая активность человека не может быть ограничена только лишь одной или некоторым ограниченным количеством эмоций, например только аффектом, которому придают важное значение в УК РФ, как обстоятельству, смягчающему ответственность. Эмоции человека – это целый спектр негативных и позитивных внутренних процессов, могущих в той или иной степени влиять на активные действия. В этой связи многие научные исследователи расширяют содержание субъективной стороны преступления, дополняя сознательно - волевые характеристики эмоциональной составляющей. Например, об этом неоднократно упоминал в своё время П. С. Дагель.

Этой проблеме также уделил немного внимания известный российский профессор А. И. Рарог, который вполне разумно соотносил эмоции преступника с социальным признаком личности, а не юридическим аспектом субъективной стороны преступления [6, с. 57]. При этом автор оговаривается о том, что состояние эмоций человека порой указывается в уголовном законе как обстоятельство, исключающее преступность деяния: сильный испуг во время нападения, приведший к применению экстренных мер необходимой обороны. Поэтому эмоции безусловно играют важное значение для построения уголовно – правовой материи, но они не учитываются как часть субъективной стороны преступления по причине отсутствия универсальности применения в каждой конкретной ситуации.

Таким образом, постигнуть суть субъективной стороны преступления будет возможно лишь с развитием современных технологий, позволяющих считывать процессы головного мозга индивида. Ещё несколько десятилетий

назад это прозвучало бы как фантастика, но теперь мы видим, что границы бытия ограничены лишь установленными нами рамками. Кто знает, может быть в обозримом будущем мы наконец сможем ответить на многие вопросы, возникающие при установлении вины и побуждающих аспектов преступлений. Но а пока стоит отметить всю важность определения психических установок подозреваемых в совершении асоциальных поступков, так как только при правильном анализе можно будет добиться социальной справедливости и привлекать к ответственности только тех, кто этого заслуживает.

Мотивы, намерения и переживания лица, а также его отношение к уже совершенному преступлению, играют важную роль при характеристике личности преступника и понимании причин совершения им преступления. Они учитываются при назначении наказания или применении других мер уголовно-правового характера. Субъективная сторона преступления рассматривается только в отношении общественно опасных деяний. Уголовная ответственность не возлагается только за опасные мысли, настроения и намерения, если они не приводят к реализации общественно опасных действий или бездействий.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М.: Проспект. 2023. 64 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 10.06.23). М.: Эксмо – Пресс. 2023. 320 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Консультант Плюс. 2024.

4. Бавсун М. В., Марцев А. И. Развитие субъективной стороны преступления в уголовно-правовой доктрине // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. №1 (48). С. 56 – 59.

5. Плевако Ф. Н. Судебные речи. Судебные речи известных русских юристов. Сборник. Изд. 2-е перер. и доп. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1957.

6. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. Монография. М.: Проспект. 2021. 239 с.

7. Иногамова - Хегай Л. В., Кибальник А. Г., Клёнова Т. В. и др. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М: Проспект. 2019. 248 с.

8. Наумов С. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 6-е издание. М.: Проспект. 2019. 833 с.

9. Солоницын П. С. Учение Томаса Гоббса о преступлении и наказании // Вестник Самарского юридического института. 2023. №1 (52). С. 80 – 85.

10. Ширяев А. Ю. Социально - этическое и предметное содержание вины в уголовном праве // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2011. № 4. С. 45 – 51.

УДК 343

Заозёрова Анастасия Михайловна

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

zaozyorovanastya@yandex.ru

Zaozyorova Anastasia

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в настоящей статье автором рассмотрены этапы становления и развития института следствия в дореволюционной России, Советском союзе и Российской Федерации, описано состояние современного института следствия – Следственного комитета – и определены основные направления его развития на основании различных моделей.

Ключевые слова: институт следствия, Следственный комитет, уголовные дела, судопроизводство, прокуратура.

THE RUSSIAN INVESTIGATIVE COMMITTEE: HISTORY OF FORMATION, CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Annotation: in this article the author considers the stages of formation and development of the institution of investigation in pre-revolutionary Russia, the Soviet Union and the modern Russian Federation, describes the state of the modern institution of investigation - the Investigative Committee - and identifies the main directions of its development on the basis of various models.

Key words: institution of investigation, Investigative Committee, criminal cases, legal proceedings, prosecutor's office.

В соответствии со ст. 2, 45 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется [6]. В связи с этим в Российской Федерации была создана система правоохранительных органов, у каждого из которых свое направление деятельности, но главной их целью является обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Функция предварительного следствия долгое время была одной из функций прокуратуры. Однако опыт показал, что сочетание правоохранительным органом функций надзора и следствия оказали негативное влияние на эффективность его деятельности. Появилась необходимость создания нового института в системе правоохранительных структур России, основной задачей которого было бы выполнение принадлежавших ранее прокуратуре функции предварительного следствия. Орган с такими функциями был создан в 2011 году и получил название Следственный комитет.

Объектом исследования являются общественные отношения в области организации института Следственного комитета России.

Предметом исследования являются нормативно-правовые акты, статистические данные и иные документы о деятельности Следственного комитета.

Целью исследования является изучение истории Следственного комитета, а также организация данного института и его роль в Российской Федерации в настоящее время.

§1. Институт следователей в дореволюционной России

Инициатором создания специализированного органа, в компетенцию которого входило расследование наиболее важных дел государственного значения, был Петр I.

В 1713 году в ходе Судебной реформы были учреждены специальные органы – «майорские» следственные канцелярии – прообраз ныне действующего Следственного комитета России. Данные органы были подчинены непосредственно императору указом от 9 декабря 1717 года (Наказом «майорским») [1, с. 2].

Наиболее часто «майорские» следственные канцелярии расследовали дела о взяточничестве, казнокрадстве, коррупции, которые до 1715 года были обычной практикой в Российском государстве.

В связи с тем, что данный орган подчинялся только императору, его деятельность была независима от воли чиновников и иных органов государственной власти. Таким образом, обеспечивалось беспристрастное рассмотрение дела.

В этом же году были учреждены следственная канцелярия генерал-прокуратуры Сената и Розыскная контора Высшего суда. Система данных органов реализовывала на практике различные независимые модели организации следственных аппаратов: во-первых, прокурорскую модель, во-вторых, вневедомственную, а в-третьих, судебную [11, с. 4].

В период с 1723-1860 гг. функцию предварительного следствия осуществляли неспециализированные органы, такие как Сыскной приказ, главная полицмейстерская канцелярия, нижние земские суды и другие.

Указом Александра I от 1808 года создается должность следственных приставов, подчиненных непосредственно Министерству внутренних дел. Досудебное следствие осуществлялось в формах предварительного и формального следствия. Подобная модель в начале XIX века показала свою неэффективность. Данные органы были подчинены Министерству внутренних

дел, их работа не могла быть объективной. Расследования, связанные с коррупцией и взяточничеством, в полной мере не реализовывались, так как в Министерстве внутренних дел и других государственных структурах такие виды преступления были распространены.

В ходе судебной реформы 1864 года, проведенной Александром II, действующие следственные органы были переведены в организационную структуру судов. Была образована новая судебная модель, что свидетельствовало о новом этапе в развитии института предварительного следствия [7, с. 66].

Таким образом, созданные в 1713 специализированные органы следствия, прообразы Следственного комитета России, по мере усложнения государственной структуры стали входить в состав судов, начал развиваться институт предварительного следствия.

§2. Развитие института следствия в Советском союзе

Декретом от 24 ноября 1917 года № 1 «О суде» был упразднен существовавший институт судебных следователей, и «впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично» [3]. 22 ноября 1918 года был образован единый следственный отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), 11 августа 1921 года – следственная часть при президиуме ВЧК.

Инструкцией «Об организации рабоче-крестьянской милиции», принятой в октябре 1918, к компетенции милиции и уголовного розыска было отнесено расследование дел, переданных им народным судом или следственными комиссиями. Для расследования этих дел в аппаратах уголовного розыска и ВЧК вводились должности следователей [5].

Уголовно-процессуальный кодекс 1922 г. и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятые в 1924 г., возложили расследование преступлений на народных следователей,

следователей, состоявших при ревтрибуналах, военных следователей и следователей по важнейшим делам Наркомата юстиции. Должности следователей в уголовном розыске были упразднены [10].

В 1927 году в ходе реализации административной реформы судебные следователи стали работать в органах прокуратуры. 3 сентября 1928 года ВЦИКом и СНК СССР было принято постановление «Об изменении Положения о судеустройстве РСФСР». Согласно данному Положению институт следователей перестал входить в состав судов, а стал подчиняться непосредственно прокуратуре [10].

5 ноября 1936 года было утверждено Постановление СНК СССР «О структуре Прокуратуры СССР», согласно которому в Прокуратуре СССР создавался следственный отдел. В связи с тем, что в органах прокуратуры имелся большой объем расследуемых дел, в пришедшем на смену Министерству внутренних дел Министерстве охраны общественного порядка вновь создается следственное подразделение, в которое переводят часть следователей прокуратуры. Таким образом, функционировавший с 1864 года в различных формах институт судебного следователя прекратил свое существование [9, с. 73].

В 1956–1964 гг. была проведена судебная реформа, в ходе которой было упразднено Министерство внутренних дел. Во вновь созданном ведомстве, получившем название Министерство охраны общественного порядка следственного подразделения не было. Следственный аппарат милиции вновь был ликвидирован. В результате вся нагрузка по предварительному расследованию преступлений легла на следователей прокуратуры, в производстве которых скопилось большое количество уголовных дел.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. в Министерстве охраны общественного создается следственное подразделение. Следственный аппарат в органах прокуратуры сохранился, и в его компетенцию

входили уголовные дела о наиболее тяжких преступлениях, а также о преступлениях, совершенных сотрудниками правоохранительных органов.

Следовательно, после революции 1917 года произошла реорганизация института следователей: теперь сформировался единый орган – ВЧК – который осуществлял функцию следствия. С 1956 года и вплоть до 2011 года следователи осуществляли свою деятельность в том числе в составе прокуратуры.

§3. Создание и развитие Следственного комитета в России

Образование Следственного комитета было обусловлено тем, что в период экономической нестабильности в 1990-х годах при низкой раскрываемости преступлений ежегодно отмечался устойчивый рост тяжких и особо тяжких преступлений. Сроки расследования таких уголовных дел затягивались, что влекло нарушение права граждан на правосудие.

В 1993 г. проект закона «О Следственном комитете Российской Федерации» был внесен на рассмотрение Верховного Совета России и принят в первом чтении. Однако роспуск Верховного Совета помешал принятию закона. На протяжении последующих 14 лет неоднократные попытки реформирования следственных органов были безуспешны в связи с нестабильной политической ситуацией в стране.

Одним из итогов судебной реформы, Концепция которой была принята Верховным Советом РСФСР в октябре 1991 года, стало создание в 2007 году Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации.

В 2011 году в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. №403-ФЗ в системе государственных органов была образована независимая следственная структура – Следственный комитет Российской Федерации, подчиненный Президенту Российской Федерации. [1, с. 4].

Таким образом, по истечении трех веков после создания майорских канцелярий – первых органов следствия – был создан независимый институт следствия – Следственный комитет России.

§4. Современное состояние Следственного комитета России

Согласно ч. 1. Положения о Следственном комитете Российской Федерации Следственный комитет Российской Федерации является федеральным государственным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства [12].

Данное утверждение означает, что Следственный комитет образует систему органов, основной функцией которого является расследование наиболее тяжких преступлений, осуществление уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 12 Федерального закона «О Следственном комитете РФ» (далее – ФЗ) система Следственного комитета включает в себя:

- 1) центральный аппарат Следственного комитета;
- 2) главные следственные управления и следственные управления Следственного комитета по субъектам Российской Федерации и следственные отделы Следственного комитета;
- 3) следственные отделы и следственные отделения Следственного комитета по районам, городам и приравненные к ним
- 4) криминалистические подразделения Следственного комитета [15].

На данный момент Следственный комитет наделен широкими полномочиями в сфере уголовного судопроизводства. Согласно п. 4 ст. 1; ст.3, ст. 10 ФЗ «О Следственном комитете РФ» основными направлениями деятельности Следственного комитета России является совершенствование нормативно-правового регулирования, обеспечение в пределах своей компетенции международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а также выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, принятие мер по их устранению [15].

Одной из главных задач Следственного комитета Российской Федерации является, в частности, информирование федеральных органов государственной

власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также население о результатах следственной деятельности [12].

Благодаря законодательной инициативе ведомства, в уголовном судопроизводстве значительно увеличен объем прав потерпевших, в первую очередь, детей, а вопросам возмещения ущерба уделяется особое внимание.

По инициативе Следственного комитета принят Федеральный закон № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». С принятием этого закона, в частности, удалось добиться отмены условного осуждения лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет [13].

Принят ФЗ № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», в нем предусмотрены дополнительные меры защиты прав несовершеннолетних потерпевших. Новые нормы закона установили единый возраст (до 16 лет), когда участие педагога или психолога в допросе подростка является обязательным [14].

В сфере возмещения ущерба достигнуты значительные результаты: потерпевшим от преступлений и государству за период с 2011 по 2020 года возмещено почти 373,5 млрд. рублей, а стоимость имущества, на которое наложен арест, превысила 267 млрд. рублей [1, с. 4].

За прошедшие несколько лет в Следственном комитете были проведены структурные преобразования, в результате которых реорганизована штатная структура с увеличением численности следователей и криминалистов. В 2020 году были созданы специализированные отделы по расследованию

киберпреступлений, преступлений, связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории, нарушениями санитарно-эпидемиологических правил, прав участников долевого строительства.

После образования Криминалистического и Судебно-экспертного центров значительно повысилось качество следствия, сократились сроки его проведения. В Научно-исследовательском институте криминалистики активно ведется разработка и внедрение в следственную практику новых технологий обнаружения следов преступников, в том числе совершающих преступления. Так, в результате внедрения в практику цифровых технологий и применения ДНК-исследований с 2007 по 2020 года раскрыто уже 85 тыс. преступлений, совершенных в прошлые годы, из которых более 8,5 тыс. убийств, 4,5 тыс. причинений тяжкого вреда здоровью, повлекших смерть потерпевших [16, с. 3].

Таким образом, современное состояние Следственного комитета России характеризуется увеличением его полномочий в сфере уголовного судопроизводства, расширением международного сотрудничества, увеличением кадрового аппарата за счет появления специалистов в области криминологии, информационных технологий. Значительна роль данного института как субъекта законодательной инициативы: по его инициативе было создано большое количество законов, произошло увеличение прав детей.

§5. Перспективы развития Следственного комитета России

В контексте организации и дальнейшем реформировании выделяется несколько моделей развития Следственного комитета России.

1. Следственный комитет – федеральный государственный орган, не входящий ни в одну из ветвей власти в системе разделения властей. По этой модели Следственный комитет является единым (и единственным) следственным органом, не входит ни в систему какой-либо из ветвей государственной власти, ни в структуру другого органа и представляет собой продолжение президентской власти [9, с. 7].

2. «Министерство предварительного следствия». В данном случае Следственный комитет является единым (и единственным) следственным органом, входит в систему органов исполнительной власти и представлен федеральным министерством или федеральной службой [4, с. 18].

3. Следственный комитет – единый и самостоятельный аппарат по осуществлению предварительного следствия и является правовой структурой. Формирование руководящих органов Следственного комитета должно обеспечиваться судебским сообществом по специально разработанной и установленной законом процедуре [2, с. 3].

4. Следственный комитет с наличием резервной системы следствия. В приведенной модели помимо Следственного комитета, который является единственным главным органом, существует орган, осуществляющий расследование уголовных дел, возбужденных в отношении сотрудников Следственного комитета.

Второй вариант – это возвращение к институту судебных следователей, функцией которого является осуществление предварительного следствия. В данном случае этими функциями мог бы быть наделён специальный департамент при Верховном суде Российской Федерации [9, с. 5].

5. «Судебное следствие». В основе этой модели лежит возложение на дознание функций уголовного преследования под контролем суда и надзором прокурора, а на следствие – функций предварительного разрешения дела с передачей следствия под юрисдикцию судебных органов, лишением его прокурорской опеки и расширением состязательных начал [8, с. 9].

Заключение

Обобщая сказанное, следует отметить. Существует несколько моделей развития Следственного комитета России, однако в целом общая тенденция развития данного института характеризуется повышением количества

раскрытых преступлений за счет новых исследований в области психологии, криминологии и информационных технологий.

По результатам данной работы можно сделать следующие выводы:

1. Следственный комитет является федеральным органом, осуществляющим деятельность по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений.

2. Продолжительное время институт следователей входил в систему судов. В советский период единый следственный отдел был организован при ВЧК, а позже, в 1930-х гг. институт судебных следователей был полностью ликвидирован – функция следствия стала осуществляться Министерством внутренних дел. В Российской Федерации для осуществления функций расследования наиболее тяжких преступлений был создан Следственный комитет.

3. Деятельность Следственного комитета России показала свою эффективность, в перспективе открываются возможности использования информационных технологий в расследовании преступлений.

Список литературы:

1. Бастрыкин, А. И. От реформ Петра Великого до наших дней (к 10-летию со дня образования СК России) / А. И. Бастрыкин // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2021. – № 4. – С. 17.

2. Гуляев В.П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления // Российский следователь. 2012. № 11. С. 4.

3. Декрет Совета Народных Комиссаров (О суде) // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act16001918/5312/> (дата обращения: 26.11.2023).

4. Доржиев Б., Горюнов В. Статус Следственного комитета и новые полномочия прокурора // Законность. 2011. № 11. С. 18.

5. Инструкция «Об организации рабоче-крестьянской милиции» // URL: <http://www.lawereg.ru/kenims-1291-2.html> (дата обращения: 26.11.2023).

6. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.); (с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ; от 30.12.2008 № 7-ФКЗ; от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.11.2023).

7. Кутина, Н. А. История образования и развития следственного комитета России / Н. А. Кутина // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия: Сборник статей по материалам LVII международной научно-практической конференции, Москва, 11 октября 2021 года. Том 10 (57). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Международный центр науки и образования", 2021. – С. 68.

8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // URL: <https://base.garant.ru/12181540/> (дата обращения: 25.11.2023).

9. Пантелеев, В. О. Единый следственный орган Российской Федерации: исторический обзор попыток образования и перспективы / В. О. Пантелеев // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 7. – С. 90.

10. Постановление «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#X3tCkwTZmisbyLKM> (дата обращения: 26.11.2023).

11. Салимов А. Н. История развития Следственного комитета в Российской Федерации: основные этапы и особенности / А. Н. Салимов. – Текст: непосредственный // Аллея Науки. – 2019. - №10.

12. Указ Президента РФ от 14.01.2011 N 38 "Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации"(вместе с "Положением о Следственном комитете Российской Федерации"). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=462583#Eo3NXwTuoZtK2d651> (дата обращения: 24.11.2023).

13. Федеральный закон от 29.02.2012 N 14-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних". URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=126735&dst=100001#S52PXwTapfBemBоб> (дата обращения: 24.11.2023).

14. Федеральный закон от 28.12.2013 N 432-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве". URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=156569&dst=100001#wXvPXwTAIE32y8cI> (дата обращения: 24.11.2023).

15. Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12181539/> (дата обращения: 24.11.2023).

16. Шоронов О.В. Правовое регулирование деятельности следственного комитета российской федерации / О.В. Шоронов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2016. — Т. 4, № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

УДК 343.131.4

Кудник Елизавета Алексеевна

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Институт частного права

Россия, Москва

elizavetakudnik@gmail.ru

Kudnik Elizaveta

Kutafin Moscow State Law University

Private Law Institute

Russia, Moscow

РОЛЬ АДВОКАТА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: в статье анализируется возможность оказания защитником в лице адвоката полноценной юридической помощи своему доверителю оценивается ее значение. Рассматривается проблема закрепления полномочий защитника в процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. Автор анализирует различные подходы к определению момента вступления защитника в уголовный процесс, приходит к выводу о значении адвоката на рассматриваемой стадии уголовного процесса.

Ключевые слова: защитник (адвокат), возбуждение уголовного дела, полномочия, проверка сообщения о преступлении, участник уголовного процесса.

THE ROLE OF A LAWYER AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Annotation: the article analyzes the possibility of a defender providing full-fledged legal assistance to his client and assesses its importance. The problem of securing the powers of the defender in the procedural activity at the stage of initiation of a criminal

case is considered. The author analyzes various approaches to determining the moment of the defender's entry into the criminal process, comes to the conclusion about the importance of a lawyer at the considered stage of the criminal process.

Key words: defender (lawyer), initiation of a criminal case, powers, verification of a crime report, participant in the criminal process.

Возбуждение уголовного дела является первой стадией уголовного процесса, целями которой являются выявление в деянии признаков преступления, а также решение вопроса о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении. Поскольку осуществление последующих стадий уголовного процесса возможно лишь после возбуждения уголовного дела, эта стадия существенно затрагивает права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В связи с этим законодатель в качестве гарантии реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи в ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ закрепил за лицами, которые участвуют в производстве процессуальных действий при осуществлении проверки сообщения о преступлении, право пользоваться «услугами адвоката» [1]. Однако данное положение вызывает вопросы и некоторые противоречия.

Определение понятия «адвокат» закреплено в ч.1, п.5 ч.2 ст.2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», где указано, что адвокат - независимый профессиональный советник по правовым вопросам, участвующий в уголовном судопроизводстве в качестве представителя либо защитника доверителя [2]. Кроме того, стоит обратиться к п.6 ч.3 ст. 49 УПК РФ, закрепляющей, что защитник начинает участвовать в уголовном деле с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

К моменту возбуждения уголовного дела главным вопросом для защитника является непосредственно сама возможность оказания полноценной юридической помощи доверителю. В доктрине длительное время велись научные дискуссии на эту тему. Так, например, К.А. Цигвинцева и С.Д. Игнатов отмечают, что личное присутствие адвоката при ознакомлении с вещественными доказательствами, при осмотре места происшествия, а также его участие в собирании и предоставлении информации в правоохранительные органы, которая бы опровергала причастность его доверителя к преступлению, допустимо [3, с. 6-8].

Однако Н.П. Ведищев замечает, что на этапе проверки сообщения о преступлении не может быть уголовного дела, а наличествует только информация о совершаемом или совершенном преступлении [4, с. 13-16]. Действительно, норма ст. 49 УПК содержит в себе противоречие, поскольку проверка сообщения еще не подразумевает под собой наличие уголовного дела.

В п.3 ст.6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», указаны полномочия адвоката, и некоторыми из них он может воспользоваться на рассматриваемой стадии. Так, например, адвокат вправе принимать участие в сборе сведений (которые могут так или иначе предрешить вынесение итогового процессуального решения), беспрепятственно встречаться с доверителем, привлекать специалистов на договорной основе, фиксировать информацию, содержащуюся в материалах проверки, опрашивать лиц с их согласия.

Более того, обращаясь к зарубежному уголовно-процессуальному законодательству, стоит привести в качестве примера опыт Республики Казахстан. Так, согласно п.5 ч.3 ст. 122 УПК РК [5], защитник обладает правом опрашивать лиц, которые предположительно владеют информацией, относящейся к преступлению, посредством технических средств, а ход и результаты этого опроса могут приобщаться к уголовному делу. Поэтому, на мой взгляд, сформировавшаяся на сегодняшний день тенденция цифровизации

уголовного судопроизводства не препятствует деятельности защитника в лице адвоката, а, напротив, расширяет сферу его деятельности посредством внедрения новых возможностей.

Из вышеуказанного следует, что уже на стадии возбуждения уголовного дела деятельность адвоката имеет огромное значение и, прежде всего, заключается в трактовке доказательства в пользу доверителя законным образом.

Однако не все авторы придерживаются такой позиции. Так, например, О.М. Васильева отмечает, что деятельность адвоката в лице защитника по собиранию доказательств возможна только со стадии предварительного расследования [6, с. 47]. Эта проблема не была оставлена без внимания в судебной практике, в связи с чем Конституционный Суд РФ указал, что пользоваться помощью адвоката (защитника), может любое лицо, которое вовлечено в сферу уголовного процесса, независимо от его формального процессуального статуса, в том случае, если управомоченные органы власти в отношении этого лица предпринимают меры, реально ограничивающие свободу и личную неприкосновенность (например, в случае удержания официальными властями, либо же принудительного привода) [7].

Проблема рассматриваемого института заключается еще и в том, что в силу ч.1.1. ст.144 УПК РФ, адвокат может участвовать в уголовном процессе с момента проверки сообщения, что противоречит п.2 ч.3 ст. 49 УПК РФ, указывающей на возможность участия защитника лишь с момента его возбуждения, то есть когда процессуальное решение уже вынесено. Отсюда возникает пробел в уголовно-процессуальном законодательстве, требующий урегулирования.

Более того, ни ст. 144 УПК РФ, ни иные нормы Кодекса не устанавливают конкретный перечень процессуальных полномочий защитника на стадии возбуждения уголовного дела. Из этого следует, что необходимо решить проблему закрепления полномочий защитника в процессуальной деятельности

на стадии возбуждения уголовного дела путем либо внесения изменений в ч.1 ст. 144 УПК РФ, либо введения новой статьи, которая регламентировала бы положение адвоката на этой стадии.

Поскольку возбуждение уголовного дела – начальная стадия уголовного процесса, то и ключевая функция защитника в лице адвоката на данной стадии заключается в том, чтобы сформировать позицию по имеющимся материалам. Это подразумевает под собой, в первую очередь, обязательную работу с доверителем, в рамках которой адвокат принимает решение о целесообразности подачи заявления как повода для возбуждения уголовного дела, о необходимости дачи определенных показаний, заявлении ходатайств о проведении определенных действий. То есть адвокат, проводя юридические консультации для доверителя не только действует в его интересах, но и определяет план его дальнейших действий. Так, еще до обращения в уполномоченные органы лицо, которому преступлением причинен вред, может обратиться за юридической консультацией к адвокату с просьбой о помощи в составлении заявления. Либо, напротив, лицо, совершившее преступление, может воспользоваться услугами адвоката для согласования дальнейших действий, в частности для принятия решения о совершении явки с повинной. Отсюда следует, что деятельность адвоката представляет собой некий ориентир для лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Помимо этого, руководствуясь ч.1.1 ст. 144 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что адвокат вправе присутствовать при даче объяснений лицом, которому он оказывает юридическую помощь, а также по окончании дачи объяснений делать заявления о нарушенных правах и законных интересах представляемого лица, что подлежит занесению в процессуальный документ, который отражает результаты соответствующего процессуального действия.

Подводя итог всему вышеуказанному, принимая во внимание приведенные положения законодательства, следует отметить, что защитник в лице адвоката

является полноценным участником уголовного процесса. Возможность использования услуг адвоката на этой стадии хоть и является правом, а не обязанностью лица, нуждающегося в его помощи, но тем не менее представляет собой важнейший элемент гарантий прав и защиты личности граждан. Главная задача адвоката, на мой взгляд, состоит в том, чтобы предотвратить в отношении заявителя, лиц, пострадавших от преступных деяний, очевидцев противоправного деяния незаконное и необоснованное обвинение, осуждение, а также ограничение прав и свобод личности в целях соблюдения назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ч.1 ст. 6 УПК РФ.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2022) // «Российская газета» от 22 декабря 2001 г. № 249.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 10.06.2002, № 23, ст. 2102.
3. Игнатов С.Д., Цигвинцева К.А. Участие адвоката-защитника в стадии возбуждения уголовного дела // Адвокатская практика. – 2008. – № 2. – С. 6 - 8.
4. Ведищев Н.П. Новый закон – новые проблемы у адвокатов //Адвокат. – 2013. – №9. – С. 13-16.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. – Принят 4 июля 2014 г.// Каз.правда, 10 июля 2014 г.
6. Васильева О.М. К вопросу об участии адвоката-защитника на стадии возбуждения уголовного дела // Адвокат. – 2011. – № 5. – С. 47.
7. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 30

Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 03.07.2000, N 27, ст. 2882.

УДК 343.79

Анастасия Алексеевна Лебедева

Маргарита Сергеевна Скоморохова

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Институт прокуратуры

Екатеринбург, Россия

nassstyalee@gmail.com

margsko@yandex.ru

Anastasia Levedeva

Margarita Skomorohova

Ural State Law University named after V. F. Yakovleva

Institute of Justice

Institute of Prosecutor's Office

Ekaterinburg, Russia

ТЕНДЕНЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: в работе рассматриваются основные аспекты связанные с преступлениями в сфере интеллектуальной собственности, увеличивающимися в связи с новыми экономическими условиями и развитием цифровизации общественных отношений. Авторы обращают внимание на необходимость четкого определения объекта интеллектуальной собственности в уголовном законодательстве для эффективного борьбы с преступлениями в этой сфере для поддержания правопорядка, обеспечению защиты исключительных прав граждан.

Ключевые слова: объект преступления, интеллектуальная собственность, имущественные права, плагиат, конституционные права.

TRENDS IN DETERMINING THE OBJECT OF INTELLECTUAL PROPERTY CRIMES.

Annotation: the main aspects related to crimes in the sphere of intellectual property, increasing in connection with the new economic conditions and development of digitalization of social relations are considered in the paper. The authors draw attention to the need to clearly define the object of intellectual property in criminal legislation in order to effectively combat crimes in this area in order to maintain law and order, to ensure the protection of the exclusive rights of citizens.

Key words: object of crime, intellectual property, property rights, plagiarism, constitutional rights.

В современном информационном обществе решающую роль играют отрасли, связанные с получением, распространением и обработкой информации. Однако социальная система и право как регулятор общественных отношений существенно отстают от темпов развития информационного общества. В условиях активной цифровизации и изменения традиционных отношений возникают новые виды преступлений в сфере экономики, такие как нарушения интеллектуальной собственности. Право интеллектуальной собственности играет важную роль в современном мире, поскольку оно служит основой для инноваций, творчества, экономического роста и обеспечения конституционных прав человека и гражданина. Правообладатели исключительных прав на свои произведения и идеи имеют право устанавливать и получать вознаграждение за их умственный труд. Проблемы возникают при нарушении прав граждан, когда их исключительные права присваиваются третьими лицами, выдающими себя авторами. Настоящие авторы вынуждены обращаться в суды, в том числе в уголовное судопроизводство, за защитой и восстановлением своих авторских прав, однако не всегда успешно авторы способны защитить свои права из-за

существующих пробелов и недостатков уголовно-правовых норм. В связи с этим необходимо повышать уровень защищенности исключительных прав, в том числе уголовно-правовыми средствами.

В нашем государстве с каждым годом наблюдаются тенденции в росте преступлений связанных с интеллектуальной собственностью. В 2021 году судами было рассмотрено 2433 дела по факту нарушения интеллектуальной собственности и взыскано 134 млн рублей. Для сравнения, в 2020 году было рассмотрено только 1707 дела по факту нарушения интеллектуальной собственности — это на 30% меньше, а взыскано 197 млн рублей, что на 32% больше. Таким образом остро ставится вопрос о том, почему рост правонарушений растет, но по сравнению с этим показатели привлечения к ответственности снижаются.

В Российской Федерации правовое регулирование интеллектуальной собственности является предметом исключительной компетенции государства в соответствии с Конституцией РФ. Интеллектуальная собственность представляет собой комплекс различных прав, включая авторские права, смежные права, права промышленной собственности, права на средства индивидуализации и права на нетрадиционные объекты [1, с. 61].

Одной из причин значительного роста преступности в этой сфере продолжает оставаться несовершенство законодательства, в том числе и уголовного. Содержание объекта и предмета преступных посягательств на собственность в условиях современного общества свидетельствует о необходимости кардинального пересмотра принципов борьбы с преступлениями против собственности и интеллектуальной собственности, что будет способствовать формированию практики привлечения к уголовной ответственности за данные правонарушения. Особый интерес проявляется в том, что с каждым годом становится относительно сложнее устанавливать верный объект уголовно-правовой охраны, а также надлежащим образом выделять

предмет преступного посягательства. Порой возникают споры о том защищаются ли уголовным законом такие правоотношения и в каких случаях отсутствует криминальность деяния.

Охрана интеллектуальной собственности насущная проблема в современном государстве. В ст.44 Конституции РФ закреплены гарантии свободы творчества и охраны интеллектуальной собственности законом. Ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности предусматривается как административным, так и уголовным законодательством, разграничение составов которых происходит исходя из размера причиненного ущерба.

Нам в свою очередь интересны уголовно-правовые тенденции в отношении охраны права интеллектуальной собственности. Говоря о составах, существующих в уголовном праве их 3: ст.146,147,180 УК РФ.

В отечественной литературе особое внимание к вопросам уголовно-правовой охраны собственности проводилось Фроловым Е.А. В своих трудах он акцентировал внимание на то, что объект уголовно-правовой охраны — это реальные возможности участников общественной жизни, которые соответствуют интересам общества [4, с. 534]. Общество в современных реалиях нуждается в более разработанной уголовно-правовой охране интеллектуальной собственности в связи с переходом на этап постиндустриального развития.

Непосредственно составы статей 146 и 147 Уголовного кодекса РФ являются первостепенными по охране результатов интеллектуальной собственности. Статьи 146 и 147 УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение авторских и смежных прав, а также изобретательских и патентных находятся в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» [2, с. 39]. Стоит добавить, что исключение части первой из ст.146 УК РФ также повлечет за собой коллизии в понимании ст/ 146 УК РФ, как таковой. Это связано с тем, что

название той или иной главы уголовного закона отражает содержание ее части. Глава XIX называется «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», а ч. 1 ст. 146 УК РФ как раз осуществляет охрану именно граждан — авторов, а не юридических лиц [3, с. 84]. На взгляд авторов нахождение данных составов в этой главе является спорным в связи с двойственностью сущности правоотношений: с одной стороны мы действительно рассуждаем о нарушении конституционных прав на свободу и охрану результатов интеллектуальной собственности, то есть как о имущественных и неимущественных исключительных прав на результаты деятельности создателя, либо правообладателя. Но с другой стороны данные объекты правоотношений по своей природе имеют имущественную (экономическую) стоимость. Следовательно можно говорить о том, что при совершении деяний, предусмотренных данными составами, фактически происходит хищение имущества, охраняемые в разделе VIII «Преступления в сфере экономики». Однако вопросы установления хищения в отношении данных объектов также являются неоднозначной позицией.

Фактически отношения собственности имеют место и в сфере интеллектуальных благ. Общественные отношения интеллектуальной собственности имеют общие признаки с традиционными (материальными) отношениями собственности: в интеллектуальной сфере существует присвоение и отчуждение соответствующих благ (знаний, информации и т.п.); содержание конструкций фактически включает три правомочия: владение (обладание), пользование (использование), распоряжение; исключительные права являются имущественными правами; обе конструкции носят характер абсолютных прав; информацию можно противоправно изъять или уничтожить аналогично уничтожению или противоправному изъятию материальных вещей. К такому выводу приходят не только ученые, но и практики.

При плагиате преступные деяния направлены лишь на авторство. Гражданский кодекс устанавливает, что авторство защищается и после смерти правообладателя. Таким образом, позиции некоторых ученых по определению объекта как, которые утверждают, что основным непосредственным объектом преступления являются личные неимущественные права, представляются некорректными. Подобные утверждения сомнительны в силу хотя бы того обстоятельства, что личным неимущественным правам не всегда причиняется вред при совершении данных преступлений. К примеру, при присвоении авторства в отношении произведения, истинного автора которого нет в живых, нарушение права авторства немыслимо, так как последнее отсутствует (право без носителя не существует). Тем не менее сохраняется возможность привлечения виновного к ответственности.

Некоторые деятели считают необходимым декриминализовать совершаемые деяния. Это представляется невозможным, так как когда преступник претендует на авторство в отношении чужого произведения, он, подменяя собой автора, посягает на все авторские права. Именно этим вызвана высокая общественная опасность подобных деяний и невозможность применения такой позиции в современном обществе.

Стоит также развести понятия объект преступления и объект уголовно-правового обеспечения в сфере интеллектуальной собственности не являются тождественными понятиями. Они отражают связь объекта и субъекта деятельности. Соответственно, понятие «объект преступления» отражает связь преступника и той ценности, на которую он посягает. Это то, чему причиняет вред преступник, нарушая интеллектуальные права. Объект уголовно-правовой охраны характеризует связи государства и той ценности, которую оно охраняет. Это та ценность в области интеллектуальной собственности, которую охраняет государство.

Авторам представляется верным установить понимание того, что непосредственным объектом в данных составах стоит выделять общественные отношения по защите авторства правообладателя. Только при данном подходе надлежащим образом будет осуществляться охрана интеллектуальной собственности. Таким образом, квалификация и расследования преступлений против собственности будет модернизирована и покажет большую эффективность. Данным способом будут усовершенствованы составы и смогут в полной мере выполнять основополагающие функции уголовного права по предупреждению и охране существующих правоотношений благодаря защите собственности от неправомерного завладения (плагиата) и дальнейшего нанесения ущерба правообладателю.

Список литературы:

1. Камиллов Айрат Рамазанович Интеллектуальная собственность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник ЧелГУ. 2010. №9. С. 60-62. [Режим доступа] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-sobstvennost-kak-obekt-ugolovno-pravovoy-ohrany/>
2. Козлов А.В. Проблемы толкования уголовного законодательства об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. №2. С. 39-47. [Режим доступа] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tolkovaniya-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-prestupleniya-protiv-intellektualnoy-sobstvennosti/>
3. Притулин Роман Валерьевич, Кубышко Мария Владимировна Присвоение авторства (плагиат) как основание уголовной ответственности. Часть 1 ст. 146 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №2. [Режим доступа] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisvoenie-avtorstva-plagiat-kak-osnovanie-ugolovnoy-otvetstvennosti-chast-1-st-146-uk-rf/>

4. Решетникова Гульнара Аликовна Об объекте уголовно-правовой охраны в науке уголовного права // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. №4. [Режим доступа] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obekte-ugolovno-pravovoy-ohrany-v-nauke-ugolovnogo-prava/>

5. Хамхоева А.М., Воропаев С.А. ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ХИЩЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ // Символ науки. 2023. №9-2. [Режим доступа] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otsenki-hischeniya-rezultatov-intellektualnoy-deyatelnosti/>

Махмутова Альбина Зуфаровна

Уральский государственный экономический университет

Институт государственного, муниципального управления и права

Россия, Екатеринбург

albina2003makhmutova@gmail.com

Makhmutova Albina

Ural State University of Economics

Institute of State Municipal Administration and Law

Russia, Ekaterinburg

ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА: АНАЛИЗ УГРОЗЫ И ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

Аннотация: автор настоящей статьи проводит анализ сущности и масштабов угрозы, которую представляет экологический терроризм для общества, экологической безопасности и мировой стабильности. Предлагается введение единой авторской дефиниции понятия «экологический терроризм», анализируются различные формы экологических террористических действий, а также их последствия. В заключении статьи предлагается ряд рекомендаций¹ в области противодействия экологическому терроризму, включая превентивные меры на государственном и международном уровнях с целью обеспечения эффективной защиты от угроз, исходящих от данного явления, и сохранения экологической безопасности в целом.

Ключевые слова: экологический терроризм, международная безопасность, преступление, окружающая среда, природные объекты.

PROBLEM OF ENVIRONMENTAL TERRORISM: ANALYZING THE THREAT AND MEASURES TO PREVENT IT

Annotation: the author of this article analyzes the essence and scope of the threat posed by environmental terrorism to society, environmental security and world stability. The author proposes to introduce a unified definition of the concept of «environmental terrorism», analyzes various forms of environmental terrorist actions and their consequences. The article concludes with a discussion of possible recommendations in the field of countering environmental terrorism, including preventive and reactive measures at the state and international levels in order to ensure effective protection from the threats posed by this phenomenon and to preserve environmental security.

Key words: environmental terrorism, international security, crime, environment, natural objects.

В последние десятилетия естественное право человека на безопасную окружающую среду, закрепленное в статье 42 Конституции Российской Федерации [1], стало объектом экологического терроризма (далее также – экотерроризм). Экотерроризм – это новый вид опасного поведения, угрожающий окружающей среде и общественной безопасности, поскольку насильственные действия косвенно затрагивают граждан или их имущество через призму природной среды, в которой людям в дальнейшем становится трудно и даже невозможно жить. Достаточно вспомнить, что радиоактивное заражение может сделать окружающую среду непригодной для жизни на десятки и даже сотни лет. Экологическому терроризму необходимо уделять большое внимание, как одному из видов преступления террористической направленности, представляющее реальную угрозу региональной, национальной и международной безопасности с непредсказуемыми и даже необратимыми последствиями.

На сегодняшний день не существует общепринятого единого международного определения экотерроризма, как минимум потому, что в

законодательствах многих стран и вовсе отсутствует данное понятие. Только в уголовном кодексе Франции содержится четкое определение экотерроризма – «умышленное причинение вреда окружающей среде, людям и животным». По определению Федерального бюро расследований в США (далее – ФБР) [16], экотерроризм – это форма терроризма, состоящая в незаконных действиях ряда экологических организаций по защите прав животных. В уголовных кодексах Грузии [5] и Украины [6] это явление называется «технологическим терроризмом», а в экологической доктрине Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 года № 1225-р [8], существует только понятие «терроризма, создающего опасность для окружающей среды». В рамках Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4] экологический терроризм как преступный акт не имеет самостоятельного определения, но экологические преступления все же представляется возможным квалифицировать по ст. 205 (терроризм) УК РФ, по ст. 358 (экоцид) УК РФ или даже по совокупности указанных противоправных деяний. В международном законодательстве [2] экологический терроризм упоминается лишь фрагментарно, через перечисление признаков, присущих данному преступлению: «незаконное производство, владение, приобретение, транспортировка, передача, доставка или использование, а также разработка ядерного, биологического или химического оружия и биологических или химических боеприпасов», «выброс опасных веществ в окружающую среду с намерением вызвать пожар, наводнение, взрыв, когда вследствие этого возникает угроза жизни людей».

Существует множество причин появления экологического терроризма как потенциальной формы преступности, большинство из которых носят объективный характер: промышленная и урбанистическая революция, изменения в мировой транспортно-коммуникационной инфраструктуре [9, с. 7], углубление международной экономической интеграции в виде

продовольственной зависимости, масштабные миграционные потоки, загрязнение окружающей среды, истощение водных ресурсов – все это способствует возникновению экологического терроризма.

При классификации экотерроризма важно учитывать два основных подхода к его определению, которые в своем исследовании выделяют ученые Б.Б. Бидова и Е.Э. Ганаева [10, с. 87].

Первый подход определения экотерроризма выражается в незаконных действиях экорадикалов по защите окружающей среды. Так, по данным Федерального бюро расследований США (ФБР), первая подобная акция произошла в 1977 году, когда радикально настроенные члены Greenpeace и Общества защиты морских животных перерезали рыболовные сети. Их целью было привлечь внимание общественности к проблемам окружающей среды.

С.М. Беркович называет второй подход экотерроризма «энвайротерроризмом» [15, с. 20] в тех случаях, когда окружающая среда используется в качестве оружия и инструмента манипуляции для достижения политических или идеологических целей. Примерами масштабного экологического терроризма в военных целях являются вырубка тропических дождевых лесов во время вторжения США во Вьетнам в 1961-1973 годах, поджог нефтяных месторождений Кувейта иракскими войсками в 1992 году, целенаправленные бомбардировки и ракетные удары по химическим объектам и нефтеперерабатывающим заводам в Югославии в 2000 году, где было сброшено 80 000 тонн взрывчатки, что в пять раз превышает мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму).

Таким образом, разница между двумя подходами заключается в целях деяния. Так, если действия экорадикалов выражаются в разрушении неживых механизмов живых природных объектов, то действия собственно экотеррористов направлены не на сохранение объектов живой природы, а на их уничтожение, но уже для достижения иных целей, например, политических.

В.Н. Тронева считает [13, с. 173], что превентивная (предупредительная) деятельность против экологического терроризма должна включать в себя сочетание мер, предусмотренных экологическим, уголовным и международным правом. Мы согласны с данным утверждением, и поэтому при непосредственном рассмотрении вопроса о том, как бороться с экотерроризмом и оперативно противостоять ему, необходимо начать с нормативно-правового регулирования такого явления.

Во-первых, мы считаем целесообразным включить термин «экоterrorism» в Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [7]. В связи с этим, предлагаем следующее определение: экологический терроризм – это преступление, направленное на получение геополитических, экономических и иных преимуществ и выгод, совершенное путем загрязнения или разрушения окружающей среды, негативного воздействия на жизнь, здоровье и имущество людей, создания угрозы экологической катастрофы, нарушения стабильности деятельности органов государственной власти или международных организаций. Также было бы логично ввести и меры уголовно-правового воздействия за совершение экотерроризма, поэтому предлагаем оставить санкцию, описанную в ч.3 ст.205 УК РФ, и тогда дополнительная квалификация по ст. 358 УК РФ не потребуется.

Во-вторых, следует повышать эффективность международного правосудия [12, с. 54]. Организация Объединенных Наций неоднократно заявляла, что борьба с международным терроризмом получит новый импульс, если Международный уголовный суд сможет расследовать и преследовать террористические преступления в соответствии со своим Статутом (при условии, что компетентные национальные суды не могут или не хотят этого делать). Поскольку Статут содержит категорию преступлений против человечности, включая убийства и разрушения, совершенные в ходе широкомасштабного или систематического нападения на любое гражданское население, многие

террористические акты, в том числе направленные на умышленное загрязнение окружающей среды могли бы преследоваться в соответствии со Статутом [3].

В-третьих, необходимо усилить роль ООН и других международных организаций в борьбе с экологическим терроризмом. Организация Объединенных Наций может активно предотвращать и удерживать многие группы общества от вступления на путь терроризма путем разработки конвенций, резолюций и других мер. Ключевое значение имеют меры по повышению уровня экологического образования, правовой культуры, правосознания осведомленности и подготовки.

Дополнительным решением в борьбе с экологическим терроризмом является, как считают Г.В. Курбатова, О. В. Иванова [11, с. 135], обеспечение надлежащей защиты стратегических объектов, которые могут быть захвачены террористами. Это связано с многочисленными актами экологического терроризма, совершенными на таких объектах, как подземная химическая атака в Токио в 1995 году, диверсия на химическом заводе Union Carbide в Бхопале (Индия) в декабре 1984 года и готовившийся захват самолета для атаки на Балаковскую атомную электростанцию в 2005 году. К таким объектам, в частности, относятся атомные электростанции, гидротехнические сооружения, объекты связи, аэропорты, инфраструктура железнодорожного транспорта, метрополитены, морские порты, объекты приема, использования, переработки, производства, хранения, транспортировки, уничтожения опасных веществ и т.д. В связи с этим, правоохранительные органы должны разработать новые, современные и эффективные инструменты для предотвращения и борьбы с экотерроризмом и уделить особое внимание охране вышеперечисленных объектов [14, с. 346].

Таким образом, в борьбе с экотерроризмом необходима активная, гибкая и скоординированная система действий, опирающаяся на силовые, финансовые и

идеологические контртеррористические структуры и общественные организации стран всего мира.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: Официальный интернет-портал правовой информации, 06.10.2022 (дата обращения: 23.02.2024)

2. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2017/541 от 15 марта 2017 г. о противодействии терроризму, о замене Рамочного Решения 2002/475/ПВД Совета ЕС и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/71927820/> (дата обращения: 23.02.2024)

3. Доклад Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом: (принят в г. Нью-Йорке 31 июля 2002 г. на 57-й сессии Генер. Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс] // URL: Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.02.2024)

4. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // "Собрание законодательства РФ", 17.06.96, N 25, ст. 2954

5. Уголовный кодекс Грузии// Законодательный Вестник Грузии-ЗВГ, 41(48), 13/08/1999

6. Закон Украины «О борьбе с терроризмом» от 20.03.2003 No 638-IV. [Электронный ресурс] // URL: <http://kiev1.org/zakon-ukr-638-iv.html> (дата обращения: 23.02.2024)

7. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) "О противодействии терроризму" // "Собрание законодательства РФ", 13.03.2006, N 11, ст. 1146
8. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 N 1225-Р "Об экологической доктрине Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ", 09.09.2002, N 36, ст. 3510
9. Алексанин С. С., Богословский М. М., Рыбников В. Ю., Рогалев К. К., Гудзь Ю. В., Дрыгина Л. Б., Шаповалов С. Г. Экологический терроризм – феноменология, виды, факторы, превенция // Экология человека. 2018. № 12. С. 4–11.
10. Бидова Б.Б., Ганаева Е.Э. Экологический терроризм как угроза национальной безопасности // Аграрное и земельное право. 2022. № 9(213). С. 86-88.
11. Курбатова, Г. В. Экологический терроризм как глобальная угроза человечеству / Г. В. Курбатова, О. В. Иванова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 131-138.
12. Синякин, И. И. Терроризм с использованием оружия массового уничтожения: международно-правовые вопросы противодействия / И. И. Синякин. – М.: Норма, 2012. – 192 с.
13. Тронева, В. Н. Экологический терроризм как угроза безопасности России и мирового сообщества / В. Н. Тронева // Парадигмы управления, экономики и права. – 2020. – № 1. – С. 176-182.
14. Berkowicz S. M. Eco-Terrorism/Enviro-Terrorism: Background, Prospects, Countermeasures // Alpas H., Berkowicz S. M., Ermakova I. (eds). Environmental Security and Eco-Terrorism. Heidelberg: Springer, 2011. P. 15–29
15. FBI (Federal Bureau of Investigation). The threat of eco-terrorism: testimony by James F. Jarboe before the US house resources committee, subcommittee on forests

and forest health, Washington, DC. 2002. [Электронный ресурс] // URL:
[https://web.archive.org/web/20080311231725/http://www.fbi.gov/congress/
congress02/jarboe021202.htm](https://web.archive.org/web/20080311231725/http://www.fbi.gov/congress/congress02/jarboe021202.htm) (дата обращения: 23.02.2024)

УДК 343.13

Незнамова Юлия Николаевна

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

uneznamova2@gmail.com

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Neznamova Yuliya

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

**ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК СУБЪЕКТА
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ
СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Аннотация: в статье авторами рассматривается процессуальный статус потерпевшего по действующему уголовно-процессуальному законодательству, обращается внимание на существующие несовершенства в формулировании данного статуса

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное право, потерпевший, правовой статус, прокурор, участники уголовного процесса, обвинение.

**PROBLEMS OF PARTICIPATION OF THE VICTIM AS A SUBJECT OF
CRIMINAL PROCEDURE EVIDENCE IN SEPARATE STAGES OF
CRIMINAL PROCEEDINGS**

Annotation: in the article, the authors consider the procedural status of the victim under the current criminal procedure legislation, drawing attention to the existing imperfections in the formulation of this status

Key words: criminal procedure, criminal procedural law, victim, legal status, prosecutor, participants in criminal proceedings, prosecution.

В условиях построения демократического, социального, правового российского государства актуальной для науки уголовного процесса и практики законодательства является проблема обеспечения и защиты прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве, процессуальный статус которого в условиях действующего законодательства значительно менее совершенный, чем подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) [3, с. 206].

Состязательный характер уголовного судопроизводства предполагает закрепление в законе равноправия сторон на основе условного баланса интересов стороны защиты и обвинения.

В УПК РФ перечислены участники уголовного судопроизводства, разделенные на группы в зависимости от их функционального предназначения.

К ним относятся:

1. Суд, в котором ведётся судопроизводство по уголовному делу;
2. Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения;
3. Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты;
4. Иные участники уголовного судопроизводства.

Так, потерпевший представляет собой участника уголовного судопроизводства именно со стороны обвинения. Данный участник уголовного судопроизводства должен иметь достаточный объем процессуальных прав, чтобы вместе с публичными представителями стороны обвинения добиваться привлечения виновных в совершении преступления к уголовной ответственности и возмещению вреда за совершенное преступление.

С течением времени процессуальный статус потерпевшего постоянно уточнялся законодателем с целью более полного обеспечения его прав в уголовном судопроизводстве по Уставам уголовного судопроизводства. Таким образом, потерпевший как участник уголовного судопроизводства по российскому законодательству до 1917 года при пересмотре судебного решения мог в полном объеме реализовать свои права при рассмотрении уголовного дела, возбужденного только в порядке частного обвинения. Что касается дел, возбуждаемых в публичных интересах, то, по словам В.К. Случевского, при рассмотрении таких дел принцип равноправия нарушается потому, что прокурору предоставляются законом преимущества перед другими участниками в силу того, что он является не только стороной в процессе, но и представителем закона [5, с. 63], следовательно, прокурор как представитель государства в суде должен был таким образом организовывать государственное обвинение, чтобы, защищая публичные интересы, не забывать о защите частных интересов потерпевшего.

Существующая редакция уголовного процессуального закона РФ по смыслу ст. 42 УПК РФ допускает, что правом на обжалование приговора обладает не только государственный обвинитель, но и потерпевший. В части 1 ст. 389.1 УПК РФ указано, что правом на обжалование судебного решения пользуются не только государственный обвинитель, но и потерпевший. Но, несмотря на это, мы полагаем, что потерпевший как участник уголовно-процессуальной деятельности в недостаточном объеме обладает правомочиями по оказанию влияния на орган, обеспечивающий уголовное преследование, и поэтому мало может влиять на судьбу уголовного дела в силу публичного, а не частного характера производства в уголовном судопроизводстве. Это означает, что пострадавший от преступления должен следовать общей позиции государства.

Таким образом, в силу части 3 ст. 37 УПК РФ законодатель возлагает именно на государственного обвинителя обязанности по поддержанию государственного обвинения, и в силу особенностей своего процессуального положения потерпевший не наделяется правом предопределять осуществление уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения, либо определять его пределы. Также потерпевший не может самостоятельно выдвигать и поддерживать обвинение в суде [4, с. 896].

Мнение потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства учитывается минимально и отодвигается на второй план, невзирая на явную значимость в уголовном процессе его как участника. De facto законом защищаются права двух сторон: с одной – общества и государства, с другой – обвиняемого (подозреваемого, подсудимого). В статье 19 Конституции Российской Федерации имеет место нормативное закрепление принцип всеобщего равенства перед законом и судом. Между тем, правоприменительная практика свидетельствует о наличии неравенства в правовом положении потерпевшего и обвиняемого или подсудимого (в зависимости от стадии уголовного процесса).

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Большую роль не только для уголовного процесса, но и для практики играет доскональное регулирование в уголовном законе тех вопросов, которые затрагивают потерпевшего как участника этих правоотношений.

Признание лица в уголовном процессе потерпевшим, имеет цель допуска этого лица к участию в уголовном судопроизводстве. Материальный смысл признания лица потерпевшим – это точно выявленный факт причинения вреда преступлением определенному лицу. Процессуальный смысл – наличие оснований предполагать, что лицу причинен моральный, физический,

имущественный вред. Необходимым условием, при реализации которого потерпевший может в полной мере стать участником уголовного процесса, является исполнение должностными лицами органов предварительного следствия и дознания обязанности по разъяснению процессуальных прав и обязанностей. Потерпевшему должны быть разъяснены причины его участия в уголовном процессе, а также то, что он является основным источником информации по расследованию уголовного дела.

Содержание и правовое значение ч. 1 ст. 42 УПК РФ состоит в том, что гражданин становится субъектом уголовно-процессуальных отношений с момента вынесения постановления о признании его потерпевшим, когда ему причинен моральный, физический, имущественный вред. Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление о признании потерпевшим должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Часть 1 ст. 42 УПК РФ гласит, что решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Постановление о признании потерпевшим обязано быть персонализированным (носить индивидуальный характер), то есть в отношении каждого пострадавшего должно быть вынесено отдельное постановление о признании его потерпевшим, потому что лицам могут быть причинены разные виды вреда [6, с. 103].

В уголовных делах данной категории потерпевший осуществляет добавочное (дополнительное) обвинение по отношению к государственному обвинителю, который поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. В связи с данными правовыми положениями потерпевшему крайне сложно реализовать свои права в случае отказа государственного обвинителя от обвинения и последующего прекращения уголовного дела судом.

Список литературы:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ: от 29.06.2010 № 17 (ред. От 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»
3. Баранова, Е. П. Актуальные проблемы участия потерпевшего в современном российском уголовном судопроизводстве / Е. П. Баранова, Н. С. Барей // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2023. – Т. 2. – С. 204-208.
4. Васильев, Ф. Ю. Проблемы реализации прав потерпевшим в уголовном судопроизводстве / Ф. Ю. Васильев // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2022. – Т. 32, № 5. – С. 894-899.
5. Случевский В.К. Учебник уголовного процесса. Судопроизводство. С-Пб. 1892. С.63.
6. Зыков, Д. А. Понятие правового статуса потерпевшего в уголовном процессе / Д. А. Зыков, А. В. Аристов // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 101-2. – С. 118-122.

Нисковских Ярослав Дмитриевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Екатеринбург, Россия

niskovskiharoslav872@gmail.ru

Niskovskikh Yaroslav

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Yekaterinburg, Russia

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО - ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Аннотация: вопросы защиты права собственности были одной из главных проблем права на протяжении всей истории. Параллельно с этим в обществе всегда существовал риск зарождения военных конфликтов, которые в свою очередь, также нуждались в правовом регулировании. Не менее важным вопросом в регулировании военных конфликтов являлся и является вопрос защиты права собственности от посягательств других лиц в период военного положения.

Ключевые слова: уголовное право, право собственности, мародерство, реквизиция, уголовный закон.

PROBLEMS OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS DURING MARTIAL LAW

Annotation: the protection of property rights has been one of the main problems of law throughout history. At the same time, there has always been a risk of military conflicts in society, which in turn also needed legal regulation. An equally important

issue in the regulation of military conflicts has been and is the issue of protecting property rights from encroachments by other persons during martial law.

Key words: criminal law, property law, looting, requisition, criminal statute.

Право собственности – одно из важнейших направлений защиты в уголовном праве. Преступления, посягающие на чужое имущество, являются одними из наиболее частых, и их количество неуклонно растет [9]. Современный уголовный кодекс предусматривает ответственность за хищение чужого имущества, как тайное, так и открытое. Наказуемыми также является изъятие собственности с применением насилия или путем обмана. Куда сложнее обеспечить защиту частной собственности в период военного положения или в условиях военного конфликта. Политика государства при такой обстановке направлена скорее на разрешение внешнеполитических проблем, нежели внутригосударственных вопросов. К проблемам, возникающим на фоне военных конфликтов, может относиться дестабилизация общества, которая в свою очередь, приводит к увеличению количества преступлений против общественной безопасности [6, с. 140]. Согласно исследованиям Московского университета МВД России от 2023 года. Авторы исследования отмечают, что также имеет место рост числа преступлений, связанных с противоправным изъятием оружия или взрывных устройств. Ведение боевых действий негативно сказывается на психике как гражданского населения, так и военнослужащих [8, с. 125]. Все эти факторы приводят к повышению общего уровня преступности, в том числе, преступлений против собственности. Отсюда и вытекает необходимость отдельной защиты права собственности в период военного положения, необходимость создания специальной нормы.

Такой специальной нормой в современном уголовном кодексе стало мародерство, предусматривающее ответственность за хищение чужого имущества в военное время. Универсальность этой статьи проявляется в том, что

она охватывает сразу несколько способов хищения имущества, указанных в статьях 158, 159, 161 и 162 УК РФ [1]. Некоторые ученые не рассматривают хищение путем обмана или злоупотребления доверием как способ совершения мародерства [5, с. 40], поскольку такой способ является крайне маловероятным, однако, вовсе исключать его из способов совершения деяния некорректно, поскольку сама статья указывает на возможность совершения мародерства путем обмана.

Не менее важным вопросом является разграничение гражданско-правовой реквизиции и мародерства. Реквизиция допускает возможность принудительного изъятия имущества у собственника при обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер. Мародерство в свою очередь также предусматривает изъятие имущества в условиях военного конфликта. Даже Конституционный Суд в одном из своих постановлений признавал статью 242 Гражданского Кодекса, регулиющую право реквизиции, противоречащей Конституции РФ в определенной части [2]. Тем не менее, между реквизицией и мародерством прослеживаются существенные отличия. Первым и одним из основных отличий является безвозмездность изъятия имущества. Сама статья 356.1 УК РФ прямо указывает на это, в то время, как реквизиция производится с возмещением стоимости вещи. При этом собственник вправе оспорить оценку стоимости вещи в судебном порядке. Более того, собственник может требовать возврата сохранившегося имущества после прекращения обстоятельств, послуживших основанием для проведения реквизиции. Вторым, не менее важным отличием, является субъект таких правоотношений. Реквизиция предполагает переход права собственности на имущество к государству [4, с. 19], в то время как статья 19 УК РФ указывает на то, что субъектом может выступать только физическое лицо, то есть человек. Отличие также проявляется в том, что мародерство совершается без вынужденной необходимости, то есть из корыстных побуждений [3, с. 21], в то время как реквизиция предполагает

наличие такой необходимости. Об этом может свидетельствовать возмездность самой меры и возможность истребовать имущество при прекращении обстоятельств. Можно выделить такое отличие как объект правоотношения. При реквизиции объектом выступает только имущество. Мародерство же предусматривает возможность совершения деяние в отношении умерших. В таком случае, деяние виновного можно расценить не только как мародерство, но и как надругательство над телом умершего. Некоторые ученые относят к надругательству деяния, отнесенные в соответствии с обычаями, к оскорблению памяти умершего и чувств его близких [7, с. 192]. Обстановка является обязательным признаком как для квалификации мародерства, так и для проведения реквизиции. Отличие будет заключаться в перечне обстоятельств, при которых оба деяния могут быть совершены. Статья 356.1 УК РФ устанавливает закрытый их перечень. Мародерство может совершаться только в условиях вооруженного конфликта, военного положения или ведения боевых действий, то есть по своей природе является военным преступлением. Статья 242 ГК РФ предусматривает открытый перечень оснований для проведения реквизиции. К ним относят: стихийные бедствия, аварии, эпидемии и иные чрезвычайные обстоятельства, к которым можно отнести боевые действия. Отсюда можно сделать вывод, что между мародерством и реквизицией прослеживаются существенные различия.

Исходя из всего вышесказанного, можно говорить о том, что защита права собственности в период военного положения требует наличия специальной, более строгой в вопросе наказания, нормы, которой в современном УК РФ стало мародерство. Однако, отсутствие разъяснений высших судебных инстанций и самого законодателя по вопросам квалификации данного деяния, а также схожесть этого деяния с гражданско-правовой реквизицией, которая проводится на законных основаниях, создает сложности при квалификации мародерства.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, N 25, 17.06.1996, ст.2954.
2. Постановление Конституционного Суда №33-П «по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 242 и пункта 2 статьи 1083 гражданского кодекса российской федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "комплекс"» от 08.07.2021 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Турышев, А. А. Корыстный мотив преступления / А. А. Турышев // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – Т. 26, № 4(79). – С. 17-21.
4. Федотова, О. В. Реквизиция: актуальные проблемы правового регулирования / О. В. Федотова // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2020. – № 2. – С. 15-21.
5. Плешаков, А. М., Шкабин, Г. С. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России – 2023. – № 1(64). – С. 39-44.
6. Молчанова, Т. В. Преступность в условиях специальной военной операции / Т. В. Молчанова, Е. И. Таранина // Криминологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 139-147.
7. Алимйрзаев, Э. А. К вопросу об уголовно-правовой характеристике надругательства над телами умерших и местами их захоронения / Э. А. Алимйрзаев // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6, № 2(22). – С. 189-198.
8. Лопатина, О.А. Влияние русско-украинских военных (боевых) действий на психологическое состояние граждан // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта – 2023. – №1(29). – С. 122-131.
9. Состояние преступности в России за январь-июнь 2023 // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации «главный информационно-

аналитический центр», стр. 2 // URL: <https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2023-09-25/ba13114d-99bb-4797-8988-7f2d45ac0340.pdf>

УДК 343.79

Панарин Артем Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

tema.dreamer@yandex.ru

Panarin Artem

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТГРАНИЧЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА ОТ ПРИНУЖДЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ СДЕЛКИ ИЛИ К ОТКАЗУ ОТ ЕЕ СОВЕРШЕНИЯ

Аннотация: в настоящей статье на конкретных примерах рассматриваются актуальные проблемы отграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 163 и 179 УК РФ. На основе изученного материала выдвигаются предложения по совершенствованию правоприменительной практики на основе использования разъяснений Верховного Суда РФ в части устранения пробелов в правовом регулировании общественных отношений, возникающих в связи с совершением указанных деяний.

Ключевые слова: вымогательство, принуждение к сделке, совершение сделки, отказ от сделки, проблемы отграничения.

ABOUT SOME PROBLEMS OF DISTRACTING EXTORTION FROM FORCE TO COMPLETE A TRANSACTION OR REFUSE TO COMPLETE IT

Annotation: this article, using specific examples, examines current problems of delimiting the elements of crimes provided for in Articles 163 and 179 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the material studied, proposals are put forward to improve law enforcement practice based on the use of clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation in terms of eliminating gaps in the legal regulation of public relations arising in connection with the commission of these acts.

Key words: extortion, coercion to a transaction, completion of a transaction, refusal of a transaction, delimitation problems.

В науке существует точка зрения, что от отношения к институту права частной собственности полностью зависит сущность и содержание правовой системы общества. Право через воздействие на частную собственность может способствовать и тормозить развитие всего общества [11, с. 3].

Защита института собственности в России обеспечивается на конституционном уровне: в ч. 2 ст. 9 Конституции РФ закреплено положение о признании и защиты частной собственности, которое раскрывается в ч. 1 и 2 ст. 35 Основного закона. Необходимо отметить, что данные положения содержатся в главах 1 и 2 Конституции РФ, которые, наряду с главой 9, являются основами конституционного строя России. В силу своего статуса данные положения подлежат охране особым конституционным механизмом защиты, не позволяющем произвольно лишать данных прав, затруднять их реализацию и защиту. Однако кроме защиты института частной собственности на уровне Основного закона функционирует и уголовно-правовая система, поскольку нормы Конституции РФ получают свое развернутое закрепление в отраслевом законодательстве, в том числе в уголовном.

Такие деяния, как вымогательство и принуждение к сделке или к отказу от ее совершения, могут посягать на отношения собственности, поэтому рациональным представляется рассмотреть механизмы применения ст. 163 и 179

УК РФ с присущими им проблемами для отграничения составов друг от друга. Это необходимо для достижения цели индивидуализации наказания, поскольку санкция в указанных составах отличается: в ч. 1 ст. 163 УК РФ – лишение свободы до 4 лет, а в ч. 1 ст. 179 УК РФ – лишение свободы до 2 лет. Кроме того, проведение различий между рассматриваемыми статьями Особенной части УК РФ будет способствовать обеспечению защиты института права частной собственности и достижению единообразной правоприменительной практики, поскольку отграничение предлагает провести на основе толкования уголовно-правовых норм, изложенного в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Перед переходом к проблемам правоприменения необходимо отметить, что на практике преобладает квалификация деяний по ст. 163 УК РФ. Так, по какой-либо из частей данного состава в 2022 году было осуждено 1444 человек, а по ст. 179 УК РФ в том же году – 5 (см. Таблицу 1) [10].

В силу того, что судебная практика по делам ст. 179 УК РФ невелика и проблемы возникают именно в связи с отграничением данного состава от вымогательства (ст. 163 УК РФ), рациональным выглядит вариант внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ по ст. 163 УК РФ).

Во-первых, **проблема определения предмета преступления ст. 179 УК РФ для отграничения от ст. 163 УК РФ.** Имущество наряду с правом на имущество и действиями имущественного характера выступает предметом ст. 163 УК РФ, то есть подлежит охране нормами Уголовного закона [9, с. 232]. Относительно **предмета ст. 179 УК РФ есть разные точки зрения:** одни авторы полагают, что им является сама сделка [2, с. 32], другие считают, что предметом могут быть имущество, право на имущество, действия имущественного характера, а также информация, интеллектуальная собственность,

неимущественные права [5, с. 7]. Необходимо отметить, что отсутствие единой позиции по вопросу предмета ст. 179 УК РФ характерно не только для науки, но и для судебной практики.

В этой связи уместно привести пример 2021 года из практики Майкопского городского суда Республики Адыгея [1]. В этом деле адвокат смог добиться переквалификации деяния с ст. 163 (вымогательство) на ст. 179 (принуждение к сделке). В мае 2018 года экс-мэр Майкопа Андрей Гетманов пригласил К. в администрацию и потребовал обмен участков К. на три его земельных участка с компенсацией стоимости неубранного урожая в размере 500 тыс. руб. В ответ на отказ мэр якобы стал кричать на К. и высказывать угрозы применения физической расправы, убийства, а также угрозу инициирования уголовного преследования. К. и его мать К. Г., которой он рассказал об угрозах, восприняли их реально и согласились на обмен. Стороны совершили сделку. Полученные К. земельные участки были меньшей площадью и имели меньшую рыночную стоимость. Кроме того, участки имели обременения в виде аренды, что исключило возможность их использования в предпринимательской деятельности. В ходе предварительного расследования деяние было квалифицировано по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, то есть как вымогательство в особо крупном размере. Защитник подсудимого Аркадий Амасьянц отмечал, что К. в ходе допроса подтвердил, что был заинтересован именно в обмене, и ему неоднократно предлагались варианты обмена земельными участками. Кроме того, К. указал, что уже после перехода прав на земельные участки он получил от Андрея Гетманова 500 тыс. руб. в соответствии с достигнутыми договоренностями. При таких обстоятельствах, указал адвокат, можно сделать вывод, что у Андрея Гетманова отсутствовал умысел на безвозмездное получение земельных участков, принадлежащих К., а значит, действия Андрея Гетманова квалифицированы неправильно, поскольку ответственность за принуждение к совершению сделки предусмотрена ст. 179 УК. Суд пришел к

выводу, что органы предварительного следствия неверно квалифицировали действия Андрея Гетманова. Данный вывод был сделан исходя еще из того, что, в соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56, предметом вымогательства является чужое имущество, право на имущество и действия имущественного характера, в то же время предмет принуждения к сделке или к отказу от ее совершения в разъяснительном акте Верховного Суда РФ не отражен. Вместе с тем, суд согласился с адвокатом, что предметом принуждения к сделке является сама сделка в ее гражданско-правовом понимании.

Таким образом, можно констатировать необходимость разъяснения предмета преступления ст. 179 УК РФ. Представляется, что в качестве предмета преступления в ст. 179 УК РФ должна выступать именно сделка как ее понимает гражданское законодательство, поскольку смешение предметов преступления ст. 163 и 179 УК РФ не будет способствовать единообразному правоприменению.

Во-вторых, **проблема определения вида сделки, принуждение к которой подлежит квалификации по ст. 179 УК РФ.** По наличию (отсутствию) встречного предоставления сделки подразделяются на возмездные и безвозмездные [4, с. 251]. Представляется, что отдельной интерпретации требует характеристика самой сделки как предмета преступления ст. 179 УК РФ. В данной ситуации рациональным представляется солидаризироваться с учеными, которые полагают, что когда выражены требования о заключении безвозмездной сделки, то это может быть вымогательством в случае, если в результате потерпевшему причиняется имущественный ущерб или возлагаются обязанности, которые он не хотел на себя брать. Но когда заявлены требования к выполнению сделки на условиях, которые другую сторону не устраивают (цена, сроки выполнения обязательства и др.), то, даже если сделка возмездная, это может быть вымогательством [7, с. 124]. Таким образом, необходимо пояснить, что **даже при наличии возмездности деяние может быть**

квалифицировано как вымогательство в случае, если полученное по договору исполнение **явно не соразмерно** с рыночной стоимостью товаров, работ и услуг. В противном случае для преступника остается «лазейка», поскольку он может под угрозами предоставить явно неравноценное исполнение со своей стороны (например, заплатить 100 тысяч рублей за автомобиль стоимостью 1 миллион рублей) и, таким путем, обеспечить квалификацию своего деяния по ст. 179 УК РФ, а не по ст. 163 УК РФ, а учитывая уже упоминавшуюся разницу в сроке лишения свободы в санкциях рассматриваемых статей, эту «лазейку» нужно ликвидировать для достижения цели индивидуализации наказания.

Таким образом, для решения проблемы определения предмета ст. 179 УК РФ и проблемы определения вида сделки, принуждение к совершению к которой или к отказу от совершения которой подлежит квалификации по ст. 179 УК РФ, можно предложить дополнить абз. 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ по ст. 163 УК РФ, изложив его в следующей редакции:

«2. К предмету вымогательства по смыслу статьи 163 УК РФ относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права. *Это необходимо учитывать, в том числе, при отграничении данного состава преступления от статьи 179 УК РФ, в которой **предметом является сама сделка** в гражданско-правовом понимании, закрепленном в статье 153 ГК РФ. За принуждение к **совершению** сделки лицо подлежит уголовной ответственности в случае, если деяние соответствует диспозиции статьи 179 УК РФ и сделка по своему характеру носит **возмездный характер**. Вместе с тем необходимо учитывать, что **явно неравноценное встречное исполнение** необходимо отграничивать от свободного волеизъявления стороны сделки, поскольку сделка, как гражданско-*

*правовое отношение, обладает признаком диспозитивности, то есть стороны сами определяют цену того или иного предмета, работы, услуги. **Явно неравноценное встречное исполнение** может выражаться, например, в таком **снижении уровня цены** указанных благ, который значительно **отличается от рыночных условий**, сложившихся в гражданском обороте. В случае, если имеет место **явно неравноценное исполнение со стороны виновного лица** или **принуждение к совершению безвозмездной сделки**, то деяние подлежит квалификации по соответствующей части статьи 163 УК РФ. За принуждение к **отказу от совершения сделки** лицо подлежит уголовной ответственности в случае, если деяние соответствует диспозиции статьи 179 УК РФ и сделка по своему характеру носит **возмездный или безвозмездный характер**».*

В-третьих, проблема квалификации деяния по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 163 и 179 УК РФ. Некоторые исследователи полагают, что законодатель предусмотрел возможность реальной совокупности квалификации деяний по ст. 163 и 179 УК РФ, например, когда виновный принуждает потерпевшего к заключению договора аренды, а спустя некоторое время решает и вовсе безвозмездно забрать имущество у потерпевшего посредством угроз, указанных в качестве способа совершения преступления в ст. 163 УК РФ [8, с. 1-2].

В силу того, что отсутствует Постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющее порядок применения ст. 179 УК РФ, судебная практика расходится в вопросе квалификации того или иного деяния по ст. 163 и 179 УК РФ одновременно.

Для иллюстрации следует привести следующий пример из практики Владимирского областного суда [3]. Бабаев И. и Бабаев М. признаны виновными в принуждении к совершению сделки с применением насилия, совершенного организованной группой, а также в вымогательстве в отношении Ф. организованной группой в целях получения имущества в крупном размере.

Бабаев И. и Бабаев М. осуждены по п. «б», «в» ч. 2 ст. 179 и п. «а», «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. И. и М. требовали от Ф. обменять принадлежащую ей на праве собственности благоустроенную квартиру на худшую. Чтобы принудить Ф. к обмену, они избивали ее сына (в том числе и в ее присутствии), угрожали ему убийством, увозили Ф. на другую квартиру и не разрешали выходить. Опасаясь расправы с сыном, Ф. согласилась обменять свою квартиру на неблагоустроенную, куда затем и переехала, получив в качестве компенсации 1,5 миллиона рублей. Ее же квартира была продана за 36 миллионов рублей, из которых 30 миллионов получили Бабаев И. и Бабаев М. Президиум областного суда согласился с квалификацией действий виновных по ст. 163 УК РФ, но исключил из приговора указание на осуждение Бабаева И. и Бабаева М. по п. «б», «в» ч. 2 ст. 179 УК РФ. В соответствии со ст. 179 УК РФ уголовная ответственность за принуждение к сделке наступает в том случае, когда действия виновного не содержат иного состава преступления - вымогательства. В данном случае принуждение Ф. к обмену квартиры с целью незаконного за ее счет обогащения судом обоснованно квалифицировано как вымогательство и дополнительной квалификации этих действий по ст. 179 УК РФ не требуется.

Существует похожий пример из практики Московского областного суда [6]. Б. и К. были осуждены, в том числе, по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 179 УК РФ. Б. и К. вынудили потерпевших З.Э.Н. и З.Г.Н. выдать доверенность К. на право приватизации принадлежащей ему квартиры, на основании которой был заключен договор передачи в долевую собственность потерпевших имущества в виде квартиры, что квалифицировано судом первой инстанции как принуждение к совершению сделки. Затем осужденные, применяя к потерпевшим насилие, заставили их передать им в дар указанную квартиру, чему дана юридическая оценка как вымогательство. Суд вышестоящей инстанции оставил квалификацию действий виновных по п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ, но исключил п. «б» ч. 2 ст. 179 УК РФ в силу того, что

ответственность за принуждение к совершению сделки наступает в том случае, если в действиях виновных лиц отсутствуют признаки вымогательства.

Таким образом, после изучения судебной практики можно констатировать, что в судах первой инстанции имеют место случаи квалификации деяния по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 163 и 179 УК РФ, однако суды вышестоящей инстанции не соглашались с осуждением виновных сразу по двум указанным составам. Налицо необходимость толкования возможности или невозможности квалификации деяния сразу по двум указанным составам. Представляется, что в данном разъяснении следует встать на сторону судов апелляционной инстанции, поскольку, основываясь на языковом и логическом толковании ст. 179 УК РФ, можно прийти к выводу, что одно и то же деяние не может быть квалифицировано по двум рассматриваемым статьям Особенной части одновременно, так как в ст. 179 УК РФ закреплено, что квалификация по ст. 179 УК РФ будет в случае, если деяние не содержит признаков вымогательства (ст. 163 УК РФ).

Предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ по ст. 163 УК РФ п. 8.1.: «По смыслу ст. 179 УК РФ деяние подлежит квалификации по соответствующей части указанной статьи в том случае, если в действиях виновного лица отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 163 УК РФ. Таким образом, **одно и то же деяние не может быть квалифицировано сразу по двум указанным статьям Особенной части УК РФ.** Вместе с тем, в случае, если лицо отказалось от намерений совершить вымогательство после предъявления требований и выполнило состав преступления статьи 179 УК РФ, а равно и в обратной ситуации, когда лицо принуждало к совершению сделки или к отказу от ее совершения, но впоследствии предъявило требования, квалифицируемые как вымогательство, данные действия следует рассматривать как разные деяния и квалифицировать по совокупности двух статей Особенной

части УК РФ в силу того, что момент окончания обоих преступлений уже наступил.»

В заключение необходимо отметить, что **надлежащая защита прав собственности**, в том числе и **уголовно-правовыми средствами**, будет лучше всего **способствовать росту инвестиционной привлекательности российской экономики**, отчего, в конечном итоге, выиграют все: будут создаваться рабочие места, расти валовый внутренний продукт и т.д. Проанализированные в настоящей работе проблемы нуждаются в решении уже долгое время. Представляется, что они до сих пор не получили своего разрешения в силу того, что не носят массовый характер, а встречаются редко, но стабильно в разных судах на территории РФ. Вместе с тем небольшой масштаб проблем не говорит о том, что они не являются актуальными, ведь **из-за этого происходит излишняя загрузка судов и расхождение судебной практики**, что исправить можно всего несколькими разъяснениями, изложенными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы:

1. Адвокат добился переквалификации преступления с последующим прекращением дела // Адвокатская газета, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilnya-perekvalifikatsii-prestupleniya-s-posleduyushchim-prekrashcheniem-dela/> (дата обращения: 06.03.2024)

2. Антонов Ю. И. Сравнение подобных признаков составов вымогательства (ст. 163 УК РФ) и принуждения к совершению сделки либо отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), или «умрет» ли ст. 179 УК РФ? // Вопросы экономики и права, 2016, № 3, с. 32-40.

3. «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 5, 1999 // Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс], URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/1689/> (дата обращения: 06.03.2024)

4. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп.– М.: Статут, 2017. – 511 с.

5. Новик В. В., Овчинникова Г. В., Осипкин В. Н. Вымогательство (квалификация, доказывание, оперативно-розыскная деятельность): Учебное пособие. СПб., 1998. 88 с.

6. Постановление президиума Московского областного суда № 69 от 29 февраля 2012 г. Доступ из справочно-правовой системы “КонсультантПлюс”

7. Рыбин И. В. Вопросы разграничения вымогательства и принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения // Государственная служба и кадры. 2019. №1. С. 122-124.

8. Тагиев Т. Р. О разграничении вымогательства и принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №5. С. 1-3.

9. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 857 с.

10. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ [Электронный ресурс], URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 06.03.2024)

11. Чукаева Г. Х. Развитие института права частной собственности и особенности его реализации в российском праве (историко-правовой аспект): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Южно-Уральский государственный университет, 2006, 26 с.

Приложения

Таблица 1. Сравнение количества осужденных по частям ст. 163 и ст. 179 УК РФ.

часть ст. 163 УК РФ	количество осужденных	часть ст. 179 УК РФ	количество осужденных
ч. 1	232	ч. 1	3

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 30

ч. 2	1010	ч. 2	2
ч. 3	202		
итого осужденных:	1444		5

УДК 343.58

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТАТЬЕ 245 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

Аннотация: в статье автором будут рассмотрены отдельные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 245 Уголовного кодекса РФ (жестокое обращение с животными), затронуты некоторые дискуссионные вопросы в данном составе преступления

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, животное, жестокое обращение, уголовная ответственность, преступление.

FEATURES OF QUALIFICATION UNDER ARTICLE 245 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: in the article the author will consider certain elements of the crime provided for in Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation (cruelty to animals), and will touch upon some debatable issues in this crime

Key words: cruelty to animals, animal, cruel treatment, criminal liability, crime.

В последнее время в Российской Федерации в СМИ можно наблюдать увеличение количества случаев жестокого обращения с животными. Почти каждый день можно видеть новости, в которых домашние и бездомные животные подвергаются насилию и издевательствам.

Обязательным признаком состава преступления в ст. 245 УК РФ выступает предмет, которым является животное. Не подвергается сомнению тот факт, что предметом выступают как дикие животные, содержащиеся в неволе или находящиеся в состоянии естественной свободы, так и домашние животные. Также предметом могут быть и бездомные животные. Однако исследователи отмечают, что не все группы животных относятся к предмету данного преступления. Так, например, Р.Д. Шарапов отмечает, что нужно иметь в виду только высших позвоночных – млекопитающих и птиц. Жестокое обращение с животными беспозвоночными (кольчатые черви, моллюски, насекомые и пр.), а также с земноводными, пресмыкающимися, по его мнению, состава преступления по ст. 245 УК РФ не образует. Данный вывод основан на том, что одним из принципов обращения с животными, закрепленных в Федеральном законе от 27.12.2018 N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными», является принцип отношения к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания. Беспозвоночные, земноводные и пресмыкающиеся животные не способны испытывать эмоции [1, с. 53]. Однако П.А. Филиппов замечает, что пресмыкающиеся животные (крокодилы, черепахи, змеи, ящерицы) все же относятся к предмету данного преступления [4, с. 93]. С.И. Никулин и Н.И. Пикуров отмечают, что предметом данного преступления также не могут быть рыбы [2, с. 598]. По результатам анализа судебной практики было выявлено, что наиболее часто в качестве предметов преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, выступают собаки и кошки. Также предметом данного преступления являются лошади, ежи, птицы, козы, кролики, мыши и многие другие животные.

Объективная сторона преступления характеризуется жестоким обращением с животным, повлекшим его гибель или увечье. Состав данного преступления материальный, поскольку преступление окончено в момент наступления гибели или увечья животного, то есть обязательным признаком состава преступления являются последствия. Систематическое избиение животного или истязание его голодом, которое не повлекло указанных последствий, уголовно наказуемого деяния не образует [2, с. 598].

Законодателем не раскрывается понятие «жестокое обращение» применительно к данному составу. Жестокое обращение может быть совершено как путем действия, так и путем бездействия. Оно может выражаться в избиении или членовредительстве животного, лишении его пищи и воды, подвешивании, умерщвлении посредством расчленения и т.п. [3]. К жестокому обращению также следует относить применение при охоте запрещенных калечащих и мучительных способов добычи, а также нарушение запретов, предусмотренных ст. 11 Федерального закона об ответственном обращении с животными [1, с. 54].

Но при этом следует отметить, что некоторые действия нельзя относить к жестокому обращению с животными. К таким относятся, например, действия, совершаемые в ходе санитарно-ветеринарных мероприятий, разрешенная охота, применение к животным эвтаназии, необходимая оборона от нападающего животного и др.

Поскольку последствия в данном преступлении являются обязательным признаком состава преступления, предлагаем следующими рассмотреть их. Под гибелью животного понимается наступление его смерти, то есть прекращение жизнедеятельности живого организма. Под увечьем же понимается телесное повреждение любой степени тяжести. При этом некоторые авторы отмечают, что увечья могут выражаться не только в виде повреждений, связанных с нарушением анатомической целостности, но и в виде нарушений психического состояния животного [4, с. 94].

Уголовная ответственность за приготовление к жестокому обращению с животным не наступает, поскольку по ч. 1 данное преступление является преступлением небольшой тяжести, а по ч. 2 – преступлением средней тяжести. В случае если лицо начало совершать действия, входящие в объективную сторону жестокого обращения с животным, однако по независящим от него причинам преступление не было доведено до конца, лицо подлежит уголовной ответственности за покушение на жестокое обращение с животным.

Переходя к субъективной стороне жестокого обращения с животным, хотелось бы отметить, что данное преступление совершается с прямым или косвенным умыслом. Альтернативно-обязательными признаками субъективной стороны являются цель (причинение животному боли и (или) страданий) и мотив (хулиганские или корыстные побуждения).

Цель преступления – причинение животному боли и (или) страданий – означает, что жестокое обращение с животным выступает как самоцель, «жестокость ради жестокости», то есть «совершением насильственных действий исчерпываются все желания субъекта» [5, с. 29].

Хулиганскими признаются такие побуждения, которые свидетельствуют о жестоким обращении с животным без какого-либо повода или с использованием незначительного повода. В этом случае виновный совершает преступное деяние на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, его поведение является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение.

Корыстные побуждения предполагают совершение преступления с целью получения материальной выгоды для виновного или других лиц (например, массовое истребление животных для использования их шкур и мяса, в различных ритуалах и т.д.), избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств и т.п.). Также

исследователями отмечается, что корыстные побуждения в данном случае могут выражаться в стремлении лица извлечь материальную выгоду из организации и проведения всякого рода схваток, турниров с участием животных, когда они натравливаются друг на друга и бьются до смертельного исхода [2, с. 599].

Хотелось бы также рассмотреть квалифицирующий признак, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Ранее данный признак был закреплен в ч. 1 как составообразующий, однако позже переведен законодателем в число квалифицирующих признаков. Под применением садистских методов следует понимать истязание животного, изощренное болевое воздействие на его тело, а также особо мучительный способ умерщвления (например, отравление медленно действующим ядом, сожжение заживо, растерзание другими животными) и др. [2, с. 598]. При этом отмечается, что для признания жестокого обращения с животным совершенным с применением садистских методов необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось именно совершение деяния с применением садистских методов. Сам по себе мучительный способ умерщвления при отсутствии других доказательств применения пыток, истязаний, членовредительства, иных способов умерщвления, заведомо для виновного, связанных с причинением животному особых страданий, не может служить основанием для признания жестокого обращения с животным, совершенным с применением садистских методов [4, с. 94].

В данном случае хотелось бы обратиться к судебной практике. Приговором Кабанского районного суда Республики Бурятия от 13 февраля 2024 года Дубенко В.М. была осуждена по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Преступление было совершено ею при следующих фактических обстоятельствах. 04.10.2023 года около 10 часов 30 минут у Дубенко В.М., находящейся в <адрес>, на почве внезапно возникших неприязненных отношений, вопреки общественной нравственности в сфере гуманного обращения с животным, используя малозначительный повод, т.е. из хулиганских побуждений, возник прямой

преступный умысел, направленный на жестокое обращение с собакой по кличке «К.» в целях причинения ей боли и страданий и ее гибели, с применением садистских методов. Реализуя который, 05.10.2023 года около 01 часов 00 минут, Дубенко В.М., находясь по вышеуказанному адресу, из хулиганских побуждений, с использованием садистского метода в виде удушения, с применением садистских методов, пренебрегая общественными нормами морали и гуманного обращения с животными, и желая их наступления, т.е. действуя с прямым преступным умыслом, обусловленным желанием наказать собаку за причиненный ею имущественный вред, проявляя особую жестокость в отношении собаки по кличке «К.», применяя способ, который заведомо связан с причинением вышеуказанной собаке особых страданий и мучительной смерти, осознавая, что собака не представляет для нее и окружающих опасности, взяла веревку серого цвета в сарае, из которой изготовила петлю, и 05.10.2023 года, около 01 часов 10 минут, пройдя до участка местности, расположенного в 150 м. в западном направлении от <адрес>, приманив кормом собаку по кличке «К.», установила свободный конец петли к верхней части забора, держа руками указанную собаку, продела ее голову в изготовленную ею петлю, затянула ее, оставила вышеуказанную собаку в петле, в результате чего собака по кличке «К.» скулила и сопротивлялась, испытывая боль и страдания, при этом Дубенко В.М. не оказала собаке помощь, наблюдая за происходящим, причинив животному увечье, в виде странгуляционной асфиксии. Преступные действия Дубенко В.М., выразившиеся в жестокое обращение, с применением садистских методов с собакой по кличке «К.», повлекли причинение ей боли, страданий и дальнейшей ее гибели [6].

Исследователи всегда отмечали необходимость введения административной ответственности за жестокое обращение с животными на федеральном уровне, в том числе отмечали, что возможно введение административной преюдиции. Ранее привлечение к административной

ответственности за жестокое обращение с животным было возможно только в том случае, если законом об административных правонарушениях в конкретном субъекте РФ была предусмотрена ответственность за это. Данный пробел был разрешен Федеральным законом от 13.06.2023 N 230-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», которым была введена ст. 8.52 КоАП РФ, во второй части которой предусмотрена административная ответственность за жестокое обращение с животными, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Таким образом, в законодательном формулировании данной статьи существует ряд недостатков, которые не позволяют работникам правоохранительным органам в полной мере привлечь к уголовной ответственности виновных лиц. В правоохранительные органы поступает большое количество сообщений, связанных с жестоким обращением с животными, однако уголовных дел по ст. 245 УК РФ возбуждается намного меньше и еще меньше их доходит до суда.

Список литературы:

1. Шарапов, Р. Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 1(47). – С. 51-61.
2. Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник / Под общ. ред. Журавлева М.П., Никулина С.И., – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 784 с.
3. Журавлев М.П., Наумов А.В., Никулин С.И., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Янеленко Б.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная (учебник; под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., проф. А.И. Рарога; издание 10-е, перераб. и доп.). – М.: "Проспект", 2018. – 944 с.

4. Филиппов, П. А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. – 2019. – № 12. – С. 92-98.

5. Лубшев Ю.Ф. Установление виновности по делам о насильственных преступлениях // Вестник МГУ. Сер. 11. 1975. N 1. С. 28-35.

6. Приговор Кабанского районного суда Республики Бурятия от 13 февраля 2024 года по делу №1-53/2024 // URL: https://kabansky-bur.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=216511723&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 06.04.2024).

УДК 343.72

Скоморохова Маргарита Сергеевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

margsko@yandex.ru

Skomorokhova Margarita

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Procuracy

Russia, Ekaterinburg

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: актуальность исследования обусловлена динамичным ростом совершения преступлений, квалифицируемых по ст. 159.6 УК РФ. Автором рассмотрены основные законодательные положения, продемонстрированы основные проблемы квалификации: сложность выбора квалификации в судебной практике, пересечение составов ст. ст. 159.6, 272, 274 УК РФ, предложен путь решения проблем.

Ключевые слова: Уголовный Кодекс, мошенничество, компьютерная информация, IT-мошенничество, хищение.

THE PROBLEMS OF FRAUD QUALIFICATION IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Annotation: the relevance of the study is due to the dynamic increase in the commission of crimes classified under Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author considers the main legislative provisions, demonstrates the main problems of qualification: the difficulty of choosing qualifications in judicial

practice, the intersection of the constitutions of Articles 159.6, 272, 274 of the Criminal Code of the Russian Federation, and suggests a way to solve the problems.

Key words: Criminal Code, fraud, computer information, IT fraud, theft.

Актуальность данной статьи обусловлена частотой совершения преступлений, предусмотренных ст. 159.6 УК РФ. Подобная динамика напрямую связана с ускоренной цифровизацией общества, которая порождает новые общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании. В частности экономическое взаимодействие людей с использованием информационных технологий является с одной стороны способом оптимизации отношений собственности, а с другой стороны благоприятной средой для возникновения компьютерного мошенничества и других компьютерных преступлений. Обратимся к статистическим данным, которые будут являться самым очевидным свидетельством актуальности заявленной темы.

По данным Министерства Внутренних дел РФ прирост числа таких преступлений (среди которых можно выделить и мошенничество в сфере компьютерной информации) в России за прошлый год составил 29,7% в сравнении с предыдущим, общее количество таких преступлений за 2023 год составило более 600 тыс. Анализируя динамику прироста за время существования ст. 159.6 УК РФ, можно увидеть, что в 2012 году, когда в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ были введены нормы, регулирующие ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации количество таких преступлений составляло чуть меньше 6 тыс., что в 2 раза меньше, чем в 2014 году и почти в 11 раз меньше чем в 2023 году [8].

Анализируя компьютерное мошенничество, как явление в целом и как преступление в частности, необходимо обратить внимание на дефиницию «компьютерной информации», которая содержится непосредственно в

примечании к ст. 272 УК РФ, а именно «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи».

Особого внимания заслуживает так же способ совершения преступления, как обязательный элемент объективной стороны состава. Способом совершения мошенничества в ст. 159 УК РФ, является обман или злоупотребление доверием. Очевидно, что подобный способ не возможно представить применительно к искусственному интеллекту, поскольку он лишен сознания, и законодатель предусмотрел иной способ для совершения компьютерного мошенничества, а именно «ввод, удаление, блокирование, модификацию компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей».

При этом в научной среде сформировалось разное отношение к выделению мошенничества в сфере компьютерной информации в отдельную норму. Южин А. А. полагает, что необходимо ввести в гл. 21 УК РФ новую норму о хищении с помощью компьютерной информации, согласно которой, соответственно и будут квалифицироваться подобные деяния [5, с. 144]. Тогда как Болсуновская Л. М. считает, что в статье 159.6 предусмотрена самостоятельная форма хищения путем использования компьютерных технологий, и представляется логичным исключение нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации [2, с. 17].

Основная проблема, на которую хотелось бы обратить внимание заключается в разграничении ст. 159. 6 УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30.11.2017 № 48 совершил первый шаг к решению проблемы, указав, что в случае, «если хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным, такие действия

подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети». Однако, несмотря на то, что постановление было введено в 2017 году сложности в разграничении квалификаций возникают до сих пор. Об этом свидетельствует относительно свежий приговор суда (от 2020 года, т.е. позже, чем вступило в силу Постановление Пленума ВС РФ №48). По материалам дела лицо, посредством имеющегося у него компьютера, используя ранее найденную им банковскую карту и мобильный телефон, принадлежащие потерпевшему, не имея каких-либо законных оснований, используя «Интернет», «Мобильный банк», путем ввода данных карты потерпевшего, оплатил заказанные ранее для себя товары, приобретенные в интернет – магазине, списав с лицевого счета потерпевшего, денежные средства в размере ... руб., которые перевел в счет оплаты товаров, причинив потерпевшему значительный материальный ущерб. Изначально действия обвиняемого квалифицировали по ст. 159.6 УК РФ, однако признаков объективной стороны компьютерного мошенничества в совершенном деянии не содержится, поскольку лицо не осуществляло мошеннических действий, и не оказало необходимого для совершения деяния воздействия на компьютерное обеспечение. Содеянное было переквалифицировано на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, что представляется более точным применительно к описанному деянию [6].

При этом для сравнения представляется необходимым привести в пример приговор суда, согласно которому действия осужденного квалифицировались по ч.3 ст. 272, ч.3 ст. 272, ч.1 ст.159.6, УК РФ. Осужденный путем неправомерного доступа к компьютерной информации без согласия абонента, на счету которой находились денежные средства в размере 11600 руб перевыпустил ее сим-карту. В последующем он совершил деяние, квалифицированное судом именно по ч. 1 ст. 159.6 УК РФ, выразившееся в том, что в последующем, заполучив новую сим-карту, осужденный вставил ее в сотовый телефон и посредством отправки СМС-

сообщения с абонентского номера потрепавшей на подконтрольный себе номер перевел денежные средства. Данная квалификация представляется не противоречащей приведенному ранее Постановлению Пленума Верховного суда [7].

Еще одна проблема заключается в том что, компьютерное мошенничество совершается способами, которые по своей сути и исходя из норм Уголовного Кодекса РФ является последствиями деяний, квалифицируемых по ст. ст. 272 УК РФ и 274 УК РФ, т. е., присутствует «полное пересечение составов» по ряду признаков, что в свою очередь порождает ряд проблемных вопросов [4, с. 605]. Получается, что деяние — или неправомерный доступ, или нарушение правил эксплуатации — влечет за собой уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации. Способы, перечисленные в ст. 159.6 УК РФ ранее в статье уже упоминались, представляется уместным лишь указать на то, что блокирование и модификация тоже указаны в данной статье, но уже в качестве способов. Получается, что состав неправомерного доступа к компьютерной информации в данном случае является частью компьютерного мошенничества, следовательно выполняется полностью.

Вытекающая отсюда проблема - построение «согласованных санкций», на которую указывала Лопашенко. Простой состав неправомерного доступа к компьютерной информации, равно как и простой состав нарушения правил эксплуатации влекут, в числе прочего, наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, в то время как компьютерное мошенничество без квалифицирующих признаков может быть максимально наказано арестом до четырех месяцев [4, с. 606]. При этом, как нами было замечено ранее, неправомерный доступ к компьютерной информации является лишь частью компьютерного мошенничества, следовательно на данный момент с теоретической точки зрения наказание за преступление (ст. 159.6 УК РФ) мягче, чем за его часть (ст. ст. 272, 274 УК РФ).

Способы устранения данной проблемы активно обсуждаются на данный момент в научном обществе. Большинство ученых утверждают, что компьютерное мошенничество необходимо дополнительно квалифицировать по ст. 272 или ст. 273 УК РФ, однако если признаки одного состава преступления полностью входят в число признаков другого преступного посягательства, предусматривающего и дополнительные признаки, то должен применяться только последний состав. Такой же позиции придерживается Пленум Верховного суда РФ в п. 20 постановления от 30.11.2017 №48. В данной совокупности деяний нормы конкурируют между собой как часть и целое [4, с. 607].

Автор разделяет позицию, согласно которой, выделение отдельных статей для пяти видов мошенничества - это казуистичный подход, от которого необходимо отказаться, несмотря на его популярность в европейских странах [3, с. 508]. В заключение представляется нужным отметить, что вызывает сомнение необходимость существования специальных составов мошенничества, учитывая то, что основного признака мошенничества - обмана и злоупотребления доверием в данном составе не присутствует, тогда как присутствует такой признак кражи, как тайность. В связи с этим, ст. 159.6 представляется лишней в Уголовном Кодексе Российской Федерации. Представляется необходимым ее исключить, а в ст. 158 УК РФ ввести в качестве квалифицирующего признака кражи (ст. 158 УК РФ) новый способ, выделив его внутри статьи как п. «д» ч. 2, сохранив при этом выделенные законодателем и присущие хищению в сфере компьютерной информации способы.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.11.2017 N 48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 2, февраль, 2018.

2. Болсуновская Л. М. Криминализация мошенничества в сфере компьютерной информации в российском праве / Л. М. Болсуновская // Библиотека криминалиста. — 2016. — № 3. — С. 15–20.

3. Лопашенко Н. А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы / Н. А. Лопашенко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 504–513.

4. Лопашенко Н. А. Компьютерное мошенничество — новое слово в понимании хищения или ошибка законодателя? / Н. А. Лопашенко // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. — 2019. — № 1. — С. 598–609.

5. Южин А.А. Специфика мошенничества в сфере компьютерной информации: теория и практика / А. А. Южин // Известия Юго-Западного государственного университета – 2015 – Т.1 – № 3 (60) – С. 143-147.

6. Приговор суда по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ № 1-417/2017 [Электронный ресурс] // sud-praktika.ru: сайт. URL <https://sud-praktika.ru/precedent/> (дата обращения: 20.03.2024)

7. Приговор суда по ч. 3 ст. 272, ч. 3 ст. 272, ч. 1 ст. 159.6 УК РФ № 1-336/2017 [Электронный ресурс] // sudact.ru: сайт. URL <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 20.03.2024)

8. tadviser.ru [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru>

УДК 343.9

Ушаков Степан Иванович

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Кафедра уголовного процесса и криминалистики

Россия, Москва

u_stepan@list.ru

Ushakov Stepan

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Department of Criminal Procedure and Criminalistics

Russia, Moscow

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: в данной статье автором рассматриваются способы совершения мошенничеств с использованием информационных технологий, с точки зрения важности их для науки криминалистики. Приводится понятие данных способов, основная классификация, а также их актуальные примеры.

Ключевые слова: способы совершения, мошенничества, классификация, информационные технологии, фишинг, сеть интернет.

WAYS TO COMMIT FRAUD USING INFORMATION TECHNOLOGY

Annotation: in this article, the author examines the ways of committing fraud using information technology, from the point of view of their importance for the science of criminology. The concept of these methods, the main classification, as well as their actual examples are given.

Key words: methods of commission, fraud, classification, information technology, fishing, the Internet.

Одним из признаков объективной стороны состава преступления является способ совершения преступления, который в науке уголовного права зачастую является факультативным. Однако в некоторых составах, в том числе и в мошенничестве, данный признак является обязательным, поскольку на его основании законодатель проводит разграничение кражи и мошенничества [1, с. 155].

С точки зрения криминалистики, способ совершения преступления имеет более важное значение, чем в уголовном праве, поскольку при расследовании преступления следователю необходимо установить все обстоятельства, имевшие место, независимо от того, значим ли способ совершения преступления для квалификации деяния. Поскольку только после изучения способа совершения преступного деяния, можно с точностью сказать какими именно действиями началось совершение преступления, а какими - закончилось.

В науке криминалистике нет единого мнения о понятии способа совершения преступления, данный вопрос является крайне дискуссионным. Так, например, известный советский ученый-криминалист А.Н. Колесниченко под способом совершения преступления предлагал понимать: «образ действий преступника, выражающийся в определённой последовательности, сочетании отдельных действий, приёмов, применяемых субъектом» [2, с. 119].

Другую точку зрения по этому вопросу высказывала Э.Д. Куранова, которая определяла способ совершения преступления, как: «комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, избранный виновным в соответствии с намеченной целью и теми условиями, в которых осуществляется преступный замысел» [3, с. 165].

Нельзя не согласиться с данным определением, ведь предопределяющим фактором выбора способа преступного деяния выступает именно цель, которую преступник хочет достигнуть посредством осуществления своего замысла, а также некоторые объективные и субъективные обстоятельства и условия.

Также важно уточнить, что именно суть использования Интернета является фактором, который разграничивает мошенничество с использованием информационных технологий от других преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации. Так, при совершении данного вида преступлений, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, в первую очередь, выполняет одновременно две основные функции:

1. С помощью различных специализированных утилит, предоставляемых современными разработчиками (например, использования VPN-сервисов) позволяет мошеннику оставаться анонимным из любой точки планеты;

2. Выступает главным средством исполнения преступного замысла, посредством которого и совершаются мошенничества с использованием информационных технологий.

Основные особенности совершения мошенничества в сети Интернет зависят от избранного злоумышленником способа совершения преступного деяния т.е. схемы, вида мошенничества, а также круга лиц, на который в конечном итоге и будет направлено преступное деяние. Этот выбор предопределяет способ реализации и конечную цель преступных намерений [4, с. 172].

Все способы совершения мошенничества с использованием информационных технологий можно объединить в следующие группы:

1. Способы, при которых используются электронная почта (преимущественно на иностранных доменных именах), мессенджеры (Telegram, WhatsApp и т.д.) и другие способы непосредственного общения в сети Интернет.

2. Способы, когда мошенник создает, а также полностью или частично копирует WEB-сайты [5, с. 77].

Отметим, что данное разделение носит весьма условный характер, поскольку, на сегодняшний день, все чаще встречаются способы, когда

преступниками используются комбинированные способы совершения мошенничеств с использованием информационных технологий.

Для лучшего понимания рассмотрим каждую из представленных групп более подробно. Так, одним из самых многочисленных и распространенных, на сегодняшний день, являются мошенничества, в которых посягательство на объект осуществляется преимущественно с помощью электронной почты или мессенджеры. Входящие в эту группу преступления характеризуют тем, что почти вся работа с жертвой проходит в форме обмена текстовыми сообщениями, а в некоторых случаях для успешного для мошенника исхода может хватить одного единственного письма.

Сообщения, направляемые мошенниками своим жертвам, как правило, соответствуют следующим критериям:

- 1) читабельность, краткость и эмоциональность текста;
- 2) убедительность и анонимность написанного (направление сообщения от имени родственников жертвы, либо обращения от лица государственных органов или банков).

Большую популярность в последние годы приобрело мошенничество в социальных сетях. Суть его, схожа с мошенничеством в мессенджерах, и состоит в том, что мошенник посредством различных способов (взлома, покупки данных и т.д.) получает полный доступ к учётным записям пользователей, а также ко всей информации, которую содержит страничка «взломанного» пользователя, в том числе возможности направлять текстовые и голосовые сообщения людям из списка друзей.

Особенность такого способа мошенничества заключается в том, что пользователь не утрачивает возможность пользоваться своей учётной записью, поэтому потенциальные жертвы из списка его контактов с большей вероятностью поступят так, как того желает мошенник (например, дадут денег в

долг, либо пройдут по присланной им вредоносной ссылке, в результате чего данные человека могут быть также похищены).

Следующей группой мошенничеств являются преступления, в которых посягательства на объект осуществляются с использованием возможностей WEB-сайтов, как основного инструмента воздействия на жертву. В частности, такими возможностями выступают создание или копирование известных интернет сайтов, на которых возмездно предоставляются товары или услуги.

Примером будут являться, способы, когда мошенники осуществляют клонирование сайта, принадлежащего какой-либо организации или органу власти (например, сайты различных ведомств, отелей, известных маркетплейсов и т.д.), клонированию подлежит вся доступная информация, вплоть до использования схожего доменного имени WEB-страниц. В данном случае для реализации преступных действий мошенником используется только интернет сайт, без использования возможностей других электронных ресурсов (например, мессенджеров). Такие сайты-клоны используются мошенниками для запутывания своих жертв, а также выманивания персональных данных или данных о кредитных картах, счетах и т.д.

Также ярким примером мошенничества являются различные способы заработка и «инвестиционные схемы», предлагаемые мошенниками на различных, созданных ими, интернет-сайтах. Способы совершения данного преступного деяния могут носить самый различный характер. В качестве примера реализации данного способа можно привести следующую общую схему.

Мошенниками создаётся сайт, предлагающий быстрый заработок и высокий доход, например, на торговле криптовалютой. Процесс описывается таким образом, чтобы у жертвы не возникло вопросов и сомнений в честности и порядочности данного предложения. Для достижения этой цели используется специальная лексика и узкопрофильные термины, которые, в конечном счёте,

могут не нести какой-либо смысловой нагрузки, однако, усложняя своим присутствием текст, способны ввести потенциальную жертву в заблуждение. После чего у жертвы, под предлогом, расходов на осуществление начала деятельности на данной платформе выманивается определённая денежная сумма. В конечном итоге, после того, как набралась достаточная сумма, либо WEB-сайт дискредитировал себя (например, наличием плохих отзывов) – интернет страница перестает существовать [6, с. 78].

Несколько слов, хотелось бы сказать, также о комбинированных способах совершения мошенничеств с использованием информационных технологий. Так, одним из популярнейших видов мошенничества в сети Интернет является фишинг (от англ. «fishing» - уловка). Суть его заключается в воровстве номеров платёжных карт и создании мошенниками самостоятельного сайта, либо клонов популярных сайтов (например, сайты популярных платежных систем), с полной сервисной поддержкой и возможностью перехода в мессенджеры от имени компании, сайт которой скопировали мошенники.

Фишинг как разновидность мошенничества имеет следующую особенность, а именно: может быть реализован с помощью сервисов обмена сообщениями, сайтов, средств сотовой либо телефонной связи, тем самым комбинируя способы совершения преступных действий.

Важно уточнить, что для достижения целей данного преступного способа важна массовость, что предполагает использование различных способов захвата большей аудитории потенциальных жертв, например, используется спама (массовая, рассылка текстовых сообщений). Его особенность заключается в следующем.

- 1) сообщения присылаются, как правило, от известных жертвам организаций;
- 2) сообщения носят массовый характер и посылаются большому количеству людей;

3) сообщения носят неперсонифицированный характер (не имеют конкретного адресата и рассылаются группам лиц);

4) очень часто письмо содержит ссылку на сайт, который либо является точной копией оригинала, либо перенаправляет пользователя на нужную преступнику страницу [7, с. 36].

Иногда вместо рассылок преступники применяют метод прозвона через мессенджеры. Данный метод применяется в тех случаях, когда мошенники получают базу данных телефонных номеров, которая по различным причинам была утеряна у различных компаний, а также банков. Данный способ заключается в том, что потенциальной жертве звонит человек или робот и сообщает, например, о фактах несанкционированного использования их кредитной карты и необходимости сообщить CVV-код карты с целью «блокировки нежелательного перевода». Таким же способом могут собираться также персональные данные людей.

Подводя итог, хотелось бы сделать вывод о том, что развитие интернет-технологий в современном мире несет, помимо положительного влияния на различные сферы жизни человека, еще и много негативных явлений, одним из которых является – мошенничество с использованием информационных технологий. Хотелось бы сказать, что вышеописанные способы совершения преступных действий не статичны и постоянно видоизменяются и совершенствуются. Это обуславливает высокую сложность в раскрытии и расследовании данного вида преступлений.

Список литературы:

1. Миникаев А.М. Проблемы разграничения составов мошенничества и отграничения их от смежных составов преступлений. Экономика и социум. 2021. № 3-2 (82). С. 154-161.

2. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков: Харьков. юрид. инт, 1965. – 294 с.
3. Куранова Э.Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики. 1962. № 6-7. С. 165-166.
4. Бессонов, А. А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики. Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2014. № 4. С. 171-173.
5. Стеценко Ю. А., Холодковская Н. С. Мошенничество в сети интернет // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2021. № 16. С. 75-80.
6. Яковлева Л. В. Современные способы совершения дистанционного мошенничества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 11. С. 77-80.
7. Завьялов А. Н. Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения // Baikal Research Journal, 2022. 13 (2). С. 36-37.

УДК 343.1

Фам За Хюи

Волгоградская академия МВД Российской Федерации

Факультет подготовки иностранных специалистов

Россия, Волгоград

huyphamhnbk@gmail.com

Pham Gia Huy

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of

Russia

Faculty of training foreign specialists

Russia, Volgograd

УСТАНОВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ ВЬЕТНАМА 2015

Аннотация: в Уголовно-процессуальном кодексе социалистической республики Вьетнам 2015 года (далее - УПК СРВ 2015) были внесены новые поправки, которые касаются специальных следственных действий. УПК СРВ 2015 определяет виды мер, случаев применения, полномочий, процедур, сроков и других элементов, необходимых для процесса применения. Чтобы улучшить специальные следственные действия, необходимо иметь руководство и рассмотреть вопрос о внесении изменений в некоторые конкретные вопросы, связанные с этим положением.

Ключевые слова: специальные следственные действия, тайная видеозапись, тайный звонок, электронные данные, Уголовно-процессуальный кодекс 2015 года, доказательство.

THE IMPLEMENTATION OF SPECIFIC INVESTIGATIVE MEASURES IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF VIETNAM 2015

Annotation: new modifications to the Criminal Procedure Code of 2015 (CPrC SRV 2015) were made, pertaining to special investigative measures. The CPrC SRV 2015 outlines the kinds of measures, application cases, powers, procedures, phrases, and other application-related components. To better special investigative measures, a guide is required, as well as consideration of altering some particular concerns relating to this Regulation.

Key words: special investigative measures, secret video, secret call, electronic data, Criminal Procedure Code of 2015, proof.

По сравнению с УПК СРВ 2003 [1] в УПК СРВ 2015 [2] внесено много новых изменений. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама впервые включает в себя специальную систему процессуальных следственных мер. Фактически, полиция и армия продолжают проводить специальные расследования. Тем не менее, данные, полученные в результате этих действий, не могут использоваться в качестве доказательства.

Положения УПК СРВ 2015 г. о специальных мерах процессуального расследования легализовали процесс, в результате которого данные, полученные в результате этой деятельности, рассматривались в качестве доказательств. Необходимо провести полное институциональное исследование, чтобы определить причины легализации, а также конкретные правила, применяемые в каждом случае. Это позволит прояснить некоторые ограничения или проблемы в применении, чтобы улучшить решение.

1. Основание для назначения специальных следственных действий в УПК СРВ 2015 г.

Во-первых, необходимо признать специальные следственные действия в настоящем Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК), чтобы конкретизировать требования Конституции 2013 года [3], согласно которой «Права человека и гражданские права могут быть только ограничены

механизмами согласно нормам закона»; создать условия для оперативного сбора доказательств и выявления подозреваемых в уголовных преступлениях при расследовании сложных, организованных и особо тяжких дел Органами расследований; и во избежание путаницы не рекомендуется назначать как обычные разведывательные меры, так и специальные процессуальные следственные меры; создать правовую основу для реализации международных договоров, участником которых является Вьетнам, снять проблемы в текущей практике борьбы с преступностью и расширить источник ценных доказательств, непосредственно доказывающих преступления.

Кроме того, предполагается, что введение и осуществление специальных следственных действий повлияет на права человека, такие как право на тайну телеграмм и другие.

Однако эта мера не применяется к всем преступлениям, а только к некоторым особо тяжким преступлениям, таким как нарушения национальной безопасности, наркотики, коррупция, отмывание денег и т. д.[4, с. 32]

Это преступления, которые оказывают значительное влияние на общество. Следовательно, законодатель рассмотрел и принял решение, что эти меры должны быть введены в действие в отношении ценностей, которые требуют большей защиты, чем права человека, упомянутые ранее.

Во-вторых, расследование по действующему законодательству стало менее эффективным в настоящее время, особенно в отношении некоторых видов преступлений, таких как коррупция.

Хотя коррупция чрезвычайно распространена, очень мало ее было обнаружено и устранено, в частности, в отношении возвращения коррупционных активов. Одной из таких причин, вероятно, является отсутствие отдельных учреждений, предназначенных для выявления и сбора доказательств, которые могут указывать на коррупцию.

Таким образом, следует назначить эти особые следственные действия. Во многих случаях тайные записи, тайные телефонные звонки, тайные электронные данные и видеозаписи являются ценными источниками доказательств для доказательства прямых преступлений. В результате того, что эти меры в Законе не были ранее оговорены, было необходимо провести процедуру преобразования доказательств [5, с. 18].

Трансформация, однако, часто невозможна, что приводит к отклонению весьма убедительного источника доказательств, даже заставляя преступника согласиться. По данным международного опыта, это чрезвычайно ценное источник доказательств преступления.

Кроме того, Вьетнам является участником многих конвенций ООН, таких как Конвенция о борьбе с наркотиками, организованной преступностью и коррупцией.

Кроме того, Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции требует, чтобы каждая страна приняла необходимые и решительные меры. Конвенции ООН о противодействии коррупции подчеркивает важность борьбы с преступлениями, особенно с наркотиками, транснациональной организованной преступностью и коррупцией [6].

Согласно статистическим данным, поскольку нарушения становятся все более серьезными и тяжелыми, а также трюки и все более изощренные преступные деяния становятся все более распространенными, тенденция к глобальному применению этих мер увеличивается. Преступники в делах о коррупции часто являются людьми с должностями и полномочиями, поэтому они часто пытаются скрыть свои действия и вмешиваться в процесс обращения;

Согласно Конвенции ООН о противодействии коррупции и опыту многих стран-членов, специальные следственные действия включают: контроль за перевозкой (обычно применяется в делах о наркотиках и в трансграничных отношениях); электронное наблюдение и мониторинг (включая отслеживание

телефонов, электронных почт и т. д.); разведывательная и «тайная» деятельность; проверка честности и неподкупности; мониторинг финансовых операций и другие меры.

Из-за недостаточной оценки эти меры очень хорошо собирают информацию и борются с коррупцией в некоторых странах.

Эти меры также помогают бороться с «ранними» коррупционными деяниями и помогают процессуальным органам получать информацию и проявлять инициативу в применении мер блокады, ареста и ареста, чтобы вернуть коррупционные активы (с 2013 по 2020 год отзыв рекомендаций по обращению с более чем 700 триллионами донгов, более 20 тысячами гектаров земли по делам о коррупции и т. д.), но восстановление коррупционных актив [7, с. 11].

Вьетнамское законодательство имело ряд специализированных законов, которые позволяли применять эту меру к ряду преступлений, включая преступления, посягательства на национальную безопасность и преступления, связанные с наркотиками, до принятия УПК в 2015 году.

Однако специальные следственные действия, также известные как профессиональные меры, обычно упоминаются только в специальных законах (Закон о национальной безопасности, статья 24; Закон о профилактике и борьбе с наркоманией (статья 13).

Таким образом, в УПК СРВ 2015 г. должны быть определены конкретные следственные мероприятия, чтобы гарантировать юридическую силу. Выполнение международных обязательств требует легализации специальной следственной меры, поскольку мы взяли на себя обязательство ее легализовать. Эти меры ограничивают права человека, особенно право на неприкосновенность частной жизни.

Тем не менее, учитывая конкретные условия нашей страны во всех ее аспектах, чтобы гарантировать соблюдение Конституции, выполнение

Вьетнамом своих международных обязательств и устранение практических проблем, эти положения должны быть включены в Закон о судопроизводстве. Это связано с тем, что именно в Законе о судопроизводстве наилучшим образом прописываются процессуальные процессы, процедуры и меры, необходимые для выяснения истины дела и обеспечения.

2. Регламент УПК СРВ 2015 г. о специальных следственных действиях - Специальные следственные действия

В соответствии со статьей 223 УПК СРВ 2015 г. , относящейся к специальным мерам процессуального расследования:

«Статья 223. Специальные методы расследования и производства

После предъявления обвинения уполномоченные процессуальные лица на стадии расследования имеет право применять специальные методы расследования и разбирательство:

- 1. Секретная запись звуковыми или звуковизуальными средствами;*
- 2. Тайное прослушивание телефонных разговоров;*
- 3. Секретный сбор электронных данных.»*

Таким образом, существуют три специальные следственные действия: негласная видео- и аудиозапись, прослушивание негласных телефонных звонков и сбор негласных электронных данных.

Все эти действия проводятся тайно, чтобы сохранить конфиденциальность расследования и обеспечить объективность процесса сбора доказательств в отношении тяжелых преступлений с изощренными уловками.

Эти действия представляли собой технические разведывательные действия, которые ранее использовались в сферах общественной безопасности и военных.

Это связано с делом о профессиональной тайне, которое в настоящее время включено в Кодекс. Другими словами, информация, полученная от этих мер, становится доказательством без необходимости проходить процесс

трансформации, который следственным органам требовался в прошлом, когда они хотели ее использовать.

Случаи, когда применяются специальные следственные действия
*«Статья 224. Обстоятельства применения специальных методов
расследования и разбирательства»*

*В таких случаях используются особые методы расследования
обстоятельств: 1. Нарушение национальной безопасности, наркотические
преступления, коррупция, терроризм, отмывание денег;*

*2. другие организованные преступления, которые относятся к особо
тяжким преступлениям.»*

Эти конкретные следственные меры практически затрагивают право на неприкосновенность частной жизни других лиц, поэтому их область применения должна быть ограничена, чтобы предотвратить неблагоприятные последствия.

Указанные следственные мероприятия могут применяться к следующим видам преступлений: посягательства на национальную безопасность (важнейший объект), наркопреступления, коррупция, терроризм, отмывание денег и иные организованные преступления особо тяжкого характера.

- Полномочия и порядок применения Специальных следственных действий

*«Статья 225: Обязанности и полномочия принимать решения и
использовать специальные методы расследования и производства»*

1. По своему усмотрению или по поручению руководителей областных народных прокуратур и военных прокуратур военной зоны руководители областных следственных органов и военных следственных органов или вышестоящего уровня решают применять специальные методы расследования и производства. Руководители областного следственного органа или местного органа военной разведки советуют рассмотреть и использовать эти методы в случае, если дело находится в районе расследования.

2. В постановлении о применении специальных методов расследования и производства должны быть указаны все необходимые сведения, указанные в части 2 статьи 132 настоящего Закона, включая субъектов, применяющих специальные методы расследования и производства, их наименования, продолжительность, место применения, органы, применяющие эти методы, и любые другие сведения, указанные в части 2 статьи 132 настоящего Закона.

3. До их применения руководитель соответствующей прокуратуры должен дать согласие на применение специальных методов расследования и производства. Руководитель следственного органа, принявший это решение, несет ответственность за строгий контроль за применением методов. Он должен незамедлительно потребовать от прокуратуры прекратить методы, которые считаются ненужными. Ответственность за применение специальных методов расследования и судопроизводства лежит на специальных подразделениях народной полиции и народной армии.

4. Руководители следственных органов, компетентных органов прокуратуры и специальных методов расследования и производства обязаны соблюдать конфиденциальность.»

Только руководители следственных органов областного или военного уровня могут решать о применении специальных процессуальных мер расследования, согласно статье УПК СРВ 2015 г.

Руководители районных и областных следственных органов не вправе принимать решения о подаче заявления. Вместо этого они могут делать предложения своим непосредственным начальникам.

Однако решение о проведении специального процессуального расследования должно быть одобрено Председателем Прокуратуры на том же уровне, чтобы предотвратить произвольное применение и злоупотребление.

Руководитель следственного органа, выдавший постановление о применении этой меры, обязан тщательно изучить ее и, если сочтет это более нецелесообразным, незамедлительно потребовать от прокуратуры ее отмены.

Решения о применении специальных следственных действий должны содержать все необходимые сведения о подлежащих применению субъектах, наименование применяемых мер, срок, место применения, орган, осуществляющий специальные меры процессуального расследования, и содержание, указанное в настоящем Кодексе [8, с. 9].

- Срок применения Специальных следственных действий

В соответствии со ст. 226 УПК СРВ 2015 г.:

«Статья 226 Срок введения специальных методов исследований и производства

1. С согласия руководителя прокуратуры срок применения особого метода расследования и производства не может превышать двух месяцев. При сложных обстоятельствах срок может быть продлен, но он не может превышать срок расследования, установленный настоящим кодексом.

2. Не позднее 10 дней до истечения срока применения особых методов расследования и производства руководитель следственного органа обязан в письменной форме попросить руководителя прокуратуры рассмотреть и утвердить продление срока, если он считает это необходимым.»

Использование информации и документов, собранных специальными мерами процессуального расследования, осуществляется в соответствии с положениями статьи 227 УПК СРВ 2015 г. следующим образом:

«1. Только для предъявления обвинений, расследования, преследования и разрешения уголовных дел могут использоваться информация и документы, собранные с помощью специальных методов расследования и производства. Информация и документы, не имеющие отношения к делу, должны быть быстро уничтожены.

Такие данные, документы и доказательства не должны использоваться в иных целях.

2. Информация и документы, собранные с помощью специальных методов производства и расследования, могут быть использованы в качестве доказательств для расследования дела.

3. Результаты специальных методов расследования и производства должны быть сообщены следственными органами руководителю прокуратуры, утверждающему решение».

В результате доказательства, собранные в ходе специальных расследований, строго контролируются. Только во время судебного разбирательства можно использовать доказательства, связанные с делом.

Несвязанные доказательства будут уничтожены, чтобы избежать утечки или распространения информации во внешний мир, что может повлиять на жизнь подсудимого.

В прошлом специальные следственные действия использовались для сбора доказательств для обычного расследования, а не для разрешения дела. Поскольку собранные доказательства теперь легализованы, следственные органы могут использовать их полностью.

- Об отмене применения Специальных следственных действий

Согласно статье 228 УПК СРВ 2015 г. :

«Постановление о применении специальных методов расследования и производства, утвержденное руководителем прокуратуры, незамедлительно отменяется в следующих случаях:

- 1. по письменному запросу соответствующего следственного органа;*
- 2. Нарушены специальные методы расследования и производства;*
- 3. Отпадает необходимость в использовании специальных процедур расследования и судопроизводства.»*

Председатель прокуратуры обязан отменить постановление о применении Специальных следственных действий в случае получения письменного обращения руководителя компетентного следственного органа или при наличии оснований полагать, что в ходе специального расследования было допущено нарушение или нет необходимости продолжать это расследование.

3. Возникают некоторые проблемы

Во-первых, подающий заявку орган должен учитывать две стороны, участвующие в регулировании и реализации этой меры: Несмотря на то, что регулирование улучшит способность и эффективность выявления и расследования преступлений, предотвращения и борьбы с коррупцией, важным вопросом является то, как избежать злоупотреблений и нарушения прав человека.

Требуются очень четкие инструкции о том, кто и в каких случаях и в каких контекстах их применять. Если они будут применяться бездумно, права человека на личную жизнь будут нарушены.

Поскольку закон короткий, агентство несет ответственность за немедленное предоставление конкретных инструкций в процессе его внедрения.

Суд должен рассмотреть вопрос о законности сбора доказательств по делу. Прокуратура также должна усилить контроль за их применением.

Тем не менее, ответственность остается первостепенной.

Конечно, не каждое предложение принимается, и ответственное лицо должно рассмотреть и решить этот вопрос. Следователи и прокуроры должны основываться на конкретных случаях, чтобы предложить применение этой меры.

Во-вторых, необходимо подумать о том, следует ли использовать тайных коллаборационистов и добавить еще два способа тайного наблюдения.

Например, когда ребенок был похищен, мать приносила деньги на место встречи, чтобы отдать их похитителям, чтобы выкупить ребенка, а затем ей пришлось вести негласное наблюдение, чтобы найти доказательства.

Затем бороться с преступными группами, которые отчаянно нуждаются в коллаборационистах внутри своих самих преступных групп. Уголовный кодекс способствует активному раскрытию и расследованию преступлений, освобождает правонарушителей от уголовной ответственности, кроме признаний и деклараций. Должны ли мы разрешить наблюдение и использование тайных коллаборационистов?

Власти действительно предпринимают эти действия. Автор считает, что эффективность и необходимость борьбы с особо тяжкими преступлениями диктуют изучение и внесение этих мер в УПК.

4. Заключение

Специальные следственные действия относительно новые, но они довольно понятны и конкретны.

Тем не менее, властям необходимо иметь более конкретные руководящие документы, а также дополнительные исследования для завершения этого регулирования, чтобы компетентные органы могли беспрепятственно проводить процедуры подачи заявок, чтобы гарантировать урегулирование дел с правильными людьми, правильными преступлениями и правильными законами, а также для обеспечения прав человека.

Список литературы:

1. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 19/2003/QH11, ngày 26.11.2003/Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №19/2003/QH11, 26 ноября 2003 года. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-To-tung-Hinh-su-2003-19-2003-QH11-51701.aspx> (Дата обращения: 28.03.2024)
2. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 101/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №101/2015/QH13 27 ноября 2015 г.

URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx> (Дата обращения: 28.03.2024)

3. Hiến pháp nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, ngày 28.11. 2013 /Конституция Социалистической Республики Вьетнам 28 ноября 2013 года. <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx> (Дата обращения: 28.03.2024)

4. Trịnh Duy Thuyên, Phạm Anh Thư, Áp dụng biện pháp điều tra tố tụng đặc biệt trong quá trình giải quyết vụ án hình sự về các tội phạm tham nhũng, Tạp chí Dân chủ và Pháp luật Số 375, tháng 2/2023, tr.32./ Чинь Дуй Туен, Фам Ань Тху, Применение специальных следственных и процессуальных мер в процессе разрешения уголовных дел о коррупционных преступлениях, Журнал «Демократия и право» № 375, февраль 2023 г., с.32.

5. Thanh Long, Các biện pháp điều tra tố tụng đặc biệt theo Bộ luật Tố tụng hình sự năm 2015, Tạp chí Luật sư Việt Nam, số 10/2023, tr.18./ Тхань Лонг, Специальные следственные и процессуальные меры в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом 2015 года, Журнал «Юристы Вьетнама», № 10/2023, с.18.

6. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции, [электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (Дата обращения: 28.03.2024)

7. Phạm Thanh Tú, Chế định các biện pháp điều tra đặc biệt trong Bộ Luật tố tụng hình sự 2015: một số vấn đề lý luận và thực tiễn, Tạp chí Công Thương, Số 23, tháng 10 năm 2021, tr.11/ Фам Тхан Ту, Регулирование специальных следственных мероприятий в УПК 2015 года: некоторые теоретические и практические вопросы, Журнал «Промышленность и торговля», № 23, октябрь 2021 г., с.11

8. Trần Ngọc Minh, Đặng Mạnh Cường, Hoàn thiện pháp luật về các biện pháp điều tra theo quy định của Bộ luật Tố tụng hình sự năm 2015, Tạp chí Dân chủ và Pháp luật Kỳ 1 (Số 396), tháng 1/2024, tr.9./ Чан Нгок Минь, Данг Мань Куонг, Совершенствование закона о следственных мероприятиях в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса 2015 года, Журнал «Демократия и право», Том 1 (№ 396), январь 2024 г., с.9.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 340.5

Грошев Семен Александрович

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Юридический институт

Россия, Санкт-Петербург

grochev@icloud.com

Groshev Semyon

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

Institute of Law

Russia, Saint Petersburg

**ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОАКТИВОВ В ЕС В
СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ РЕГЛАМЕНТА MiCA**

Аннотация: в статье рассматриваются основные положения Регламента MiCA, вступившего в действие на территории Европейского союза. Автором анализируются опасения стран о закреплении криптоактивов на законодательном уровне, рассматривается предложенная Регламентом классификация криптоактивов, проводится анализ правового регулирования предложенных видов криптоактивов, а также выделяются сферы, которые на данный момент не охватываются Регламентом. В заключении статьи автор сравнивает современное регулирование криптоактивов в ЕС и России.

Ключевые слова: криптоактивы, криптовалюты, токены, MiCA, Регламент о рынке криптоактивов ЕС.

**EXPERIENCES WITH THE LEGAL REGULATION OF CRYPTOASSETS
IN THE EU IN THE CONTEXT OF THE ADOPTION OF THE MiCA
REGULATION**

Annotation: the article analyses the main provisions of the MiCA Regulation, which came into force in the European Union. It considers the concerns of countries regarding the legislative fixation of cryptoassets, the classification of cryptoassets proposed by the Regulation, the legal regulation of the proposed types of cryptoassets, and the areas that are currently not covered by the Regulation. The article concludes by comparing the current regulation of cryptoassets in the EU and Russia.

Key words: cryptoassets, cryptocurrencies, tokens, MiCA, EU Regulation on markets in crypto-assets.

На протяжении многих веков развитие экономических отношений было сопряжено с появлением новых технологий, меняющих уклад жизни человека [1, с. 184]. Так, промышленная революция в России и других странах в XVIII–XIX веке повлияла не только на изменение привычного образа жизни человека, но и на становление новых экономических институтов, усложнение экономических отношений между субъектами. На сегодняшний день многие исследователи всерьез рассуждают об облике четвертой промышленной революции в связи с развитием современных технологий, её позитивных и негативных последствиях для жизни людей и экономики [2, с. 13]. Развитие технологии распределенных реестров, лежащей в основе появления различных криптоактивов, также не остается без внимания людей, компаний и государственных органов [3, с. 2]. Криптовктивы все активнее входят в систему экономических отношений и вливаются в повседневную жизнь общества, становясь частью происходящих преобразований экономических отношений в связи с развитием передовых технологий [4, с. 10].

Однако не все участники экономических отношении приветствуют активное распространение криптоактивов и развитие экономики, построенной на технологии блокчейн. Так, например, на сегодняшний день Банк России выделяет следующие риски распространения криптовалют: угроза

благополучия граждан; угроза финансовой стабильности в виде подрыва денежного обращения и утраты суверенитета национальной валюты, угроза проведения платежей в рамках преступной деятельности и др. [5, с. 25]. В целом, схожие тезисы о рисках распространения криптовалют транслируют многие государственные органы других стран, а также большое количество экспертов в этой области [6, с. 6-7].

Помимо вопросов о рисках распространения криптоактивов, перед государствами также встает вопрос и о технической возможности регулирования этой сферы. Исходя из децентрализованной природы многих криптоактивов существует лишь ограниченная возможность регулирования этой сферы [7, с. 26]. Так, например, в аналитическом отчете Европейской комиссии «Decentralized Finance: information frictions and public policies» отмечаются следующие возможные подходы к регулированию рынка децентрализованных финансов: введение норм, регулирующих деятельность юридических лиц, являющихся посредниками на рынке DeFi; стимулирование добровольного соблюдения законодательных норм для юридических лиц и для DeFi-проектов; осуществление общественного наблюдения и публикация общественных заключений о различных DeFi-проектах [8, с. 36-44].

Становится очевидным, что обозначенные факторы влияют на политику государств относительно подхода регулирования рынка криптоактивов. Так, например, Народный банк Китая признал незаконной всю деятельность, связанную с криптовалютой [9]. Многие другие страны и союзы, например, Европейский союз (далее - ЕС), напротив, стараются найти компромиссный подход к регулированию этой сферы. В связи с тем, что на данный момент в Российской Федерации нет какой-либо конкретной позиции о перспективах регулирования рынка криптоактивов и существует лишь некоторый «зачаток» такого регулирования, исследование опыта ЕС будет актуально для учета подобного опыта для последующего принятия российским законодателем

решения о проведении политики, направленной на установление конкретных правил для участников этой сферы отношений.

В мае 2023 года Совет Европы объявил о принятии Регламента о регулировании рынка криптоактивов (далее - MiCA, Регламент) [10]. Европейская комиссия представила проект MiCA в сентябре 2020 года и после многочисленных обсуждений в апреле 2023 года Европарламент одобрил Регламент с последующим его распространением на страны ЕС. В соответствии с п. 2 ст. 288 Договора о функционировании Европейского союза [11], поскольку MiCA является Регламентом, то он будет иметь общее действие, является обязательным и подлежит прямому применению во всех государствах-членах, действуя в одном ряду с внутренним законодательством. Несмотря на вступление Регламента в юридическую силу, часть положений Регламента будет вступать в силу постепенно. Первая часть Регламента вступит в силу 30 июня 2024 года, когда как остальные положения вступят в силу 30 декабря 2024 года [10, с. 183].

По своей сути MiCA является одним из первых глобальных и комплексных нормативных подходов к регулированию криптоактивов на территории ЕС. Регламент MiCA регулирует эмиссию, публичное предложение и листинг некоторых токенов, рассмотрение которых последует ниже. В соответствии с преамбулой к MiCA, соответствующий Регламент был создан в ответ на опасения, что отсутствие согласованной структуры ЕС в отношении регулирования криптоактивов может привести к фрагментированному регулированию в странах-участниках ЕС, что исказит конкуренцию внутри единого рынка и приведет к регулятивному арбитражу [10, с. 41]. Стоит отметить, что отсутствие согласованной позиции по регулированию рынка криптоактивов между различными странами может вести к схожим проблемам не только в рамках единого рынка ЕС, но и на глобальном уровне взаимодействия между странами.

Регламент MiCA предусматривает положения, затрагивающие как эмитентов криптоактивов, так и поставщиков услуг в сфере криптоактивов. Рассматриваемый Регламент применяется к физическим и юридическим лицам и некоторым другим компаниям, которые занимаются эмиссией (выпуском), публичным предложением (офертой) и допуском к торговле криптоактивами на трейдинговой платформе, или предоставляют услуги, связанные с криптоактивами, на территории ЕС [10, с. 62]. Так, например, если компания планирует осуществлять деятельность по первичному размещению токенов (initial coin offering или ICO) в ЕС, то на такую компанию будут распространяться положения MiCA.

Для целей Регламента MiCA криптоактив определяется как цифровое представление ценности или права, которое может передаваться и храниться в электронном виде с использованием технологии распределенного реестра или аналогичной технологии [10, с. 63]. Регламент разделяет криптоактивы на три основные категории: токен, привязанный к активу (asset-referenced token или «ART»); токен электронных денег (electronic money token или «EMT»); другие криптоактивы [10, с. 44, с. 63]. Токен, привязанный к активу (ART) определяется как криптоактив, который поддерживает свою стабильную стоимость путем привязки своей стоимости к другому активу или праву, или их комбинации, включая одну или несколько официальных валют. Известным примером такого токена на рынке будет являться стейблкоин DAI, цена которого привязана к доллару США и к комбинации других криптоактивов [12]. Токен электронных денег (EMT) обозначается как криптоактив, поддерживающий свою стабильную стоимость путем привязки к стоимости одной официальной валюты. Известным примером данного криптоактива на рынке будет являться токен USDT от компании Tether [13]. Как отмечают некоторые исследователи, несмотря на то что в статьях Регламента MiCA не используется достаточно устоявшийся среди исследователей термин «стейблкоин», оба токена ART и EMT по своей природе

подпадают под определение термина «стейблкоин». Вместе с тем стоит сделать исключение относительно алгоритмических стейблкоинов, регулирующих стабильную стоимость с помощью особых протоколов, реагирующих на спрос, - данные стейблкоины в предисловии к Регламенту рекомендуется относить к другим криптоактивам в силу своей природы.

Другие криптоактивы в соответствии с Регламентом MiCA являются категорией, которая включает криптоактивы, отличные от токенов ART и EMT, которые подпадают под регулирование MiCA. Так, например, к таким криптоактивам MiCA также относит категорию токенов, известных как утилитарные токены (utility tokens), которые представляют собой криптоактивы, предназначенные для обеспечения доступа к товару или услуге, предоставляемой эмитентом этого токена. Кроме того, крупнейшие по своей капитализации Биткоин и Эфириум, являющиеся платежными токенами с использованием технологии распределенного реестра, также будут рассматриваться как "другие криптоактивы" в рамках Регламента MiCA.

Следует отметить, что MiCA прямо исключает некоторые криптоактивы из сферы своего действия. Так, это касается криптоактивов, которые подпадают под действие других законов ЕС, например, квалифицируются как финансовые инструменты в соответствии с определением директивы «О рынках финансовых инструментов» (Markets in Financial Instruments Directive II или MiFID II) [14]. Также Регламент не затрагивает невзаимозаменяемые токены (non-fungible token или NFT), полностью децентрализованные проекты. Кроме того, действие Регламента MiCA не распространяется на компании, выполняющие услуги, связанные с криптоактивами, исключительно для своих материнских или дочерних компаний, а также положения не распространяются на некоторые другие компании и официальные органы ЕС, указанные в Регламенте [10, с. 62].

Регламент MiCA устанавливает специальные правила для эмитентов, являющихся офферентами и лицами, желающими получить допуск к торговле

криптоактивами. Так, оферта (эмиссия) токенов ART или допуск к торговле такими токенами может осуществляться лицом, учрежденным в ЕС, которое уполномочено на это компетентным органом, а также кредитной организацией, соответствующей требованиям Регламента [10, с. 76]. Разрешение, выданное компетентным органом, должно быть действительным на территории всего Европейского союза. Существуют исключения, в соответствии с которыми получение разрешения не требуется: если токены ART адресованы исключительно квалифицированным инвесторам или предложение таких токенов для широкой публики составляет менее 5 миллионов евро. Другими важными правилами для оферентов и лиц, желающих получить допуск к торговле криптоактивами являются: утверждение и публикация специальной технической документации («white paper»), содержащей определенные Регламентом положения; предоставление компетентному органу широкого спектра информации, включая бизнес-модель, подробное описание механизмов управления; требования к резервному капиталу; требования к отчетности, а также разработке различных политик, планов и др. Вместе с тем, Регламент также предусматривает определенные ограничения на выпуск токенов ART. Так, если количество транзакций с ART токеном в качестве средства обмена превышает 1 миллион и их общая стоимость превышает 200 миллионов евро в пределах одной валютной зоны, эмитенты таких токенов обязаны прекратить выпуск таких токенов и предоставить компетентному органу план по снижению уровня торговой активности [10, с. 84].

Оферта токенов EMT или допуск к торговле такими токенами может осуществляться надлежащим образом уполномоченным кредитным учреждением, которое соответствует требованиям, установленным Регламентом [10, с. 107]. Получение разрешения уполномоченного органа не требуется в соответствии с правилами, аналогичными для токенов ART. Помимо этого Регламент MiCA применяет положения Директивы ЕС об электронных деньгах

[15] и проясняет ситуации, в которых ЕМТ должны рассматриваться как электронные деньги. В дополнение к положениям указанной Директивы MiCA предусматривает и иные требования: публикация специальной технической документации «white paper» и уведомление о её утверждении компетентного органа; различные дополнительные организационные требования, которые схожи с требованиями, предъявляемые к оферте токенов ART. Можно заметить, что Регламент MiCA предъявляет меньшее количество обязательных требований для оферентов и лиц, желающих получить допуск к торговле токенами ЕМТ. Так, например, по сравнению с регулированием ART, Регламент не предусматривает требований к обязательному созданию резервного капитала для эмитентов токенов ЕМТ.

Что касается категории «других криптоактивов», то эмитент таких криптоактивов должен быть юридическим лицом, но не обязан получать специальное разрешение компетентного органа, в сравнении с рассмотренными выше правилами для токенов ART и ЕМТ [10, с. 67]. Если юридическое лицо осуществляет оферту таких токенов или получает допуск к торгам на бирже, то такому лицу необходимо: подготовить и опубликовать техническую документацию «white paper», а также опубликовать определенные маркетинговые материалы (в случае необходимости); соблюдать обязательства, применимые к эмитенту токенов в соответствии с Регламентом MiCA. Обязательства, связанные с требованиями к подготовке «white paper», как правило, не распространяются на следующие ситуации [10, с. 67]: оферта токенов менее чем 150 Физическим или юридическим лицам в каждом государстве ЕС; общая сумма вознаграждения за предложение токенов в течение 12 месяцев не превышает 1 миллион евро; токены адресованы исключительно квалифицированным инвесторам. Кроме того, обязательства юридических лиц, связанные с офертой «других криптоактивов» не будут распространяться на следующие случаи: криптоактив предлагается бесплатно; криптоактив

автоматически создается в качестве вознаграждения за проверку транзакций в контексте механизма консенсуса; оферта утилитарного токена, обеспечивающего доступ к уже существующему товару или оказывающейся услуге; владелец криптоактива имеет право использовать его только в обмен на товары и услуги в ограниченной сети продавцов, имеющих договорные отношения с оферентом [10, с. 68].

Значительная часть Регламента MiCA посвящена режиму регулирования деятельности поставщиков услуг, связанных с криптоактивами (crypto-asset service provider или CASP). Под таким поставщиком понимается юридическое лицо, чьей деятельностью является предоставление одной или нескольких услуг, связанных с криптоактивами на профессиональной основе, и которому разрешено предоставлять такие услуги в соответствии с Регламентом [10, с. 64]. Следующие услуги признаются услугами, связанными с криптоактивами:

- обеспечение хранения и администрирования криптоактивов от имени клиентов;
- эксплуатация торговой платформы для операций с криптоактивами;
- обмен криптоактивов на денежные средства;
- обмен криптоактивов на другие криптоактивы:
- исполнение распоряжений на криптоактивы от имени клиентов;
- размещение криптоактивов;
- прием и передача распоряжений на криптоактивы от имени клиентов;
- предоставление консультаций, связанных с криптоактивами;
- обеспечение управления портфелем криптоактивов;
- предоставление услуг по переводу криптоактивов от имени клиентов.

Юридические лица, желающие предоставлять услуги в сфере криптоактивов, должны обратиться за соответствующим разрешением в компетентный орган государства-члена ЕС, в котором они зарегистрированы. Этот орган также необходимо уведомлять для предоставления услуг, связанных

с криптоактивами, в других странах-членах ЕС. Лица, предоставляющие услуги, связанные с криптоактивами, должны соответствовать различным нормативным требованиям, закреплённым в MiCA (например, требованиям к минимальному капиталу, раскрытие информации и др.). Регламент MiCA также устанавливает конкретные требования к предоставлению каждой услуги, связанной с криптоактивами.

Следует отметить, что Регламент MiCA не ограничивается рассмотренными положениями, однако разобранные положения являются основой регулирования, закреплённой Регламентом. Несмотря на достаточно большой объем криптоактивов, охватываемых регулированием MiCA, а также закрепление подробных и обширных правил для участников отношений в сфере криптоактивов, можно выделить ряд проблемных вопросов, возникающих при анализе Регламента. Так, предложенное разделение криптоактивов может вызывать вопросы при попытке классификации некоторых видов токенов, например, гибридных токенов, которые могут содержать в себе свойства как инвестиционного инструмента, так и утилитарного цифрового права. В связи с этим Регламент MiCA предусматривает, что до 30 декабря 2024 года Европейское управление по ценным бумагам и рынкам должно выпустить специальное руководство об условиях и критериях квалификации криптоактивов в качестве финансовых инструментов.

Также следует отметить, что Регламентом никак не регулируются полностью децентрализованный выпуск криптоактивов. Отсутствие такого регулирования говорит о том, что на сегодняшний день проблема, связанная с законодательным принуждением таких эмитентов к исполнению правил, остаётся неразрешенной. Исходя из слов Марка Фостера, руководителя политики ЕС в «Крипто-совете по инновациям», исключение регулирования полностью децентрализованных токенов является сознательным политическим решением, принятым в процессе переговоров по MiCA [16].

Проводя параллели с российским законодательством следует сказать, что в России также закреплены некоторые понятия и правила, связанные с регулированием рынка криптоактивов. Так, федеральными законами закреплены понятия утилитарного цифрового права (УЦП) [17], цифрового финансового актива (ЦФА) [18], цифровой валюты и др. Помимо этого в России установлены специальные требования к информационной системе, в которой происходит выпуск ЦФА и УЦП: такая система должна быть включена в реестр Центрального Банка и соблюдать определенные требования. Российским законом определяются требования к решению о выпуске цифровых финансовых активов [18], схожие по своему содержанию с требованиями к технической документации «white paper». Также некоторые исследователи обращают внимание на то, что содержание закреплённого в российском законе определения ЦФА во многом соответствует содержанию термина «инвестиционный токен», активно используемого иностранными государствами, в том числе странами-участниками ЕС [19, с. 155]. Аналогична ситуация и с закреплённым в России определением утилитарного цифрового права, которое схоже с закреплённым в Регламенте MiCA определением утилитарного токена.

Несмотря на выявленные сходства стоит отметить и некоторые различия в регулировании рынка криптоактивов в РФ и ЕС. Так, например, на данный момент в российском законодательстве не закреплено понятие и не предусмотрены специальные правила регулирования для «стейблкоинов», схожих с содержанием токенов ART и EMT, несмотря на существование законодательных инициатив, направленных на регулирование этой сферы [20]. Кроме того, на данный момент в российском законодательстве не урегулированы вопросы, относящиеся к деятельности поставщиков услуг, связанных с криптоактивами. Деятельность лиц, выполняющих такие услуги, фактически находится в «серой зоне» и на данный момент нельзя с уверенностью сказать о

том, в каком направлении будет идти регулирование данной деятельности в дальнейшем.

Так, Регламент MiCA однозначно представляет собой достаточно обширный и подробный свод правил, регулирующий определенную часть рынка криптоактивов. Введение Регламента также повлекло за собой возникновение ряда вопросов к европейскому законодательству относительно рынка криптоактивов. В частности, неразрешенными на данный момент остаются вопросы о разграничении некоторых видов криптоактивов, а также вопросы, связанные с дальнейшим регулированием полностью децентрализованных токенов и невзаимозаменяемых токенов (NFT). Несмотря на эти неразрешенные вопросы следует сказать, что изучение предложенного Регламентом MiCA регулирования может дать положительный эффект для российского законодателя. Несмотря на определенные различия, некоторые существующие подходы к регулированию этой сферы в России схожи с подходами, предлагаемыми регламентом MiCA. Изучение и сравнение этих подходов позволит лучше разбираться в эффективности тех или иных правил регулирования. Кроме того, так как российское регулирование не охватывает некоторые виды криптоактивов, входящие в объем регулирования регламента MiCA, российский законодатель может анализировать соответствующее регулирование с целью принятия решения о возможности и целесообразности введения таких правил в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Хакс Д. Теория экономической истории. Перевод с английского / Общ. Ред. И вступ. Ст. Р.М. Нуреева – М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. – 224 с.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Перевод с английского / Клаус Шваб. – М. : Эксмо, 2020. – 208 с.

3. Развитие технологии распределенных реестров. Доклад для общественных консультаций [Электронный ресурс] // Банк России URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/50678/Consultation_Paper_171229\(2\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/50678/Consultation_Paper_171229(2).pdf) (дата обращения: 14.03.2024).

4. Горда А.С., Горда О.С. Криптовалюты как новый элемент мировой финансовой системы // Ученые записки крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. - 2019. - №1. - С. 10-22.

5. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций // Банк России URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 14.03.2024).

6. Мосакова Е.А. Риски использования криптовалют как новейшей формы денег в условиях цифровой экономики // Информационное общество. - 2021. - №3. - С. 2-8.

7. Грошев С.А. Децентрализованные финансы (DeFi): природа и перспективы законодательного регулирования // СКИФ. Вопросы студенческой науки. - 2024. - №2. - С. 25-30.

8. Decentralized Finance: information frictions and public policies. Approaching the regulation and supervision of decentralized finance // European Commission URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2022-10/finance-events-221021-report_en.pdf (дата обращения: 14.03.2024).

9. 关于进一步防范和处置虚拟货币交易炒作风险的通知 // 中国人民银行办公厅 // URL: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4348521/index.html> (дата обращения: 14.03.2024).

10. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No

1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 (Text with EEA relevance) // EUR-Lex URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R1114> (дата обращения: 14.03.2024).

11. Договор о функционировании Европейского Союза (новая редакция) // Право Европейского Союза. Право ЕС: Учредительные договоры, диссертации, книги, акты и другая информация URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 14.03.2024).

12. The Maker Protocol: MakerDAO's Multi-Collateral Dai (MCD) System // MakerDAO An Unbiased Global Financial System URL: <https://makerdao.com/en/whitepaper> (дата обращения: 14.03.2024).

13. Transparency // Tether Operations Limited URL: <https://tether.to/ru/transparency/#usdt> (дата обращения: 14.03.2024).

14. MiFID II. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU // ESMA: European Securities and Markets Authority URL: <https://www.esma.europa.eu/publications-and-data/interactive-single-rulebook/mifid-ii> (дата обращения: 14.03.2024).

15. DIRECTIVE 2009/110/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC // EUR-Lex URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0110> (дата обращения: 14.03.2024).

16. EU's MiCA regulation defers decisions on DeFi // BLOCKWORKS INC. URL: <https://blockworks.co/news/mica-defi-exempt-eu-regulation> (дата обращения: 14.03.2024).

17. Закон Российской Федерации "Федеральный закон "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 02.08.2019 N 259-ФЗ" // Официальный интернет-портал правовой информации. - с изм. и допол. в ред. от 11.03.2024.

18. Закон Российской Федерации "Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция)" // Официальный интернет-портал правовой информации. - с изм. и допол. в ред. от 11.03.2024.

19. Леонтьева Н.Е. Цифровые финансовые активы: новый объект или давно известная сущность? // Образование и право. - 2-22. - №1. - С. 153-159.

20. Законопроект № 540256-8 О внесении изменений в Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/540256-8> (дата обращения: 14.03.2024).

УДК 341.45

Мецлер Валерия Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vmetzler2002@mail.ru

Metsler Valeria

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: международно-правовое сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации остается актуальной темой, особенно в сложившихся геополитических обстоятельствах. Стабильный рост преступности по всему миру говорит о необходимости продолжения сотрудничества правоохранительных органов всех стран. В статье рассматриваются основные международно-правовые направления сотрудничества органов прокуратуры РФ. Делается вывод о необходимости и эффективности международного сотрудничества.

Ключевые слова: органы прокуратуры РФ, международное сотрудничество, правовая помощь по уголовным делам, экстрадиция, Генеральная прокуратура РФ, ГУМПС.

INTERNATIONAL COOPERATION OF PROSECUTION BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

Annotation: international legal cooperation between the prosecutor's office of the Russian Federation remains a relevant topic, especially in the current geopolitical circumstances. The steady increase in crime around the world indicates the need for continued cooperation between law enforcement agencies of all countries. The article discusses the main international legal areas of cooperation between the prosecutor's office of the Russian Federation. The conclusion is drawn about the necessity and effectiveness of international cooperation.

Key words: prosecutor's Office of the Russian Federation, international cooperation, legal assistance in criminal cases, extradition, General Prosecutor's Office of the Russian Federation, GUMPS.

Международное право играет важную роль в регулировании общественных отношений на мировом уровне, способствуя прогрессу и развитию международного сообщества. Основные принципы международного права, такие как независимость, невмешательство, уважение суверенитета, мирное сосуществование и сотрудничество, были сформулированы совместно государствами для обеспечения социального прогресса и развития. Сотрудничество государств в современных условиях играет огромную роль в построении безопасности и мира.

Актуальность исследования объясняется закреплением с помощью Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным от 31 марта 2023 года №229, в целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира приоритетного внимания укреплению потенциала и повышению международной роли международных организаций и сотрудничества с государствами. Также в данной Концепции закреплено стремление России к преобразованию Евразии в единое общеконтинентальное пространство мира и стабильности путем укрепления потенциала и повышению роли международных организаций и

сотрудничества с государствами в обеспечении безопасности в Евразии и содействии ее устойчивому развитию путем совершенствования деятельности международных организаций с учетом современных геополитических реалий.

Данное направление остается важнейшим в деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Самостоятельным структурным подразделением Генеральной прокуратуры Российской Федерации, организующее участие работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в международном сотрудничестве, является Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации [1].

Согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» «Генеральная прокуратура в пределах своей компетенции осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, участвует в разработке международных договоров Российской Федерации». Прогресс в рамках международной деятельности органов прокуратуры не стоит на месте. Так, в 2021 году у Генеральной прокуратуры Российской Федерации появились новые международно-правовые функции, которые не касаются уголовно-правового направления [2, с. 70]. К такому направлению относится представительство и защита интересов РФ в межгосударственных органах, иностранных и международных судах, иностранных и международных арбитражах, а также представительство в ЕСПЧ. Однако представительство в Европейском суде по правам человека, как дополнительная функция прокуратуры, в скором времени была упразднена. В то же время активное внимание уделяется первой функции – представлению интересов России в межгосударственных органах [3, с. 80]. Например, ежегодно организуется совещания Генеральных прокуроров государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, в котором в том

числе принимает участие Генеральный прокурор Российской Федерации. За долгие годы работы Организации совещание Генеральных прокуроров как механизм способствовал углублению обменов и взаимодействия в сфере надзора за соблюдением законодательства, объединению усилий в борьбе с транснациональной преступностью, что вносит особый вклад в обеспечение безопасности и стабильности на пространстве ШОС.

В текущем году и за прошедшие 2022-2023 годы международное сотрудничество органов прокуратуры осуществляется в сложных геополитических обстоятельствах. Связанно это с началом специальной военной операции на Украине и с отказом многих стран от сотрудничества. Российская Федерация в 2022 году прекратила членство в Совете Европы, и, в связи с недружественными действиями многих стран, Генеральная прокуратура РФ приняла решение выйти из числа членов Международной ассоциации прокуроров, а правоохранительные органы других стран приостановили работу по реализации программ сотрудничества с Генеральной прокуратурой РФ.

Однако, несмотря на сложившиеся обстоятельства, органы прокуратуры РФ продолжают активно развиваться в международно-правовом направлении, которое по сей день остается важнейшим и приоритетным для формирования безопасного пространства. Перейдем к рассмотрению конкретных направлений международного сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ.

Первым важнейшим направлением я бы хотела назвать выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора. За 2023 год компетентными органами иностранных государств приняты решения о выдаче в РФ 151 лица, исполнены 376 российских запросов о правовой помощи по уголовным делам. К примеру, министерство юстиции Сербии удовлетворило запрос Генеральной прокуратуры РФ о выдаче для привлечения лица к уголовной ответственности за использование заведомо подложного документа и покушение на мошенничество в крупном размере при получении выплат [4, с.

115]. В то же время при сотрудничестве с Турцией было удовлетворено 12 запросов о разрешении транзитной перевозки выдаваемых лиц. Конечно, в сложившейся геополитической обстановке, большому количеству запросов о выдаче лиц для уголовного преследования отказывают в удовлетворении по политическим мотивам, в связи с проведением специальной военной операции. Однако Генеральная прокуратура призывает страны к деполитизированному сотрудничеству в сфере борьбы с преступностью в рамках международных договоров, поскольку подобные решения принимаются в нарушение Европейской конвенции о выдаче 1957 года, таким образом, лица избегают уголовной ответственности [5, с. 32]. В свою очередь Генеральная прокуратура рассмотрела 543 запроса о выдаче лиц из РФ. Удовлетворены запросы о выдаче Генеральной прокуратурой РФ были в отношении 440 лиц.

В основном удовлетворяют запросы о выдаче следующие страны: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения, Польша, Испания, Чехия и Турция [4, с. 117].

Следующее важное направление – правовая помощь по уголовным делам. Как я уже говорила выше, за 2023 год исполнены 376 российских запросов о правовой помощи по уголовным делам. Однако отказано в исполнении 66 запросов о правовой помощи, из них 34 по политическим мотивам. Так, например, Швейцария сообщила о приостановлении оказания России правовой помощи, в связи с «наивысшими сомнениями относительно того, что Россия будет придерживаться гарантий или других международно-правовых обязательств в связи с оказываемой помощью». В свою очередь российская сторона рассмотрела 3600 запросов о правовой помощи по уголовным делам иностранных государств, из них 3324 были исполнены российской стороной.

Поручения об уголовном преследовании. К сожалению, на 2023 год статистику невозможно найти по данному направлению. Однако за 2022 год статистика представлена. Так из иностранных государств поступило 40

уголовных дел с поручениями об осуществлении уголовного преследования российских граждан. В свою очередь, в компетентные органы иностранных государств было направлено 65 уголовных дел, по 34 таким делам были вынесены обвинительные приговоры [4, с. 119].

Активно развивается направление розыска, ареста, конфискации и возврата из-за рубежа активов, полученных преступным путем. Во-первых, стоит отметить, что ГУМПС регулярно совершенствует законодательство в рамках возврата активов из-за рубежа. Россия в 2023 году направило в компетентные органы иностранных государств 10 запросов по данному направлению, из них 10 рассмотрено и 8 удовлетворены. К примеру, в Монако был наложен арест на денежные средства в сумме 40 миллионов евро, в Латвии наложен арест на объекты недвижимости – 2 здания и 2 земельных участка.

Таким образом, в заключении хочу сказать, что несмотря на сложную геополитическую ситуацию в мире, международно-правовое сотрудничество органов прокуратуры РФ не стоит на месте. Активно сохраняются рабочие контакты с коллегами из других государств. Активизируется взаимодействие с дружественными странами, которые входят в БРИКС, ШОС и др. Уделяется все большее внимание международному сотрудничеству в рамках построения безопасного пространства. Современные вызовы, такие как транснациональная преступность, коррупция и терроризм, требуют от органов прокуратуры всего мирового сообщества единства в действиях и сотрудничества на международном уровне. Только объединив усилия, можно успешно противостоять глобальным угрозам и обеспечить безопасность граждан. Таким образом, международное сотрудничество органов прокуратуры РФ является необходимым и важным инструментом в борьбе с преступностью и защите законности, способствует укреплению международного правопорядка и справедливости.

Список литературы:

1. Положение о Главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации (утв. Генпрокуратурой России от 26.09.2022) // СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 02.03.2024].

2. Татарина, А. И. Международное сотрудничество как одна из функций прокуратуры Российской Федерации / А. И. Татарина // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № S1. – С. 69-72.

3. Бабенко, С. В. Об отдельных аспектах международного сотрудничества органов прокуратуры России в сфере уголовного судопроизводства / С. В. Бабенко, Д. Н. Тишкин // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 2(97). – С. 80-83

4. Григорьев, В. Н. Об основных результатах международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации и его перспективных направлениях в современных условиях / В. Н. Григорьев, М. Ю. Тарасов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 113-121.

5. Карапетян, С. А. Участие прокуратуры Российской Федерации в международно-правовом сотрудничестве / С. А. Карапетян // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 1(57). – С. 24-32.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.9

Дрюпина Владислава Борисовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vladislavadryupina@yandex.ru

Drupina Vladislava

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Yekaterinburg

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация: в данной статье раскрывается понятие «коррупция», рассматривается вопрос о некоторых особенностях антикоррупционной политики и эффективных мерах борьбы с преступными деяниями, наносящими ущерб государственной стабильности, определяется роль прокуратуры, институтов гражданского общества и органов государственной власти в противодействии коррупционным проявлениям.

Ключевые слова: коррупция, прокуратура Российской Федерации, антикоррупционная деятельность, административное законодательство, средства противодействия коррупции, антикоррупционная политика.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS IN THE FIELD OF ANTI- CORRUPTION

Annotation: this article reveals the concept of "corruption", examines the question of some features of anti-corruption policy and effective measures to combat criminal acts

that damage state stability, defines the role of the prosecutor's office, civil society institutions and public authorities in countering corruption manifestations.

Key words: corruption, the Prosecutor's Office of the Russian Federation, anti-corruption activities, administrative legislation, anti-corruption tools, anti-corruption policy.

Коррупция - противоправное деяние, наносящее ущерб государственной стабильности, обеспечению законности на территории РФ, а также качественному развитию предпринимательства и рациональному расходованию бюджетных средств. Антикоррупционная деятельность является эффективным средством обеспечения законности и национальной безопасности в целом. Задача прокуратуры РФ в этом направлении - выявление, пресечение, устранение имеющих место нарушений законодательства. Так, например, одно из направлений профилактической работы со стороны прокуратуры - антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их устранения. На официальных сайтах Генпрокуратуры России и подчиненных прокуратур размещается информация, формирующая правовое сознание, работают рубрики «Прокурор разъясняет», «Новое в законодательстве», а также функционируют горячие линии и разделы по приему обращений граждан.

Опасность коррупционных правонарушений, вне зависимости от их вида, в целом обусловлена тем, что они могут быть осуществлены в любой сфере жизнедеятельности, практически каждый субъект права в своей жизни хотя бы раз столкнулся с проявлениями коррупции, и, как бы не было печально это осознавать, в настоящий момент в российском обществе коррупция является привычной составляющей деятельности государственных органов. Несомненно, такая ситуация не может не вызывать обоснованных опасений у государства, в

связи с чем существует насущная потребность в разработке действенной системы противодействия коррупции.

Нет сомнений, что наиболее важной, но при этом и наиболее сложной составляющей деятельности по противодействию коррупции выступает ее предупреждение. И именно на этом направлении и должно быть сосредоточено основное внимание российского государства и общества. Здесь нельзя не обратить внимание на тот факт, что законодатель принимает активные шаги в рассматриваемой сфере, о чем свидетельствует принятие за последние годы весьма значительного количества нормативных правовых актов, так или иначе затрагивающих вопросы противодействия коррупции. Но, как совершенно справедливо отмечают исследователи В.А. Коновалова, С.В. Никитина, предпринимаемые меры не достигают необходимого результата, а уровень коррупции в России является крайне высоким [3, с. 223].

Представляется, что выделить какую – либо одну основную причину данной проблемы невозможно, это обусловлено и несовершенством законодательства, проявляющимся и в рассогласованности положений отдельных актов, и отсутствием четкого механизма реализации антикоррупционных мер, и менталитетом российского общества, фактически смирившегося с тем, что решение любых значимых вопросов невозможно без соответствующего вознаграждения лиц, в полномочия которых входит решение таких вопросов. Поскольку на настоящий момент в нашем государстве коррупция приобрела в различных направлениях деятельности органов государственной власти и управления глобальный и системный характер, невозможно бороться с ней с помощью простых методов, потому что система социально-экономических и политических отношений настолько поражена коррупцией, что ее грубое разрушение свергло бы всю систему. Все это свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению данной проблемы, реализуемого на продолжительном этапе. Представляется, что

решение данной проблемы возможно исключительно посредством выработки и реализации антикоррупционной политики, которая представляет собой одно из направлений национальной правовой политики, в связи с чем должна реализовываться, сочетаясь с иными видами правовой политики.

Данный факт в настоящее время в полной мере осознан и оценен российским государством, предпринимающим активные попытки по реализации данной политики. Представляется, что антикоррупционная политика может быть определена как система взаимосвязанных приоритетов и мер по борьбе с коррупцией, включая экономические, идеологические, организационные, политические и правовые компоненты. Наибольшее распространение имеет законодательная форма антикоррупционной политики, находящая свое отражение в принятии и издании многочисленных нормативно-правовых актов, поскольку иные формы такой политики до настоящего времени практически не выработаны и не сформулированы. Данный вывод следует из того факта, что низкая эффективность противодействия коррупции связана не столько с низким качеством законодательных норм в рассматриваемой сфере, сколько с трудностями реализации правовых норм. Декларативное разрешение любых проблем на законодательном уровне – это лишь один из элементов реализуемой государством политики, несомненно, важный, но не самый значимый.

Антикоррупционная политика не ограничивается формальным юридическим воздействием на общественные отношения. Она представляет собой системную деятельность. Юридический подход основан на выделении трех уровней в антикоррупционной политике: концептуального, законодательного, правоприменительного [5, с. 51]. На концептуальном уровне происходит поиск наилучшей теоретической модели деятельности государственной власти, обеспечивающей эффективное противодействие коррупции; на законодательном уровне осуществляется правотворчество в уголовно-правовой сфере; на правоприменительном происходит применение

уголовно-правовых норм. Огромное значение имеет противодействие коррупции именно в сфере государственной службы, поскольку она направлена на обеспечение выполнения задач и функций государства. Возможно вести речь о системе функций государственной службы. Выделяют среди функций государственной службы их внешние виды и внутренние. Содержание внешних функций государственной службы обусловлено и функциями государства, а также целями и задачами самой государственной службы [6, с. 43].

Особенный интерес представляют внутренние функции государственной службы, они по своей сущности определяют направления становления и развития государственной службы как важнейшей структурной единицы государственного механизма. Исследователями предпринимаются попытки разработать классификацию функций государственной службы. Так, выделяют следующие функции государственной службы как структурной единицы государства: ведение статистического учета государственных служащих в стране и анализ возможности выполнения ими поставленных перед ними задач: иными словами, речь идет о планировании и регулировании численности аппарата государственных служащих; осуществление необходимых для повышения эффективности государственного управления исследований, привлечение научных кадров, результатов доктринальной интеллектуальной деятельности для разработки эффективной системы государственного аппарата; создание системы качества подготовки аппарата государственных служащих, повышения их квалификации: мы обратили бы особое внимание на специализацию государственных служащих, которая в настоящее время востребована в условиях индустриального общества [2, с. 90].

Сами критерии ответственности для государственных служащих должны быть тщательно продуманы с учетом принципа дифференциации ответственности и их правового статуса. Осуществляется постоянная законотворческая деятельность по разработке законопроектов и программ в

сфере государственного управления и государственной службы. При анализе внешних функций государственной службы важно назвать такие, как: содействие защите интересов государства; обеспечение реализации прав и законных интересов граждан, а также их защиты; реализация задач государственных органов в определенных сферах государственной деятельности. Выделяют также контрольную функцию, состоящую в анализе критериев оценки деятельности государственных служащих, оценке кадрового состава государственных служащих (и количественного, и качественного), а также в разработке системы мер ответственности, применяемой к служащим.

Вопросам выработки эффективных мер, посредством которых было бы возможно если не искоренить, то минимизировать коррупцию среди государственных служащих, посвящено значительное количество научных трудов. При этом их анализ позволяет сделать вывод о том, что в качестве наиболее действенных следовало бы рассматривать следующие: ужесточение проверок кандидатов на государственную службу; предъявление жестких требований к исполнению государственными служащими своих полномочий в строгом соответствии с требованиями законодательства, этическими и моральными нормами; достаточно высокое материальное стимулирование государственных служащих, надлежащим образом исполняющих свои должностные обязанности; тщательная и всесторонняя проверка любого обращения граждан о наличии в действиях государственного служащего признаков коррупционного поведения; придание гласности всех выявленных фактов коррупционных нарушений; строжайшая ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения.

Применительно к теме исследования видится необходимым уделить внимание роли некоммерческих организаций [1]. Сегодня эта юридическая возможность используется некоммерческими организациями. Например, Общероссийская общественная организация «Центр противодействия

коррупции в органах государственной власти» функционирует как самостоятельная некоммерческая организация. В реализации государственной политики они выполняют важную функцию в рамках противодействия коррупции, проводя антикоррупционные экспертизы законопроектов в целях выявления и устранения в анализируемых нормах тех факторов, которые могут способствовать возникновению коррупции. Однако здесь нельзя не обратить внимание и на существенный недостаток, снижающий эффективность рассматриваемой деятельности, поскольку заключения экспертиз, произведенных общественными организациями, обладают рекомендательным характером, что не дает возможности признавать такие экспертизы полноправным элементом механизма противодействия коррупции, так как решающее слово в итоге принадлежит органам государственной власти. На основе сказанного можно говорить и об отсутствии эффективного механизма взаимодействия государства и общества в сфере противодействия коррупции. Представляется, что институты гражданского общества и органов государственной власти могут стать в данной сфере полноправными партнерами только в том случае, если все участники этих отношений будут играть по правилам – идейно прилагать всевозможные усилия для достижения общей цели – искоренения коррупции, поскольку первопричиной ее возникновения выступает человеческая ментальность - неуважение к обществу и к закону.

На данный момент в Российской Федерации это не представляется возможным достичь в полном объеме, поскольку уровень взаимодоверия между властью и народом находится на достаточно низком уровне, а приоритетом является именно борьба с последствиями, а не причинами коррупции. Бесспорно, целенаправленные консолидированные усилия общества и органов власти правового государства по противодействию коррупции принесут должный результат. Проанализировав существующую проблему противодействия

коррупции в России, учеными были разработаны следующие практические рекомендации для решения данной проблемы:

1. Повышение престижа государственной службы. На сегодняшний день работа в госорганах не самая благодарная работа, поэтому из-за стереотипов о том, что все чиновники воруют, люди целенаправленно идут на госслужбу с мыслью о том, что там можно воспользоваться своим служебным положением для собственных интересов.

2. Ввести в Российской Федерации антикоррупционное воспитание, опираясь на опыт Дании. На сегодняшний день Дания занимает первые места в мировых антикоррупционных рейтингах, это обусловлено имеющимися разработками в области противодействия коррупции. Ярким примером антикоррупционного воспитания в Дании является образовательный проект «Образование против коррупции», целью которого является воспитание гражданской позиции у молодежи и неприемлемости к коррупции.

3. Усилить обеспечение справедливого наказания для всех лиц, занимающихся коррупционной деятельностью. Государство сформировало государственную службу как специальный, предназначенный для выполнения конкретных задач институт. Государственные функции реализуются посредством деятельности государственного аппарата [4, с. 171].

Наряду с государственным управлением, деятельность служащих направлена на построение гражданского общества, информирование граждан об их правах и обязанностях, обеспечение свободной жизнедеятельности личности. Несмотря на предпринимаемые меры, направленные на развитие антикоррупционной правовой базы, в настоящее время существует ряд проблем, которые препятствуют эффективной реализации федерального законодательства. Поэтому совершенствование законодательства, регулирующего сферу антикоррупционной политики, является одним из

перспективных и важных направлений в борьбе с коррупционными проявлениями.

Список литературы:

1. Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 N 7-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 16.03.2024)
2. Афонченко Т.П. Социальный контроль коррупции со стороны негосударственных структур следует усилить // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9 (9). С. 82-91.
3. Бондарь И.С. Мониторинг государственной и муниципальной службы как эффективный инструмент контроля за деятельностью государственных и муниципальных органов власти // Экономика и социум. 2016. № 1-1 (10). С. 215-230.
4. Турская Е.Р., Дежурный А.А., Жариков М.Н. Административно-правовые средства противодействия коррупции // Право и государство: теория и практика. М., 2021. С. 168-171.
5. Цай Н.И. Анализ системы подготовки государственных служащих // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 12 (30). С. 51-53.
6. Харитонов И.К. Проблемы правового регулирования государственной службы в Российской Федерации // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 40–44.

Кашапов Вадим Ринатович
Уфимский университет науки и технологий
Институт права
Россия, Уфа
Vadim.kashapov.2020@mail.ru
Kashapov Vadim
Ufa University of Science and Technology
Institute of Law
Russia, Ufa

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные понятия и признаки государственной службы, проводится системный анализ распространенных в научной полемике мнений по поводу природы данного института. Целью работы является выявление и развитие такого института как государственная служба в РФ, в целях дальнейшего единообразного понимания его основных, главенствующих положений и норм. Это исследование позволило выявить многогранный характер природы данного института государственного управления.

Ключевые слова: государственная служба, научная полемика, понятие, признаки государственной службы, правовые отношения, государство.

THE CONCEPT AND FEATURES OF PUBLIC SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: this article examines the basic concepts and features of public service, conducts a systematic analysis of the opinions common in scientific polemics about the

nature of this institution. The purpose of the work is to identify and develop such an institution as the civil service in the Russian Federation, in order to further a uniform understanding of its basic, dominant provisions and norms. This study revealed the multifaceted nature of the nature of this institution of public administration.

Key words: public service, scientific controversy, concept, signs of public service, legal relations, the state.

На сегодняшний день государственная служба является неотъемлемым элементом в деятельности государства. Она позволяет планомерно и поэтапно реализовывать основные направления государственной политики, а также достичь стратегически важных целей, стоящих перед страной на определенном этапе ее становления, функционирования и дальнейшего развития. Можно с уверенностью утверждать, что данный институт в сфере государственного устройства и управления продолжает свое развитие и становится оптимальным для той правовой и государственной структуры, которая установлена обществом и типом государства. Прежде чем определять виды, структуру и иные элементы государственной службы, необходимо обозначить понятийную основу данного государственного института, определить основные признаки и свойства, присущие государственной службе. Далее, более подробно раскроем ранее указанные теоретические основы и установим проблемы теоретического представления о данном государственном институте.

Так, правовому и демократическому государству для своего функционирования необходим источник власти. В Российской Федерации основным источником власти является его многонациональный народ, который и реализует свои права в государстве. Именно народ, но прежде всего граждане РФ занимают основные ключевые места в органах публичной администрации.

Стоит обратить внимание, что законодательное определение государственной службы обозначается как – «профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий: Российской Федерации; федеральных органов государственной власти, государственных органов субъектов Российской Федерации; органов государственной власти субъектов Российской Федерации...» [1]. То есть, в данном определении можно заметить основной признак государственной службы, то что к ней допускаются только лица получившие в установленном порядке гражданство государства. Также исходя из этого определения, отметим признак служебная деятельность, что подразумевает «служение народу», то есть реализация своих полномочий прежде всего во благо жителей страны, например, реализуется в защите их прав.

С позиции доктринальных основ, исследованием государственной службы активно занимаются такие ученые, как Ю.В. Стариков, Л.А. Чиканова, И.А. Дякиной и другие. Так, в научной полемики активно обсуждаются различные варианты определения государственной службы.

Можно вывести несколько направлений развития понятия «государственная служба».

Во-первых, существует устоявшееся мнение, что государственная служба является видом профессиональной, государственной деятельности. Во-вторых, есть мнение, что государственная служба – это разновидность прежде всего труда. В-третьих, государственная служба – это прежде всего определенный договор публичного характера между государством и гражданином. В-четвертых – это публично-правовые отношения между государством и гражданином.

Первую точку зрения поддерживает Л.И. Акутов, и отмечает, что государственная служба это – «профессиональное участие граждан в выполнении различных целей, а также функций государства за счет того, что

исполняются различные государственные должности» [2, с. 121-123]. То есть, мы наблюдаем признак профессиональности, который показывает, что лицо поступающее на данную особую трудовую деятельность должно обладать определенными навыками для исполнения функций на должностях, установленных государством. Такой же позиции придерживается, Д.М. Овсянко, который считает, что «государственная служба представляет собой вид общественно полезной профессионально-служебной деятельности, которая хотя и носит обеспечивающий характер...» [3]. Отсюда следует, что государственная служба обеспечивает первоначально общественную пользу, а не личные интересы лица, выполняющего функции представителя власти. В свою очередь «профессиональная деятельность» и есть то основополагающее понятие, которое находится в центре всех предлагаемых законодателем мер по реформированию гражданской службы [4, с. 302-312].

Второй точки зрения придерживаются О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев, которые под госслужбой понимают «особый труд в органах государственной власти...» [5]. Этой же позиции придерживается, Т. Б. Ивашина, и говорит, что «государственная служба – трудовая деятельность, заключающаяся в практической реализации государственных функций сотрудниками государственных учреждений, подразумевающих обеспечение, в том числе, инновационного развития страны» [6, с. 70-77]. Действительно, государственная служба имеет признаки трудовых отношений, такие как систематическое выполнение трудовой функции, получение денежного вознаграждения в определенные даты, режим рабочего времени, но в то же время свои особенности: особые субъекты, меры ответственности, запреты и ограничения.

Третья точка зрения относится к высказыванию, О. И. Чистякова, что государственная служба – «договор, который считается свободным по своей сущности, из него вытекает одностороннее публично-обязательственное отношение частных лиц к самому носителю публичной власти, чтобы

реализовать волю последнего» [7, с. 520]. Иными словами, в рамках договорных отношений публичного характера, происходит взаимодействие субъектов государственной службы, например, во время заключения государственного контракта с государственным служащим. Но стоит отметить, что одностороннее волеизъявление представляется не совсем верным. Так как, как правило, возникновение отношений в сфере государственной службы происходит частично по воле обеих сторон, государство предоставляет должность государственной службы, а гражданин подает документы на данную должность, что выражает его волеизъявления.

И четвертая точка зрения исходит из мнения, Н.М. Коркунова, который определял государственную службу как особое «публично-правовое отношение служащего к государству, основанное на подчинении и имеющее своим содержанием обязательную деятельность, совершаемую от лица государства и направленную к осуществлению определенной задачи государственной деятельности [8, с. 271]. И действительно, отношения в сфере государственной службы, имеют публичный характер, выражают пользу народа и граждан, в том числе реализуются в сфере государственного управления. И тем самым представление понятия госслужбы через публичные отношения, представляется нам также верным, но обозначение в данном случае нужно воспринимать через широкое представление данного института публичной власти.

В качестве признаков государственной службы выше были обозначены такие, как ее «публичность, властный и профессиональный характер» [9, с. 199-200]. Также, например, Н.М. Казанцев, включает в понятие государственной службы такой признак, как «иерархической» [10], что представляется нам верным, ведь в системе государственной службы существует определенная выстроенная «конструкция» должностей.

По нашему мнению, к вышеприведенным признакам госслужбы в РФ следует добавить:

1. Как правило государственная служба связана с аналитической и интеллектуальной деятельностью. 2. Является деятельностью с значительным количеством ограничений и запретов. 3. Предполагает повышенную ответственность перед обществом и государством. 4. Является общественно уважаемой деятельностью со стороны общества. 5. Стабильностью в плане материального обеспечения и выплат вознаграждения за службу. 6. На сегодняшний день связана с применением цифровых технологий и процессами цифровизации. 7. Отличается повышенными рисками коррупционного характера. 8. Является динамичной деятельностью, которая развивается по современным реалии. 9. Финансовое обеспечение происходит с помощью главного фонда страны государства – бюджета.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что несмотря на закрепление в законодательстве понятия государственной службы, происходят научные диспуты в части определения понятия данного правового явления. В научной среде отсутствует единое мнение. Каждый автор, приведенный выше, приводит свое понятие, но с соблюдением устоявшихся признаков данного правового института. По нашему мнению, государственная служба – это вид публичных отношений, заключающийся в профессиональной, как правило, интеллектуальной деятельности граждан, направленной на реализацию полномочий государства, имеющий бюджетное финансирование, в целях обеспечения прав и свобод жителей страны.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 14. февраля 2024 № 10-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL:<http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).

2. Акутова Л. И. Понятие и признаки государственной службы // Молодой ученый. 2018. № 45 (231). С. 121-123.
3. Овсянко Д. М. Государственная служба Российской Федерации: учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист. 2008.
4. Волкова М.В. Понятие и система государственной службы в Российской Федерации // Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков. 2023. С. 302-312.
5. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ. 2011.
6. Ивашина Т. Б. Интеллектуальная собственность как инструмент стимулирования инноваций // Государственное и муниципальное управление в России: материалы X Международной научнопрактической конференции. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2017. С. 70 - 77.
7. Чистяков О. И. Хрестоматия по истории отечественного государства и права // М.: Юрайт. 2016. 520 с.
8. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1892. С. 271.
9. Андреев В. И. Анализ содержания понятия «Государственная служба» // Молодежь, наука и цивилизация. 2022 С. 199-200.
10. Казанцев Н.М. Публично-правовое регулирование государственной службы : Институт.- функцион. анализ / Н. Казанцев; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М.: Изд-во РАГС. 1999.

**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.163

Вострикова Анастасия Михайловна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru

Vostrikova Anastasia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

**ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Аннотация: в работе рассмотрено такое узкое направление прокурорского надзора, как надзор в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, проанализировано место данного направления среди иных направлений надзора. Автором рассмотрены особенности данного направления прокурорского надзора, применительно к актам прокурорского реагирования, действий, которые обязан совершить прокурор при проведении проверки.

Ключевые слова: прокурорский надзор, наркотические средства, психотропные вещества, прокуратура, исполнение закона.

**FEATURES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE SPHERE OF
TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC
SUBSTANCES**

Annotation: the paper considers such a narrow area of prosecutorial supervision as supervision in the field of trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, analyzes the place of this area among other areas of supervision. The author considers the features of this area of prosecutorial supervision, in relation to acts of prosecutorial response, actions that the prosecutor is obliged to perform during the audit.

Key words: prosecutor's supervision, narcotic drugs, psychotropic substances, prosecutor's office, law enforcement

В настоящее время одной из угроз национальной безопасности, а также здоровью и нравственности населения является распространение наркотических средств и психотропных веществ среди молодежи, в том числе с помощью сети «Интернет». Прокуратура исторически является органом надзора, и в современном мире её роль повышается в связи с увеличением и масштабированием указанной проблемы.

В теории прокурорского надзора принято выделять широкие и узкие направления деятельности органов прокуратуры [4, с. 31]. Надзор в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ является одним из узких направлений, поскольку входит в более широкое направление – надзор за исполнением законов на территории Российской Федерации. Данное узкое направление надзора относится к указанному широкому вследствие того, что основными его задачами является именно исполнение законов, предусмотренных в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ: Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и другие.

Но, вместе с этим, обсуждаемое направление надзора несколько затрагивает и права человека и гражданина, что позволяет относить его определенные вопросы ко второму широкому направлению – надзору за

соблюдением прав и свобод человека. Как отмечает Ергашев Е. Р.: «целью надзорно-охранительной деятельности прокуратуры по охране прав и свобод человека и гражданина является своевременное выявление нарушений законности и адекватное реагирование на выявленные нарушения» [5, с. 3]. Вопросы, которые касаются предоставления лицам лекарственных препаратов, ввоза препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, являются, по своей сути, надзором за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [7, с. 370].

Как и другие направления надзора обсуждаемое направление имеет свои задачи, которое позволяет обособить, выделить его среди других. Таковыми задачами являются обеспечение законности в сфере легального оборота наркотиков, недопущение распространения наркотических средств иными, чем определено законом, путями, профилактика правонарушений в данной сфере и наркомании, защита и помощь лицам, больным наркоманией, нуждающихся в лечении и реабилитации [8, с. 224].

Переходя к рассмотрению особенностей прокурорского надзора в указанном направлении деятельности, стоит начать с вопроса, который касается пропаганды наркотических средств и психотропных веществ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет»). В настоящее время на практике при расследовании преступлений, которые касаются распространения наркотиков, их незаконного сбыта, информации об их нахождении, все чаще используются информационные каналы социальных сетей, которые «замаскированы» под сайты и группы обычных магазинов. В данном случае можно найти сразу два источника информации о незаконном обороте наркотических средств: материалы уголовного дела и сообщения в сети «Интернет».

При осуществлении надзора за исполнением законодательства об обороте наркотических средств прокурор может несколькими способами реагировать на

выявленные правонарушения, которые касаются распространения информации о наркотиках в сети «Интернет».

Так, при самостоятельном обнаружении подобного рода информации прокурор незамедлительно подает исковое заявление в суд с просьбой признать соответствующий домен недействительным. Данная обязанность на прокурора возлагается действующим законодательством, которое регулирует вопросы блокировки сайтов в сети «Интернет»: в первую очередь речь идет о ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. В ст. 15.1 указанного закона регламентируется создание и функционирование специального реестра.

В силу того, что обязательным условием внесения данных сайта в указанный реестр является признание судом информации, содержащейся на сайте, т. е. наличие принятого судебного решения, прокурор обязан по окончании проверки подать соответствующий иск в суд, а затем удостовериться, что сайт будет внесен в реестр.

Как указывалось ранее, вторым источником информации, откуда прокурор может узнать о существовании подобных сайтов, является осуществление надзора за деятельностью следователей и дознавателей, которые расследуют соответствующие преступления. Также нельзя забывать о таких источниках как рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях, поступающих в прокуратуру, жалоб и иных обращений граждан и т.д.

В данном случае особенность надзора (при самостоятельном выявлении сайта, содержащего информацию о незаконном обороте наркотических средств или обнаружении из обращений граждан) заключается в незамедлительном обращении в суд. В данном случае исковое заявление, которое подается прокурором в суд для внесения в реестр сайта, будет специфическим результатом прокурорской проверки, при осуществлении которой прокурор должен проверить, что указанная информация нарушает требования закона,

носит характер пропаганды. Если же говорить о сообщениях о преступлении, которые также могут направляться гражданами в органы прокуратуры, то в данном случае прокурор после проведения полноценной проверки выносит мотивированное постановление о направлении в органы предварительного расследования соответствующих материалов, что является поводом к возбуждению уголовного дела.

Следует отметить, что следующей особенностью является профилактическая деятельность органов прокуратуры. В теории прокурорского надзора особенно выделяется оценка профилактических мероприятий: «Принимая во внимание высокую социальную значимость профилактики наркомании, отметим, что важнейшее направление прокурорской деятельности составляют взаимодействие с органами исполнительной власти и координация усилий правоохранительных органов» [6, с. 100].

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре») на Генерального прокурора и подчиненных ему прокуроров возложена обязанность по координации деятельности по борьбе с преступностью. И, конечно, поскольку за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ предусмотрена уголовная ответственность, а также по причине того, что сейчас данный вид преступности становится достаточно «популярным», действия прокуратуры должны быть направлены на пресечение подобных нарушений, в том числе путем координации деятельности правоохранительных органов.

Что касается взаимодействия прокуратуры с иными органами, то стоит остановиться на том, что прокуроры субъектов, в соответствии со ст. 7 ФЗ «О прокуратуре» вправе присутствовать на заседаниях представительных (законодательных) и исполнительных органов субъекта Российской Федерации. Поскольку указанные органы могут принимать акты, регулирующие профилактику наркомании (например, региональные программы, направленные

на профилактику незаконного потребления наркотических средств), прокуратура обязана будет участвовать в разработке таких мероприятий, в частности, во избежание нарушения законодательства, регулирующего вопросы незаконного оборота наркотических средств.

Таким образом, еще одной особенностью является взаимодействие прокуратуры с иными органами для наиболее эффективного осуществления возложенных надзорных функций с целью профилактики нарушений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Помимо всего сказанного, в обсуждаемом направлении надзора в качестве особенности необходимо выделить прокурорские проверки в различных учреждениях: аптечных учреждениях, больницах и иных, в которых осуществляется легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Подобный надзор необходим в том числе потому, что прокуратурой должны проводиться действия по противодействию коррупции.

При проведении прокурорских проверок в указанных учреждениях прокурору целесообразно выяснить следующие вопросы: не нарушается ли порядок отпуска наркотических средств; обеспечен ли учет и сохранность наркотических средств; есть ли лицензия на реализацию наркотических средств и другие вопросы, направленные на всестороннее изучение правильности и законности оборота наркотических средств [7, с. 370].

Таким образом, мы можем говорить о том, что особенности прокурорского надзора в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ заключаются и в процедуре, которая предшествует вынесению акта прокурорского реагирования, и в самих выносимых актах. Так, прокурор обязан осуществлять тщательную проверку поступившей информации, выносить те акты, которые в данном случае будут удовлетворять требованиям законности и убедительности.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 N 3-ФЗ.
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1.
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ.
4. Ергашев Е. Р. К вопросу о сущности прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // ЮП. 2008. №1.
5. Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для вузов / Е. Р. Ергашев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 474 с.
6. Иванченко Е. А. Прокурорский надзор в сфере борьбы с распространением наркотических средств и психотропных веществ // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. №1.
7. Капинус О. С., Кехлерова С. Г. Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1: практическое пособие / О. С. Капинус [и др.]; под общей редакцией О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова; под научной редакцией А. Ю. Винокурова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 595 с.
8. Шаров М. И. Пределы прокурорского надзора за исполнением законов об обороте наркотиков // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. №1.

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 347.9

Багаев Максим Эдуардович
Бегишев Георгий Сергеевич
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
bagaev.mack@yandex.ru
tesbnv@gmail.com
Bagaev Maxim
Begishev Georgy
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Faculty of Law
Russia, Saint-Petersburg

**ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В
АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация: в статье рассматривается институт имущественной ответственности судебного эксперта в арбитражном процессе. Авторы отмечают особенности функционирования данного института, на основе анализа правоприменительной практики. Особое внимание уделяется предъявляемым требованиям к заключению эксперта.

Ключевые слова: судебный эксперт, заключение эксперта, арбитражный процесс, имущественная ответственность, судебная практика.

PROPERTY LIABILITY OF A FORENSIC EXPERT IN THE ARBITRATION PROCESS

Annotation: the article discusses the institution of property liability of a forensic expert in arbitration proceedings. The authors note the peculiarities of the functioning of this institution, based on an analysis of law enforcement practice. Particular attention is paid to the requirements for the expert's conclusion.

Key words: forensic expert, expert opinion, arbitration process, property liability, judicial practice.

Согласно положениям ч. 1 ст. 82 АПК РФ [1] арбитражный суд для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, назначает экспертизу как по ходатайству лица, участвующего в деле, так и с согласия этих лиц. В предусмотренных законом случаях арбитражный суд вправе назначить экспертизу и по собственной инициативе. Тем не менее, круг и содержание вопросов, по которым должна быть проведена экспертиза, определяются арбитражным судом самостоятельно, тогда как лица, участвующие в деле, вправе лишь ходатайствовать перед судом о включении в экспертизу необходимых, по их мнению, вопросов (ч. 2 ст. 82 АПК РФ). Говоря об институте ответственности судебного эксперта, следует обратиться к ч. 5 ст. 55 АПК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения эксперта. Однако в арбитражном процессуальном законодательстве не содержится требований, предъявляемых к исследованию эксперта, которые бы позволили оценить его с качественной стороны и в случае проведения некачественного исследования привлечь судебного эксперта к ответственности. Исходя из этого, представляется возможным злоупотребление правом со стороны лица, проводившего экспертизу, ввиду отсутствия наступления гражданско-правовой ответственности, то есть так называемый «имущественный иммунитет».

Говоря о критериях качества заключения эксперта, следует отметить следующее. Как уже было нами отмечено, в законодательстве четко не отражены требования к процедуре оценки заключения эксперта, ввиду чего на практике возможен некритический подход со стороны его оценки. Также, довольно часто можно столкнуться с позицией со стороны участников процесса, которая заключается в придании данному виду доказательств особого значения, ввиду его научной обоснованности несмотря на то, что, согласно процессуальному законодательству, оно не имеет никаких преимуществ перед иными доказательствами. Тем не менее, в научной доктрине выделяют «дефекты» заключения эксперта, которые могут свидетельствовать о некачественности проведенного исследования [2]. В частности, к ним относятся ситуации, когда:

- 1) Заключение эксперта не содержит в полном объеме ответы на поставленные вопросы;
- 2) Заключение эксперта не соответствует предъявляемым к доказательствам критериям (т.е. допустимости, относимости, достоверности);
- 3) В ходе проведения исследования эксперт пришел и сделал вероятностный, а не категорический вывод относительно обстоятельств дела.

Однако, в силу ч. 1 ст. 109 АПК РФ можно говорить о презумпции вознаграждения эксперту за проведенное исследование, несмотря на его возможную «дефектность». Это подтверждается и положениями Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 [3], которые также указывают на то, что вознаграждение эксперту выплачивается за проведенную им работу, не предусматривая возможные основания для его уменьшения (пп. 20-22 указанного Пленума). В том числе заслуживает внимания мнение Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, содержащееся в Постановлении от 26.01.2012 по делу № А60-34104/2010 [4], в котором суд указывает на то, что представление заключения эксперта в арбитражный суд, которым была назначена экспертиза, означает проведение экспертом исследования, которое

подлежит оплате. Данное решение суд мотивировал тем, что в процессуальном законодательстве и действующим в тот период времени Постановлении Пленума ВАС [5] не было предусмотрено оснований для отказа в оплате результатов проведенной судебной экспертизы (как и в ныне действующем Постановлении Пленума ВАС от 04.04.2014 № 23). Похожей позиции придерживался и Шестой арбитражный апелляционный суд [6] при рассмотрении спора, в котором истец требовал взыскать убытки, понесенные из-за некачественно проведенной экспертизы. В частности, суд руководствовался тем, что экспертиза была проведена в процессе судебного разбирательства, то есть в рамках публичных правоотношений, и относится к судебным расходам, а не убыткам. Также несмотря на проведение повторной экспертизы суд возложил покрытие судебных расходов на проведение первоначальной экспертизы на истца. В удовлетворении апелляционной жалобы было отказано.

«Имущественный иммунитет» судебного эксперта подтвердил в том числе Президиум ВАС в своем Постановлении от 05.04.2011 № 15659/10 [7]. В соответствии с обозначенным Постановлением вытекает, что выплата вознаграждения эксперту «не ставится в зависимость от соответствия или несоответствия экспертного заключения требованиям, предъявленным судом».

При этом работа эксперта будет оплачена даже в тех случаях, когда его участие в деле нарушает процессуальное законодательство. Так, Суд по интеллектуальным правам по делу № СИП-978/2019 [8] решил перевести денежные средства эксперту несмотря на то, что суд ранее удовлетворил ходатайство об отводе этого эксперта. То есть эксперт не мог участвовать в деле, его заключение судом не учитывалось при вынесении решения, но, вопреки этому он получил вознаграждение за работу, а соответствующие расходы легли на плечи общества, заявившее ходатайство о проведении экспертизы.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что заключение судебного эксперта подлежит оплате, независимо от его

соответствия критериям качества. Помимо этого, в случае назначения повторной экспертизы – первоначальная, которая по своему содержанию являлась недостаточно ясной ввиду неполноты заключения эксперта, также подлежит оплате. При этом факт отвода эксперта не влияет на соответствующее вознаграждение.

Положение о презумпции вознаграждения эксперта поддерживается и Конституционным Судом Российской Федерации. Так, в Постановлении № 43-П [9] указано, что деятельность эксперта по оказанию содействия правосудию обладает публично-правовой значимостью, а обеспечение надлежащих условий осуществления такой деятельности, в том числе в части ее оплаты, входит в обязанность государства гарантировать каждому государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина. Помимо этого, отдельно стоит отметить позицию суда о том, что у эксперта есть право во всех случаях получить причитающиеся денежные суммы за «надлежащим образом проведенную экспертизу».

Позиция законодателя и судов вполне понятна — обеспечивая оплату работы эксперта соблюдается принцип его независимости. Порядок назначения, проведения и оплаты экспертного заключения строго регламентирован законом. Эксперт, как лицо, содействующее правосудию, не обременён никакой дополнительной, не указанной в законе, ответственностью, что способствует наиболее объективной работе. Наличие у суда возможности отказывать в оплате эксперту приведет к нарушению баланса прав и обязанностей последнего. Получится так, что эксперт обязан по указанию суда провести соответствующую экспертизу, но при этом он не может быть уверен в том, что его работа будет оплачена. Безвозмездный характер отношений между судом и экспертом приведет к тому, что у эксперта появится личная заинтересованность при ответе на поставленные судом вопросы. Эксперт будет отвечать, опираясь не на свое личное мнение по данному вопросу, он будет давать такие ответы, которые с

наибольшей вероятностью примет суд. Обеспечивая практически безусловную оплату работы эксперта суд, тем самым, обеспечивает его беспристрастность,

Однако в судебной практике, несмотря на указанную выше позицию Высшего арбитражного суда, подтвержденную Верховным Судом [10], имеются случаи отказа эксперту в выплате вознаграждения. Так, Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного [11] округа оставлено без изменения определение суда первой инстанции об отказе в выплате экспертному учреждению вознаграждения, так как суд не принял заключение эксперта и признал его ненадлежащим доказательством, в связи с отсутствием в нем содержания и результатов исследования с указанием примененных методов, оценки этих результатов, обоснованных выводов по вопросам. В ином деле, Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа [12] отказано в удовлетворении требований экспертного учреждения, поскольку суд пришел к выводу, что в экспертном заключении исследовательская часть не соответствует выводам, сделанным экспертом, так как произведен расчет не фактических затрат на указанные услуги, а применен действующий ранее тариф. В связи с чем, нижестоящие суды сочли экспертное заключение как не соответствующее поставленным вопросам. Данному экспертному заключению дана оценка как недопустимому доказательству и сделан вывод об отсутствии оснований для оплаты вознаграждения эксперту. Исходя из приведенной практики, можно сделать вывод, что суд отказывает в оплате работы эксперта только в том случае, когда его заключение признается недопустимым по основанию несоответствия такого заключения требованиям, предусмотренным статьями 82, 83 АПК РФ. Строго говоря, в этих случаях документ, предъявляемый в суд экспертом, вовсе не является заключением эксперта, поскольку в нем отсутствуют требуемые элементы содержания, соответственно отказ судов в выплате вознаграждения за, по сути, отсутствие заключения полностью обоснован.

Характер природы правоотношений между судом и экспертом по поводу назначения экспертизы и ее оплаты неоднозначно определяется в научной среде. В первую очередь представляется, что отношения, складывающиеся по поводу проведения экспертизы, во многом схожи с отношениями, возникающими из гражданско-правового договора. Эксперт, направляя в суд информацию о сроке и стоимости проведения экспертизы, предлагает суду заключить договор, а суд, вынося определение о назначении экспертизы, в котором указывает на конкретного исполнителя, соглашается на заключение договора [13, с. 12]. Однако, полагаем такую интерпретацию неверной, так как между судом и экспертом по своей природе не может возникать гражданских отношений в силу отсутствия автономии воли. Эксперт обязан выполнять все указания суда, ответить на все поставленные вопросы и при необходимости явиться в судебное заседание. У него нет права выбора поведения, являющегося одним из важнейших признаков гражданских отношений.

В научной доктрине так же можно выделить мнение о том, что такого рода отношения являются чисто процессуальными. Так, Н.А. Чечина определяет, что в отличие от сторон и третьих лиц, связанных друг с другом материальными отношениями, у эксперта, свидетеля и переводчика возникают права и обязанности только по отношению к суду [14, с. 14]. Вполне логичным представляется позиция о том, что между судом и экспертом возникают служебно-вспомогательные отношения, имеющие представительско-обязывающий характер [15]. Данная позиция подтверждается, в том числе, и судебной практикой. Так, Арбитражный суд Уральского округа, соглашаясь с мнением нижестоящих судов, указал, что «расходы на оплату услуг экспертов понесены истцом не в связи с ненадлежащим исполнением договора подряда и не для восстановления нарушенного права, а по причине возникновения необходимости в получении экспертного заключения при рассмотрении конкретного арбитражного дела ... взыскиваемые истцом убытки относятся к

категории судебных расходов и не могут быть предъявлены ко взысканию путем подачи самостоятельного отдельного гражданского иска» [16]. Таким образом, полагаем, что применять к отношениям между судом и экспертом нормы гражданского права по аналогии неверным. Такие отношения скорее имеют амбивалентный характер, содержащие в себе административно-публичные и процессуальные положения, и регулироваться они должны соответствующими нормами.

На сегодняшний день практика складывается таким образом, что единственной причиной, по которой эксперту может быть отказано в оплате, является составление им заключения, признанного судом недопустимым. Имущественная «неуязвимость» эксперта ставит его в привилегированное положения по отношению к другим участникам арбитражного судопроизводства, освобождает его от качественного выполнения своих обязанностей, накладывает на стороны необоснованные издержки за плохо проведенные экспертизы. Представляется, что такое положение не соответствует принципам законности, равноправия, препятствует праву лиц на судебную защиту, нарушает нормальное функционирование судебной системы. Полагаем целесообразным внести изменения в АПК РФ, предусматривающие право судьи по своему усмотрению, исходя из особенностей каждого отдельного разбирательства, уменьшить или отказать эксперту в выплате вознаграждения за экспертизу, не отвечающую требованиям закона и суда.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 05.01.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Епатко М.Ю. Оспаривание экспертного заключения в арбитражном (гражданском) процессе // Арбитражные споры. 2014. № 2 (66) [Электронный ресурс]. URL: <https://arbspor.ru/articles/736/> (дата обращения: 01.04.2024).

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 января 2012 г. по делу № А60-34104/2010. Доступ из справ.-правовой системы «Кодекс».

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 66 "О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе" (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 29 ноября 2013 г. по делу № А04-4149/2013 [электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/36oEoH> (дата обращения: 01.04.2024).

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 № 15659/10 по делу № А08-8887/2009-30. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Решение Суда по интеллектуальным правам от 25 марта 2021 года по делу № СИП-978/2019. [Электронный ресурс] URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/37338626-4973-433b-b05c-472c3ad03a14> (дата обращения: 02.04.2024).

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации "Экспертно-криминалистический центр "Судебная экспертиза"». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2019 № 16-КГ19-3. [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14052019-n-16-kg19-3/> (дата обращения: 02.04.2024).

11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.12.2018 № Ф07-13920/2018 по делу № А52-3242/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 5 марта 2019 г. по делу № А12-34509/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Затонова Д.Ю. К вопросу о феномене имущественных процессуальных правоотношений, связывающих суд и судебного эксперта // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 10 – 15. [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=129504#WWwDwxT2lCVO27yI1> (дата обращения: 02.04.2024).

14. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962. С. 31.

15. Жижина М.В. О выплате вознаграждения эксперту за проведение судебной экспертизы в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики - №3 – 2023. С. 86 – 93. [Электронный ресурс] URL: https://www.jusinf.ru/internet_mag/article5166/ (дата обращения 02.04.2024).

16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-7431/10-С4 от 13 сентября 2010 г. по делу № А60-1166/2010-С4. [Электронный ресурс] URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a6efd05d-28c7-4d88-9e75-60f0526a3229> (дата обращения 02.04.2024).

Бесельман Илона Владимировна
Российский государственный университет правосудия
Крымский филиал
Факультет подготовки специалистов для судебной системы
(юридический факультет)
Россия, Симферополь
ilonabeselman@mail.ru
Beselman Ilona
The Russian State University of Justice
The Crimean branch
Faculty of Training Specialists for the Judicial system
(Faculty of Law)
Russia, Simferopol

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ
ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В
АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема процессуального рассмотрения дел об административных правонарушениях. Автор отмечает, что арбитражное судопроизводство по административным делам имеет свои отличительные особенности, которые регламентированы как административным, так и арбитражным законодательством. Данные особенности автор отражает в исследовании.

Ключевые слова: арбитражный процесс; административное правонарушение; административная ответственность; арбитражный суд; судопроизводство; административно-деликтное законодательство.

SOME ISSUES OF PROCEDURAL CONSIDERATION OF CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE ARBITRATION COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: this article discusses the problem of procedural consideration of cases of administrative offenses. The author notes that arbitration proceedings in administrative cases have their own distinctive features, which are regulated by both administrative and arbitration legislation. The author reflects these features in the study.

Key words: arbitration process, administrative offense, administrative responsibility, arbitration court, legal proceedings, administrative and tort legislation.

Процессуальное рассмотрение дел об административных правонарушениях в арбитражных судах Российской Федерации (далее – РФ или Россия) является важной и сложной процедурой, требующей особого внимания и знания со стороны судей и участников процесса. Вопросы, связанные с этим процессом, заслуживают подробного рассмотрения и анализа. Административные правонарушения, которые рассматриваются в арбитражных судах, включают в себя различные нарушения правил предпринимательской деятельности, деятельности организаций на финансовых рынках, а также правонарушения в сфере административного регулирования экономической деятельности.

Обращаясь к действующему законодательству, а именно к Федеральному конституционному закону от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [1] и Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ [4], отметим, что административное судопроизводство в России осуществляется только судами общей юрисдикции и федеральными арбитражными судами.

Однако, если речь идет о делах, предметом которых выступает разграничение подсудности и привлечение к ответственности по Кодексу

Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) [3], то их рассмотрение относится к судам общей юрисдикции и арбитражным судам [10, с. 40].

Подсудность дел, рассмотрение которых относится к арбитражным судам, определяется статьей 23.1 КоАП РФ: на основании перечня в данной статье определяется компетенция при рассмотрении дел судами. Кроме того, правила осуществления судопроизводства по делам об административных правонарушениях закреплены в отдельной главе Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) [2].

Так, в III разделе АПК РФ содержится несколько глав, которые регламентируют судопроизводство рассматриваемой категории дел: главой 24 закреплены особенности рассмотрения дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействий) публичных органов, главой 25 – дел об административных правонарушениях, главой 26 – дел о взыскании обязательных платежей и санкций.

Стоит обратить внимание, что главы 24 и 26 хоть и закрепляют споры, отнесенные к административным делам, но их предметом не являются административные правонарушения. В качестве таковых выступают, например, дела об оспаривании решений административных органов и дела о привлечении к административной ответственности [2].

К компетенции арбитражных судов относится небольшое количество дел об административных правонарушениях: нарушение антимонопольного законодательства, незаконной рекламы, незаконного производства и отпуска лекарственных средств, нарушений правового режима оборота этилового спирта, нарушений в сфере строительства и ремонта многоквартирных домов, некоторые нарушения банковского законодательства и некоторые другие. Исходя из сказанного, административные правонарушения, совершенные юридическими

лицами и индивидуальными предпринимателями, которые не связаны с осуществлением предпринимательской и другой экономической деятельности, не подпадают под компетенцию арбитражных судов [9, с. 342].

Административные правонарушения, которые не связаны с бизнесом, включают в себя такие нарушения, которые могут совершать как физические лица, так и юридические лица. Рассмотрение таких правонарушений осуществляется в судах общей юрисдикции, которые занимаются разрешением споров, касающихся нарушений неправомерного характера, вне зависимости от предметной области. Арбитражные суды, в свою очередь, специализируются на разрешении экономических споров, включая в себя споры между предпринимателями, государственными органами и другими участниками рыночных отношений. Подобная дифференциация обеспечивает четкое разграничение компетенций и эффективное разрешение различных видов споров в рамках соответствующей юрисдикции.

Следовательно, одним из ключевых аспектов в исследовании является именно определение компетентности арбитражных судов по делам об административных правонарушениях. В соответствии с законодательством Российской Федерации, арбитражные суды рассматривают дела об административных правонарушениях в сфере предпринимательства и иных делах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Они также имеют право рассматривать дела по спорам, возникающим из административных правоотношений, если такая компетенция прямо установлена законодательством.

Субъектный состав данных категорий дел не влияет на отнесении к компетенции того или иного суда. То есть если административное правонарушение совершено юридическим лицом, должностным лицом или индивидуальным предпринимателем, даже если он утратил такой статус, и, если на основании статьи 28.7 КоАП РФ проводилось административное

расследование, подсудность данного дела все равно будет отнесена к арбитражным судам. Соответственно, при возбуждении и расследовании указанной категории дел административными органами, вопрос о привлечении к административной ответственности данных субъектов решается арбитражным судом [11, с. 1]. Отметим, что арбитражный суд обладает необходимой юридической компетенцией для принятия такого решения и учитывает все существующие законодательные нормы и условия.

Отличительной особенностью арбитражного судопроизводства по административным делам является то, что, в соответствии с положениями части 1 статьи 202 и части 1 статьи 207 АПК РФ, рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности осуществляется по общим правилам искового производства, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными в главе 25 АПК РФ и разделе 4 КоАП РФ. Сказанное также отражено в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» [5].

Вместе с тем, специфические черты проявляются на начальной стадии судопроизводства – подаче заявления в арбитражный суд, поскольку статьей 203 и статьей 208 АПК РФ закреплено, что по делам о привлечении к административной ответственности и об оспаривании решений административного органа о привлечении к административной ответственности, заявитель сам определяет в какой суд ему обратиться, то есть предусмотрена альтернативная подсудность [2]. При этом, в случае обращения с заявлением об оспаривании решения по делу об административном правонарушении, производство по делу не приостанавливается.

До вынесения постановления по тому или иному делу возможно оспаривание отдельных действий и решений органов (например, арест товаров, транспортных средств и документов (статья 27.10 КоАП РФ)). В случае подачи заявления по указанному вопросу, арбитражное судопроизводство будет проводиться в соответствии с главой 24 АПК РФ, то есть как оспаривание ненормативных правовых актов административного органа.

Рассмотрим следующую особенность рассмотрения арбитражными судами административных дел, которая, согласно пункту 3 части 1 статьи 25.11 КоАП РФ, предусматривает возможность принесения протеста. Сверх того, прокурор может оспорить постановление по делам об административных правонарушениях, если оно еще не вступило в законную силу [3].

В законодательстве закреплено, что наличие участия прокурора в рассмотрении дела об административном правонарушении не влияет на принесение протеста на постановление, если данное дело рассматривается в арбитражном суде, что уже не раз отмечалось в судебной практике.

Также стоит отметить такую особенность рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах, как перераспределение бремени доказывания. Основываясь на общих принципах административного судопроизводства, суд возлагает на административный орган обязанность по доказыванию обоснованности и законности вынесенного ими постановления, однако это не лишает права представления доказательств другой стороной. Данное положение можно объяснить тем, что защищаются права стороны, которая не обладает властными полномочиями [6, с. 25]. К тому же, не логично при привлечении лица к административной ответственности требовать того, чтобы он еще и доказал свою виновность в данном правонарушении. Суд, в свою очередь, в силу части 5 статьи 210 АПК РФ, может запросить доказательства у административного органа, если последним данные

сведения не предоставлялись, в силу чего невозможно правильное и объективное рассмотрение дела [2].

Преимущество перераспределения бремени доказывания позволяет уравновесить стороны, так как административные правонарушения обычно имеют характер публичной опасности и затрагивают интересы не только конкретного заявителя, но и общества в целом. Это означает, что иногда истец может оказаться в затруднении при сборе доказательств наличия правонарушения, особенно если он не обладает всей необходимой информацией или не имеет доступа к ней.

Перераспределение бремени доказывания в делах об административных правонарушениях в арбитражных судах является важным механизмом, способствующим эффективной защите прав заявителей, позволяющим достичь оптимального баланса между защитой интересов сторон и общественной безопасностью.

При изучении административно-деликтного законодательства можно заметить, что административными органами выносятся такие акты, как постановления, выдача исполнительного листа и др. Арбитражным процессуальным законодательством закреплен только один вид судебного акта, принимаемого арбитражным судом первой инстанции по делам об административных правонарушениях – решение, что является также отличительной особенностью. Судебное решение по делу об административном правонарушении имеет юридическую силу и подлежит исполнению.

Судья, рассматривающий дело, должен проанализировать имеющиеся доказательства, принять решение в соответствии с законом и объективно учесть интересы всех сторон. При этом необходимо обеспечить соблюдение всех процессуальных гарантий и правил, предусмотренных законодательством Российской Федерации. В тот же момент, арбитражным судом апелляционной и кассационной инстанций выносится постановление.

Так, если судом будет установлено, что постановление по делу об административном правонарушении не содержит в себе признаков нарушения законности и обоснованности, то будет принято решение об отказе в удовлетворении требования заявителя.

Дополнительно следует подчеркнуть, как указано в части 2 статьи 211 АПК РФ, у арбитражного суда есть право переквалифицировать административное правонарушение, но при условии, что по данной квалификации дело об административном правонарушении будет рассматриваться тем же административным органом и не ухудшит положения лица, в отношении которого ведется производство по делу [2].

Следовательно, процессуальное рассмотрение дел об административных правонарушениях является важной и сложной частью работы арбитражных судов Российской Федерации. Этот процесс, с нашей точки зрения, включает в себя вопросы, имеющие значение для обеспечения законности и справедливости.

Первым важным вопросом является определение юрисдикции арбитражного суда, который будет рассматривать дело. В соответствии с законодательством Российской Федерации, арбитражные суды имеют право рассматривать дела об административных правонарушениях, совершенных юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в рамках их хозяйственной деятельности. Право рассматривать такие дела арбитражными судами обусловлено спецификой таких правонарушений и требует специальных знаний в области хозяйственного права.

Вторым вопросом, который требует внимания, является осуществление процессуальных действий. Распорядок процессуальных действий в арбитражных судах соответствует требованиям законодательства, обеспечивая соблюдение принципа равенства сторон и принципа конфликта интересов. Кроме того, важно обеспечить прозрачность и открытость процесса, чтобы заинтересованные стороны имели возможность представить свои доводы и аргументы.

Третьим важным вопросом является принятие решения арбитражным судом. Решение должно быть обоснованным, законным и мотивированным, а также принято в соответствии с требованиями процессуального законодательства. Разрешение административных правонарушений требует учета специфики таких дел, а именно особенностей хозяйственной деятельности и возможных негативных последствий для сторон.

Наконец, четвертым важным вопросом является возможность обжалования решения арбитражного суда. Стороны имеют право на обжалование в вышестоящие инстанции для защиты своих прав и интересов. Это позволяет обеспечить проверку законности и обоснованности принятого решения и предоставляет сторонам возможность исправить возможные ошибки или неправильные выводы.

Перечисленные процессуальные вопросы и их анализ указывают на необходимость соблюдения принципа справедливого судопроизводства. В связи с чем, судьи должны быть независимыми и беспристрастными, а участники процесса – равными перед законом. Необходимо гарантировать право на защиту, предоставление возможности заявить свои доводы и представить свои доказательства. Дела об административных правонарушениях часто затрагивают интересы бизнеса и государства, поэтому важно обеспечить справедливость и обоснованность вынесенного решения.

Проводя анализ процессуального рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах, необходимо обратить внимание на ряд существенных вопросов цифрового характера. Первым из них является вопрос о принципах и процедуре подачи заявлений и документов в арбитражный суд. В условиях цифровизации данная процедура обычно осуществляется в электронной форме с использованием специализированных онлайн-порталов, например, «Мой Арбитр».

Важным аспектом является также вопрос о доступе к электронным материалам дела. В силу цифровизации множество документов, связанных с делами об административных правонарушениях, формируются и хранятся в электронном виде. В этом контексте становится крайне важным обеспечение доступности электронных материалов для сторон дела и суда, а также защита их от возможных неправомерных вмешательств или уничтожения.

Следующим вопросом, который требует особого внимания, является использование электронного доказательств в процессуальном рассмотрении дел об административных правонарушениях. В условиях цифровизации широко распространяются видеозаписи, фотографии и их снимки (скриншоты), электронные документы и другие виды электронных доказательств. Подобные доказательства требуют особого подхода к их закреплению, предъявлению и оценке со стороны суда [7, с. 491].

Также стоит обратить внимание на вопрос об автоматизации процессуальных действий и применении искусственного интеллекта при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Цифровизация судебной системы позволяет автоматизировать некоторые процедурные шаги такие, как составление протоколов заседаний, формирование судебных решений и т.д. Использование искусственного интеллекта в судебных процессах может значительно ускорить их рассмотрение и повысить качество принимаемых решений.

Нельзя обойти вопрос о защите персональных данных при цифровом рассмотрении дел об административных правонарушениях. Судам и участникам процесса предстоит строго соблюдать нормы и правила, касающиеся обработки и хранения персональных данных. Необходимы соответствующие технические и организационные меры по защите информации, чтобы исключить возможность несанкционированного доступа к ней.

Следует отметить, что успех цифровизации процессуального рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах будет зависеть от соответствующего законодательного и технического регулирования данной области. Арбитражная судебная система является наиболее распространенной и эффективно налаженной по сравнению, например, с гражданским процессом [12, с. 558]. На сегодняшний день важно сохранить и поддержать данную систему, которая объединяет все стороны процесса и обеспечивает бесперебойную и безопасную цифровую коммуникацию, а также обработку информации.

Таким образом, процессуальное рассмотрение дел об административных правонарушениях в арбитражных судах Российской Федерации является важным и ответственным этапом в обеспечении законности и справедливости. Обоснованное и справедливое решение, учитывающее специфику таких дел и обеспечивающее права и интересы сторон, является главной задачей арбитражного суда.

Однако, несмотря на сложность процессуального рассмотрения данной категории дел в арбитражных судах, стоит помнить, что эта процедура служит защите законных интересов всех сторон. Внимательное и компетентное рассмотрение дел об административных правонарушениях способствует поддержанию правопорядка и укреплению доверия к судебной системе России.

Все вышперечисленные аспекты играют ключевую роль в процессуальном рассмотрении дел об административных правонарушениях в арбитражных судах и их успешной цифровизации.

Сделаем вывод, что многие вопросы арбитражного судопроизводства регулируются не только арбитражным, но и административным законодательством, что и определяет специфику рассмотрения указанной категории дел [8, с. 229].

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. № 7 ст. 898.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3012.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. № 10 ст. 1391.
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях». // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2004 г., № 8.
6. Арефьев, М. А. Практические аспекты, связанные с применением законодательства об административных правонарушениях в арбитражных судах РФ / М. А. Арефьев // Новый юридический вестник. – 2020. – № 2(16). – С. 25-28.
7. Бесельман, И. В. Проблемные вопросы предоставления доказательств и обеспечения доказывания в гражданском судопроизводстве при использовании видеоконференц-связи / И. В. Бесельман // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – С. 489-498.
8. Бесельман, И. В. Юридическое значение цифровых технологии в административном судопроизводстве Российской Федерации / И. В. Бесельман // Фестиваль права : Сборник материалов VII Всероссийского студенческого

научно-образовательного форума, Ставрополь, 22 декабря 2021 года / Отв. редактор А.А. Бирюков. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф", 2021. – С. 226-230.

9. Панкова, О. В. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правонарушениях / Панкова О.В.; Под ред.: Егорова О.А. - М.: Статут, 2014. - 440 с.

10. Соловых, С. Ж. Некоторые аспекты соотношения понятий "административное судопроизводство" и "арбитражное судопроизводство" / С.Ж. Соловых // Юрист. – 2013. – № 9. – С. 39-42.

11. Шайхутдинова, Т. Ф. Некоторые аспекты процессуальной компетенции судьи арбитражного суда в производстве по делам об административных правонарушениях / Т. Ф. Шайхутдинова // Правовая идея. – 2013. – № 1. – С. 2.

12. Яценко, А. О. Своевременное извещение участников гражданского судопроизводства: вопросы теории и практики / А. О. Яценко, И. В. Бесельман // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – С. 550-562.

УДК 347.965

Мецлер Валерия Эдуардовна

Кушнарев Александр Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vmetzler2002@mail.ru

KUSHNAREV-02@LIST.RU

Metsler Valeria

Kushnarev Alexander

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ В ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Аннотация: проблема оказания неквалифицированной юридической помощи в современных условиях остается насущной. Авторы рассматривают возможность введения адвокатской монополии на судебное представительство. Анализируются перспективы введения адвокатской монополии. Приводится международный опыт. Делается вывод о важности реализации конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи путем внедрения адвокатской монополии.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская монополия, гражданское судопроизводство, Конституция РФ, конституционные права, квалифицированная помощь.

PROSPECTS FOR IMPLEMENTING THE ATTORNEY MONOPOLY IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation: the problem of providing unqualified legal assistance in modern conditions remains pressing. The authors are considering the possibility of introducing a lawyer's monopoly on judicial representation. The prospects for introducing a lawyer's monopoly are analyzed. International experience is provided. The conclusion is drawn about the importance of realizing the constitutional right to provide qualified legal assistance through the introduction of a lawyer's monopoly.

Key words: advocacy, lawyer monopoly, civil proceedings, the Constitution of the Russian Federation, constitutional rights, qualified assistance.

Качество услуг по оказанию юридической помощи в современных условиях сильно разнится. Все дело в том, что в данной сфере работают как высококвалифицированные представители юридического сектора, так и свободно действуют лица, не получившие высшего образования, имеющие непогашенную судимость или психическое заболевание, обманывающие людей. Этот фактор затрудняет реализацию конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленного в части 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации. Международная комиссия юристов в 2015 году выдвинула следующий тезис: «Тот факт, что большинство юристов в России действуют за рамками какой-либо системы самоуправления, означает, что российская правовая система во многом полагается на лиц, которые не подчиняются требованиям Кодекса этики и дисциплинарной системы». Таким образом, созданный дуализм требует совершенствования разрозненного рынка юридических услуг.

Долгие годы предметом обсуждения является проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, опубликованный Министерством юстиции в 2017 году, предусматривающий

упорядочивание системы оказания квалифицированной юридической помощи в РФ путем предоставления возможности осуществлять представительство во всех судебных инстанциях только адвокатам. Согласно пункту 2 раздела II основной задачей Концепции является «объединение разрозненного рынка юридических услуг в единую регулируемую профессию, подчиняющуюся общим профессиональным этическим требованиям, ограничение доступа на рынок и исключение с рынка недобросовестных участников» [1]. Таким образом, Концепция закрепляет адвокатскую монополию.

Благодаря квалифицированной помощи профессиональных адвокатов, участники гражданского судопроизводства могут осуществлять свои процессуальные права и выполнять юридические обязанности. Вопрос адвокатской монополии вызывает дискуссии среди юристов [2, с. 121]. Однако, важно отметить, что цель Концепции не заключается в ограничении круга лиц, представляющих интересы в судах, а в предоставлении квалифицированной юридической помощи, качественных услуг и повышении эффективности проведения судебных процедур.

Вплоть до 2019 года Гражданский процессуальный кодекс РФ не содержал обязательных требований о высшем юридическом образовании к судебным представителям. Это доходило до того, что лица, не имеющие необходимого образования, оказывали некачественную помощь, в то же время привлечь к ответственности таких лиц было просто невозможно. Если же рассматривать именно адвокатскую помощь как квалифицированную юридическую, то помимо того, что у них есть соответствующее образование, они обязаны соответствовать закрепленным в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодексе этики требованиям. В том числе, к адвокатам применимы соответствующие дисциплинарные меры наказания. Тем самым, законодатель смог закрепить решающую роль адвокатской деятельности. Однако часть 2 статьи 49 Гражданского процессуального кодекса РФ содержит

следующую формулировку: «представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности» [3]. По мнению авторов, данная формулировка вносит неопределенность в оказание квалифицированной помощи, тем самым, закрепляя возможность оказания юридической помощи, не имея специального статуса и необходимого образования, что с точки зрения авторов является неправильным, создающим риск невозможности реализации своего конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

Немного вернемся к началу нашего исследования. В Конституции РФ и в Гражданском процессуальном кодексе РФ не закреплены критерии разграничения квалифицированной юридической помощи от неквалифицированной. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокатская деятельность признается квалифицированной юридической помощью. Это единственный правовой акт, который закрепляет понимание квалифицированной помощи. В то же время, пункт 3 этой же статьи вышеуказанного закона перечисляет виды деятельности, которые не являются адвокатской деятельностью, то есть вытекая из дефиниции пункта 1, не являются квалифицированной помощью. В данный перечень, в том числе, входит юридическая помощь, оказываемая участниками и работниками организаций, оказывающих юридические услуги и другие. Тем самым, законодатель отделил понятие квалифицированной юридической помощи, которая оказывается адвокатами, от простой юридической помощи, которые осуществляют иные лица, перечисленные в пункте 3 статьи 1 Закона об адвокатуре [4, с. 165]. Показателем оказания квалифицированной юридической помощи является сдача квалификационного экзамена лицом, претендующим на получение статуса адвоката.

Стоит отметить, что наличие высшего юридического образования не является гарантией того, что работает квалифицированный специалист. Статистика показывает, что 41% выпускников юридических вузов по специальности не работают, и всего 3% постоянно практикуют в судах [5, с. 214]. Таким образом, риск столкнуться с неквалифицированным юристом, хоть и имеющим образование, но не обладающим опытом и навыками работы в судах, крайне велик. Последствием будет – неоказание квалифицированной помощи, а, соответственно, нарушение конституционного права. Поэтому очень важно установить адвокатскую монополию в гражданском процессе для возможности реализации конституционных прав, а также прав на получение качественных юридических услуг.

Рассмотрим зарубежный опыт. Адвокатская монополия получила свое распространение во многих европейских странах, в том числе во Франции и Германии, а также в США, Канаде, Израиле и многих других. В странах Азии адвокатская монополия возведена в абсолют, например, в Корее, Тайване. В Японии адвокатскую монополию распространяют не только на судебные разбирательства, но и на оказание простых юридических услуг, например, при работе со сделками, а оказание помощи по правовым вопросам при отсутствии статуса адвоката – это преступление [6, с. 227].

В заключение, хотим отметить, что объединение юридического сообщества по общим стандартам и механизмам контроля является необходимым для обеспечения гражданам квалифицированной и профессиональной юридической помощи в соответствии с Конституцией. Эта миссия также способствует увеличению социальной ответственности государства. Поэтому мы призываем к единому подходу в регулировании отношений в области судебного представительства, который предполагает объединение юристов-судебных представителей на базе адвокатуры.

Список литературы:

1. Проект концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи [Электронный ресурс]//Официальный сайт Министерства Юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/opublikovanproekt-koncepcii-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy-pomoshchi> (дата обращения: 31.03.2024).
2. Дебалюк, А. Р. Перспективы введения адвокатской монополии в гражданский процесс / А. Р. Дебалюк. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 52 (290). С. 120-122.
3. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // "Парламентская газета", N 220-221, 20.11.2002.
4. Верещагин А. Н. К оценке обоснованности адвокатской монополии // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 2. С. 152–179.
5. Руднева Ю.В. Институт обязательного судебного представительства в свете реформы процессуального законодательства // Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 213-215.
6. Мусалаев К. С. Представительство и адвокатская монополия в Российской Федерации: плюсы и минусы // Молодой ученый. 2018. № 16. С. 225–228.

УДК 347.9

Пестова Ксения Алексеевна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Кафедра гражданского права и процесса и международного частного права

Россия, Москва

ksenia.pest@yandex.ru

Pestova Ksenia

Peoples' Friendship University of Russia

Department of Civil Law and Procedure and Private International Law

Russia, Moscow

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация: исследование направлено на изучение исторических особенностей трансформации принципа гласности гражданского процесса и прогнозирование его развития в дальнейшем в условиях развивающегося информационного общества. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что содержание принципа гласности претерпевает изменения на протяжении всего анализируемого периода, а цифровизация общества приводит к неоднозначным последствиям: с одной стороны, способствует появлению дополнительных гарантий реализации принципа гласности, с другой стороны, приводит к ограничению принципа.

Ключевые слова: принцип гласности, публичность гражданского процесса, трансформация гласности, информационные технологии, электронное правосудие.

TRANSFORMATION OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY OF THE CIVIL PROCEDURE

Annotation: the research is aimed at studying the historical features of the transformation of the principle of publicity of the civil procedure and forecasting its further development in the context of a developing information society. As a result of the conducted research, the author concludes that the content of the principle of publicity has undergone changes throughout the analyzed period, and the digitalization of society leads to ambiguous consequences: on the one hand, it contributes to the emergence of additional guarantees for the implementation of the principle of publicity, on the other hand, it leads to a limitation of the principle.

Key words: the principle of publicity, publicity of civil procedure, transformation of publicity, information technology, electronic justice.

Более чем какие-либо другие средства контроля гласность поднимает нравственный уровень судебного мира, развивает в нем чувство законности, достоинства и приличия, усиливая в то же время доверие к нему общества [1, с. 207]. Принятие Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [2], формирование разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации об условиях обеспечения гласности и открытости судопроизводства [3], а также многократное использование в ст. 10 ГПК РФ [4] бланкетных норм, отсылающих к положениям нормативных актов, содержащих перечень сведений ограниченного доступа, свидетельствует об основополагающем характере принципа гласности.

В науке гражданского процесса в начале XX века гласность рассматривают: как публичность процесса и как гласность по отношению к тяжущимся [5, с. 155]. В то время как гласность в узком смысле имеет безусловное значение и не терпит никаких исключений, гласность общая не подлежит безусловному осуществлению и должна быть ограничена.

В силу необходимости обеспечения соблюдения баланса интересов и недопущения нарушения прав человека рассмотрим реализацию принципа гласности исключительно в аспекте публичности процесса. Проследим трансформацию гласности на протяжении трех периодов истории (в период судебной реформы 1864 года, в советский период, в современную эпоху цифровизации), обращая внимание на ключевые проявления принципа, к которым относятся право публики присутствовать на судебном процессе, публичное объявление и публикация судебного решения.

Самостоятельное законодательное закрепление принцип гласности гражданского процесса получил лишь с принятием Судебных уставов 1864 года. Однако первоначальные проявления принципа были свойственны еще праву древнерусского государства [6, с. 68]. Однако введение при Петре Первом канцелярской тайны не позволило России в дальнейшем обеспечить плавное развитие рассматриваемого принципа.

После проведенной реформы 1864 года в Уставе гражданского судопроизводства (далее – УГС) [7] был закреплен принцип гласности (публичности, открытости суда). Доклад дела и словесное состязание проходило в открытом заседании суда. Исключения допускались в предусмотренных законом случаях, к которым относились предосудительность публичного рассмотрения дела для религии, общественного порядка и нравственности, а также просьба сторон и признание ее судом заслуживающей уважения. К последним, как правило, относились дела, содержащие торговые или промышленные секреты [8, с. 22]. В дальнейшем перечень был расширен делами, связанными с решением семейных вопросов (например, о содержании внебрачных детей, жены и т. д.).

Таким образом, перечень предусмотренных законодательством исключений из принципа гласности постепенно расширяется, однако, несмотря

на это, имеет общий характер, что может приводить к необоснованным его ограничениям.

В рассматриваемый период, несмотря на оглашение решения при открытых дверях, воспитательное влияние на слушателей оно не оказывало. Оглашению подлежала лишь резолютивная часть, решение в окончательной форме (с мотивами) подлежало озвучиванию лишь через две недели. Рассмотренный недостаток И. Е. Энгельман связывал с формальным следованием букве закона, положения которого взяты из французского устава [1, с. 362].

Таким образом, Судебные уставы 1864 года впервые законодательно закрепляют гласность (публичность) гражданского процесса. Первоначально в науке гражданского процесса гласность абсолютизируют в ущерб личным правам человека так, что небольшое количество имеющихся ограничений подлежат применению по собственному усмотрению суда «по особому свойству дела» либо при одновременном согласии обеих сторон о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании. С течением времени перечень ограничений конкретизируется, однако возможность расширительного толкования остается.

Судебные решения оглашаются при открытых дверях, однако воспитательного воздействия на публику они не оказывают, поскольку оглашается лишь резолютивная часть.

Что касается публикации многообразия судебных решений, то единого источника нет, однако СМИ предоставлено право свободной публикации отчетов о судебных заседаниях.

Перейдем к рассмотрению развития принципа гласности гражданского процесса в советский период. Поскольку принцип гласности не был затронут принятыми советской властью декретами о суде, перечисленные ранее ограничения принципа существовали вплоть до принятия ГПК РСФСР 1923 г. [9].

Положения ст. 95 также предусматривали ограничения принципа гласности, если публичность рассмотрения дела может быть нежелательной с точки зрения охраны публичного интереса, а также связи обстоятельств дела с интимной жизнью сторон. Однако само понятие публичного (общественного) интереса «не имеет четкого и однозначного определения ни в законодательства, ни в научных источниках» [10, с. 19].

Интересным представляется момент оглашения решения в суде. Согласно системному толкованию положений гл. 18 ГПК РСФСР 1923 г. публичному оглашению подлежала не только его резолютивная часть, но и мотивировочная с изложением оснований и законов, которыми суд руководствовался. Таким образом, можно заметить проявление воспитательной функции суда.

Принципу гласности судебного разбирательства в ГПК РСФСР 1964 г. [11] посвящена ст. 9, согласно которой разбирательство дел во всех судах открытое. Перечень исключений включает случаи противоречия открытого процесса интересам охраны государственной тайны и разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц, а также обеспечения тайны усыновления.

Тексты судебных актов официальному опубликованию не подлежали. Однако определенные возможности доступа к текстам судебных актов существовали. В частности, к ним относятся обобщения или обзоры судебной практики в форме постановлений пленумом ВС РФ и ВАС РФ.

Таким образом, мы видим плавное развитие принципа гласности гражданского процесса в советском государстве. Реализация принципа гласности оказывает максимальное воспитательное воздействие на граждан, однако нельзя забывать о необходимых ограничениях рассматриваемого принципа, которые постепенно конкретизируются с целью недопущения их расширительного толкования и распространения требований гласности во вред сторонам.

В отличие от дореволюционного законодательства в советский период воспитательной функции суда уделено особое внимание, в связи с чем оглашению подлежала, в том числе и мотивировочная часть, позволяющая публике понять, каким образом суд пришел к изложенному в решении результату.

Официального источника опубликования судебных решений также нет.

Гласность гражданского процесса в период цифровизации нашла отражение в ГПК РФ 2002 года в ст. 10. Норма является бланкетной, отсылает ко множеству нормативных актов, устанавливающих перечень существующих в Российской Федерации сведений ограниченного доступа.

Согласно ст. 10 ГПК РФ дела, по которым возможно проведение разбирательства в закрытом судебном заседании, можно разделить на две категории. Во-первых, те, которые содержат сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения), или данные, публичное оглашение которых запрещено в силу прямого указания закона (ст. 182 ГПК РФ). По указанной категории дел судебное разбирательство проходит в закрытом формате вне зависимости от ходатайства лиц, участвующих в деле, и удовлетворения требования судом. Во-вторых, те дела, которые содержат коммерческую или иную охраняемую законом тайну, затрагивают частную жизнь граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина.

Действительно, перечень ограничений приобретает достаточно конкретный вид, что сводит к минимуму необоснованные ограничения.

Гораздо более серьезные проблемы возникают при внедрении элементов электронного правосудия в гражданский процесс и отсутствии надлежащей разработки вопроса соразмерности ограничения принципа.

С одной стороны, внедрение информационных технологий обеспечивает дополнительные гарантии реализации принципа гласности гражданского

процесса. Согласно п. 3 ст. 15 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ к таким гарантиям относится обязанность судов по опубликованию практически всех судебных решений в открытом доступе в сети «Интернет».

С другой стороны, элементы электронного правосудия создают дополнительные ограничения реализации принципа гласности. Так, проведение судебных заседаний с использованием системы веб-конференции при отсутствии законодательного закрепления механизма предоставления доступа всем слушателям – см. п. 3 ст. 155.1 ГПК РФ (особенно в период пандемий, исключающих возможность личного присутствия) свидетельствует о необоснованном ограничении принципа. Так, справедливо замечание испанского ученого Ф. Гассона, отмечающего, что онлайн-трансляция судебного разбирательства, проводящегося в открытом судебном заседании в традиционном режиме, нельзя отождествлять с судебным процессом проводимым исключительно онлайн, поскольку в первом – принцип публичности в любом случае соблюдается, в то время как для второго, онлайн-трансляция – это единственный способ обеспечения реализации принципа гласности [12, с. 216].

Кроме того, цифровизация и новые возможности приводят к возникновению проблем, касающихся необходимости достижения баланса между принципом гласности и недопущением нарушения права на неприкосновенность частной жизни. Обозначенная проблема особенно актуальна в связи с публикацией решений судов в открытом доступе (п. 3 ст. 15 Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ), что свидетельствует не только о расширении содержания принципа гласности, но и о трансформации качества гласности в гласность электронную, предполагающую ее вневременной характер и общественную память. В свою очередь, вопрос о пределах допустимого отражения персональных данных является дискуссионным [13, с. 127].

Таким образом, рассмотренные в исследовании проявления принципа гласности гражданского процесса претерпевали изменения на протяжении всего анализируемого нами периода.

В отличие от первоначально закрепленных категорий дел, в связи с рассмотрением которых допускалось «закрытие дверей», современное законодательство предусматривает более конкретное регулирование. Однако внедрение элементов цифрового правосудия (например, ВКС, веб-конференции) при отсутствии надлежащим образом установленного механизма предоставления гражданам дополнительных гарантий реализации принципа гласности (см., например, вопрос о допустимости предоставления онлайн-доступа в зал судебного заседания лицу, не участвующему в деле, но желающему реализовать основополагающий принцип судопроизводства – гласность) и сохранения базовых (см., например, в период COVID-19 доступ всех желающих в залы судебных заседаний был ограничен, а возможность онлайн-участия для слушателей не предусмотрена) свидетельствует о негативной тенденции в сторону ограничения принципа.

Публичное оглашение судебного решения было характерно для всех анализируемых периодов, однако обязанность обосновывать вынесенные решения появилась лишь в советский период как воспитательная мера / требование законодательства [9] и продолжает существовать до сегодняшнего момента.

Публикация судебных решений в открытом доступе – важнейший шаг развития принципа гласности. Однако возникает проблема необходимости установления баланса между реализацией самого принципа и защитой персональных данных участников процесса.

Список литературы:

1. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. – 632 с.
2. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федер. закон от 22 декабря 2008 № 262-ФЗ // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета. – 2012. – № 292.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
5. Нефедьев Е. А. Учебник гражданского судопроизводства. – М., 1908.
6. Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года: Соч., напис. для получения степ. магистра граждан. права исправляющим должность адъюнкт проф., канд. прав М. Михайловым. – Санкт-Петербург тип. К. Крайя, 1848. – 134 с.
7. Устав гражданского судопроизводства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. СПб. – 1867. – № 41477.
8. Окс, М. А. О публичности или гласности суда / М. А. Окс // Тр. Одес. юрид. о-ва. Т. 4. – 1891. – С. 19–44.
9. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: Закон РСФСР от 10 июля 1923 // Собр. узаконений распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1923. – Отд. 1. – № 46–47. – Ст. 478.
10. Тотьев К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве / К. Ю. Тотьев // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 19–25.

11. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: Закон РСФСР от 11 июня 1964 // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1964 г. – № 24. – Ст. 407.

12. Fernando Gascón Inchausti. The impact of Covid-19 pandemic on Spanish civil justice: remote hearings as a new tool for the effectiveness of the system // Impact of the COVID-19 Pandemic on Justice Systems. – V&R unipress. – 2023, 464 с.

13. Магомедова К. К. Проблема прозрачности в цивилистической процессуальной науке и практике: дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов, 2019. – 276 с.

УДК 347.921

Сариев Георгий Спартакович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
sariev.georgy@mail.ru

Табак Ирина Александровна
Саратовская государственная юридическая академия
Кафедра гражданского процесса
tia-1503@yandex.ru

Sariev Georgy
Saratov State Law Academy
Institute of Prosecutor's Office
Russia, Saratov
Tabak Irina
Saratov State Law Academy
Department of Civil Procedure
Russia, Saratov

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРУППЫ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: современный гражданский оборот является довольно важной подсистемой общественной жизни. Гражданские правоотношения вовлекают все большее количество людей, что выражается в огромном количестве многосубъектных правовых связей. Нарушение прав участников этих правоотношений с неизбежностью ставит вопрос об их восстановлении.

Рассмотрение индивидуальных исков в такой юридической ситуации является крайне затруднительным, а иногда и просто невозможным. В связи с этим был введен институт группового иска, который позволяет снизить судебные издержки при рассмотрении дела. В статье дается анализ сущности данного института, а также приводятся отличия от процессуального соучастия.

Ключевые слова: арбитражный процесс, гражданский процесс, групповой иск, принцип процессуальной экономии, защита нарушенных прав.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOME FEATURES OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS OF A GROUP OF PERSONS IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Annotation: modern civil circulation is a fairly important subsystem of social life. Civil legal relations involve an increasing number of people, which is expressed in a huge number of multi-subject connections. Violation of the rights of participants in these legal relations inevitably raises the question of their restoration. Consideration of individual claims in such a legal situation is extremely difficult and sometimes simply impossible. In this regard, the institution of a class action was introduced, which allows reducing legal costs when considering a case. The Article give an analysis of this institution, and provides differences from procedural complicity.

Key words: arbitration process civil process, class action, principle of procedural economy, protection of violated rights.

Усложнение экономических отношений в рамках социума приводит к повышению удельного веса гражданских правоотношений в обществе. Следствием этого являются различные правовые споры, затрагивающие интересы большого количества лиц. В такой ситуации право, исходя из принципа процессуальной экономии, старается прибегнуть к инструментам, которые помогут упростить производство по многосубъектным спорам. Во многих

зарубежных странах для того, чтобы наиболее эффективно защищать интересы большой группы лиц был введен институт группового иска (далее - class action и групповой иск употребляются в качестве синонимичных словосочетаний). Лидерство в данной сфере занимают США и Великобритания, которые первыми закрепили данный институт [13, с. 1]. Именно в данных странах он показывает наибольшую эффективность. Ежегодно американскими судами рассматривается порядка пятнадцати тысяч коллективных исков, в том числе споров, связанных с оборотом деривативов на бирже, которые традиционно считаются сложнейшими [12, с. 186].

Для начала стоит дать понятие групповому иску. Он представляет собой «притязание о защите как нарушенных субъективных прав участников многочисленной группы лиц, так и охраняемого законом интереса» [8, с.71]. У данного института есть ряд преимуществ, которые традиционно выделяются в качестве аргументов в его поддержку, и часть которых была использована в пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) [2].

Преимущество данного института заключается в том, что снижаются судебные издержки [9, с. 120], т.е. суды рассматривают в рамках одного производства дела, в которых у истцов предметом спора являются общие права, а в основание положены общие фактические обстоятельства. Суды освобождаются от необходимости рассматривать большое количество идентичных споров, что способствует повышению качества правосудия. Именно данным мотивом было обусловлено принятие Федерального закона (далее – ФЗ) РФ от 18.07.2019 № 191 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Данный ФЗ внес в ГПК РФ главу 22.3, а также существенно изменил главу 28.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), сделав ее больше похожей на англосаксонскую модель, в отличие от прежней, которая напоминала немецкую [11, с.119].

Анализируя новеллы процессуального законодательства, стоит в первую очередь подробно рассмотреть обязательные требования для подачи class action, регламентированные АПК РФ и ГПК РФ. В результате недавней реформы, проводимой с целью оптимизации цивилистического судопроизводства и направленной на достижение принципа процессуальной экономии, условия в обоих кодексах были унифицированы. Так, ч.1 ст.225.10 АПК РФ и ч.1 ст. 244.20 ГПК РФ предусматривают идентичные пререквизиты для обращения в суд: наличие общего ответчика; предмет спора – общие права и обязанности; в основании притязания лежат схожие фактические обстоятельства; члены группы выбрали идентичный способ защиты прав. Данные условия зачастую именуют объективными [6, с. 459]. Помимо них доктрина цивилистического процесса выделяет субъективные условия. Во-первых, это подача class action управомоченным субъектом. Во-вторых, присоединение к требованию не менее пяти человек в случае арбитражного судопроизводства (ч.5 ст. 225.10 АПК РФ) и не менее двадцати человек в случае гражданского судопроизводства (ч.5 ст. 244.20 ГПК РФ). В данном случае арбитражное и гражданское процессуальное законодательство различаются. Какого-либо объяснения различий пояснительная записка к данным изменениям не дает. Однако, можно предположить, что в случае с АПК РФ, законодатель учел, что в экономических спорах участвуют в основном юридические лица, которые по своему существу представляют объединение лиц [10, с. 14]. Вероятность того, что нарушат права сразу двадцати коллективных образований весьма низка, а, следовательно, установление одинакового требования как в АПК РФ, так и в ГПК РФ привела бы к нежизнеспособности института коллективного иска в рамках арбитражного судопроизводства. С другой стороны, подобное низкое требование к количеству субъектов не соответствует природе группового иска, который предъявляется в защиту действительно значительной по численности группы лиц [5, с.518].

При рассмотрении данного института возникает вопрос – каким образом он соотносится с процессуальным соучастием? Оба процессуальных инструмента предусматривают наличие множества лиц на одной из сторон процесса. Однако, между ними есть существенные различия, которые напрямую вытекают из позитивного законодательства. Во-первых, члены группы лиц, не являющиеся лицом, ведущим дело в интересах группы лиц, имеют крайне ограниченные процессуальные права (ст. 225.10-2 АПК РФ, ст. 244.23 ГПК РФ). В случае процессуального соучастия, соучастникам предоставляются равные процессуальные права и, как следствие, на них возлагаются идентичные процессуальные обязанности. Отсюда следует вывод, что они являются полностью самостоятельными субъектами гражданских процессуальных правоотношений [5, с. 55]. Второе отличие в требованиях к множественности лиц при соучастии и при групповом иске. Так, АПК РФ и ГПК РФ не регулируют минимального требования к количеству лиц при процессуальном соучастии, однако, из смысла норм вытекает, что их должно быть минимум два. В случае же с групповым иском, требования являются более высокими – пять лиц для арбитражного производства и двадцать для гражданского. Данное отличие стоит считать ключевым, поскольку сущность группового иска именно в массовости лиц, входящих в группу. При первичном анализе может показаться, что данный признак не может иметь места, поскольку правопорядок не ограничивает максимальное количество лиц, допускаемых для участия в процессе в качестве процессуальных соучастников. Однако, судебная практика придает этой черте существенное значение. Так, в Постановлении АС ВСО от 06.03.2024 № Ф02-451/2024 отмечается, что при class action «состав группы лиц либо неизвестен на момент возбуждения дела, но персонифицируется в процессе судебного разбирательства, либо столь многочисленный, что не позволяет обеспечить фактическое участие в деле всех участников группы» [3]. В вышеназванном постановлении суд отметил, что class action позволяет защитить интересы

гражданского правового сообщества (точный состав которого не всегда определен). В случае же процессуального соучастия, критерий неизвестности всех лиц на момент возбуждения дела / невозможности обеспечения фактического участия в деле всех участников группы, как правило, отсутствует. Еще одно отличие группового иска от процессуального соучастия заключается в том, что при групповом иске возможно выбрать в качестве представителя третье лицо. Напротив, в случае соучастия, позитивное законодательство позволяет привлечь в качестве лица, ведущего дело, только субъекта, являющегося соучастником.

Большой акцент в обоих процессуальных кодексах делается на обязанность лица, ведущего дело в интересах группы лиц, действовать добросовестно [4 с. 554]. Это подтверждается тем, что процессуальные кодексы устанавливают право суда наложить на это лицо судебный штраф, если он исполняет свои обязательства недобросовестно, либо злоупотребляет правом. И это вполне оправданно, поскольку данное лицо отстаивает не только свои права и интересы, но и интересы третьих лиц, входящих в группу, а это, в свою очередь предполагает особый характер отношений между этими лицами. Помимо этого, нарушение фидуциарных обязанностей лицом, ведущим дело в интересах группы, может повлечь за собой прекращение его полномочий, если на это была изъявлена воля большинства лиц, присоединившихся к class action (п.2 ч.4 ст.225.10-1 АПК РФ, п.2 ч.4 ст.244.22 ГПК РФ). Такую правовую возможность также можно обосновать особыми доверительными отношениями, складывающимися между представителем и группой лиц. Если эти лица согласились (хоть и конклюдентно) на то, что юридические поведенческие акты, совершаемые лицом, ведущим дело, будут производить последствия на их сферу правового господства, то и дозволение прекратить такую возможность также должно быть предоставлено. В противном случае, представитель может явно оппортунистическими способами осуществлять свои права, что с

неизбежностью повлечет достижения совсем не тех целей, на которые данная процессуальная реформа направлена.

Отдельно стоит отметить срок рассмотрения судом дел о защите прав и законных интересов группы лиц. В соответствии с ч.2 ст. 244.25 ГПК РФ и ч.2 ст. 225.16 АПК РФ он составляет не более восьми месяцев. Данный срок, хоть и является довольно большим, необходим, поскольку дает время для других членов гражданского правового сообщества присоединиться к групповому иску, что в полной мере соответствует природе данного института.

Заканчивая настоящее исследование, стоит подчеркнуть, что правовое регулирование института группового иска в процессуальных кодексах по большей части унифицировано и согласовано. По своей природе институт группового иска воплощает в жизнь принцип процессуальной экономии. Относительная немногочисленность споров связана с тем, что далеко не каждое дело связано с интересами большого круга лиц, а также с тем, что о данной новелле осведомлены не все потенциальные участники судопроизводства.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 22.07.2019. № 29 (часть I). ст. 3858.

2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования порядка рассмотрения требований о защите прав и законных интересов группы лиц» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/596417-7> (Дата обращения: 17.03.2023).

3. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.03.2024 № Ф02-451/2024 // Доступ из СПС Консультант плюс.

4. Арбитражный процесс: учебник / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий [и др.]; под редакцией В. В. Яркова. 8-е изд. – М.: Статут, 2021. 752 с.
5. Арбитражное процессуальное право : учебник для вузов / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под редакцией С. Ф. Афанасьева. – М.: Издательство Юрайт, 2024. 717 с.
6. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, В. П. Воложанин [и др.] ; под редакцией В. В. Яркова. 11-е изд. – М.: Статут, 2021. 721 с.
7. Гражданский процесс : учебник и практикум для вузов / М. Ю. Лебедев [и др.] ; под редакцией М. Ю. Лебедева. 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. 423 с.
8. Малешин Д. Я. Российская модель группового иска // Вестник Экономического правосудия. 2010. № 4. С. 70-87.
9. Сутормин Н. А. Преимущества и недостатки группового иска // Государство и право. 2020. №7. С. 119 – 123.
10. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. 456 с.
11. Ярков В.В., Долганичев В.В. Групповые иски: Сравнительный анализ // European and Asian Law Review. 2020. №1. С. 118 – 133.
12. Dodson S. An Opt-In Option for Class Actions // Michigan Law Review. 2016. №. 115. P. 172-212.
13. Markesinis B. Compensation for personal injury in English, German and Italian Law. A comparative outline / B. Markesinis, M. Coester, G. Alpa, A. Ullstein. – New York: Cambridge University press, 2005. 238 p.

Старшинова Ксения Ярославовна

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Институт частного права

Россия, Москва

ksenia.starshinova@mail.ru

Starshinova Kseniia

Kutafin Moscow State Law University

Private Law Institute

Russia, Moscow

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ

Аннотация: в статье анализируются особенности рассмотрения корпоративных споров в арбитражном суде, а также специфика данной категории дел, раскрывающаяся в отдельных положениях процессуального законодательства. Рассматривается проблема отсутствия нормативной регламентации правовой природы отношений, складывающихся в результате корпоративных споров. Автор анализирует положения процессуального законодательства, устанавливающие особые правила рассмотрения корпоративных споров, иллюстрирует выявленные проблемы, основываясь как на профессиональных научных мнениях, так и на актуальной судебной практике, а также приводит критерий определения правовой природы корпоративных споров.

Ключевые слова: арбитражный процесс, арбитражный суд, корпоративное право, корпоративные споры, корпоративные отношения.

SOME PECULIARITIES OF CONSIDERATION OF CORPORATE DISPUTES IN THE ARBITRATION COURT

Annotation: the article analyses the peculiarities of consideration of corporate disputes in arbitration court, as well as the specifics of this category of cases, revealed in certain provisions of procedural legislation. The problem of the lack of normative regulation of the legal nature of relations formed as a result of corporate disputes is considered. The author analyses the provisions of procedural legislation establishing special rules for consideration of corporate disputes, illustrates the identified problems based on both professional scientific opinions and current court practice, and also provides a criterion for determining the legal nature of corporate disputes.

Key words: arbitration process, arbitration court, corporate law, corporate disputes, corporate relations.

Институт корпоративных споров является относительно новым для системы российского права. Основным этапом его развития стало введение отдельной главы в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, посвященной рассмотрению данной категории дел [1]. При этом важно отметить, что законодательное регулирование корпоративных споров за короткий период времени претерпело достаточно большое количество преобразований. Последние изменения в арбитражное процессуальное законодательство были внесены в 2023 году, при этом большинство нововведений отнесено именно к главе 28.1 [2].

Очевидно, на этом этапе развитие и изменение правового регулирования рассмотрения корпоративных споров арбитражными судами не закончится. Существует ряд проблем, связанных как с имеющимися пробелами в законе, так и с отсутствием четкого понимания правовой природы отношений, складывающихся в результате корпоративных споров. В отечественной и зарубежной литературе зачастую процессуальное определение данной категории дел соотносят с гражданско-правовым понятием корпоративных отношений,

пытаясь определить границы, не установленные в законе, а также более точно идентифицировать рассматриваемую категорию споров.

Положения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, посвященные рассмотрению корпоративных споров, часто подвергаются критике как со стороны представителей теории права, так и со стороны юристов-практиков. Особый интерес представляют нормы, раскрывающие специфику данной категории дел, направленные на реализацию и охрану прав и законных интересов участников корпоративных споров.

Сами по себе корпоративные споры в рамках арбитражного процесса представляют большой интерес в первую очередь из-за особенностей рассмотрения дел по данной категории. Представляется важным рассмотреть самые значимые и заслуживающие особого внимания положения процессуального законодательства, в которых в большей степени раскрывается специфика корпоративных споров.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации указывает на то, что дела по корпоративным спорам рассматриваются по общим правилам искового производства (ч. 1 ст. 225.2 АПК РФ) [3]. Однако законодатель предусмотрел ряд отличительных положений.

Принимая во внимание особенности субъектного состава и специфику правоотношений, возникающих в рамках корпоративных споров, представляется целесообразным акцентировать внимание на одной из существенных особенностей данной категории дел, которая находит свое отражение в нормах, регламентирующих требования, предъявляемые к содержанию искового заявления. Помимо общих сведений, предусмотренных ст. 125 АПК РФ, в исковом заявлении по корпоративному спору обязательно («imperative») указание государственного регистрационного номера юридического лица, содержащегося в ЕГРЮЛ, а также адреса (места нахождения) юридического лица. Необходимость закрепления данных требований обусловлена спецификой

субъектного состава корпоративных споров и направлена на обеспечение надлежащего уведомления юридического лица о возбуждении в отношении него судебного разбирательства, что является одним из ключевых факторов, способствующих реализации принципа состязательности и равноправия сторон в арбитражном процессе.

Таким образом, законодатель, учитывая особенности корпоративных споров, устанавливает дополнительные требования к содержанию и оформлению искового заявления, что способствует обеспечению процессуальных гарантий участников арбитражного судопроизводства и создает предпосылки для всестороннего и объективного рассмотрения дела.

Установление повышенных требований к содержательной части и формальным аспектам искового заявления, подаваемого в рамках корпоративных споров, является объективной необходимостью, продиктованной потребностью в обеспечении надлежащей идентификации юридического лица, выступающего в качестве одной из сторон конфликта. Данная специфика обусловлена комплексным характером корпоративных правоотношений, в рамках которых затрагиваются интересы не только самого юридического лица как обособленного субъекта права, но и широкого круга аффилированных с ним лиц, так или иначе заинтересованных в исходе разрешения возникшего спора. К числу таких лиц могут быть отнесены участники (акционеры) юридического лица, обладающие правами на долю в его уставном капитале и претендующие на получение соответствующей части прибыли от деятельности корпорации, члены органов управления, осуществляющие в рамках своей компетенции руководство текущей деятельностью организации и определяющие основные направления её развития, а также контрагенты по гражданско-правовым договорам и иные лица, чьи права и законные интересы прямо или косвенно связаны с функционированием

юридического лица и могут быть затронуты при разрешении корпоративного спора [4].

Таким образом, детальная регламентация требований к исковому заявлению по корпоративным спорам является важной гарантией обеспечения прав и законных интересов всех субъектов, вовлечённых в орбиту корпоративного конфликта, и направлена на создание необходимых предпосылок для его справедливого и эффективного разрешения в рамках установленных законом процедур. При этом, несоблюдение истцом специальных требований, предъявляемых к исковому заявлению по корпоративным спорам, может повлечь за собой негативные процессуальные последствия, что наглядно иллюстрирует судебная практика. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд, рассматривая апелляционную жалобу на Определение суда первой инстанции, которым исковое заявление было сначала оставлено без движения, а затем возвращено ввиду неустранения нарушений требований к форме и содержанию, подтвердил правомерность действий нижестоящего суда. Основанием для возвращения искового заявления послужило непредставление истцом доказательств уплаты государственной пошлины в полном объеме с учетом количества и характера заявленных требований, а также несоответствие субъектного состава требованиям законодательства. Суд апелляционной инстанции особо подчеркнул необходимость соблюдения истцом не только общих требований к форме и содержанию искового заявления, но и специальных требований, предусмотренных для обращений по корпоративным спорам.

Таким образом, анализируемое судебное постановление наглядно демонстрирует важность неукоснительного соблюдения истцом всех требований, предъявляемых к исковому заявлению по корпоративным спорам, в целях обеспечения доступа к правосудию и эффективной защиты нарушенных прав и законных интересов участников корпоративных отношений [8].

Углубляясь в проблематику корпоративных споров в контексте арбитражного процесса, нельзя не отметить такую значимую особенность, как специфика субъектного состава данной категории дел. Данный аспект приобретает особую актуальность и значимость на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, что справедливо акцентирует в своих трудах М.К. Треушников. Состав участников процесса по каждому конкретному корпоративному спору не является статичным и универсальным, а подвержен вариативности в зависимости от ряда ключевых факторов. В первую очередь, на субъектный состав оказывает влияние характер нарушенного субъективного материального права или охраняемого законом интереса. Именно специфика нарушения и затронутые права определяют круг лиц, чьи интересы затрагиваются в рамках конкретного корпоративного конфликта [5, с. 539].

Корпоративные споры характеризуются множественностью субъектов, чьи права и обязанности могут быть затронуты судебным решением, что обусловлено сложной структурой корпоративных отношений и многообразием юридически значимых связей между участниками корпорации. В целях обеспечения надлежащего уведомления всех заинтересованных лиц о возбуждении и ходе судебного разбирательства по корпоративному спору законодатель возлагает на арбитражный суд обязанность по размещению соответствующей информации на своем официальном сайте в сети «Интернет». В частности, суд должен проинформировать о принятии искового заявления, заявления к производству, о движении дела и вынесенных судебных актах.

Более того, в качестве дополнительной гарантии осведомленности лиц о корпоративном споре, законом закреплена обязанность уведомления и самого юридического лица, которое арбитражный суд может обязать известить иных участников и лиц, входящих в органы управления этого юридического лица. За неисполнение данной обязанности арбитражным судом может быть наложен судебный штраф (ч. 3, ч. 4 ст. 225.4 АПК РФ) [3]. Данная особенность по

информированию лиц, входящих в субъектный состав корпоративных споров, является реализацией цели оперативного извещения о производстве по делу всех заинтересованных в его исходе лиц, чтобы те имели возможность как можно быстрее начать реализовывать свои процессуальные права [5, с. 541].

Специфика корпоративных споров, обусловленная их правовой природой, находит свое отражение в нормативных положениях, регламентирующих право истца на отказ от иска и право сторон на заключение мирового соглашения, что, по сути, является проявлением диспозитивности в данной категории правоотношений. [6, с. 62]. Вместе с тем специфика корпоративных отношений накладывает определенные ограничения на реализацию принципа диспозитивности в данной категории споров. В частности, суд может утвердить данные распорядительные действия лишь в том случае, если не будут нарушены права и (или) законные интересы других лиц, в том числе и самой организации [3]. Данное положение направлено в первую очередь на защиту прав и законных интересов лиц, являющихся участниками корпоративных правоотношений, но не участвующих в конкретном корпоративном споре. В связи с тем, что корпоративный конфликт зачастую охватывает большое количество лиц, суду, рассматривающему и разрешающему дело, необходимо учитывать не только положение примирившихся сторон, но и тех участников юридического лица, права и законные интересы которых подобные решения могут нарушить. Арбитражный суд Приморского края, разрешая дело по корпоративному спору, не принял признание одним из ответчиков иска, в связи с тем, что такие действия нарушают права и законные интересы другого ответчика по этому же делу. Суд также указал на то, что данное признание не может быть принято, поскольку между участниками юридического лица имеется корпоративный конфликт [9]. Таким образом, судом были учтены интересы всех участников корпоративного спора и, несмотря на примирение между одними лицами, было отклонено

признание, затрагивающее и противоречащее интересам других лиц корпоративного конфликта.

Представляется важным также обратить внимание на введение в арбитражное процессуальное законодательство института «косвенных исков» (ст. 225.8 АПК РФ) [3]. В отечественной литературе такие иски определяют, как иски, которые тесно связаны с явным нарушением прав, т.е. требования определенных участников корпорации о защите своих прав и охраняемых законных интересов [7, с. 8]. Как верно отмечает С.А. Шикин, корпорация зачастую либо занимает нейтральную позицию в споре, либо выступает достаточно пассивным участником в процессе [7, с. 9]. Законодательное признание права участников корпоративных отношений на предъявление косвенных (производных) исков в арбитражный суд выступает важной процессуальной гарантией защиты их интересов, независимо от позиции самого юридического лица в отношении конкретного корпоративного спора. Данная законодательная новелла обусловлена сложившейся правоприменительной практикой, свидетельствующей о наличии ситуаций, когда юридическое лицо в силу различных причин занимает пассивную позицию в корпоративном конфликте, что может негативно отразиться на правах и законных интересах иных участников корпоративных отношений.

Предоставляя участникам корпоративных споров возможность инициировать судебное разбирательство посредством подачи косвенного иска, законодатель тем самым создает дополнительный механизм защиты их прав и интересов, обеспечивая доступ к правосудию вне зависимости от активности и заинтересованности самой корпорации в разрешении конфликта. Данный подход представляется вполне оправданным, учитывая специфику корпоративных отношений, характеризующихся множественностью субъектов и сложным переплетением их интересов.

Анализ особенностей рассмотрения корпоративных споров в арбитражном процессе позволяет заключить, что специфика данной категории дел, обусловленная характером правоотношений, возникающих между участниками корпорации, а также многочисленностью лиц, заинтересованных в исходе того или иного корпоративного спора, определяет необходимость выработки законодателем специальных правил, учитывающих эти особенности. Только такой подход способен обеспечить эффективную судебную защиту прав и законных интересов всех участников корпоративных отношений и гарантировать справедливое разрешение возникающих конфликтов.

Арбитражный процессуальный закон, регулирующий корпоративные споры, преследует фундаментальную цель – обеспечение и защиту не только прав самого юридического лица, но и прав и законных интересов его участников. Данная целевая установка обусловлена спецификой корпоративных правоотношений, которые характеризуются многосубъектностью и сложной структурой взаимосвязей между юридическим лицом и его участниками. Особенности арбитражного процессуального регулирования корпоративных споров, такие как расширенный субъектный состав, специальная подведомственность и подсудность, а также применение обеспечительных мер, направлены на реализацию указанной цели. Эти процессуальные механизмы учитывают правовую природу корпоративных отношений, основанных на членстве и участии в управлении юридическим лицом, а также принимают во внимание потенциальное влияние корпоративных конфликтов на права и интересы широкого круга лиц.

Корпоративные споры, возникающие из сложного переплетения имущественных и неимущественных прав участников и самого юридического лица, требуют особого подхода к их разрешению. Арбитражный процессуальный закон, принимая во внимание данную специфику, устанавливает гарантии, обеспечивающие баланс интересов всех вовлеченных сторон и

предотвращающие злоупотребление правами. Таким образом, особенности арбитражного процессуального регулирования корпоративных споров являются отражением правовой природы корпоративных правоотношений и служат инструментом достижения главной цели - защиты прав и законных интересов как юридического лица, так и его участников. Эти особенности создают необходимые условия для справедливого и эффективного разрешения корпоративных конфликтов, учитывая их специфику и значимость для функционирования юридических лиц и защиты интересов их участников.

Проведенное исследование позволило выявить лишь часть проблем и особенностей, характерных для рассмотрения корпоративных споров арбитражным судом. Основная проблема заключается в отсутствии единого подхода к определению правовой природы корпоративных споров как в юридической литературе, так и в законе. Представляется верным понимание данной правовой категории на основе предметного критерия. Необходимо внести изменения в процессуальное законодательство в части конкретизации определения споров, подпадающих под категорию корпоративных, с целью более точной их идентификации судами.

Изучение некоторых особенностей правового регулирования рассмотрения корпоративных споров показало целесообразность и результативность внесенных в процессуальное законодательство изменений, а также необходимость продолжения преобразования данных правовых норм для достижения более эффективной охраны прав и законных интересов всех участников корпоративных правоотношений.

Исследование различных мнений и позиций, представленных в юридической и научной литературе относительно альтернативных методов примирения сторон корпоративных споров, позволило прийти к выводу о необходимости реформирования и улучшения института примирения сторон, в частности в рамках разрешения корпоративных конфликтов. Специфика

корпоративных правоотношений иллюстрирует наибольшую эффективность, удобство и значимость процесса примирения сторон посредством внесудебных, альтернативных методов именно в рамках корпоративных споров.

Вместе с тем, следует развивать не только внесудебные, но и судебные способы примирения сторон, так как многие конфликты, возникающие между участниками корпоративных правоотношений, не могут быть разрешены законно без участия суда. Анализ судебной практики в рамках применения примирительных процедур сторон корпоративных споров показал значимость роли суда в процессе принятия отказа истца от иска или признания иска ответчиком, а также утверждения мирового соглашения.

Несмотря на то, что корпоративные споры по статистике являются одной из самых нераспространенных категорий дел, рассматриваемой арбитражными судами, интерес к корпоративным конфликтам и особенностям корпоративных отношений с каждым годом лишь возрастает.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 19.07.2009 № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3642.
2. Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (часть I). Ст. 48.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) // под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., исправленное и переработанное. Москва: Статут, 2020. – 1071 с.

5. Арбитражный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. 7-е изд., перераб. / под ред. М.К. Треушникова. – М.: Издательский дом «Городец», 2020. – 816 с.

6. Кульпин А.А., Киреева А.В. Мировое соглашение как реализация принципа диспозитивности в гражданском процессе: вопросы теории и практики // Альманах молодого исследователя. 2022. № 12. С. 61–65.

7. Шикин С.А. Особенности разрешения корпоративных споров в арбитражных судах. Часть 1 // Право и экономика. 2022. № 5. С. 5 - 13.

8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы от 11.06.2020 № 09АП-24509/2020 по делу № А40-17591/2020. –Текст: электронный. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

9. Решение Арбитражного суда Приморского края от 21.02.2024 по делу № А51-8500/2023. – Текст: электронный. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 336.2

Долганин Сергей Петрович

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт права и предпринимательства

Россия, Екатеринбург

spd013@ya.ru

Dolganin Sergey

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of business and law

Russia, Yekaterinburg

**НАСЛЕДОВАНИЕ ПРАВА НА ВОЗВРАТ ИЗЛИШНЕ УПЛАЧЕННЫХ
СУММ НАЛОГА**

Аннотация: в российской правовой доктрине, зачастую цивилистической, нередко возникает вопрос наличия у ряда юридических конструкций свойства эластичности – способности определённого актива (в широком смысле слова) изменять свою форму при одновременном сохранении соответствующих прав кредитора на такой актив. В связи с этим, возникает вопрос о существовании такого свойства в рамках налогового права. Подобный вопрос возник в связи с изучением ряда судебных актов по данной тематике.

Ключевые слова: налоговое право, налоги, наследование, право на возврат, механизм возврата, излишне уплаченный налог.

**INHERITANCE OF THE RIGHT TO REFUND OF OVER PAID TAX
AMOUNTS**

Annotation: in Russian legal doctrine, often civil law, the question often arises of whether a number of legal structures have the property of elasticity - the ability of a

certain asset (in the broad sense of the word) to change its form while maintaining the corresponding rights of the creditor to such an asset. In this regard, the question arises about the existence of such a property within the framework of tax law. A similar question arose in connection with the study of a number of judicial acts on this topic.

Key words: tax law, taxes, inheritance, right to tax refund, tax refund mechanism, overpaid tax.

Сформулировать основной вопрос в рамках упомянутой юридической проблематики можно следующим образом: «Возможно ли наследование права на возврат излишне уплаченных сумм налога?». Представляется, что спорный характер указанного вопроса в правоприменительной практике обусловлен, как минимум, двумя особенностями механизма возврата излишне уплаченных сумм налога:

Во-первых, согласно правовому регулированию ст. ст. 35, 57 Конституции РФ, а также соответствующим разъяснениям Конституционного суда РФ [3] обязанность платить законно установленные налоги и сборы имеет особый, а именно публично-правовой, а не частноправовой (гражданско-правовой) характер, что обусловлено публично-правовой природой государства и государственной власти.

Во-вторых, специальная норма налогового закона – ст. 79 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) – указывает на специального субъекта, уполномоченного на реализацию права на возврат излишне уплаченных сумм налога, – налогоплательщика (налогового агента).

В-третьих, общие положения ст. 44 НК РФ устанавливают закрытый перечень случаев, при которых правопреемство в налоговых правоотношениях допустимо. Всего таких случаев три (по факту три с половиной), к числу которых правопреемство в порядке наследования законом не отнесено. Исходя из указанного регулирования, логичным представляется отрицательный ответ на

поставленный вопрос. В целом, в рамках одной из хронологически первых правовых позиций по данному вопросу, выраженной в соответствующих письмах Минфина РФ [6], [7], изложен подход, запрещающий наследникам налогоплательщика реализовать право на возврат излишне уплаченных сумм налога. Ключевым доводом органа исполнительной власти выступал довольно примитивный и в целом ошибочный тезис о невозможности применения положений гражданского закона к налоговым отношениям. Между тем, как мне кажется, рассматриваемая логика приводит к верному выводу о невозможности совершения в рамках публичных правоотношений действий, прямо не предусмотренных налоговым законом. Тем не менее, в более поздних судебных актах сформировался противоположный подход, разрешающий наследникам налогоплательщика реализовать право на возврат излишне уплаченных сумм налога [5]. Рассматриваемый вывод представляется безусловно верным и справедливым. Однако согласиться с юридической логикой, опосредующей такой вывод, весьма сложно.

В первую очередь, надлежит обозначить основные доводы, заявленные судами в преобладающем большинстве актов, принятых в пользу наследников. Такими доводами выступают (позиция судов основывается на одном или нескольких):

Во-первых, излишне поступившая от налогоплательщика в бюджет сумма не является законно установленным налогом, относится к имуществу налогоплательщика, которое подлежит возврату последнему, а после смерти — его наследникам.

Во-вторых, несмотря на то что налоговое законодательство прямо не закрепляет за наследниками умершего налогоплательщика право (возможность) вернуть налоги, излишне налогоплательщиком уплаченные или излишне с него взысканные, но и норм, «блокирующих» общие положения о наследовании в отношении «излишних» налогов, тоже нет. Иными словами, налоговый закон

не содержит положений, запрещающих правопреемство в налоговых правоотношениях.

В-третьих, излишне поступившая от налогоплательщика в бюджет сумма не имеет той неразрывной связи с личностью/статусом налогоплательщика-наследодателя, которая согласно статье 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) препятствовала бы включению права на возврат такой суммы в состав наследства.

При этом существенным дополнением такой юридической логики выступает «универсальный аргумент». Пожалуй, практически в любой отрасли права существует свой «универсальный аргумент» – норма права, как правило практически полезная и здравая, но зачастую, в силу своей широты или по иным причинам, используемая для того, чтобы «заткнуть дыры» в юридической аргументации. Например, в гражданском праве таким институтом выступает недобросовестность. В рамках налогового права подобным «универсальным аргументом» является норма п. 7 ст. 3 НК РФ, закрепляющая принцип, согласно которому все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика.

Используя вышеобозначенное обоснование, руководствуясь соображениями о том, что норма права «не может толковаться как ограничивающая права наследников», суды, по собственному убеждению, таким образом избавляются от юридической преграды в виде отсутствия в налоговом законодательстве механизма правопреемства в части отдельных институтов налогового права, закреплённых специальными нормами. После чего, применяя положения ст. ст. 1112, 1183 ГК РФ, суды приходят к выводу о наличии у наследников права на возврат излишне уплаченных сумм налога.

Несмотря на то, что подобные решения в целом справедливы, мотивировка выглядит совершенно неубедительно и спорно. Попробуем ответить на вопрос, почему логика правоприменительных органов не звучит убедительно.

Первым шагом юридической аргументации выступает отказ от цели обосновать наличие у наследников права на возврат излишне уплаченных сумм налога и сфокусироваться на юридической квалификации сложившегося правоотношения.

Мотивировка вышеуказанных судебных актов всегда существовала в парадигме того, что возникшие правоотношения носят публичный, налогово-правовой характер. Рассуждений относительно природы сложившихся отношений в таких судебных актах не приводится. Попробуем исходить из предположения, что перед нами действительно налогово-правовые отношения.

В случае если отношения по возврату наследниками излишне уплаченных сумм налога в действительности являются налогово-правовыми, то, как ранее отмечалось, позиция Минфина РФ относительно отсутствия у наследников права на возврат излишне уплаченных сумм налога является совершенно справедливой. Юридическая конструкция, предусмотренная ст. 79 НК РФ, обладает строгой регуляторной спецификой и называет конкретного управомоченного на совершение действий по возврату соответствующей суммы налога субъекта.

Таким образом, справедливым представляется отметить, что в рамках квалификации отношений по возврату наследниками излишне уплаченных сумм налога в качестве налогово-правовых, права на возврат таких сумм у наследников не возникает.

Как минимум, следует критически отнестись к доводам, приводимым в ряде судебных решений [4] и научных статьях [8], о том, что если налоговое законодательство не запрещает наследовать сумму излишне уплаченного налога, то такое наследование возможно, поскольку нет запретительных норм.

Фундаментальной особенностью налогового права выступает его тип правового регулирования – «запрещено все, кроме прямо разрешенного» (в классификации С.С. Алексеева) [9]. Рассматриваемая особенность, в частности,

следует из ст. 1 НК РФ: права и обязанности налогоплательщиков, налоговых органов и других участников отношений регулируются только законодательством о налогах и сборах и никаким иным законодательством. Иначе говоря, если налоговое законодательство не определяет имущественные права и обязанности того или иного лица (в частности, наследников) в отношении конкретных налоговых обязанностей налогоплательщика-наследодателя и не устанавливает для него процедуры обращения в налоговый орган для реализации своих прав, то это означает невозможность для такого лица вступить в налоговые отношения с государством [10].

Следующим шагом допустим, что отношения по возврату наследниками излишне уплаченных сумм налога не являются налогово-правовыми. В западной культуре сложилась традиция определять понятия и (или) их признаки прежде, чем предметно о них рассуждать. Следовательно, обозначим признаки налоговых правоотношений.

Положения ст. 2 НК РФ определяют перечень отношений, регулируемых налоговым правом. Наряду с изложенным, в доктрине налогового права отмечается, что общественные отношения, регулируемые законодательством о налогах и сборах, в действительности выходят за рамки ст. 2 НК РФ [11]. В условиях ограничений по объёму, связанных с форматом настоящей работы, представляется разумным обратить внимание, как минимум, на два безусловных признака налоговых отношений, представляющих интерес в контексте настоящего рассуждения – субъектный состав и содержание. Во-первых, участником налоговых правоотношений всегда выступает плательщик налогов и сборов. Во-вторых, налоговые правоотношения всегда выстроены на отношениях власти и подчинения.

Попробуем применить к отношениям по возврату наследниками излишне уплаченных сумм налога вышеописанный двухступенчатый тест: во-первых, в таких правоотношениях не участвует налогоплательщик; во-вторых, налоговый

орган и наследник выступают в таких отношениях как субъекты равные по объёму прав (статус налогового органа в рассматриваемом случае можно сравнить, например, со статусом органа государственной власти в отношениях исполнения госконтрактов) [12].

Таким образом, рассматриваемые правоотношения не носят публично-правовой характер. Следовательно, они являются частно-правовыми по своей природе. Из указанного следует, что в строго юридическом смысле права на использование механизма возврата излишне уплаченных сумм налога, предусмотренных ст. 79 НК РФ, у наследников возникнуть не может ни при каких обстоятельствах.

Продолжим рассуждение относительно природы возникших правоотношений. Каким видом частных правоотношений являются отношения по возврату наследниками излишне уплаченных сумм налога?

В данный момент рассуждения важно отметить, что в контексте частно-правовых отношений называть имущественную массу, выступающую предметом спора, термином «излишне уплаченная сумма налога» является некорректным. После смерти наследодателя рассматриваемое имущество становится частью наследственной массы, юридический режим такого имущества изменяется. В момент вступления в наследство фактически возникает ситуация, когда текущий владелец уплаченных в бюджет денежных средств лишен владения такими средствами.

Из вышеуказанного представляется, что содержание такого правоотношения заключается в том, что одно лицо без всяких к тому законных оснований неосновательно обогащается: приобретает или сберегает (не тратит) своё имущество за счёт другого лица.

Таким образом, юридически корректной квалификацией требования наследника к бюджету о возврате денежных средств, ранее ошибочно

переданных наследодателем, является квалификация такого требования как возникшего из неосновательного обогащения.

Основной методологической ошибкой, совершаемой в вышеперечисленных судебных актах, на мой взгляд, является попытка применения публично-правовых категорий к отношениям, в рамках которых такие юридические конструкции не применимы. В подобном контексте неизбежным является использование нехарактерного публичному праву расширительного способа толкования норм налогового закона.

Говоря строго, в рамках заинтересовавшего меня судебного дела, по которому принято вышеупомянутое кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ, составу суда в целом следовало указать на гражданско-правовой, а не административный характер спора.

Возвращаясь к основному вопросу настоящей статьи: «Возможно ли наследование права на возврат излишне уплаченных сумм налога?», основываясь на вышеизложенном, с юридической точки зрения следует дать отрицательный ответ. Тем не менее, важно оговориться, что экономическая сущность рассматриваемых сумм налога не изменяется, меняется лишь их правовой режим.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья (в ред. ФЗ № 362-ФЗ от 24.07.2023) // Российская газета, N 289, 22 декабря 2006 г. Вступил в силу с 1 января 2008 г.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая (в ред. от 31.07.2023) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 7 августа 2000, № 32.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 № 24-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20578/
4. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 31.05.2017 по делу № 33а-7005/2017 // URL: [https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/apellyatsionnoe-opredelenie-_33a-7055_2017-ot-31.05.2017-krasnoyarskogo-kraevogo-suda-\(krasnoyarskiy-kray\)](https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/apellyatsionnoe-opredelenie-_33a-7055_2017-ot-31.05.2017-krasnoyarskogo-kraevogo-suda-(krasnoyarskiy-kray))
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.01.2023 по делу № 33-2406/2023 // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/5176e4d0-90da-11ed-92bc-af2f691d5cb7?caseNumber=33-2406/2023%3B>
6. Письмо Минфина России от 06.08.2013 № 03-04-05/31516 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70330104/?ysclid=lui3sit2p4510445661>
7. Письмо Минфина России от 30.04.2014 № 03-04-05/20630 URL: <https://base.garant.ru/70717804/?ysclid=lui3u71k1j375240153>
8. Ефремова Е.С. «О праве наследников на имущественный налоговый вычет» // Нотариус. 2013. № 8.
9. Алексеев, С. С. Государство и право: учебное пособие // С. С. Алексеев. — Москва: Проспект, 2015. — 152 с. — ISBN 978-5-392-16283-3. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система.
10. Ногина О.А. «Наследование имущества и имущественный налоговый вычет при приобретении недвижимого имущества: проблемы законодательства и судебной практики» // Журнал «Нотариальный вестник» № 10, 2021.
11. Тютин Д.В. «Налоговое право: Курс лекций» // URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/tiutin_dv_nalogovoe_pravo/;
12. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право // Отв. ред. Е.А. Суханов. — М.: Статут, 2011.

УДК 347.73

Закарян Лиана Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт права и предпринимательства

Россия, Екатеринбург

Lz@tlps.ru

Zakaryan Liana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute Law and Business

Russia, Ekaterinburg

УТОЧНЕННАЯ НАЛОГОВАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ КАМЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ

Аннотация: в настоящей статье рассматривается место и особенности уточненной налоговой декларации в налоговом процессе. В результате анализа актуальной правоприменительной практики и подходов, выработанных доктринальными исследованиями, делается вывод о том, что уточненная налоговая декларация является самостоятельным основанием назначения камеральной налоговой проверки.

Ключевые слова: налоговая декларация, уточненная налоговая декларация, налоговый контроль, камеральная налоговая проверка, действительная налоговая обязанность.

REVISED TAX DECLARATION AS AN INDEPENDENT BASIC FOR THE APPOINTMENT OF A DESK TAX AUDIT

Annotation: this article considers the place and features of a revised tax declaration in the tax process. As a result of the analysis of current law enforcement practice and

approaches developed by doctrinal studies, it is concluded that a revised tax return is an independent basis for the appointment of a desk tax audit.

Key words: tax return, updated tax return, tax control, desk tax audit, actual tax liability.

Камеральная налоговая проверка является одной из основных форм налогового контроля. Это обусловлено тем, что камеральная налоговая проверка позволяет в наиболее сжатые сроки и с наименьшими административными издержками проверить значительный объем информации в отношении наибольшего числа субъектов налоговых правоотношений.

Налоговая проверка как форма налогового контроля осуществляется в рамках налоговых процедурных отношений, выступает в качестве элемента фактического содержания отдельного налогового процедурного отношения [1, с. 26]. Для процедуры характерна официальность установления последовательности действий, что предполагает наличие жесткой урегулированности и отсутствие непредусмотренных возможностей для свободы действий [2, с. 15].

Камеральная налоговая проверка является документальной проверкой, она направлена в первую очередь на исследование представленных налогоплательщиком, плательщиком сборов или налоговым агентом налоговых деклараций и расчетов, а также первичных документов и документов бухгалтерского учета, на основании которых декларация или расчет были составлены.

Из положений Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [3] следует, что основным документом налоговой отчетности и основанием назначения камеральной налоговой проверки является налоговая декларация (далее также – декларация). При этом некорректно относить налоговую декларацию и иные документы налоговой отчетности, в которых отражается

сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, к различным основаниям проведения камеральной налоговой проверки: значение указанных документов едва ли можно преуменьшить в сравнении с налоговой декларацией, в связи с чем разница формулировок в указанном случае не влечет разницу в толковании и правовых последствиях.

Винницкий Д.В. относит налоговую декларацию к числу важнейших актов реализации норм налогового права в форме их исполнения, поскольку декларация порождает возникновение различных налоговых процедурных отношений, а также налоговых обязательственных отношений [4, с. 334].

НК РФ содержит легальное определение понятия «налоговая декларация» и определяет ее как заявление налогоплательщика об объектах налогообложения, о полученных доходах и произведенных расходах, об источниках доходов, о налоговой базе, налоговых льготах, об исчисленной сумме налога и (или) о других данных, служащих основанием для исчисления и уплаты налога.

Конституционным судом Российской Федерации (далее – КС РФ) было отмечено, что система налогообложения в первую очередь основывается на информации о доходах, представляемой самим налогоплательщиком [5].

Таким образом, налоговая декларация как акт реализации права в форме исполнения соответствующей обязанности представляет собой документ, в котором налогоплательщик или налоговый агент отражает исчисленную сумму налога, то есть фиксирует размер своей налоговой обязанности, о которой извещает налоговый орган.

Помимо понятия «налоговая декларация (расчет)», НК РФ также оперирует таким понятием, как «уточненная налоговая декларация (расчет)».

Из содержания ст. ст. 80, 81, 88 НК РФ следует, что уточненная налоговая декларация представляет собой заявление налогоплательщика о размере своей действительной налоговой обязанности, вновь представленное при обнаружении

налогоплательщиком в поданной им налоговой декларации факта неотражения или неполноты отражения сведений, а также ошибок, приводящих к занижению суммы налога, подлежащей уплате.

Таким образом, уточненная налоговая декларация представляется налогоплательщиком в случае, если сумма налоговых обязательств, сведения об объектах налогообложения или иная информация об исполнении налогоплательщиком своей обязанности по исчислению и уплате соответствующего налога в ранее представленной налоговой декларации отражены некорректно.

Уточненная налоговая декларация фактически заменяет собой ранее представленную налоговую декларацию, в связи с чем для установления действительной налоговой обязанности субъекта, соответствия указанных в уточненной налоговой декларации сведений действительности, необходимо проведение камеральной налоговой проверки.

Камеральная налоговая проверка уточненной налоговой декларации также начинается автоматически в момент ее представления, при этом камеральная налоговая проверка ранее представленной декларации согласно п. 9.1 ст. 88 НК РФ прекращается, а сведения, полученные в ходе прекращенной камеральной налоговой проверки, могут быть использованы при проведении камеральной налоговой проверки уточненной декларации.

Примечательным является то, что представление уточненной налоговой декларации одновременно является правом и обязанностью налогоплательщика. Так, обнаружение налогоплательщиком в представленной налоговой декларации несоответствий, которые привели к занижению суммы налога, влечет возникновение обязанности представить уточненную налоговую декларацию. В остальных же случаях, когда несоответствия не привели к занижению суммы налога, представление уточненной налоговой декларации является правом налогоплательщика.

Соответственно, уточненная налоговая декларация в разных ситуациях может являться актом реализации права как в форме исполнения, так и в форме использования.

Из изложенного следует, что, несмотря на то, что налоговая декларация формально представляет собой документ, содержащий информацию об исчислении налогоплательщиком суммы налога, действительное значение имеет лишь результат такого исчисления – сумма налога, которая не должна быть занижена, то есть действительная налоговая обязанность.

В то же время, независимо от того, является ли представление уточненной налоговой декларации реализацией права в форме исполнения или использования, камеральная налоговая проверка такой уточненной декларации также проводится обязательно и начинается автоматически.

Законодательством не ограничена возможность представления уточненной налоговой декларации ни сроком, ни количеством: формально уточненная налоговая декларация может быть представлена в любое время и неоднократно, вопрос лишь в том, как на неё отреагирует налоговый орган.

Как отмечает Тютин Д.В. [6], частично права и обязанности налогового органа при представлении уточненной налоговой декларации урегулированы в НК РФ, в других случаях – полномочия налогового органа следуют из цели регулирования соответствующей налоговой процедуры.

В этом разрезе возникает вопрос о том, каковы последствия представления уточненной налоговой декларации после оформления акта налоговой проверки ранее представленной декларации, а именно: влечет ли в таком случае представление уточненной декларации прекращение проверки декларации, представленной ранее.

На настоящий момент единообразие в судебной практике по данному вопросу отсутствует.

Для начала для ответа на этот вопрос необходимо определиться с тем, в какой момент камеральная налоговая проверка считается завершенной.

Ранее Высшим арбитражным судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ) был выработан подход, согласно которому камеральная налоговая проверка считается завершенной после окончания всех предусмотренных законодательством действий и оформления ее результатов соответствующим решением, то есть момент завершения камеральной налоговой проверки был связан с моментом вынесения решения по итогам рассмотрения ее результатов [7]. При таком толковании положений НК РФ было возможно полагать, что до вынесения решения о привлечении к налоговой ответственности либо решения об отказе в привлечении к налоговой ответственности представление уточненной налоговой декларации должно влечь прекращение камеральной налоговой проверки ранее представленной декларации и начало проверки уточненной декларации.

Однако ФНС России заняла по этому вопросу иную позицию, согласно которой составление акта налоговой проверки влечет ее завершение, в связи с чем представление уточненной налоговой декларации не прекращает завершенную камеральную налоговую проверку ранее представленной декларации, а вынесение налоговым органом решения по результатам рассмотрения материалов такой проверки является обязанностью налогового органа [8].

Впоследствии вывод о том, что составление акта налоговой проверки влечет ее завершение, был поддержан Верховным судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) с важным уточнением. Так, в одном из своих отказных определений [9] ВС РФ, подтвердив выводы судов нижестоящих инстанций [10], указал, что представление уточненной налоговой декларации после составления акта налоговой проверки и его надлежащего вручения налогоплательщику не влечет отмену принятого впоследствии налоговым органом решения, поскольку

камеральная налоговая проверка была завершена в момент составления акта проверки и о её результатах налогоплательщик был уведомлен.

Таким образом, камеральная налоговая проверка ранее представленной налоговой декларации завершается составлением акта проверки и его вручением. По итогам рассмотрения ее материалов оформляется соответствующее решение, а в отношении уточненной налоговой декларации налоговым органом проводится новая камеральная налоговая проверка.

Тем не менее, изложенный выше подход, предложенный ФНС России и ВС РФ, был перенят некоторыми судами нижестоящих инстанций с корректировками.

Так, суды в настоящий момент также приходят к выводу о том, что представление уточненной декларации после составления акта проверки ранее представленной декларации не влечет ее прекращения, однако результаты камеральной налоговой проверки уточненной налоговой декларации, в случае ее завершения до вынесения решения по итогам рассмотрения ранее представленной декларации, в обязательном порядке должны учитываться при вынесении такого решения [11]. Иное, по мнению некоторых судов, является существенным нарушением положений п. 9.1 ст. 88 НК РФ и влечет отмену решения налогового органа, поскольку такое решение не позволяет достоверно установить размер действительной налоговой обязанности.

Существует и противоположная судебная практика, согласно которой суды, применяя положения НК РФ, исходят из того, что учет показателей уточненной налоговой декларации после составления акта налоговой проверки ранее представленной декларации, но до вынесения соответствующего решения, является правомочием налогового органа и осуществляется на его усмотрение, так как такая его обязанность не следует из положений НК РФ [12].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что на настоящий момент отсутствует спор относительно момента завершения камеральной

налоговой проверки для целей представления уточненной налоговой декларации: проверка завершается в момент составления акта налоговой проверки. В то же время суды, при определении последствий представления уточненной декларации после составления акта налоговой проверки, по-разному применяя положения общей части НК РФ, приходят к диаметрально противоположным выводам относительно необходимости учета налоговым органом показателей уточненной налоговой декларации при вынесении решения по результатам рассмотрения материалов проверки.

Так, в связи с вышеизложенным, предполагается, что даже несмотря на то, что представление уточненной налоговой декларации всегда коррелирует с представлением «первичной» налоговой декларации, она является самостоятельным основанием проведения камеральной налоговой проверки.

В обоснование такого вывода можно привести следующие аргументы.

Во-первых, проверка ранее представленной декларации прекращается в связи с представлением уточненной налоговой декларации, из чего следует, что уточненная декларация подлежит самостоятельной камеральной налоговой проверке, является ее основанием; более того, завершение камеральной налоговой проверки ранее представленной декларации не препятствует назначению камеральной налоговой проверки уточненной декларации.

Во-вторых, положения НК РФ предусматривают, что в случае, если уточненная налоговая декларация будет признана непредставленной в связи с допущенными при ее представлении нарушениями, камеральная налоговая проверка уточненной налоговой декларации прекращается, а камеральная налоговая декларация ранее представленной декларации возобновляется. Указанное никак не противоречит ранее изложенному, поскольку признание декларации непредставленной исключает наступление последствий в виде начала самостоятельной камеральной налоговой проверки уточненной декларации.

В-третьих, при камеральной налоговой проверке уточненной декларации объект проверки предсказуемо остается прежним, однако предмет меняется, в связи с чем камеральная налоговая проверка ранее представленной декларации и прекращается, а не продолжается с учетом вновь представленной уточненной декларации.

В-четвертых, выявление в ранее представленной декларации ошибок, приведших к занижению суммы налога, влечет возникновение у налогоплательщика обязанности по представлению уточненной налоговой декларации, невыполнение же обязанности по представлению уточненной налоговой декларации порождает самостоятельные последствия для налогоплательщика.

В-пятых, существенным при рассмотрении уточненной налоговой декларации как самостоятельного основания проведения камеральной налоговой проверки является также момент ее представления и коррелирующий с ним момент исполнения соответствующей обязанности. Момент представления уточненной налоговой декларации влияет как на возможность привлечения обязанного субъекта к ответственности, так и на освобождение от такой ответственности.

Из всего вышеизложенного следует, что, несмотря на то, что уточненная налоговая декларация является документом, цель представления и проверки которого совпадает с соответствующими целями представления и проверки «первичной» налоговой декларации, она является в первую очередь документом-основанием самостоятельной камеральной налоговой проверки, поскольку ее представление или непредставление порождает возникновение налоговых процедурных и обязательственных отношений, а также наступление для налогоплательщика соответствующих последствий: положительных – в виде освобождения от налоговой ответственности за ее представление после истечения срока подачи налоговой декларации, а также учета ее показателей при

вынесении решения по ранее представленной декларации; отрицательных – соответственно в виде привлечения к налоговой ответственности.

Список литературы:

1. Винницкий Д.В. Налоговое процедурное право и налоговый процесс: проблемы становления // Законодательство, 2003, N 2. С. 23-31.
2. Копина А.А. К вопросу о соотношении понятий «налоговый процесс» и «налоговая процедура» // Юрист, 2005, N 10. С. 14-17.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.01.2024) // СПС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Винницкий Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 397.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2005 N 9-П // СПС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2024).
6. Тютин Д.В. Налоговое право: курс лекций // СПС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2024).
7. Определение ВАС РФ от 23.03.2011 N ВАС-247/1 // СПС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.04.2024).
8. Письмо ФНС России от 20.11.2015 г. N ЕД-4-15/20327 // СПС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2024).
9. Определение ВС РФ от 15.10.2019 N 307-ЭС19-17471 по делу N А42-491/2022 // СПС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2024).
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.10.2022 Ф07-13771/2022 по делу N А42-491/2022 // СПС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2024).

11. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.11.2021 N Ф01-5463/21 по делу N А82-16008/2020 // СПС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2024).

12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2022 N Ф07-20224/22 по делу N А05-1943/2022 // СПС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2024).

УДК 347.73

Кряжевских Ксения Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

zvezda5361@mail.ru

Kryazhevskikh Ksenia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

**«ПОДЗАКОННОСТЬ» ФИНАНСОВОГО ПРАВА: РОЛЬ
ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ В ФИНАНСОВО-ПРАВОВОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ**

Аннотация: в данной статье автором анализируется роль интерпретационного правотворчества в финансово-правовом регулировании. Сделан вывод о том, что высокое значение интерпретационных актов обусловлено пробельностью финансового права. Выделены проблемы интерпретационного правотворчества.

Ключевые слова: интерпретационные акты, финансово-правовое регулирование, подзаконные акты, правотворчество, пробельность.

**FINANCIAL LAW WITHOUT LAWS: THE ROLE OF INTERPRETATIVE
ACTS IN FINANCIAL AND LEGAL REGULATION**

Annotation: in this article, the author analyzes the role of interpretative lawmaking in financial and legal regulation. It is concluded that the high value of interpretative acts is due to the lack of financial law. The problems of interpretative law-making are highlighted.

Key words: interpretative acts, financial and legal regulation, by-laws, lawmaking, the gap.

На протяжении длительного времени финансовое право остаётся одним из самых сложных объектов правового исследования, что обусловливается необычайной широтой и разнородностью его предмета. В этом смысле неудивительно, что даже вопрос о структуре и системе финансового права остаётся в доктрине *terra incognita*: даже если исследователь ставит перед собой задачу проанализировать и описать эту систему, он зачастую не получает конкретных исследовательских результатов. Другие исследователи, как представляется, чрезмерно «упрощают» задачу и не называют в системе финансового права подотрасли или институты, а ограничиваются перечислением факторов, которых необходимо учитывать при очерчивании его предмета и системы (финансы, собственность на них, публично-правовой характер финансовых отношений и т. д.) [1, с. 50]. Одно из наиболее комплексных представлений о системе финансового права содержится в трудах Д.В. Винницкого, который выделяет в ней такие подотрасли, как бюджетное право, налоговое право, банковское право, страховое право, валютное право, право расчётов, право финансов государственных и муниципальных предприятий и, наконец, право ценных бумаг [2], притом что включение последней из названных подотраслей в систему финансового права встречает в доктрине ожесточённое сопротивление [3].

На фоне изложенного неудивительно, что ввиду необъятности предмета финансового права и динамичного развития общественных отношений, которых оно призвано регулировать, финансовое право подвержено пробельности, а его нормативные предписания – рассогласованности. В связи с этим в плоскости финансового права крайне высока роль интерпретационного правотворчества, то есть правовых актов, обладающих нормативными свойствами и издаваемых в

упрощённом порядке уполномоченными органами исполнительной власти либо иными государственными органами. Высокий удельный вес данных актов в структуре финансового права является одной из актуальных проблем финансово-правового регулирования. Дело в том, что данные акты могут напрямую затрагивать права граждан, которые, как правило, выступают более слабой стороной в финансовых правоотношениях, например, налоговых. Однако такие акты могут противоречить федеральному законодательству и даже друг другу.

Сам по себе вопрос о правовом значении данных актов уже получил своё разрешение в российской правовой системе. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 31 марта 2015 года № 6-П фактически признал за письмами Федеральной налоговой службы нормативный характер, что, в свою очередь, повлекло за собой конкретное правовое последствие в виде возможности обжаловать указанные акты в порядке административного судопроизводства как нормативные (глава 21 КАС РФ). При этом ещё до вынесения этого постановления статья 34² Налогового кодекса России (*далее* – НК РФ) наделяла Министерство финансов Российской Федерации полномочиями по разъяснению налогового законодательства. Однако в настоящее время огромное значение имеют и разъяснения ФНС России, что наглядно видно на примере её разъяснений о применении положений статьи 54¹ НК РФ.

В доктрине отмечается, что такая ситуация чревата коллизиями, при которых финансовый и налоговый органы будут по-разному интерпретировать положения налогового законодательства. Несмотря на то, что доктрина усматривает в этом угрозу единообразию практики применения налогового законодательства [4], проблема является несколько преувеличенной. Она может быть разрешена, как представляется, с использованием двух следующих основополагающих начал:

во-первых, нужно помнить о том, что какие-либо неустранимые противоречия в актах законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (пункт 7 статьи 3 НК РФ);

во-вторых, Минфин России, будучи министерством, обладает компетенцией на осуществление нормативно-правового регулирования в финансовой сфере. Учитывая, что правовой статус его разъяснений получил своё отражение напрямую в НК РФ, очевидно, что его разъяснения должны обладать приоритетом над разъяснениями ФНС.

Высока роль интерпретационного правотворчества и в других подотраслях финансового права – в банковском праве и праве валютного регулирования, где доминирующее положение занимает Банк России. Как известно, в настоящее время нормативные акты Банка России издаются в трёх формах: инструкции, положения и указания. Между тем известно, что Банк России издаёт также письма, которые и вызывают споры относительно их правовой природы [5]. При этом обозначенная проблема не стояла бы настолько остро, если бы целый ряд писем Банка России не нёс фактически интерпретационный характер, то есть не являл бы собой по сути официальное толкование тех или иных положений законодательства, что получило особенно широкое распространение в сфере валютного регулирования и валютного контроля [6].

Кроме того, нельзя забывать о том, что акты Банка России в настоящее время являются одним из основных источников толкования антисанкционных мер, принимаемых указами Президента Российской Федерации в ответ на недружественные действия иностранных государств. Более того, судя по всему, нормативный характер могут приобретать даже ответы на часто задаваемые вопросы, которые Банк России периодически размещает на своём официальном сайте. В этом смысле крайне любопытен пример Управления США по контролю за иностранными активами (OFAC), которое нередко размещает на своём официальном сайте дайджесты и ответы на часто возникающие вопросы (FAQ).

Дело в том, что они не имеют реквизитов и иных атрибутов «формы права» как внешнего способа выражения правовых норм, однако при этом, согласно позиции американских судов, они всё же обладают нормативными свойствами в силу своей уникальности и особого положения OFAC в системе финансовых органов США [7].

Другой дискуссионный вопрос, являющийся, пожалуй, краеугольным камнем всей нормотворческой деятельности Банка России, состоит в месте его нормативных актов в системе действующего правового регулирования, в частности, о соотношении юридической силы его актов с иными подзаконными актами. Несмотря на то, что внешне данный вопрос представляется малоизученным, на что обращают внимание, например, М.М. Долгиева [8] и С.В. Львова [9], представляется целесообразным вместо пересмотра иерархии юридической силы многочисленных подзаконных актов, издаваемых в России, использовать стандартные теоретико-правовые начала разрешения нормативных коллизий (правила разрешения субстантивных и темпоральных коллизий, принцип *lex specialis derogat generali*, особенно учитывая, что предмет ведения Банка России, по которому он полномочен издавать нормативные веления, ограничен и всегда будет являться более специальным по отношению к подзаконным актам остальных государственных органов, издающих собственные подзаконные акты, а также другие принципы).

Однако проблема интерпретационного правотворчества имеет и другое измерение. Очевидно, что столь высокое его значение обусловлено пробельностью финансового (в частности, налогового) права, и в этом контексте единственным нормативным основанием разрешения тех или иных вопросов является исключительно разъяснение налогового органа. Так, обращает на себя внимание состав налогового правонарушения, предусмотренного пунктом 1 статьи 122 НК РФ. Противоправное деяние здесь состоит в неуплате или неполной уплате сумм налога, притом что данное положение содержит *numerous*

apertus способов и оснований, по которым бюджет недополучает налог или сбор («...в результате... других неправомерных действий (бездействия)»). В этой части можно согласиться с позицией С.Г. Пепеляева и Е.В. Овчаровой о принципиальной недопустимости такой широкой и абстрактной формулировки [10], поскольку это открывает дорогу, в том числе, к применению законодательства о налоговой ответственности по аналогии. Фактически это происходит в ситуациях, когда налоговый орган усматривает в действиях налогоплательщика попытку получения необоснованной налоговой выгоды. В то же время нормативная база состава необоснованной налоговой выгоды практически полностью отсутствует: налоговый орган ориентируется не на предписания законодателя, а на разъяснения ФНС России и соответствующие разъяснения Высшего Арбитражного Суда РФ, данные во многом *in abstracto* ещё до появления статьи 54¹ НК РФ [11].

Как видно, необычайная широта предмета финансового права не только является его «изюминкой», но и способна порождать серьёзные проблемы в нормотворческой и правоприменительной практике, сказывающиеся, в конечном счёте, на реализации конституционных прав и свобод граждан. При этом данные проблемы могут носить как глобальный (проблема высокого удельного веса интерпретационного правотворчества в финансовом праве), так и локальный характер.

Список литературы:

1. Пиликин Г.Г. О понимании предмета финансового права России с позиции структуры финансового права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 3 (13). С. 45–53.
2. Винницкий Д.В. Предмет и система финансового права на современном этапе // Правоведение. 2002. № 5 (244). С. 30–42.

3. Иншакова А.О., Гончаров А.И. Ценные бумаги как предмет финансово-экономического интереса и объект гражданско-правовых отношений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С.97–110.
4. Демин А.В. Официальные разъяснения фискальных органов в контексте определённости налогообложения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 63–73.
5. Самигулина А.В. Актуальные вопросы повышения эффективности банковской деятельности // Право и экономика. 2017. № 4. С. 5–11.
6. Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н. Нормативные акты центрального Банка Российской Федерации в области валютного контроля как источники финансового права // Информационная безопасность регионов, 2017. С. 39-43.
7. Court in the Northern District of Texas. Exxon Mobil Corporation (Exxon) v. Treasury's Office of Foreign Assets Control (OFAC). 2020.
8. Долгиева М.М. Криптовалюта в вопросах судебной практики // Современное право, 2018. № 12. С. 85–88.
9. Львова С.В. Квалифицированный инвестор: опыт, реальность и перспективы: монография // М.: Юстицинформ, 2020. 124 с.
10. Налоговое право: учебник для вузов. Т. 1 / Под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Пепеляев Групп, 2020. 796 с.
11. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 года № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // «Вестник ВАС РФ», № 12, 2006.

УДК 347.73

Пономарева Дария Андреевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт права и предпринимательства

Россия, Екатеринбург

dariya_ponomareva@bk.ru

Ponomareva Daria

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Law and Business

Russia, Ekaterinburg

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВОМЕРНОСТЬ УМЕНЬШЕНИЯ ЦЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРАКТА НА СУММУ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ ПОД ВЗГЛЯДОМ РАЗНЫХ ИНСТАНЦИЙ

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос справедливости и необходимости учета налога на добавленную стоимость в цене государственного (муниципального) контракта и его последующей уплаты поставщику (исполнителю), который не является плательщиком указанного налога из-за применения специальных налоговых режимов. Автор анализирует практику применения законодательства в этой области и дает рекомендации для поставщиков.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость, государственный контракт, упрощенная система, налогообложение, заказчик, поставщик.

THE FAIRNESS AND LEGALITY OF REDUCING THE PRICE OF A GOVERNMENT CONTRACT BY THE AMOUNT OF VALUE ADDED TAX UNDER THE GAZE OF DIFFERENT AUTHORITIES

Annotation: this article examines the issue of fairness and the need to take into account value added tax in the price of a state (municipal) contract and its subsequent payment to a supplier (contractor) who is not a payer of the specified tax due to the application of special tax regimes. The author analyzes the practice of applying legislation in this area and provides recommendations for suppliers.

Key words: value added tax, government contract, simplified system, taxation, customer, supplier.

Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее – Закон № 44-ФЗ) в Российской Федерации функционирует уже практически 11 лет. За это время накопилось множество правовых проблем, которые требуют однозначного разрешения на доктринальном уровне. Одной из таких проблем является спорный вопрос о правомерности уменьшения цены государственного (муниципального) контракта (далее – госконтракт, контракт) на сумму налога на добавленную стоимость (далее – НДС) для победителя аукциона, применяющего упрощенную систему налогообложения (далее – УСН), то есть не являющегося плательщиком НДС на основании ч. 2 ст. 346.11 Налогового кодекса Российской Федерации [2] (далее – НК РФ).

Дискуссионность проблемы обусловлена тем, что Закон № 44-ФЗ с одной стороны предусматривает, что условия участия в закупке равны для индивидуальных предпринимателей и обществ с ограниченной ответственностью, независимо от того, какой режим налогообложения они применяют. С другой стороны, тот же Закон № 44 - ФЗ в ст. 95 устанавливает императивное правило недопустимости изменения цены госконтракта как существенного его условия, за исключением некоторых случаев, перечисленных в ч. 1 указанной статьи в формате закрытого перечня.

Два этих нормативных элемента, несмотря на схожесть идей, на самом деле создают фундаментальное противоречие, поскольку разница применяемых налоговых режимов априорно ставит участников (поставщиков, подрядчиков) государственной закупки в неравное положение: если госконтракт выигрывает поставщик, находящийся на УСН, то выделенная сумма НДС в смете контракта к оплате не представляется, эта сумма считается его своеобразной прибылью. Это нарушает принцип конкуренции, закрепленный в ст. 8 Закона № 44-ФЗ, так как если бы тот же госконтракт выиграл поставщик, находящийся на общей системе налогообложения (далее – ОСНО), то выделенную сумму НДС он бы был обязан уплатить в бюджет.

Описанный пробел контрактного и налогового законодательства порождает наличие разнородной судебной и правоприменительной практики, а кроме того, непрекращающиеся дискуссии юристов и исследователей права о том, можно ли, а главное нужно ли считать неосновательным обогащением ту сумму НДС, которую поставщик на УСН получает в качестве дополнительной прибыли помимо основной сметной цены контракта?

Формально в данной проблеме следует выделить три вопроса:

1. Имеет ли правовое обоснование заказчик для уменьшения цены госконтракта на сумму НДС?

2. Должен ли поставщик на УСН, победивший в закупке, уплачивать НДС в бюджет?

3. Насколько признание части НДС в стоимости контракта для участника закупки, применяющего УСН, в качестве его прибыли соответствует принципу конкуренции с участником на ОСНО?

В поисках верного ответа на первый вопрос, стоит подчеркнуть, что в отношении него разные инстанции в основном сходятся в закономерном согласии: заказчик не имеет права уменьшать цену контракта на сумму НДС в случае, если его выигрывает поставщик, не имеющий обязанности уплачивать

НДС в силу применяемого специального налогового режима. Это обусловлено ч. 2 ст. 34 Закона № 44-ФЗ, содержащей правило о признании цены контракта твердой, не подлежащей изменению. Также данные выводы нашли свое подтверждение в многочисленной судебной практике, в частности в Определениях Верховного Суда Российской Федерации [3], [4]. Аналогичные выводы делают и нижестоящие суды [5].

Следует отметить, что в последнее время решения судов обладают более последовательной практикой поддержки налогоплательщиков по вопросу неправомерности уменьшения цены контракта на сумму НДС. Практика же Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее – ФАС РФ) напротив, не так однозначна. Так, например, 18 июня 2019 года ФАС РФ выпустила письмо, в котором указало на необходимость включать в проект госконтракта вариативное условие о цене "включая НДС / НДС не облагается" [6].

Однако, Верховный Суд Российской Федерации решением от 9 декабря 2019 года N АКПИ19-798 [7] признал указанное письмо ФАС недействительным с момента его принятия из-за превышения антимонопольным органом своих полномочий. Верховный Суд отметил, что данное письмо устанавливает обязательные правила, не предусмотренные законодательством, которые распространяются на широкий круг лиц и предполагают многократное использование. Но важно разобраться в логике принимаемого решения: суд признал недействительным именно форму акта в контексте несоответствия полномочиям ФАС РФ, а не само содержание. В то же время это не может свидетельствовать о согласии с позицией ФАС РФ, особенно учитывая, что на данный момент продолжают возникать подобные споры, в том числе на уровне Верховного суда, содержание которых однозначно. Так, например, в недавнем определении Верховного Суда Российской Федерации от 04 марта 2024 года № 306-ЭС24-2517 [8] помимо очередного подтверждения неправомерности

уменьшения цены контракта заказчиком на сумму НДС для поставщика, находящимся на УСН, было также указано и на природу той суммы НДС, которую поставщик не уплачивает в силу своего специального режима налогообложения. Так, Верховный суд заявляет, что для подрядчика, применяющего УСН, суммы НДС, уплаченные им при покупке товаров (работ, услуг), являются именно частью его издержек. Сумма НДС учитывается в стоимости товаров (работ, услуг), приобретаемых поставщиком на УСН. Это отчасти отвечает на вопрос касательно справедливости и необходимости уплаты поставщиком НДС. В данном контексте будет актуально апеллировать к статье Рахимова Э.Х. и Морина А.В. [9], в которой авторы напоминают, что правомерность исчисления и уплаты поставщиком в бюджет НДС не входит в компетенцию заказчика, а установленная цена контракта является всего лишь обязательством заказчика оплатить контракт в установленном размере при надлежащем его исполнении. Стоимость любой сделки подразумевает изначально лишь обязанность стороны сделки уплатить ее в полном объеме.

Если с вопросом об уменьшении цены контракта на сумму НДС все более или менее однозначно, то по вопросу обязанности уплаты данного налога поставщиком, применяющим УСН, существует более неоднородная практика.

Министерство финансов Российской Федерации неоднократно отмечало [10], что платить налог не потребуется, даже если в платежном поручении заказчик выделит НДС. Федеральная налоговая служба Российской Федерации (далее – ФНС РФ) придерживается подобного подхода, например, изложенного в Письме от 08.11.2016 № СД-4-3/21119@ [11]: обязанность у поставщика на УСН уплатить НДС в бюджет согласно положениям главы 21 НК РФ не возникает, даже если он принимает оплату в соответствии с условиями контракта, где выделена сумма НДС. В такой ситуации сумма НДС, которая учтена Заказчиком при определении цены, будет дополнительной прибылью участника закупки. Позиция Министерства экономического развития

Российской Федерации также схожа с позицией Министерства финансов Российской Федерации [12].

На уровне судебной практики в данном вопросе возникает больше разногласий. Так, Постановление Пленума ВАС РФ от 30.05.2014 № 33 [13], Определение ВАС РФ от 21.02.2012 № ВАС-1045/12 [14] декларирует обязанность уплаты НДС в бюджет даже в случае, если оплату по госконтракту принимает поставщик, находящийся на УСН. Однако в последнее время более распространены судебные решения [15][16], которые указывают на то, что указание в цене контракта НДС, не влечет безусловную обязанность для участника закупки на УСН по его уплате.

Рассуждения исследователей также не отмечается консенсусом в данном вопросе. Так, например, Костюкова А.В., Костюкова П.А. в своей статье “Государственный контракт и НДС: Актуальные вопросы судебной практики” [17] приходят к выводу о том, что учтенная в цене работ сумма НДС обязательна к уплате в бюджет вне зависимости от применяемой системы налогообложения, в таком случае не будет возникать неосновательного обогащения.

Если рассуждать о том, является ли сумма НДС в госконтракте неосновательным обогащением поставщика, находящегося на УСН, то возникает целая цепочка аргументов, представленных ниже.

Ситуация, когда поставщик на ОСНО уплачивает полученный в составе оплаты за выполнение госконтракта НДС в бюджет Российской Федерации, а поставщик на УСН эту же сумму получает в виде дополнительной прибыли (из-за отсутствия обязанности по уплате НДС), является формально несправедливой, поскольку противоречит принципу конкуренции в закупочных процедурах, закрепленному в ст. 8 Закона № 44-ФЗ. Первый участник закупки находится в более невыгодном положении по отношению ко второму на основании безотносительного критерия: выбранная система налогообложения. Это может в перспективе снижать мотивацию крупных компаний, имеющих репутацию и

трудовые, материальные ресурсы в определенной сфере (ведь переход на ОСНО связан отчасти и с большим уровнем выручки, что свидетельствует о значимости и востребованности субъекта бизнеса) к участию в государственных закупках, на финансирование которых выделяется ежегодно порядка 7% государственного бюджета [18]. Последний факт свидетельствует о востребованности работ в области государственных закупок.

Ко всему прочему, если поставку по государственному контракту выполняет поставщик, находящийся на ОСНО, то он уплачивает НДС в бюджет Российской Федерации, в отличие от поставщика, находящегося на УСН. Как справедливо отмечал в своей статье С.А.Черепанов [19] – одной из целей законодательства в сфере закупок, равно как и бюджетного законодательства, выступает экономия бюджетных средств, что следует из буквального толкования ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации [20] и ст. 6 Закона № 44-ФЗ. Таким образом, создание дополнительных льгот поставщику, находящемуся на УСН, при обильном наличии их и вне госконтракта, влечет за собой нарушение принципа экономии бюджетных средств.

Но в то же время следует упомянуть и об обратной стороне: требование уплаты НДС от участника, применяющего УСН, является явной дискриминацией прав поставщика, который находится на УСН, поскольку, если он в своей деятельности уплачивает НДС, то у него отсутствует право на его возмещение. Таким образом, у исполнителя, находящегося на УСН, обязанность уплаты НДС может присутствовать, а право на его возмещение - нет. Налоговая нагрузка в данной ситуации полностью ложится на исполнителя. При этом, обязанность уплатить НДС в бюджет прямым платежом есть ни что иное как двойное налогообложение. Экстраполируя данную ситуацию на поставщика, применяющего ОСНО, необходимо указать на то, что хоть у него и имеется обязанность по уплате НДС в бюджет из полученной оплаты по госконтракту, но вместе с тем у него имеется и возможность получить вычет в порядке,

установленным ст. 172 НК РФ. Это в какой-то степени выравнивает положение поставщиков, находящихся на разных системах налогообложения в отличие от ситуации, если бы выходом из проблемы законодатель посчитал наделением обязанности поставщика на УСН уплачивать НДС без права восстановления данной суммы.

Исходя из изученных позиций правоприменительных и контрольных органов относительно учета НДС в стоимости государственных (муниципальных) контрактов, я предлагаю выделить актуальные рекомендации для участников государственных закупок, применяющих специальный налоговый режим, исключаящий обязанность по уплате НДС в бюджет Российской Федерации.

В данном контексте я апеллирую к статье Абсолямова Р.Г. и Денисова А.А. “К вопросу об учете НДС в цене государственного (муниципального) контракта на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, заключаемого в целях обеспечения государственных (муниципальных) нужд” [21, с. 5], где в качестве рекомендации поставщику авторы указали на возможность направить заказчику протокол разногласий с приложением документов, подтверждающих освобождение от обязанности по уплате НДС. На практике данная модель поведения поставщика может иметь риски, поскольку в некоторых случаях может привести к наложению санкций, таких как включение его в Реестр недобросовестных поставщиков (далее – РНП), что и было предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 23 сентября 2019 N 306-ЭС19-15999 [22]. В указанном судебном решении отмечено, что направление протокола разногласий носит сугубо формальный и принципиальный характер, его незаключение не является основанием для одностороннего отказа от подписания контракта как со стороны заказчика, так и со стороны исполнителя. Следовательно, если заказчик уклоняется от заключения протокола разногласий, целью которого является исключить

формулировку “включая НДС” из проекта контракта, то следует подписывать контракт в том виде, в котором он был дан изначально, т.е. с учетом формулировки “включая НДС”, поскольку, как указал Верховный Суд в Определении выше, если заказчик указал цену с НДС, контракт должен быть заключен на этом условии.

Главной рекомендацией поставщику, способной обезопасить его от излишнего расходования денежных средств на оплату НДС, является невыставление заказчику счет-фактуру с выделенной суммой НДС, поскольку данное действие автоматически расценивается за демонстрацию готовности уплатить НДС, даже если поставщик такой обязанности не имеет в силу своего специального налогового режима. В силу ч.1 ст.169 НК РФ счет-фактура является документом, служащим основанием для принятия покупателем предъявленных продавцом товаров (работ, услуг), имущественных прав (включая комиссионера, агента, которые осуществляют реализацию товаров (работ, услуг), имущественных прав от своего имени) сумм налога к вычету в порядке, предусмотренном главой 21 НК РФ.

Если организация по собственной инициативе выставит заказчику счет-фактуру с выделенной суммой налога, в дальнейшем она будет обязана перечислить сумму налога в бюджет, что подтверждает Постановление Конституционного Суда РФ от 03.06.2014 N 17-П [23]. Хотя Тютин Д.В. в “Налоговое право: Курс лекций” [24] рассуждает о том, что если налогоплательщик УСН ошибочно уплатит НДС в бюджет, он сможет его вернуть без каких-либо особенностей, поскольку данный налог он в общем случае уплачивать не обязан. Однако в настоящее время не возникало судебных решений в пользу налогоплательщика на УСН, который случайно бы уплатил сумму НДС, выделив ее в счет-фактуре заказчику, поскольку незнание официально опубликованного закона не освобождает от ответственности за его несоблюдение, как следует из ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации

[25], поэтому налогоплательщику будет сложно доказать именно ошибочность уплаты НДС.

В завершение статьи следует рассмотреть указанную проблему более глобально, в доктринальных категориях и их связях. Необходимо констатировать неочевидный пробел контрактного и налогового права, заключающийся в противоречии норм о равенстве всех участников государственной закупки, независимо от выбранной системы налогообложения, и одновременно об усеченном налоговом бремени участника, находящегося на упрощенной системе налогообложения. Указанная коллизия совокупности норм из разных отраслей права свидетельствует о том, что на данный момент принцип конкуренции, заключающийся в обеспечении равных условий для всех участников закупки, функционирует слабо. Законодателю предстоит окончательно закрепить решение данного вопроса в нормативно-правовых актах во избежание расширительного и ограничительного толкования существующих норм участниками закупки.

Список литературы:

1. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2024).
2. Налоговый кодекс РФ (часть 2) 05.08.2000 года N 117-ФЗ // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2024).
3. Определение Верховного Суда РФ от 26.06.2015 N 306-КГ15-7929 по делу N А65-16826/2014 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

4. Определение Верховного Суда РФ от 25.08.2016 № 310-КГ16-10142 по делу № А14-14925/20152 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

5. Постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.06.2016 № Ф08-3551/2016 по делу № А53-24060/20153, от 21.07.2016 № Ф08-4781/2016 по делу № А32-32818/2015 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

6. Письмо Федеральной антимонопольной службы от 18.06.2019 г. № ИА/50880/19 "О разъяснении положений Федерального закона № 44-ФЗ в части заключения государственного контракта с победителем закупки, применяющим упрощенную систему налогообложения" // СПС "КонсультантПлюс". <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.03.2024).

7. Решение Верховного суда РФ от 09.12.2019 г. № АКПИ19-798 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04 марта 2024 года № 306-ЭС24-2517 по делу № А57-15888/2020 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

9. Рахимов Э.Х., Морин А.В. НДС в контрактной системе: проблемы правоприменения // Вестник УЮИ. 2020. №2 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nds-v-kontraktnoy-sisteme-problemy-pravoprimeneniya> (дата обращения: 30.03.2024).

10. Письмо Минфин РФ от 18.11.2014 № 03-07-14/58618, от 11.09.2020 г. № 24-01-07/80101, от 05.03.2020 г. № 24-01-08/16632, от 07.05.2020 г. № 24-01-06/36900, от 28.02.2020 г. № 24-01-06/14838 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

11. Письмо ФНС России от 08.11.2016 № СД-4-3/21119@ // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

12. Письма Минэкономразвития России от 11.04.2016 г. N Д28и-900, от 29.07.2015 г. N ОГ-Д28-10154, от 16.07.2015 г. N Д28и-2217 // СПС "КонсультантПлюс". URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2024).

13. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.05.2014 N 33 "О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость" // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2024).

14. Определение ВАС РФ от 21.02.2012 N ВАС-1045/12 по делу N А40-131937/10-59-1153 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2024).

15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.05.2019 N 305-ЭС19-391 по делу N А40-88142/2018 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2024).

16. Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2019 № 306-ЭС19-15999 по делу № А12-25318/2018 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2024).

17. Костюкова Алина Владимировна, Костюкова Полина Алексеевна Государственный контракт и НДС: Актуальные вопросы судебной практики // Управленческое консультирование. 2017. №3 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-kontrakt-i-nds-aktualnye-voprosy-sudebnoy-praktiki> (дата обращения: 02.04.2024)

18. Gozakaz.ru [Электронный ресурс] // URL: <https://gozakaz.ru/likbez-zachey-schet-zakupayut-tru-po-44-fz-i-po-223-fz/>.

19. Черепанов С.А. Освобождение от уплаты НДС в рамках специального налогового режима как возможное препятствие для участия лица в закупках, проводимых с целью обеспечения государственных и муниципальных нужд // Налоги и налогообложение. 2019. N 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-uplaty-nds-v-ramkah-spetsialnogo->

nalogovogo-rezhima-kak-vozmozhnoe-prepyatstvie-dlya-uchastiya-litsa-v-zakupkah
(дата обращения: 03.04.2024).

20. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

21. Абсолямов Р.Г., Денисова А.А. К вопросу об учете НДС в цене государственного (муниципального) контракта на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, заключаемого в целях обеспечения государственных (муниципальных) нужд // Налоги. 2021. N 4. С. 5

22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.09.2019 N 306-ЭС19-15999 по дел № А12-25318/2018 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.06.2014 N 17-П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 6 и 7 статьи 168 и пункта 5 статьи 173 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Торговый дом "Камснаб". // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

24. Тютин Д.В. Налоговое право: Курс лекций // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

25. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

УДК 336.22

Попов Георгий Денисович

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт права и предпринимательства

Россия, Екатеринбург

giapd@bk.ru

Popov Georgii

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Law and business

Russia, Ekaterinburg

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 54.1 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ ПИСЬМА ФЕДЕРАЛЬНОЙ
НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ ОТ 10.03.2021 ГОДА**

Аннотация: в статье приводятся основные подходы к статье 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации, которые сложились в правоприменительной практике и нашли своё отражение в Письме ФНС от 10 марта 2021 года; анализируются ключевые положения Письма на предмет их соответствия последующей судебной практике, а также дается авторская оценка рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: налоговая реконструкция, техническая компания, НДС, налог на прибыль, экономическая обоснованность, фактический исполнитель, расчётный метод.

**TAX CODE OF RUSSIAN FEDERATION ARTICLE 54.1 APPLICATION
PROBLEMS IN LIGHT OF THE FEDERAL TAX SERVICE LETTER DATED
MARCH 10, 2021**

Annotation: the article presents the main approaches to Article 54.1 of the Tax Code, which have developed in law enforcement practice and are reflected in the Letter of the Federal Tax Service dated March 10, 2021; the key provisions of the Letter are analyzed for their compliance with subsequent judicial practice, and the author's assessment of the issues under consideration is given.

Key words: tax reconstruction, technical company, VAT, income tax, economic feasibility, actual performer, calculation method.

Статья 54.1 в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее – НК РФ, Кодекс) появилась в 2017 году и с тех пор вокруг ее толкования и применения ведутся ожесточенные споры.

Ученые и практики, в частности, спорят о том, насколько оправданно столь частое применение данной статьи налоговыми органами в рамках осуществляемых ими контрольных мероприятий.

Так, по мнению Д.В. Винницкого, доктрина обхода налогового закона, воплощенная в ст.54.1 НК РФ, является экстраординарным инструментом правового регулирования, который должен приводиться в действие лишь в строго ограниченных случаях, когда имеются реальные признаки создания схемы по уклонению от уплаты налогов. В остальных же случаях, которых подавляющее большинство, подлежат применению иные регулятивные нормы налогового законодательства [10, с. 44 - 57].

10 марта 2021 года Федеральная налоговая служба (далее – ФНС, налоговая служба) опубликовала Письмо № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации».

Документ вызвал широкий общественный резонанс среди специалистов - учёных и практиков в сфере налогового права. Как следует из преамбулы Письма, правовые позиции, в нем отраженные, сформированы «по итогам

мониторинга правоприменительной практики, в том числе судебного разрешения споров» [1].

Действительно, читая разъяснения, мы видим ссылки на судебные акты Конституционного и Верховного Судов последних лет, и даже цитирование положений Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 53 от 12.10.2006 г. (далее – ПП ВАС РФ № 53), впервые систематизировавшего подходы судов к оценке обоснованности налоговой выгоды.

С учетом того, что Письмо было опубликовано в публичном доступе, очевидно, его положения представляют собой официальную позицию ФНС по вопросу толкования ст.54.1 НК РФ и в силу централизованного характера организации деятельности налоговой службы в РФ подлежат применению всеми нижестоящими налоговыми органами. Данное обстоятельство должно учитываться налогоплательщиками при оценке налоговых последствий совершаемых ими действий.

С момента принятия Письма прошло уже чуть больше года. Ввиду этого большой интерес представляет вопрос: как суды восприняли этот документ? Поддержали ли они правовые подходы, сформулированные в Письме?

Для ответа на обозначенные выше вопросы проанализируем некоторые, наиболее интересные положения Письма и сопоставим их с правовыми позициями судов по наиболее знаковым делам, рассмотренным после 10 марта 2021 года.

Итак, обратимся к пп.10, 11 и 17-17.2 Письма. Здесь ФНС попыталась ответить на злободневный вопрос: вправе ли налогоплательщик, вступивший в отношения с недобросовестным контрагентом («технической компанией»), рассчитывать на реконструкцию его налоговых обязательств по налогу на добавленную стоимость (далее – НДС) и налогу на прибыль? Иными словами, должен ли налоговый орган в такой ситуации определить действительный размер налоговой обязанности налогоплательщика?

Судебная практика [2], сложившаяся до принятия рассматриваемого Письма, исходит из принципа экономической обоснованности налогообложения, закрепленного п. 3 ст. 3 НК РФ, в силу которого объем прав и обязанностей налогоплательщика определяется исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции [3]. По сути, это означает, что налогоплательщик должен уплатить налоги в таком размере, как если бы он не злоупотреблял своими правами.

А что же говорит нам Письмо? Так, по мнению ФНС, нереальная операция не влечет за собой налоговых последствий, в том числе в виде возможности получения налоговой выгоды, что прямо следует из п. 1 ст. 54.1 НК РФ, запрещающего уменьшать налоговую обязанность в случае искажения сведений о фактах хозяйственной жизни. Если же в реальности операции сомнений нет, для целей соблюдения подп. 2 п. 2 ст. 54.1 НК РФ подлежит установлению лицо, осуществившее фактическое исполнение по сделке.

Но что, если фактический исполнитель неизвестен?

Здесь ФНС предлагает определять форму вины налогоплательщика: умысел, в том числе его знание о «техническом» характере контрагента, наличие цели неправомерного уменьшения налоговой обязанности или же неосторожность в виде непроявления должной осмотрительности при выборе контрагента. При умышленной форме вины налоговая реконструкция не проводится ни по НДС, ни по налогу на прибыль, а при неосторожной – НДС вычету не подлежит, а расходы по налогу на прибыль определяются расчетным методом (подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ).

Проблема применения расчётного метода – способа расчёта налоговых обязательств исходя из рыночных цен – была затронута в деле Камского завода ЖБИК [4], где суд признал возможность применения подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ (при этом в самом судебном акте ссылки на данную норму не было, однако мотивировка суда свидетельствует именно о ее применении) в случае

неизвестности реального исполнителя и вне зависимости от того, имел ли место умысел плательщика на уклонение от уплаты налогов.

Стоит заметить, что эта позиция была сформирована задолго до вступления в силу ст. 54.1 НК РФ. С учётом этого правоприменителю следует относиться к ней весьма критически как не позволяющей в должной мере отграничить последствия намеренного уклонения и неосторожного поведения.

А что по этому поводу думали суды в 2021 году? Знаковым делом по вопросу применения расчетного метода является спор с участием фирмы «Мери» [5].

В данном деле Верховный Суд Российской Федерации (далее - ВС РФ) полностью разделил мнение ФНС (без ссылки на Письмо) о необходимости применения подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ в случае неизвестности реального поставщика ввиду неоявления налогоплательщиком должной осмотрительности при выборе своего контрагента.

По сути ВС РФ расширительно истолковал данную норму, распространив сферу ее регулирования не только на случаи противодействия налоговому контролю, прямо упомянутые в норме (недопуск инспекторов на территорию налогоплательщика, непредставление документов, отсутствие бухгалтерского и налогового учёта), но и на ситуацию получения необоснованной налоговой выгоды и необходимости оценки действий налогоплательщика по правилам ст. 54.1 НК РФ.

При этом неразрешенным остается вопрос о соотношении подп. 2 п. 2 ст. 54.1 и подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ, а именно о том, нет ли догматических препятствий для применения расчетного метода при неизвестности реального исполнителя, если подп. 2 п. 2 ст. 54.1 НК РФ прямо обуславливает возможность получения налоговой выгоды исполнением обязательства лицом по договору с налогоплательщиком или контрагентом налогоплательщика?

Эту проблему видит, в частности, Попкова Ж. Г. По ее мнению, «действенным являлась бы законодательная инициатива о внесении соответствующих изменений в ст. 54.1 НК РФ, например, с указанием того, что расходы по подоходным налогам в условиях применения ст. 54.1 НК РФ должны предоставляться по правилам подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ» [11, с. 62 - 72].

Действительно, цель расчетного способа – определить действительные налоговые обязательства исходя из экономического содержания документально не подтвержденных, но реальных финансово-хозяйственных операций. С учетом этого п. 10 ПП ВАС №53, косвенно подтверждающий необходимость отказа в расходах и вычетах НДС при установленном факте реального исполнения сделки, но неизвестности исполнителя, противоречит основополагающему принципу налогового права, закрепленному п. 3 ст. 3 НК РФ.

Последствия непроведения «налоговой реконструкции» в тех случаях, когда она необходима, приводят к тому, что налогоплательщик уплачивает налогов больше, чем ему положено.

Проблема состоит в том, что налоговые органы, применяющие в рамках контрольных мероприятий положения ст. 54.1 НК РФ, понимают эти нормы как охранительные, т.е. определяющие состав налогового правонарушения, санкцией за которое является доначисление налогов в результате отказа в налоговой выгоде (расходах по налогу на прибыль и вычетах НДС, например), при том, что ст. 54.1 НК РФ текстуально находится в главе 8 Кодекса, посвященной вопросам исполнения налоговой обязанности, т.е. носит регулятивный характер. Составы же налоговых правонарушений содержатся в специальной главе 16 Кодекса.

Косвенно такой подход к данной норме подтверждается в одном из Писем ФНС [9].

Выходит, что налогоплательщик, уличенный в получении необоснованной налоговой выгоды, фактически дважды привлекается к ответственности: в виде отказа в вычетах и расходах и штрафа по п. 1 или п. 3 ст. 122 НК РФ.

Такая практика, очевидно, не соответствует цели ст. 54. 1 НК РФ как общей антиуклонительной нормы, хоть и направленной на борьбу с налоговыми злоупотреблениями, но предполагающей необходимость определения действительного налогового обязательства [12, с. 22 - 25].

Таким образом, в каждом конкретном споре суду необходимо глубоко анализировать фактические обстоятельства дела, определять роль налогоплательщика в схеме по уклонению и на основе этих данных принимать решение о возможности налоговой реконструкции и её масштабах.

Интересным в контексте проблемы налоговой реконструкции является вопрос о возможности ее проведения в отношении НДС.

Позиция, устоявшаяся в судебной практике [6], заключается в том, что реконструкция по НДС невозможна, поскольку положениями п. 1 ст. 169 и п. 1 ст. 172 НК РФ установлены специальные правила приобретения налогоплательщиком права на указанные вычеты.

Очевидно, в данном случае имеется в виду необходимость наличия счёта-фактуры, которого у налогоплательщика, попавшего в схему по неосмотрительности, или ее организовавшего, но не желающего раскрыть фактического исполнителя, как правило, нет.

ФНС в рассматриваемом Письме, говоря о возможности вычетов по НДС, предлагает различать две ситуации: когда реальный поставщик известен и когда он неизвестен.

В первом случае, говорит ФНС, налогоплательщик как при наличии умысла, так и при неосторожности вправе рассчитывать на вычеты исходя из параметров операций с реальным исполнителем. Во втором – вычеты не предоставляются в силу косвенного характера налога, очевидно, имея в виду, что

в силу неизвестности реального исполнителя невозможно установить факт декларирования и уплаты им НДС в бюджет.

Таким образом, в Письме налоговой службой впервые официально признана возможность реконструкции по НДС, а судебная практика эту идею поддержала.

Так, в деле общества «Спецхимпром» [7] ВС РФ подтвердил необходимость проведения налоговой реконструкции исходя из параметров реальных операций как по налогу на прибыль, так и по НДС.

Идея необходимости реконструкции по НДС абсолютно здравая, ведь, по сути, для целей определения действительного размера налоговых обязательств не имеет значение характеристика налога в качестве прямого или косвенного.

Интересно то, что ФНС в Письме не ссылается на отсутствие сформированного источника НДС как основание для отказа в его вычете покупателю [8].

Более того, в п. 21 Письма указано на то, что налогоплательщик не отвечает за нарушения налогового законодательства контрагентами первого и последующего звеньев в ситуации, когда он проявил должную осмотрительность при выборе своего непосредственного контрагента и не знал (не должен был знать) о нарушениях налогового законодательства предыдущими контрагентами. При таких обстоятельствах он вправе рассчитывать на получение вычета.

Иными словами, даже если реальный поставщик известен и есть документы по операциям с ним, налогоплательщику может быть отказано в вычете в случае, если в цепочке формирования добавленной стоимости, в которую входит такой поставщик, есть «технические компании», о которых знал налогоплательщик.

В целом можно сказать, что Письмо дало верный толчок к формированию практики, обеспечивающей баланс частных и публичных интересов.

К положительным моментам Письма, с нашей точки зрения, можно отнести признание права на налоговую реконструкцию (в том числе по НДС).

Особенно хочется отметить п. 20 Письма, который признал возможность учета расходов и вычетов по документам со спорным контрагентом в случае, если налогоплательщик при его выборе проявил должную осмотрительность, не знал и не мог знать о его «техническом» характере.

Более того, ФНС в такой ситуации не видит и состава налогового правонарушения (п. 1 и п. 3 ст. 122 НК РФ).

Положительную оценку данному пункту Письма дает А. В. Брызгалин. По его мнению, отсутствие сговора и должная осмотрительность – главные составляющие рецепта беспроблемной работы бизнеса в современных сложных экономических условиях [13, с. 16 - 25].

Что касается учета формы вины налогоплательщика при определении последствий получения необоснованной налоговой выгоды, подход, на наш взгляд, весьма оправданный.

Однако в условиях того, что «действующее законодательство РФ не содержит сложившейся целостной системы методов разграничения налогового планирования и уклонения от уплаты налогов» [14, с. 52- 59], налоговому органу зачастую достаточно трудно вне всяких разумных сомнений нормативно обосновать умысел плательщика. При этом, для доказывания неосторожности уже самому налогоплательщику необходимо «занимать активную процессуальную позицию» [15, с. 85 - 89].

Вместе с тем, учет формы вины позволяет не допустить ситуаций извлечения выгоды из незаконного и недобросовестного поведения, но такое разграничение не должно приводить к нарушению базового принципа налогового права – экономической обоснованности налогообложения.

Список литературы:

1. Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
2. Определение ВС РФ от 30.09.2019 по делу № А05-13684/2017 // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 03.07.2012 № 2341/12 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 11.
5. Определение ВС РФ от 19.05.2021 по делу № А76 46624/2019 // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
7. Определение ВС РФ от 15.12.2021 по делу № А40-131167/2020 // СПС «Консультант Плюс».
8. Определение ВС РФ от 25.01.2021 по делу № А76-2493/2017 // СПС «Консультант Плюс».
9. Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
10. Винницкий Д. В. Добросовестность, обоснованность выгоды, пределы осуществления прав, или Как российское налоговое право оказалось на передовых рубежах борьбы со злом, гнездящимся в налогоплательщиках // Закон. 2018. № 11. С. 44 - 57.

11. Попкова Ж. Г. Статья 54.1 НК РФ, налоговая выгода и расчетный метод определения суммы налога: проблемы взаимодействия // Вестник арбитражной практики. 2018. № 5. С. 62 - 72.

12. Харитонов И. В. Применение расчетного метода при недобросовестности налогоплательщиков // Налоги. 2020. № 3. С. 22 - 25.

13. Брызгалин А. В., Мачехин В. А., Шевелёва Н. А. и др. Злоупотребление правами налогоплательщика: грядет перезагрузка? // Закон. 2021. № 4. С. 16-25.

14. Винницкий Д. В. Проблемы разграничения налогового планирования и действий, направленных на уклонение от налогообложения // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 52-59.

15. Раков И. А. Распределение бремени доказывания по спорам о правовой квалификации налоговыми органами доходов и операций налогоплательщика // Бизнес, Менеджмент и Право. 2016. № 3-4. С. 85 - 89.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 343.326

Фам Ньы Хан

Академия народной безопасности Вьетнама

Кафедра профессиональных основ

Вьетнам, Ханой

nik.fam.89@mail.ru

Pham Nhu Han

People's Security Academy

Department of Professional Fundamentals

Vietnam, Hanoi

О ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ ВО ВЬЕТНАМЕ

Аннотация: с развитием технологий жизнь постепенно меняется, переходя от реального мира к киберпространству. Кроме того, встают вопросы о том, как защитить человека в киберпространстве. Фейковые новости, дезинформация и безопасность персональных данных угрожают безопасности человека. С правовой точки зрения, оцениваю степень совершенствования вьетнамского законодательства в отношении безопасности человека в киберпространстве. С тех пор, предложу ряд решений для улучшения нормативных актов, повышения эффективности применения законодательства и поддержки безопасности человека во время цифровой трансформации.

Ключевые слова: киберпространство, законодательство, безопасность, личность, безопасность человека, персональные данные.

GUARDING PERSONAL SAFETY IN VIETNAM'S CYBERSPACE

Annotation: as technology advances, life progressively shifts from the physical world to cyberspace. Concerns over an individual's safety online also surface. Human security is threatened by misinformation, fake news, and the security of personal data. I evaluate the extent to which Vietnamese law has improved in terms of human security in cyberspace. Since then, I have put up many suggestions to strengthen laws, boost the efficiency of the police, and promote human security during the digital transition.

Key words: cyberspace, legislation, security, personality, human security, personal data.

В современной быстро развивающейся цифровой эпох использование киберпространства стало неотъемлемой частью повседневной жизни людей. Однако эти изменения вызывают новые проблемы с безопасностью и защитой личных данных. Закон стал мощным инструментом для обеспечения безопасности человека в киберпространстве.

О безопасности человека в киберпространстве

Безопасность человека означает защиту основных прав человека от вмешательства или опасности. Такая защита позволяет людям и обществу жить мирно и развиваться. Безопасность человека включает в себя следующие характеристики:

Во-первых, безопасность человека всеобъемлющая. Существуют различия в уровне и характере угроз безопасности человека в этом и других местах несмотря на то, что разные страны развиваются по-разному, и угрозы безопасности человека различаются в каждой стране. Однако эти угрозы существуют и имеют тенденцию увеличиваться по всему миру.

Во-вторых, все элементы, создающие, влияющие и влияющие на безопасность человека, связаны, зависят друг от друга и меняются друг с другом. Когда людям угрожают проблемы, такие как бедность, болезни, наркотики,

этнические конфликты, религия или конфликтные войны, мир в целом будет затронут.

В-третьих, необходимо предотвращать риски и элементы, влияющие на безопасность человека, на раннем этапе, используя предотвращение, а не профилактику. Это требует, чтобы все семьи и каждый человек были ответственны за предотвращение и борьбу с угрозами безопасности человека, а также общество, национальное государство, международные организации, регион и весь мир.

В-четвертых, безопасность человека является приоритетом для большинства государств-этнических групп. Люди, люди и люди в конечном счете отвечают за безопасность мира, национальной безопасности, социальной безопасности, сообщества и человека [1, с. 24].

Безопасность человека и права человека тесно связаны друг с другом и влияют друг на друга. По сути, обеспечение безопасности человека в семи формах также включает обеспечение соответствующих прав человека. Напротив, целью защиты и поддержки соответствующих прав человека также является внедрение и обеспечение семи различных форм безопасности человека. Кроме того, как безопасность человека, так и права человека стремятся к демократическим принципам и институциональному развитию в обществах, чтобы гарантировать безопасность и права человека [2, с. 45].

Научно-техническая революция принесла в киберпространство повседневность.

Закон о кибербезопасности 2018 года определил «Киберпространство» как связанные сети инфраструктуры информационных технологий, такие как телекоммуникационные сети, сети Интернет, компьютерные сети, информационные системы, системы обработки информации и управления, базы данных и место, где люди совершают социальные действия, не ограниченные пространством и временем. Отличительные черты киберпространства включают

следующее: (i) оно распространяется по всему миру, а не ограничено географическим пространством; (ii) лица, участвующие в нем, не скрываются, и (iii) оно является «открытым» и интерактивным, создавая среду для обмена информацией и открытого доступа к информации. [3].

Таким образом, безопасность человека в киберпространстве можно определить как защиту основных прав человека от нарушений и угроз, возникающих в телекоммуникационных сетях, Интернете, компьютерных сетях, информационных системах, системах обработки информации и управления ими, а также в базах данных.

Вьетнамский закон о обеспечении безопасности человека в Интернете в настоящее время

В Резолюции XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама проблема безопасности человека была подтверждена и подчеркнута. Во Вьетнаме особое внимание уделяется защите безопасности человека в киберпространстве. На безопасность человека влияют киберпреступность, проблемы с персональными данными и права человека в киберпространстве. Вьетнамские законы в основном предназначены для обеспечения безопасности человека в Интернете. Несколько юридических документов, таких как:

Во-первых, Закон о кибербезопасности 2018 года, принятый на 5-й сессии 14-го Национального собрания, состоит из 07 глав и 43 статьи и регулирует основные вопросы кибербезопасности для информационных систем национальной безопасности; предотвращение и устранение нарушений кибербезопасности; осуществление деятельности по защите кибербезопасности; и определение обязанностей учреждений, организаций и частных лиц. В Законе о кибербезопасности 2018 года определены следующие виды деятельности, угрожающие безопасности человека: использование Интернета для проституции, социальных зол и торговли людьми; распространение непристойной, развратной и криминальной информации; разрушение

национальных обычаев, социальной этики и здоровья сообщества; подстрекательство, соблазнение и подстрекательство других к совершению преступлений; использование или злоупотребление кибербезопасной деятельностью с целью посягательства на суверенитет, интересы, национальную безопасность, социальный порядок и безопасность, законные права и интересы организаций, организаций и отдельных лиц или получения прибыли.

Закон о кибербезопасности также требует, чтобы соответствующие организации и частные лица в киберпространстве соблюдали технические меры, чтобы предотвратить и устранить нарушения кибербезопасности. В то же время этот закон также регламентирует отчетность и обработку кибербезопасных инцидентов.

Во-вторых, Уголовный кодекс 2015 года (далее – УК)

В разделе 2, главе XXI УК 2015 года указано, что преступные группы в области информационных технологий и телекоммуникационных сетей. В частности, законы, касающиеся безопасности человека, включают следующее: незаконное предоставление или использование информации о компьютерных сетях и телекоммуникационных сетях (статья 288); незаконное использование компьютерных сетей, телекоммуникационных сетей и электронных устройств для присвоения имущества (статья 290); незаконный сбор, хранение, обмен, торговля и опубликование информации о банковских счетах (статья 291). За преступления, связанные с информационными технологиями и телекоммуникационными сетями, максимальная наказание составляет двадцать лет лишения свободы. Это относится к использованию компьютерных сетей, телекоммуникационных сетей или электронных устройств для совершения актов присвоения имущества. Кроме того, некоторые дополнительные преступления, связанные с безопасностью человека в Интернете, включают: использование демократических свобод с целью ущемления интересов государства, законных прав и интересов организаций и отдельных лиц (статья 331) [4].

В-третьих, Указ 13/2023/ND-CP о защите персональных данных

Персональные данные имеют решающее значение для цифровой трансформации, поскольку они непосредственно влияют на всех, кто работает в Интернете. Указ 13/2023/ND-CP появился после долгого времени, оставив вопросы о защите персональных данных открытыми. Указ подробно описывает, что такое персональные данные, как их классифицировать и как их обрабатывать, а также права и обязанности провайдеров, держателей и специализированных агентств.

Кроме того, Вьетнам принял еще несколько административных санкций для обеспечения безопасности человека в киберпространстве. Некоторые из них, например, Указ 72/2013/ND-CP, регулирующий управление, предоставление и использование интернет-услуг и онлайн-информации, и Указ 174/2013/ND-CP, наказывающий за административные нарушения в области электронных коммуникаций.

Ограничение некоторых прав человека в Интернете является одной из тенденций, которую вьетнамское право использует для защиты безопасности человека. Например, ограничить свободу выражения мнений в Интернете, чтобы предотвратить злоупотребление правом на свободу выражения мнений для распространения ложной информации, оскорбления чести и репутации других. Пункт 2 статьи 14 Конституции Вьетнама 2013 года [5], а также международные документы, такие как Всеобщая декларация прав человека Организации Объединенных Наций 1948 года (статья 29) [6], Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года (статья 19) [7] и другие, ограничивают это право.

Кроме того, Нгуен Минь Чинь, директор Департамента кибербезопасности и предупреждения преступности и использования высоких технологий Министерства общественной безопасности, заявил, что за прошедшее время Министерство общественной безопасности выявило сотни лиц и организаций,

причастных к акту продажи персональных данных. Он также подчеркнул, что специальное постановление о защите персональных данных, изданное недавно, вызывает тревогу по поводу безопасности персональных данных в Интернете. Миллиарды персональных данных, включая множество конфиденциальных внутренних персональных данных, составляют самый большой объем незаконно собранных и проданных персональных данных [8, с. 13].

Сегодня обсуждается вопрос об обеспечении безопасности человека в киберпространстве. Законы постепенно меняются, чтобы соответствовать реальным потребностям. В центре внимания были кибербезопасность, киберпреступность и защита персональных данных. Уровень готовности вьетнамских правоохранительных органов к защите безопасности человека в киберпространстве и их эффективность. Вьетнамское законодательство в первую очередь направлено на обеспечение безопасности человека в киберпространстве. Тем не менее, правоприменение и совершенствование нормативных актов все еще отстают.

Во-первых, из-за быстрого развития технологий и постоянно меняющейся ситуации с безопасностью в Интернете вьетнамское законодательство часто требует времени для обновления и обеспечения соблюдения. Это может привести к нехватке защиты сети и данных пользователя. Например, статья 290 Уголовного кодекса 2015 года включает в себя перечень правонарушений, связанных с присвоением имущества с использованием компьютерных сетей, телекоммуникационных сетей и электронных устройств. Преступность становится все более сложной, хитрой и непредсказуемой. С другой стороны, следовать определенному процессу для оформления нового юридического документа требует большого количества времени, и законы не могут сильно измениться в течение определенного периода времени. Время, необходимое для изменения закона, должно быть достаточным, чтобы люди поняли, поняли и подчинились закону. Таким образом, закон может выполнять свои обязанности.

Таким образом, создание законов, основанных на этих методах листинга, отстает от прогресса и не может включать в себя весь состав преступного деяния, что может привести к бездействию преступлений и проступков, не соответствующих воле законодателя [9].

Во-вторых, национальные стандарты кибербезопасности часто зависят от культурных, политических и социальных институтов. Это приводит к несогласованности и трудностям в управлении несанкционированной сетевой деятельностью. В настоящее время кибербезопасность зарубежных социальных сетей, таких как Facebook и YouTube, все еще сталкивается с рядом проблем.

В-третьих, из-за разнообразия и сложности кибератак правоохранительные органы имеют ограниченные возможности. При этом постоянно появляются новые технологии, которые делают выявление и преследование преступников более сложным.

В-четвертых, правила, касающиеся защиты безопасности человека в Интернете, не были четкими и понятными. Вьетнам столкнулся с проблемами и возможностью злоупотреблений со стороны властей, которые ограничивают права человека. Это связано с тем, что права на обеспечение безопасности человека были ограничены только в Конституции, а не в других законах.

Решения по улучшению законодательства Вьетнама о обеспечении безопасности человека в киберпространстве

Вьетнаму необходимо принять ряд важных решений, чтобы улучшить законы о защите безопасности человека в Интернете. Некоторые элементы, которые необходимо учитывать:

Во-первых, полные, четкие и подробные нормативные акты, касающиеся защиты человека в киберпространстве, включая обнародование нормативных актов об ограничении прав человека для обеспечения безопасности человека в киберпространстве, ужесточение административных наказаний и изменения уголовного законодательства для соответствия новым технологиям.

В первую очередь, повышение осведомленности населения о безопасности человека в киберпространстве. Чтобы повысить осведомленность людей об опасностях, стоящих перед онлайн-безопасностью, и о том, как они могут защитить себя в киберпространстве, необходимы курсы, семинары и кампании по распространению информации.

В-третьих, улучшение технологий и создание национальных сетей в соответствии с вьетнамским законодательством для обеспечения безопасности человека.

В-четвертых, эффективное обнаружение, предотвращение и реагирование на кибератаки улучшается за счет обучения высококачественных человеческих ресурсов в области кибербезопасности.

В эпоху цифровой эры люди переместились из традиционных мест в киберпространство, что вызвало проблемы с безопасностью человека. В статье рассматриваются современные тенденции и состояние вьетнамского законодательства в области защиты безопасности человека в Интернете, дается оценка уровня совершенства и предлагаются решения для создания прочной правовой базы, способствующей обеспечению безопасности человека в Интернете в соответствии с Резолюцией 13-й Партии.

Список литературы:

1. Чан Вьет Ха, Безопасность человека в контексте глобализации, Национальное политическое издательство «Правда», 2020 г., с. 24.
2. Фам Тхи Тхань, Безопасность человека - международно-правовые аспекты и вьетнамская практика, дисс., Ханойский юридический университет, 2022 г., с.45.
3. Luật An ninh mạng 2018 nước Cộng hoà xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số 24/2018/QH14 ngày 12/06/2018/ Закон Социалистической Республики Вьетнам о кибербезопасности 2018 г., № 24/2018/QH14 от 12.06.2018 г.// [Электронный

ресурс]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Cong-nghe-thong-tin/Luat-an-ninh-mang-2018-351416.aspx> (Дата обращения: 20.03.2024)

4. Bộ luật hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 100/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №100/2015/QH13, 27 ноября 2015 года. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx> (Дата обращения: 24.03.2024)

5. Hiến pháp nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, ngày 28.11. 2013 /Конституция Социалистической Республики Вьетнам 28 ноября 2013 года. <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx> (Дата обращения: 24.03.2024)

6. Всеобщая декларация прав человека, [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 24.03.2024)

7. Международный пакт о гражданских и политических правах, [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml#:~:text=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%2019,%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%20%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BF%D1%8F%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B8%D1%85%20%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9. (Дата обращения: 26.03.2024)

8. Буй Ле Хьеу, Обеспечение безопасности человека в киберпространстве с юридической точки зрения во Вьетнаме, Адвокатский журнал, № 1, 2024 г., с. 13.

9. Lừa đảo chiếm đoạt tài sản trên không gian mạng - Thực trạng và giải pháp [Электронный ресурс]. URL: <https://tapchitoaan.vn/lua-dao-chiem-doat-tai-san-tren-khong-gian-mang-thuc-trang-va-giai-phap9284.html> (Дата обращения: 26.03.2024)